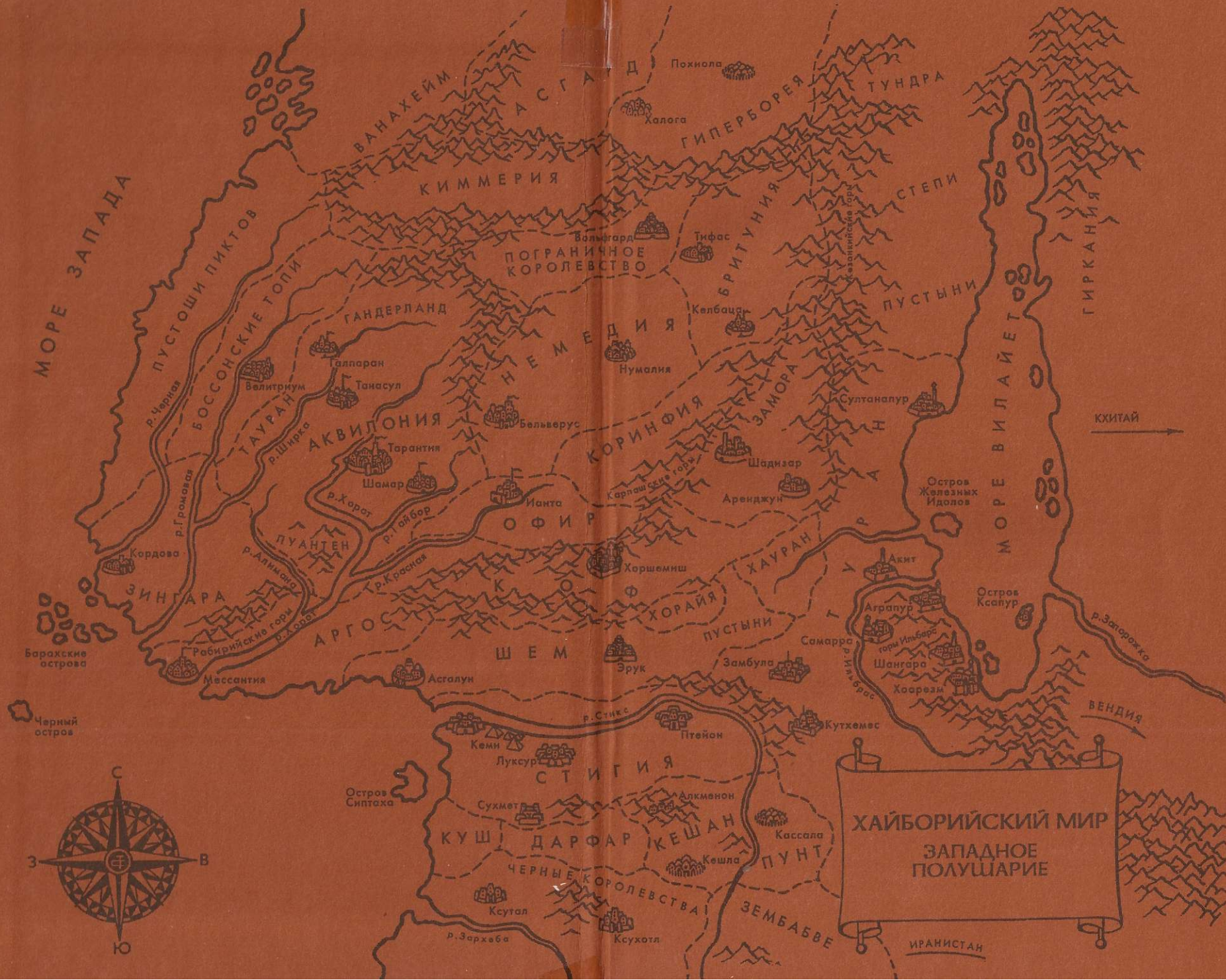

КОНАН И КОРОНА МИРА

Северо-Зонад®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ

БОССОНСКИЕ ГОТЫ

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ТАУРАН

Валитриум

Галпаран

Танасул

Тарантия

Шамар

Ианта

Хоршемиш

Эрук

Замбула

Самарра

Агралур

Шангара

Хорезм

Остров Ксанур

Остров Железных Идолов

Остров Баракских островов

ХАЙБОРИЙСКИЙ МИР
ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ
ИРАНИСТАН

© 1999 **КОНАН**

КОНАН И КОРОНА МИРА

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

Серия основана в 1992 году

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора.*

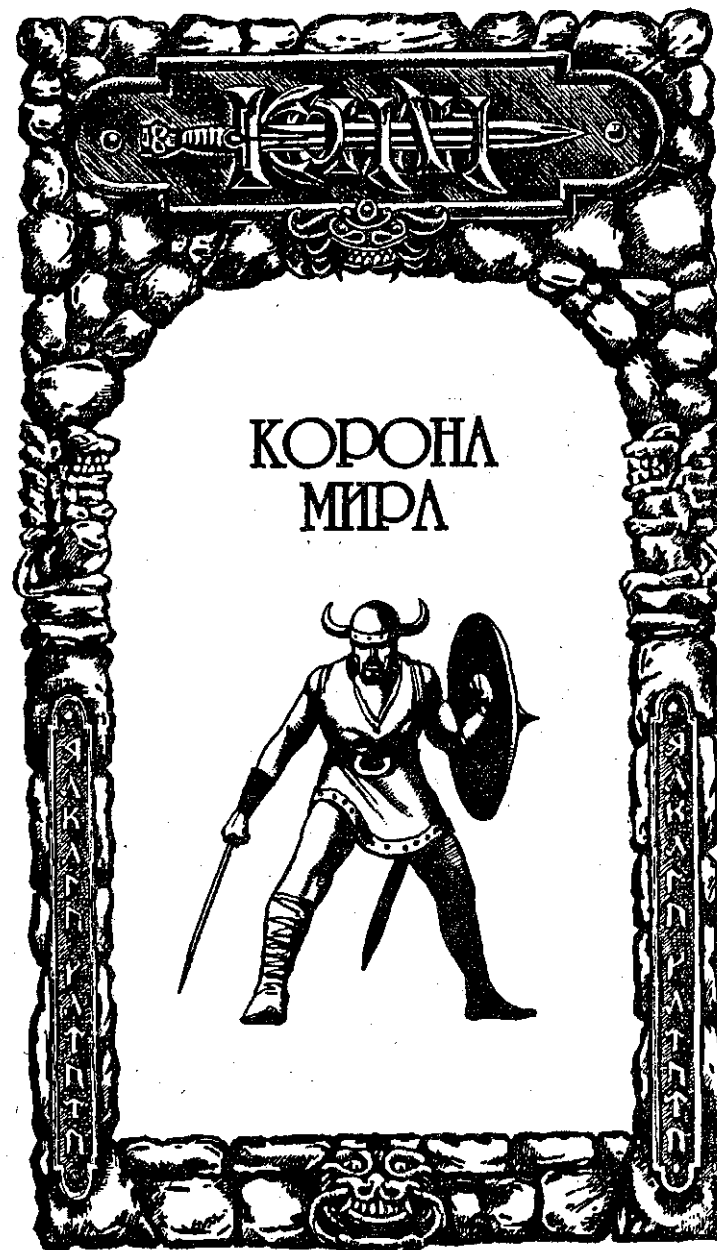
К64 Конан и корона мира: Романы.— СПб.: Се-
веро-Запад, 1999. — 496 с.

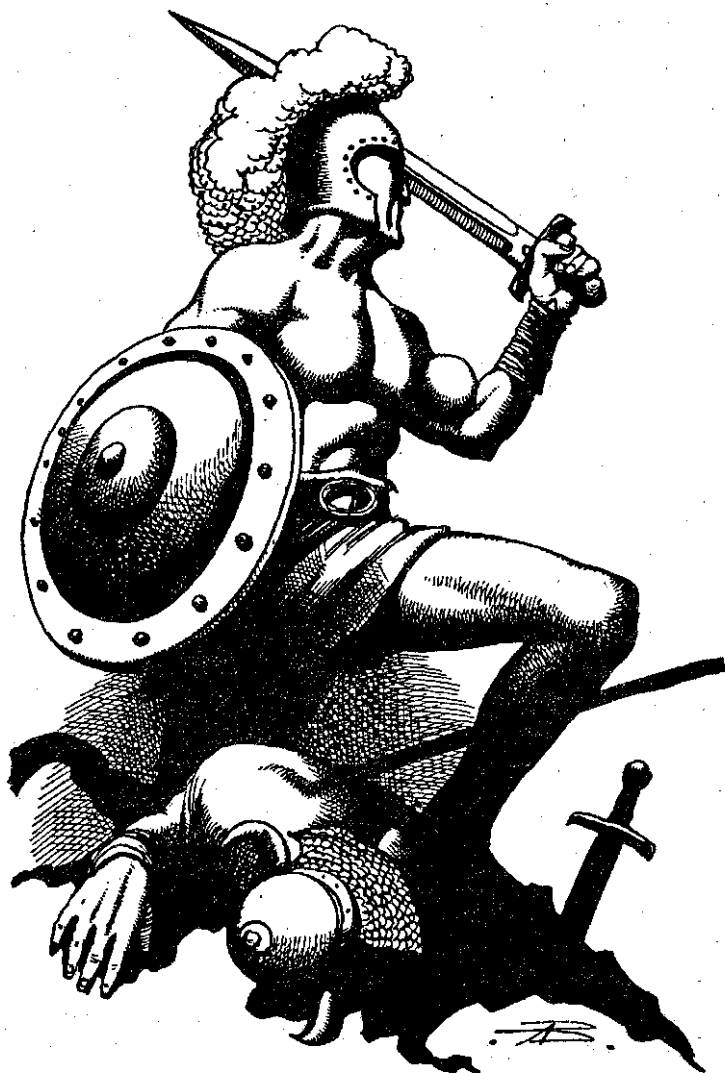
ISBN 5-87365-067-5

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1995
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ISBN 5-87365-067-5

Глава первая¹

брушившийся на пушу ливень загнал путников в грот. Костер пришлось развести в центре, а люди расположились вдоль стены. Проем был довольно широк и плохо защищал от пронизывающего ветра, быстро выдувавшего из-под свода тепло, но дождь в пещерку не проникал.

Заготовленное в достатке топливо горкой сухого дерева было сложено здесь же, в пещере, недостижимое для влаги. На углях пеклись яйца и крупная, нагулявшая жир в отсутствие хищников, рыба. Серый камень, впервые за несчетные темные годы согретый теплом огня, надменно и хитро поблескивал полированной поверхностью, являя зрителям свои загадочные фигуры и знаки.

От пиктов не прятались. «В такую непогоду дикари сидят в своих шалашах, ибо считают, что в пуще в этот час безраздельно властвуют злые ду-

¹ Первую книгу дилогии «Хозяин Океана» читайте в томе «Конан и Хозяин Океана».

хи», — авторитетно заявил Арриго. При мысли о том, что ненастье может продлиться долго, всякая охота разговаривать исчезала.

Арриго не давало покоя близкое соседство волков. Военачальник сталкивался с серыми четвероногими на охоте и большого удовольствия от этих встреч не испытывал. Волк в воображении военачальника рисовался страшным хищником, злобным, сильным, хитрым и безжалостным, готовым убивать все, что попадется на глаза, и убивающий по возможности. По крайней мере пастухи рассказывали о волках именно так.

Однажды на охоте, где принимал участие Арриго, пытались отловить для зверинца волчье семейство. Преследовали зверей специально собранные со всей Зингары егеря и загонщики с лучшей сворой матерых псов. Но изловить волков так и не удалось. Волчица и крупный матерый самец ушли, словно растаяли. Пять растерзанных собак, егерь с порванным горлом и второй егерь, жестоко укусанный, — вот и весь итог охоты. «Волк — это главная опасность для Зингары, — решили придворные. — Это даже хуже, чем Аргос». На этот раз Арриго полностью согласился с общим мнением.

Военачальник посмотрел в серую мглу и клубящийся в ущельях туман. До захода еще было время, но здесь уже стояли сумерки. И оттуда прямо на него смотрела пара горящих желтых глаз. Арриго не сразу понял, кто пришел к ним на огонек, а едва обрел дар речи, закричал так, словно бы вел войска в последнее решительное наступление:

— Волки!

Глаза немедленно и совершенно бесшумно исчезли, зато люди всполошились, словно куры, к которым ночью забралась лисица. Рослый Деггу забыл, что потолок довольно низок, и со всего маху ударился о гранитный свод головой. Спасла ли моряка шапка курчавых черных волос, или же череп его по крепости не уступал камню, но Деггу отделался тем, что просидел на корточках довольно долго, схватившись за голову и поминая каких-то своих богов с непроизносимыми именами.

Все схватились за мечи и горящие ветки, каждый миг ожидая атаки свирепых зверей, но мгновения текли и утекали вместе с каплями дождя, а волки все никак не нападали.

— Арриго, а тебе не померещилось? — осмелился спросить наставника Родригес-старший. — Может, это был всего лишь отблеск костра?

Арриго открыл было рот, чтобы указать молодому человеку на то, что он неопытен и плохо знает жизнь, но протяжный леденящий вой, усиленный, несмотря на дождь и туман, эхом в лабиринтах ущелий, стал лучшим ответом.

Волки по-прежнему не показывались, но теперь дремоту как рукой сняло. Моряки, особенно аргосцы и жители жаркого юга — Мегисту и Деггу, — имели о волке самое расплывчатое представление, но Арриго сравнил зверя с акулой, что оказало на слушателей должное действие. Вообще говорил теперь в основном Арриго, потчуж остальных сведениями о волчьем нраве. Родригесы припомнили еще несколько рассказов, слышанных от своих

крестьян, в которых волк представал во всем блеске своей злости, жадности и коварства. Потом Арриго заявил, что они с Деггу так и не нашли ни единой лазейки, откуда могли бы явиться на тропу волки. Немедленно было высказано соображение, что они встретились не иначе как с оборотнями, которым должно быть раздолье в этом гиблом месте.

В конце концов в сознании у Деггу сложился образ шестилапого льва с мордой собаки, челюстью крокодила и двумя хвостами, из коих один венчался скорпионьим жалом. Такого могучего зверя несомненно стоило опасаться, и Деггу молил всех известных ему богов, не исключая Митру и Сета, чтобы встреча с сим хищником, если уж таковой не миновать, произошла как можно позже.

А время шло. Вот и дождь прекратился, вот и небо разъяснилось, вот последние бледно-розовые лучи коснулись вершин, и день быстро погас. Донато терпел долго, но жажда и естественные потребности тела не внимали голосу разума. Волчий вой неоднократно тревожил людей, заставляя пристально всматриваться в скрывающую неизвестность завесу дождя и последовавшей за ним тьмы, но сами звери у входа в пещеру больше не показывались.

— Арриго, ты как хочешь, а я осквернять наш приют не стану,— прервал аргосец очередной пассаж военачальника о разнообразных мерзких тварях, подстерегающих человека в пуще на каждом шагу.— Да и пить я хочу,— прибавил моряк и решительно направился наружу, в непроглядную ночь.

— Погоди,— остановил его Бруно, вооружаясь обломком весла — Я провожу тебя.

— Ладно,— Донато недоверчиво глянул на весло.— Только на этот раз не промахнись.

Моряки вышли в безвидную неизвестность ночи, а остальные, пребывая начеку, смотрели вслед смельчакам.

Донато почти завершил отправление естественных потребностей, когда впереди на тропе послышался сухой отчетливый шорох и негромкий стук. Сомнений быть не могло — это осыпались под чьими-то шагами мелкие камни. Но кто мог бродить в столь неурочный час? Только волки!

— Волки! — воскликнули в один голос Донато и Бруно, но прерваться Донато был не в силах, и ему оставалось только ждать своей участи. Бруно, не бросив товарища, впери в темноту испуганно-яростный взгляд. Дубинка из весла угрожающе замерла в его сильных и ловких руках.

— Если я — волк, то вы уж точно бараны,— ответил «волк» человеческим голосом.

— Оборотень! — прошептал Бруно и приготовился к смертельной схватке.

Но соперник на сей раз оказался посерьезнее. Из тьмы сгустился высокий жилистый мужчина в странном одеянии. Мелькнул сжатый кулак, и Бруно, неловко взмахнув руками, повалился навзничь, увлекая за собой Донато, коему невзначай опять угодил веслом по виску.

— Евсевий, да они тут совсем распустились! — изрек мужчина.— Дозора нет, оружие как у мужланов, орут какую-то ерунду. Волков боятся...

Мужчина потормошил испуганного до бледности Бруно.

— Бруно, это ты, что ли? Вставай! Это я, Майлдаф. Где остальные? Все живы?

Бруно только теперь осознал, что перед ним телохранитель Конана. Он сел и, ясно глядя в глаза склонившемуся над ним горцу, четко ответил:

— Все.

— Майлдаф, вот видишь, мы не зря старались,— заговорил приятный густой баритон, и из-за спины горца показался не менее высокий, но гораздо более импозантный молодой мужчина с густой, аккуратно подстриженной бородой, модной прической и правильными чертами аристократического лица. Узрев «благородного», Бруно встал, отряхнувшись, как шелудивый пес, приосанился и произнес приветственное слово:

— Месьор Евсевий. Ведь это вы месьор Евсевий? Ага, а я-то все думал, что вы — это и есть месьор Евсевий. Вот как все складно. Месьор Евсевий, у нас тут... В общем, Мегисту нашел такую штуку... Ну, вроде камень. Серый. А на нем всяких... Этих самых... Букв всяких. Я-то неграмотный сам, а Мегисту — он знает. Но ничего не понял, дубина. И боцман наш тоже. То есть, не тоже дубина, но вроде того... Не понял, то есть. Вот мы и хотели, чтобы вы, месьор Евсевий, значит, поглядели. Боцман наш, Серхио, то есть, говорит, что там про золото написано. А прочесть никак. Беда, месьор Евсевий.

Вероятно, Бруно мог бы долго вот так изъясняться, если бы Евсевий не поспешил прийти к нему на помощь с присущим аквилонцу вежеством.

— Дорогой друг, поскольку у вас имеется столь насущная и вместе с тем столь волнительная просьба, судить о чем я могу по изысканному изъяснению вашему, то, как и приличествует подданному королевства Аквилонского, а более того как велит мне долг чести дворянина и ученого, не премину оказать вам всевозможную доступную по малым силам моим помощь и тщусь надеждою, что усилия наши не пропадут втуне.

Ошеломленный услышанной тирадой, Бруно отступил, пропуская Майлдафа и Евсевия вперед. Горец сделал шаг и немедленно запнулся о лежащего Донато, оглушенного падением и повторным предательским ударом весла.

— А говоришь, все живы! — озлился телохранитель аквилонского монарха, желавший дополнить чем-нибудь предыдущую скромную трапезу и привлекаемый, как и волки, ароматом запеченной в углях рыбы. — Трупы валяются прямо у тебя под носом!

— От дохлой акулы слышу, вынужден тебе заметить, почтенный, — натягивая штаны до уровня, полагаемого правилами приличия, и поднимаясь, высказался Донато.

— Ого! — обрадовался Майлдаф. — В этом промозглом сиде умеют беседовать по-человечески! Эта морда старого тургарта — я правильно назвал тебя, уважаемый? — осведомился Бриан у Донато, — оказывается, жива и даже говорит!

В отличие от горца, Донато бывал в Черных Королевствах, видел живого тургарта не один раз и даже имел удовольствие откусать жаркого из

этого прелестного животного в избранном обществе одного из тамошних царьков, пробавлявшегося работорговлей.

Тем временем затаившиеся в гроте Арриго со-товарищи уразумели, что Донато и Бруно столкнулись отнюдь не с волками и даже не с оборотнями, и дружно высыпали наружу. Первым подошел на выручку своему лучшему собеседнику Серхио.

— Кто смеет оскорблять Донато, лучшего среди всех отбросов с помоек Мерано? Не ты ли, завсегдатай выгребных ям Тарантии? — обратился он к Майлдафу, ничуть не смущаясь тем, что перед ним приближенный Конана.

Все прочие замерли в ожидании реакции Бриана: нрав горца был непредсказуем, он мог и меч пустить в ход, как только что пустил в ход кулак, но перепалка продолжалась.

— Я смею, ты, дерьмо кушитского козла, — упреков руки в бока и заткнув пальцы за пояс, отвечивал Майлдаф. — И указываю тебе, что буду поступать так и впредь, почтенный.

Серхио разозлился, а злость — дурной советчик.

— Любовник морской ведьмы... — начал боцман, но Бриан не дал ему договорить.

— И неоднократно, — согласился он. — Ведьмы — моя слабость, почтенный. Какие это женщины! Настоящие ведьмы! За что-то я им нравлюсь. А ты — нет?

Серхио был сбит с толку и затруднился с ответом. И «да» и «нет» прозвучали бы нелепо.

— Нет... — начал он.

— Не уподоблюсь, — сказал, как отрубил, Бриан. — О чем говорить с тем, кто не ценит женскую прелесть? Сомнительно после этого называть тебя почтенным. Ты, скорее, непочтенный, что несомненно. К тому же мы хотим есть. Военачальник Арриго, нас накормят? — продолжил Майлдаф не терпящим возражений тоном дворцового распорядителя.

Арриго в изумлении воззрился на Майлдафа: даже для королевского телохранителя тот вел себя вызывающе. К тому же самого Конана покуда видно не было, и это настораживало. Военачальник собрался заявить об этом, но ему не дали сказать.

— Донато, если ты не будешь достаточно вежлив с этим месьором, твой брат в Мерано вычислит все выгребные ямы собственным языком. Бесплатно. — Вслед за Евсеем из темноты возникли еще двое. Градоначальника Мерано здесь знали все, и говорил сейчас он. — Мой указ о твоём аресте тоже не отменен, так что советую прикусить язык.

Обстановка становилась неприятно накаленной, поскольку Сотти обычно выполнял свои обещания.

— Месьоры, нам не стоит спорить, — счел нужным вмешаться Полагмар. Барон, встав между спорящими сторонами, своей внушительной фигурой перегородил тропу.

— В столь трудный час, когда король Конан вынужден заниматься нашим спасением, героически сражаясь в одиночку против массы врагов, нам не следует способствовать им, — с пафосом продолжил он.

Вряд ли моряки с «Полночной звезды» прониклись и воодушевились сими речами, однако новость о том, что Конан покинул отряд и бродит неведомо где по лесам в гордом одиночестве, отрезвила всех с быстротой молнии.

— Конан ушел? Один? — не понял Арриго. — Как же это случилось?

— Вот с этого я бы и предпочел начать нашу светскую беседу, поскольку необходимо определить, куда направить далее стопы наши. Добрый Бруно известил меня, что нашли вы чудесный камень с древними письменами. Могут ли я его увидеть?

Мягкий располагающий баритон Евсевия действовал завораживающе, о чем сам владелец упомянутого баритона был прекрасно осведомлен. Отказать в просьбе, выраженной в подобной форме, было затруднительно, и аквилонца немедленно провели к камню.

Увидев плиту из серого гранита, тарантиец тут же бросил к стене лук и, не вспомнив даже о вожделенной еде, попросил разрешения не беспокоить его, пока он не придет к какому-нибудь решению.

— Какой уютный сид! — воскликнул Майлдаф, входя в грот. — После этих мокрых скал, набитых доверху туманом и волками, я чувствую себя почти как дома.

— Вы видели волков? — осторожно спросил Конти, восхищенно рассматривая этих четверых, возникших из сырой ночной мглы, с мечами, обгабренными кровью врагов.

— Их, пожалуй, не увидишь! — усмехнулся Майлдаф, протягивая руки к огню. — Попадают за каж-

дым поворотом, точно у них тут сборища, как у пиктов на озере!

— И они вас не съели? — удивленно расширив глаза, спросил Деггу.

— Меня? Меня и дракон-то не съел, не то что волки. Подавятся! — осклабился Майлдаф.

Словно в опровержение этой гнусной лжи совсем близко раздались рычание и повизгивание, за которыми последовал громкий, выразительный и долгий вой.

Все немедленно замолчали и замерли, ухватившись за рукояти мечей. Все, кроме четверых новоприбывших.

Барон Полагмар недоуменно уставился на Арриго, находящегося на привале в панцире и при звуках волчьего воя выхватывающего из ножен боевой меч.

— Почему вы все так боитесь волков? — осведомился гандер. — Уверю вас, это очень милые животные. Только лютой и студеной зимой я бы не советовал встречаться с ними в чаще одному...

— Милые животные?! — возопил военачальник, и даже кончики усов у него гневно встопорщились. — Да известно ли тебе, любезнейший, каковы у них клыки?!

— Разумеется, — спокойно отвечал Полагмар. — У меня в замке над камином висит голова отличного самца, а на псарне живут волчата. Я подобрал их, когда по недоразумению подстрелил их мать.

— И что с ними будет потом? — глядя на барона, как на умалишенного, задал вопрос Родригес-младший.

— Отпущу в лес, разумеется, когда вырастут,— развел руками барон, не находя в сказанном ничего удивительного.

— Так ты совсем не боишься волков, месьор? — не веря своим ушам, проговорил Деггу, вконец сбитый с толку столь разноречивыми сведениями о волке.

— Ну да, в пределах разумной осторожности,— растерянno отозвался гандер, не вполне понимая, что хотят от него услышать эти ненормальные.

— Расскажи нам про волков, месьор! — с жаром попросил Деггу.— Это правда, что...

— Правда,— прервал его сердитый Арриго.— Раз уж барон не страшится волков, это его дело. Я лишь замечу, что риск хорош, когда он оправдан, а отнюдь не ради забавы. А теперь я хотел бы знать, почему с вами нет короля, и как теперь вы намерены отсюда выбираться?

— Слышу разумные речи,— насмешливо заметил месьор Сотти.— В Кордаве всегда отличались принятием верных решений, пусть и немного запоздалых. Если любезный Майлдаф согласится,— поспешил продолжить Сотти, не давая возможности военачальнику вставить ответное словцо,— он поведает...

— Поведает,— согласился горец.— Евсевий сделал бы это лучше, но вы тогда ничего не поймете. Дело было так...

Когда Майлдаф закончил, настала тишина. Случай с рассерженным тургартom немало всех позабавил, но отсутствие Конана пугало. Если уж ак-

вилонский король, исходивший весь мир без ущерба для себя, не сумел пробиться к ним через кордон дикарей, то как сумеют они преодолеть расстояния, не пройденные никем и никогда?

Майлдаф, однако, не выказывал видимых признаков растерянности. Доев рыбу и вытерев руки, горец собрался, по всей видимости, почивать.

— Отряди кого-нибудь в дозор,— посоветовал он военачальнику.— Пиктов здесь нет, но кто знает?

— Отпускать человека в ночь, где, сам говоришь, полно волков? — возмутился зингарец.— Нет, я этого не сделаю. Изволь, ступай сам, если тебе так хочется.

— Волки, волки...— изможденно простонал Бриан.— Да люди украдут у тебя все, включая жизнь, в самом королевском дворце среди белого дня быстрее, чем стая волков среди зимы!

— Ну да,— поддержал его Сотти.— Волки бескорыстны. Их занимает лишь собственно твоя персона, зато твои деньги и поместья их не волнуют. А что случилось с тобой во дворце?

— Да уж случилось, почтенные.— Майлдаф потянулся до хруста в суставах.— Два года назад месьор Коннахт послал меня гонцом в Тарантию, к королю Конану. Вот уж не людское селение, а скопище мерзких сидов! Но сейчас я не о том. У меня был отличный пегий конь, Стедди. Видел я всяких коней. Среди них были прекрасные скакуны, но они, несомненно, верблюды по сравнению со Стедди. Отец всегда мне говорил, что пить надо при всяком удобном случае и как можно больше и чаще, но в меру. Его меру я знаю, мне такую не

осилить, но ведь надо же к чему-то стремиться в жизни?

Выпивал я с одним гандером, который назвался королевским поверенным. Он и действительно оказался поверенным, но все равно он меня обманул, потому что проснулся я в повозке, гордо именуемой колесницей, на полпути обратно в Темру. Но речь не обо мне, а о людской скарედности.

Мой любимый пегий Стедди остался в дворцовой конюшне, это Хорса помнил точно. Он вообще помнит все, даже когда много выпьет. Как, впрочем, и наш король. Но о нем речь уже шла. Когда я возвратился в Тарантию, был уже поздний вечер. Хорса с графиней поехали во дворец, а я пошел в таверну. Но центр Тарантии — это ужасная провинция! Все таверны были закрыты! Тогда я постучал в одну, и когда хозяйка сонным голосом — голос, впрочем, был довольно мил — спросила: «Кто там?», я ответил, что желаю выпить нордхеймского пива. На это она стала довольно умело браниться и в конце сказала, что от таких клиентов у нее нет отбоя целый день, а сейчас и вовсе ночь на дворе. Тогда я позвенел золотом, что было у меня в кармане, и дабы она уверилась, что я имею кое-что заплатить, показал ей деньги через окошечко в двери. Она тут же защебетала, обещала лучшего вина и принялась громко звать мужа, который спал наверху, чтобы он будил слуг и накрывал на стол.

Выпили мы тогда славно, да и хозяйка оказалась очень любезной и услужливой и к тому же небезобразной.

Таковы людская алчность и сребролюбие, — заключил Бриан. — А если бы на улице были стужа и ненастье, а у меня действительно не было бы ни гроша? Так бы и замерз на пороге, как последний бродяга и пьяница.

— Погоди, а при чем тут лошадь? — не понял Сотти.

— Стедди?! — переспросил Майлдаф. — Как это «при чем»? Я же говорю, что Хорса с графиней поехали во дворец. Утром, когда я пришел туда, Хорса встретил меня сам. По его виду я догадался, что ночью он занимался в общем тем же, чем и я, но про коня он не забыл. Оказалось, что злодеи конюхи воспользовались отсутствием Хорсы и свели Стедди на торг, где и продали конокрадам, хотя наш железный канцлер Публий выдал жалованье вовремя. Деньги Хорса, разумеется, у них отобрал, а негодяев рассчитал и уволил, но Стедди ко мне так и не вернулся!

— Печальная и поучительная история, — вздохнул Полагмар. — А что ты сделал с деньгами? Пожертвовал на храм Митры?

— Зачем же? — удивился Майлдаф. — Мы с Хорсой их пропили.

— Майлдаф, я всегда говорил, что ты бродяга и пьяница, — подал голос Евсевий, незаметно для всех оставивший наконец свой камень и внимавший с хитрой усмешкой балагурству Бриана.

— Разумеется, — согласился горец. — Но история оттого становится вдвойне поучительной.

— Да, так что же делать с волками? — осведомился все еще недовольный Арриго под общий хохот.

— Согрейте побольше воды, хотя бы в своих кружках. Они у вас не маленькие,— ответил ему барон.

— А дальше? — недоуменно изрек военачальник.

— А дальше я сам,— ухмыльнулся Полагмар, подмигивая Майлдафу.— Маленькая охотничья хитрость.

Военачальник пожал плечами, но воду барону согрели. Волки действительно шастали где-то не-подалеку, и пару раз в проеме появлялись их желтые недобрые глаза.

Полагмар достал из-за пазухи пузырек с неопределенно-сероватого цвета порошком и рассыпал малую толику содержимого по кружкам, а затем принялся поглощать жидкость, как губка. Когда последняя кружка была опорожнена, гандер, погладив живот, улегся на постеленные на полу ветки.

— И что? — не понял Серхио.

— Подождем,— невозмутимо отвечал барон.

Ждать пришлось недолго. Вскоре барону пришлось предпринять то же путешествие, что со столь плачевными для себя последствиями недавно совершил Донато. А потом экспедиция повторилась еще и еще раз, и еще неоднократно.

Наконец барон уселся на полу и откинулся на спину с блаженным выражением человека, исполнившего тяжкий долг.

— Вот и все,— облегченно вымолвил он.

— Как это все? — Арриго имел вид человека, коего беспардонно и неумно разыграли.— Что ты делал снаружи?

— То же, что и Донато, только гораздо чаще и понемногу. Теперь волки не подойдут к тебе ближе чем на пять локтей.

— Это почему? — упорно не желал понять Арриго, хотя Майлдаф с Евсевием уже покатывались со смеху.

— Ты когда-нибудь видел, как пес поднимает лапу около изгороди?

— Ну, да,— опасаясь угодить в лужу, промямлил военачальник.

— Ты знаешь, зачем они это делают? — не унимался Полагмар.

— Представляю,— попытался иронизировать зингарец.

— А волк, по-твоему, не собака? — продолжал допрос Полагмар.

— Собака в какой-то степени,— вынужден был согласиться полководец.

— Так же поступил и я,— басовито рассмеялся барон, к немалой потехе слушателей.— Они не пересекут границы меченого участка.

— Это действительно так. В отличие от людей,— заметил Евсевий.— Я не все понял в этих письменах, но кое за что могу ручаться.

— Что же они гласят? — любопытствовал принц Конти.

— Примерно следующее, ваше высочество,— любезно отозвался Евсевий.— Ты осведомлен о древних языках и письменности?

— О да, начала древненемедийского и староаквилонского, а также древнешемитский и стигийский.

— Изрядно,— похвалил Евсевий, в свою очередь посмотрев на способного юношу с интересом.— А киммерийский или нордхеймские языки?

— Варварские наречия? — удивился принц.— Ну, немного ванахеймский. От моряков,— слегка краснея, признался он.

— Достаточно,— понимающе улыбнулся аквилонец.— Так вот...— Евсевий повернулся, при этом лицо его при свете пламени сделалось до мелочей схожим с изображениями первых митрианцев на фресках и мозаиках: прямой, тонкий, чуть крючковатый нос с хищными крыльями, бледные, насмешливо сложенные, тонкие губы, гордый подбородок, густые узкие брови вразлет, вдавленные виски и высокое чело. Глаза внимательные и бездонно черные, словно освещенные невидимым огнем.

— Итак, рисунок разгадывается до смешного просто. Это карта того места, где находимся мы. Вот протоки, вот скалы...— Он указал на линии и фигуры.

— Я же говорил, что это портулан! — толкнул Серхио Мегисту в бок и тут же замолчал, внимая речам ученого человека.

— Дальше тоже карта. Это наш ручей. Он уходит в горы и там исчезает в пещере, но и это еще не его начало. Там целый пещерный край. Но его на карте нет. Если мы захотим туда проникнуть, нам придется делать это самим.

— Под землю? — Глаза Майлдафа азартно заблестели.— Опять?

— А тебе мало? — возразил аквилонец.

— Я не прочь,— согласился горец.

— Посмотрим,— кивнул Евсевий.— Так вот, с буквами не все так ясно. Это похоже на стигийские и гиперборейские письмена, только наверняка гораздо древнее. Но еще они похожи на асгардские руны и на письмена атлантов.

— Атлантов? — не поверил своим ушам Сотти.— Откуда тебе известны их письмена? Может, ты беседовал и с ними?

— Беседовал,— подтвердил Евсевий.— Не могу сказать тебе где, так как это великая тайна, но повторить это все равно не удастся, поскольку того места больше нет. А вот с письменами ты можешь ознакомиться в Тарантии, это не возбраняется. Ученые из Бельверуса уже приезжали к нам.

— Ладно.— Равнодушный обыкновенно голос Сотти впервые дрогнул.— И что же буквы?

— Я не смог прочесть все, да и в том, что прочел, не слишком уверен. О подземном городе говорят именно письмена. Он выстроен в горах каким-то великим королем, очень богат и обширен, там большие горные разработки, шахты...

— И золото? — не выдержал Серхио.

— Сомневаюсь, чтобы оно там еще осталось,— тихо улыбнулся ученый.— Это было очень давно. Здесь был наблюдательный пост этого города. Многие из этих ущелий не ущелья вовсе. Они высечены киркой.

— Что же за люди все это построили? — спросил Арриго.— Неужели пикты?

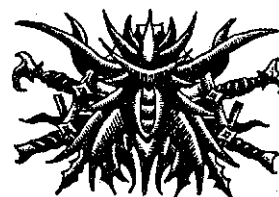
— Не-ет,— загадочно ухмыльнулся Евсевий.— Пикты, насколько мне ведомо, вообще не умеют строить из камня.

- Атланты? — предположил Сотти.
Евсевий отрицательно покачал головой.
— Кхарийцы? — догадался Конти.
— Совсем нет, — рассмеялся ученый. — Я не буду больше вас мучить. Это построили...
— Паки? — не то спрашивая, не то утверждая, изрек Майлдаф.
— Почти, — отозвался Евсевий с плохо скрытым удивлением. — Бриан прав. Это построили не люди.
— А кто же?! — Изумлению присутствующих не было предела.
— Гномы, — был ответ.

Глава вторая

Ал покачивался на мелкой зыби посреди угольной черноты. Тусклый свет молодого месяца пропал за наплывшими откуда-то с материка облаками, а слабые искорки звезд не в силах были осветить морские просторы. Впрочем, этого и не требовалось.

— Держи на Дракона, Кусающего Свой Хвост, — уверенно сказал Тэн И севшему к рулю жрецу.

— То есть на Кольцо Вечности? — осведомился митрианец.

— Воистину так, — кивнул кхитаец.

— Во имя Митры, — откликнулся старик.

Оба замолчали, весьма довольные друг другом.

— Можно начинать грести? — поинтересовался Хорса.

— Несомненно, — с достоинством произнес жрец.

— С превеликою охотою, — в тон ему отвечивал Хорса.

Подгоняемый мощными согласными гребками двух здоровых сильных мужчин, лодка, легко раз-

резая воду и слегка подпрыгивая на короткой волне, помчалась к близкому берегу.

— Думается мне,— шепотом заговорил Тэн И,— что боцман не был неискренен, советуя нам что-либо предпринять, а не просто достичь берега.

— Посему стоит над этим поразмышлять.— Хорса никак не желал отстать от взятого кхитайцем и жрецом курса на сложную, но располагающую ко всяческому умствованию манеру изъясняться высоким штилем.

— Могу ли я как-либо способствовать верному и скорейшему течению мысли вашей? — хорошо поставленным, глубоким и красивым голосом, что было заметно, даже когда оный был крайне приглушен, спросил с кормы лодки старец.

— Будем весьма благодарны, если так и произойдет,— со всем вежеством приветствовал благие намерения гандер.— Позвольте лишь осведомиться об имени вашем, почтенный.

— Зовите меня Касталиусом,— попросил жрец.— Я состою при одном тарантийском храме Митры, что стоит на перекрестке Шорного Ряда и Старой Канавы.

— Весьма древняя и почитаемая обитель. Там издавна пребывают чудесные мозаики и искуснейшей работы серебряные фигуры,— со знанием дела подтвердил кхитаец.— Здоров ли верховный жрец Диомед?

— Митра благоволит ему, ибо муж сей ведет жизнь праведную, посвящая ее превеликим трудам и молениям,— объяснил Касталиус.— Вся обитель молится о его здравии.

— Весьма достойно,— заключил Тэн И.— Не настало ли время, после столь утешительных для сердца моего известий, приступить к обсуждению прискорбного положения нашего?

— Давно пора,— согласились в один голос Хорса и жрец.

— Засим приступаем. Вальедо, да и Гонзало, говорили, будто лучше нам не встречаться с капитаном Табарешем и, насколько будет возможно, не показываться ему на глаза. Опасаюсь, что для достижения целей наших таковой осторожностью придется пренебречь.

— Согласен,— поддержал его Хорса.— Нам следует сделать так, чтобы Табареш не настиг «Полночную звезду» и не повернул назад и не отыскал по случайности кенига. А таковое нельзя исключить, потому что хотя и не верится мне в колдовство означенного головореза, но без должного ветра слухи не летают, как говорят у нас в Ларвике. Из чего следует, что некто должен отвлечь внимание Табареша на себя.

Выслушав столь замысловатое, но, вне всякого сомнения, логически безупречное доказательство, Тэн И на мгновение задержал с ответом.

«Евсевий, сам не ведая того, вершит преподательную просветительскую миссию!» — успел подумать королевский слуга.

Но Касталиуса не так легко было сбить с мысли.

— Воистину так,— согласился он, слегка даже кланяясь молодому человеку.— И, видится мне один лишь способ исполнить задуманное: обнаружить себя. Но сделать это можно сей же час либо

немного времени спустя, а также либо оставаясь здесь, на воде, либо пребывая на суше.

— Полагаю, лучше на суше. Ибо там сможем возжечь великие огни и тем самым, смутив думы противника, заставить его уподобить трех человек изрядной толпе,— предложил Хорса.

— И шум некоторый издавая, тому смущению дам весьма способствовать,— выразил свое одобрение Касталиус.

— Должен вам возразить,— покачал головой Тэн И.— Табареш, как есть он муж, умудренный странствиями по хлябям морским, с легкостью превеликою распознает и нехитрый обман наш, и отсутствие поблизости судна, размерами нефу короля зингарского подобного, а равно и всякого иного судна, определит немедленно. Равно как и то, что лишь трое на берегу сем пребывают, а вовсе не две сотни, как быть тому должно, явится ему воочию вскорости. А посему, досадуя на время, попусту потраченное, изловит нас, так как располагает для такового действия командой в количестве преизрядном.

— Если вообще обратит внимание на тщения и потуги наши, а не минует балаган сей и фиглярство без интереса, лишь в сердце своем злобном глумясь и потешаясь,— резонно добавил кхитаец.

— К тому же и описания берегов здешних гласят, что не во всяком месте вовсе подойти к оним возможно без зазора,— стал рассуждать над сомнениями Тэн И гандер.— Посему опасуюсь крушение потерпеть в бурунах пенных и каменных острых.

— Да ведь и на воде узрит враг окаянный, что не флот пред ним явился, но лишь челн утлый с изгнанниками,— заспорил жрец.— А сокрушит он суденышко и того проще, нежели в лесу темном и непролазном изловит нас.

— Верно сказано,— согласился Тэн И.— Но выхода иного, по моему разумению, не остается. Берег столь далек, а быстрота перемещения нашего столь ничтожна, что сколь бы мы ни поспешили, не в наших силах и суши достичь, и устроить все, как задумано, к должному сроку. А посему остается лишь ожидать и уповать на милость Митры всевидящего и на судьбу.

Гандер и кхитаец разом перестали грести. Возцарилась торжественная тишь, увенчанная звездной Короной, бриллиантово горевшей в бездонных черных небесах.

— А теперь надо принять какой-нибудь план, иначе будет действительно поздно,— опомнился Хорса первым.

— Думаю, стоит прибегнуть к весьма простой тактике Чжу Цзяо Юня,— предложил кхитаец.— То есть пытаться заговорить пиратам зубы, не слишком уклоняясь от правды.

— Не подойдет,— отрицательно покачал головой королевский поверенный.— Табареш нас, может статься, и выслушает, но курса, положась на наши рассказы, не сменит — он, судя по всему, верит только себе.

— Мне вообще неохота попадать на его корабли,— заметил жрец.— Это не первое мое странствие по водам, и везде о Табареше идет дурная

слава. А в последнее время, говорят, он якшается с призраками.

— Так что же Вальедо об этом промолчал?! — возмутился Хорса. — А с виду такой доброхотливый!

— Он боялся, — просто ответил Касталиус. — Моряки избегают всякого упоминания о нечисти во время плавания. Вальедо оказал вам великую милость хотя бы тем, что предупредил о колдовских способностях пирата.

— А ты что же, не страшишься морских демонов? — спросил гандер.

— Нимало, — был ответ. — Они все безбожники. Весь экипаж Гонзало, кроме молодого Фрашку. Моя же крепость прочнее любых мечей и недоступна злым козням. Хотя бы и сонмы призраков вились надо мной, смердя и глумясь, и волновали хляби морские, но не утрашусь. Они властны растерзать мое тело, душа же моя останется непоруганной и пребудет в свете.

— Как сказал бы кениг, «мне мое тело еще пригодится», — заметил Хорса. — А что ты можешь против духов, почтенный Касталиус?

— Никакого колдовства, — улыбнувшись светло, развел руками старик. — Все знания наших храмов основаны на постижении природы света, от Митры исходящего. Лучшее священных гимнов пока нет ничего.

— А как же чернокнижники? Пелиас, например, или Озимандия? — несколько запальчиво возразил гандер. — Уж они-то не допустили бы демонов ни к телу, ни к душе! Пелиас, во всяком случае.

— Им еще придется заплатить за свой сговор с воинством тьмы, — гордо изрек Касталиус. — Поскольку ищут суть в несути. Обманывая слуг тьмы, обманываются и сами на свою пагубу и имеют намерения ложные.

— Ну да, — вздохнул Хорса. — Ладно, будем читать гимны. Озимандии здесь, увы, нет. И обманывать станем не слуг тьмы, а людей Табареша, хотя особой разницы я не вижу.

— И обманывать станем не по мелочи, — заговорил примолкший было Тэн И. — Вести переговоры с пиратами — это унижительно и бесполезно, ибо они все клятвопреступники.

— «Не по мелочи» — это как? — не понял жрец. — Изъяснись, собрат мой по вере.

— То есть устроим представление, — объявил Тэн И. — Сила убеждения, присущая этому благородному искусству, мало уступает силе проповеди.

— Несомненно, так как искусство — путь к красоте, а красота — самый свет Митры, — быстро оправдал данную тактику жрец. — Но каков твой замысел?

— Он несложен, — отвечал кхитаец. — На Восточном Великом океане бытует меж моряками легенда о Тхэнге По Безруком.

— Чем же столь знаменит сей муж? — заинтересовался немедленно Касталиус. — Он был благочестив и основал храм Митры?

— Отнюдь. — Тэн И сделал вид, что почесывает нос, скрывая улыбку. — Это случилось пятьсот или шестьсот зим назад. Тхэнг По служил у короля Мьяндонга главным флотоводцем, и заслуги его

были велики. Но однажды Мьяндонгу пришла в голову блажь узнать, сколь велик Восточный океан и где его предел. Он поручил Тхэнгу По привезти сведения о том, а иначе пригрозил отрубить голову. Надо сказать, что земли те расположены таким образом, что любому кораблю был лишь один обратный путь в гавани королевства Джайя: оно было обращено побережьями своими к разным морям, и никто не знал, сливаются ли оные моря где-либо. На полночь и восход уходил великий материк, соединяясь с восточным Кхитаем лишь узким перешейком. Другой берег материка тянулся на полночь. Но предания гласили, будто некогда, во времена строительства великих судов, больших даже чем «Полночная звезда», кхитайские мореходы обогнули материк. Тхэнгу По было велено, отплыв на полночь и восход, возвратиться с полуночи или привезти неоспоримое доказательство раздельности Северного моря и Восточного океана.

— И он, конечно, отплыл? — полуутвердительно произнес Хорса.

— Отплыл, — кивнул Тэн И. — Он открыл множество земель, но трижды ему пришлось возвращаться, ибо силы моряков были на исходе и люди бунтовали. А король все жил и жил и не собирался отступаться от задуманного. Трижды прощал он Тхэнга По, но каждый раз вновь отправлял в плавание с прежним условием.

— Что же случилось в четвертом плавании? — Кастадиус загорелся интересом к рассказу.

— Тхэнг По достиг пресловутого Гремящего Пролива. Страшная сказка оказалась правдой. Чу-

довишной высоты скалы, густые, как молоко, туманы, камнепады, ледники, рифы, водовороты. При этом сам пролив донельзя разветвлен, длинен и извилист. Приливная и отливная волны гонят воду со страшной скоростью, и одолеть поток или удержаться в нем чрезвычайно затруднительно. На вершинах обрывов вспыхивают странные огни, мерещатся какие-то развалины, слышатся голоса. Непонятно, ветер ли это плачет в скальных теснинах или переговариваются духи. Нагромождения ли это камней или действительно руины великанских сооружений. Никто не знает об обитателях тех пустынных мест, но они существуют: рвы, валы, каменные хижины, загон для скота — все это есть на равнинах и в холмах той страны, но самих жителей не видно...

— Постой, постой, — осадил кхитайца на сей раз Хорса. — Тебе-то откуда, месьор Тэн И, известно обо всем этом?

Ответ Тэн И был столь же прост и поразителен, как давешний ответ Вальеда на вопрос кхитайца про сведения о Табареше:

— Я был там. Помнишь, я рассказывал о варварах, бороздящих равнины океана на катту-ма-рамах? Я странствовал с ними. Они добрались до Гремящего Пролива и прошли им много раньше Тхэнг По.

— Что же лежит дальше? — не унимался Кастадиус.

— Туманы... Впрочем, это неважно, — скомкал ответ Тэн И. — Северное море и Восточный океан — единое целое.

— Бедный мореход! Знай он секрет заранее! Что же случилось с ним? — с искренним участием к судьбе древнего мужа спросил жрец.

— Превратность царит на земле искони, — вздохнул кхитаец. — Дело обернулось так: ночь выдалась страшная и бурная, с неистовым ураганом. Корабль Тхэнг По застрял в Гремящем Проливе. Гибель шла со всех сторон, и тогда великий мореход не выдержал. Страшным проклятием наградил он короля Мьяндонга и поклялся уничтожить его королевство и топить корабли до тех пор, пока у людей не пропадет охота странствовать по морю. Взамен обещал он духам Гремящего Пролива свою душу, а в залог того, что он исполнит свое обещание и в уплату за то, что его экипаж отпустят с миром, он сам отрубил себе правую руку.

— И что же? — Даже у Хорсы по спине пробежал мороз. Обстановка непроницаемой густой ночи с таинственным мерцанием созвездий где-то в недостижимой вышине располагала к невеселым раздумьям.

— Легенда говорит, что его желание исполнилось. Он прошел-таки Гремящим Проливом и добрался в Джайю с севера. Король Мьяндонг умер на следующий день после его возвращения. Тхэнг По же выходил в море еще сорок лет, пока не сделался девяностолетним старцем. Он исчез где-то в Восточном океане, далеко на юге. Никогда более не знали Джайя и Кхитай столь искусного мореплавателя. Но с тех пор на Восточном океане и в Северном море стали замечать парусник, иногда мелькавший у самого горизонта, иногда появляв-

шийся внезапно прямо по курсу. На мачтах и реях его светились бледные огни. У руля стоял однорукий мореход. У него не было правой руки. Мало кто выживал после встречи с ним... Вот, собственно, и вся история, — завершил рассказ Тэн И.

— Ну что ж, Западный океан знает подобное, — задумчиво, но с достаточной уверенностью проговорил Касталиус. — В Куше тебе поведали бы о Н'Кану по прозвищу Здоровяк. Зингара и Аргос никак не могут поделить меж собой сомнительное по чести право считаться родиной Освальдо Седого, а Ванахейм прославился Хенгистом Злосчастным. По всему же побережью до самого юга знают о некоем Бейдиганде Справедливом, но никто не имеет понятия, откуда он взялся.

— Странно, но имя сие напоминает мне те, что мы слышали в Темре, — прошептал кхитаец Хорсе.

— Так вот, — продолжал речь служитель Митры. — Верно ли я понял тебя, что ты вознамерился показать Табарешу маскарад?

— Иного выхода нет, — отвечал Тэн И. — Будь небо ясно, и свети луна во всю мочь, я бы первый отказался от этой безумной затеи. Но после колдовского пятидневного шторма даже люди Табареша уверуют в чудеса.

— Я не прочь, — заявил Хорса. — Виттигис не раз переоблачался в одежду атлантов или кхарийцев и совершал дерзкие вылазки. Думаю, и нам будет бесполезно обратиться к тому же.

— Что ж, — рассудил Касталиус, пожевав губами и подвигав подбородком, отчего колебания распространились и по всей бороде. — Это будет об-

ман, кой входит в правила негласного нашего соглашения с Табарешем. Это не будет предательством. Митра да благословит нас!

— Да благословит! — поддержал его Тэн И.

— Только кого же из сих достославных, если можно так выразиться, мужей хотели бы вы изображать? — поинтересовался старик.

— А ты опиши их, месьор, — попросил кхитаец, — и мы сделаем выбор...

— Это нетрудно, — с готовностью согласился Касталиус, трогая рукой ласковую и после шторма несколько более прохладную, чем обычно в этих широтах, воду. Рассказывать он любил.

— Н'Кану из нас не получится. Это исполинского роста и довольно массивный чернокожий человек. Он брит наголо, и у него огромные желтые глаза. Его корабль — что-то вроде фелюги, и у него есть экипаж — двенадцать чернокожих под стать ему. В руке у него обычно устрашающих размеров изогнутый меч — вроде того, что у вашего друга из Темры, а на плече — большой говорящий попугай...

— Нет, — отверг такой способ Хорса. — Это у нас заведомо не выйдет. Кто такой Освальдо Седой?

— Жестокий корсар времен Ригелло, открывателя Барахас. Табареш не совершил еще и сотой доли его злодеяний. Боги... Митра, — поправился Касталиус, — покарал его за жадность. У этого — гаула цвета морской волны. Сам он дожил до старости, но сединой отличался с юношеских лет. Он похож на Гонзало и одет так же, но, пожалуй, пошире в плечах и крупнее, коренастее. А лицом отличается в том, что за всю жизнь не получил ни

шрама, ни ожога. Волосы у него длинные, хоть в косу заплетай. Обычно он стоит с ламирой на носу. Смотрит вперед, прищурясь, и оттуда же командует маневрами с парусами.

— У него есть команда? — осведомился Тэн И.

— Есть. В том и беда, — огорченно проговорил жрец.

— Нет. И корабли не те, и команда, и обличье — все это не для нас, — подвел итог Хорса. — А ванахеймец?

— Как и положено, желтоволосый, глаза рыбы, весь в коже, шерсти и мехах, на поясе прямой меч. Бородатый по самые глаза. Плечистый, роста среднего. Занимался всем: рыбу ловил, бил зверя, разбойничал, торговал, возил грузы. Как разбогател, стал плавать там, куда никто еще не забирался. Возомнил загарпунить морского единорога. Так и сгинул на полночном горизонте, среди ледяных плавучих гор. У него в руках или где-нибудь поблизости вечно гарпун или острога. Корабль весь в сетях, снасти кругом рыболовные, гарпуны, бочки для засолки рыбы. Но есть и оружие — по бортам щиты висят. А что за корабль, того сказать не могу. Походит на саэту, но не саэта. Невысокий — планшир локтя на три над водой, узкий, длинный, верткий, как веретено. Может вроде галеры на веслах ходить. Трюма нет почти — так, подпол. Парус один, прямой. А форштевень крутой, и на нем зверь диковинный вырезан. Команда невелика — человек семь видно.

— Это уже лучше, — раздумчиво произнес Тэн И. — Месьор Хорса сошел бы за него, если бы от-

растил бороду, а вместо гарпуна взял бы арбалетную стрелу. Но принять нас за Хенгиста можно только при очень богатом воображении.

— Мы бы вполне сошли за рыбацкую лодку, но не за корабль из Ванахейма, — отрезал, Хорса. — Я на четверть ванахеймец и знаю, каковы там корабли. Итак, остается Бейдиганд Справедливый?

— Он самый, — улыбаясь уголками рта, изрек Касталиус. — Но он — единственный призрак, что может предвещать не только беду. Потому его и зовут Справедливым. Появляется он не просто так, а после каких-нибудь событий, сразу, либо через день-другой. Морской бой, ссора на путине из-за рыбной банки, грабеж, буря с кораблекрушением или если кто заплутает, с курса собьется — всех причин не счесть. И неправая сторона всегда оказывается наказанной, а страждущий — спасен.

— Кто определяет правого и неправого и тяжесть наказания или степень прощения? Сам Бейдиганд? — недоверчиво спросил Тэн И.

— В том и заключается загадка Бейдиганда Справедливого, — отвечал жрец. — Он судит как последователь Митры светозарного!

— Так вот зачем ты плаваешь по морям, а не сидишь себе тихо в Тарантии! — воскликнул проныцательный Хорса. — Бейдиганд Справедливый не дает тебе покоя! И ты нарочно припас его напоследок, хотя именно он, мнится мне, как нельзя лучше подойдет для задуманного маскарада?! И мы потратили столько времени впустую, слушая морские басни?! А ну живо выкладывай все, что ты знаешь о нем, почтенный!

— Во имя Митры, месьор Касталиус, — весомо прибавил Тэн И.

Донельзя довольный произведенным впечатлением, жрец степенно приступил к повествованию, но, подгоняемый деловитым Хорсой, вынужден был поторопиться.

— Одет Бейдиганд в простую холщовую хламиду серо-коричневого цвета, как носят служители Митры. Но пояс у него широкий, из доброй кожи и богато украшен серебром. Украшения, как повествуют, состоят из переплетения диковинных растений и разных удивительных зверей. На шее у Бейдиганда серебряная цепь и на ней амулет — крылатое солнечное колесо, также узором дивным обрамленное. Обут сей муж в кожаные мягкие сапоги. Сам он ростом невысок, сед, стрижен коротко, волосы прямые, бороды и усов не носит вовсе. Лицом мягок и благообразен. Глаза карие, чуть удлиненные и смотрят весьма пронизательно. Ресницы длинные, брови густы, но не кустисты. Нос немного шире, нежели обычно у хайборийцев, остр и горбат слегка. Сложением крепок, но не могуч. В деснице держит посох из дуба, на кой опирается. Вот и все, что удалось мне собрать о нем за двадцать лет скитаний.

— Немного, но и этого довольно для призрака, — удовлетворенно сказал Хорса. — Теперь о его спутниках...

— Их бывает от одного до двадцати человек. Это жрецы, воины, песнопевцы. Только женщин среди них нет ни единой.

— И это славно! — Холодные глаза Хорсы, казалось, засветились в темноте.

— Какой же его корабль? — умело скрывая волнение, испросил Тэн И.

— Как ни странно, но все утверждают, что это большая лодка. Кто говорит, что сорок локтей длина ее, кто утверждает, что десять. Остов сей лодки деревянный, а обтянута она — смешно сказать, и не верю я тому — кожей!..

— Ничего смешного, — со всей серьезностью оборвал Касталиуса Хорса. — В Ванакхейме так делают кожаные рыбацкие челноки. Но они слишком малы. А вот в Темре, на озере Лохалин, таких лодок видывал я премного.

Хорса перевел облегченно дыхание.

— Решено. Пусть этот ял — не кожаная лодка, но выкрашен он в черный цвет, значит, на это могут не обратить внимания. Два воина у нас есть: я и месьор Тэн И. Жрец — тоже. — Гандер оценивающе посмотрел на Касталиуса. — Седой, волосы прямые, холщовая хламида, серая... Пояс... Возьми мой! — И гандер, отстегнув крючок, бросил жрецу свой черный кожаный пояс, тоже украшенный серебром. По поясу бежали волки, гонясь за оленями.

— Дивных растений тут нет, ну да стерпят. Много ли этот Табареш смыслит в растениях?

— А вот и цепь с амулетом. — Порывшись в своих пожитках, кхитаец выудил оттуда массивную серебряную цепь с кулоном в виде изогнувшегося, как хитрый морской узел, дракона. — Это не крылатое солнце, разумеется, но все же. — Кхитаец с поклоном протянул цепь жрецу.

— Да, но ведь сказано, что волосы стрижены коротко, а лицо бритое! — боязливо заметил Касталиус.

— Дело поправимое и недолгое, — ухмыльнулся Хорса. — У Тэн И есть все необходимые притирки и благовония и прекрасная бритва из Турана! А у меня есть чистый платок: графиня снабдила меня платками в таком количестве, что хватит на три похода!

...Через некоторое время почтенный Касталиус предстал несколько в ином обличье: без своей длинной бороды, без усов, подстриженный, причесанный, гладко выбритый, благоухающий, с серебряной цепью на шее, в чистой, еще не одеванной в этом плаваньи хламиде и опоясанный дорогим ремнем Хорсы. Надо сказать, жрец весьма помолодел: теперь ему нельзя было дать более пятидесяти, хотя на деле его возраст измерялся почти шестью десятками лет. Впрочем, с бородой он смотрелся на все семьдесят.

— Иное дело, уважаемый! — Хорса с удовольствием взирал на служителя, явно гордясь плодами проделанной работы. — Ныне и нам, любезный Тэн И, предстоит немного преобразиться!

— Всенепременно, месьор Хорса, — с готовностью согласился кхитаец. — С превеликою охотой.

Для королевских слуг приготовления к предстоящей опасной, но чрезвычайно волнующей встрече не были столь трудны. Костюм Тэн И был непривычен в любом месте за пределами Западного Кхитая, а Хорсе нужно было лишь скинуть верхнюю рубашу и явить очам присутствующих прекрасного плетения кольчугу из мелких колец. Что касается пояса, то у гандера был и второй — менее роскошный, чем первый, купленный за немалые деньги.

ги в Ларвике, но не менее замечательный. Медный позлащенный узор из дубовых листьев делали не где-нибудь, а в самом Бельверусе. К тому же это был подарок графини Этайн.

— Не знаю, каков должен быть истинный Бейдиганд Справедливый,— Касталиус поскреб непривычно гладкий подбородок,— так как изображений сего мужа я не видел доселе, но мне стало казаться, что наш план не столь безумен, как мнилось поначалу.

Он еще раз посмотрелся в отполированную серебряную пластину, заменявшую Тэн И в походах зеркало, и выражение довольства и некоторой даже вычурности появилось на его лице.

— Если Митра будет милостив и вызовет нас из этой передраги,— продолжил он, откладывая зеркало и вперея задумчивый взор в темноту, скрывавшую полуночный горизонт,— я обязательно наведаюсь в те края, что зовутся Темрой. Возможно, там помнят что-либо о Бейдиганде Справедливом.

— Возможно,— обнадежил жреца Тэн И.— Земля Гвинид, как именуют Темру местные жители, хранит немало преданий из самых давних лет, когда хайборийцы еще не ступили за Эйглофианский хребет, а свет Митры уже был явлен миру.

— Да, чего стоит история Диармайда,— мечтательно промолвил Хорса.— И о Белой Деве Горы... Впрочем, это уже не о Митре,— пояснил он, внезапно смешавшись.

Тем временем в состоянии моря и воздуха появились перемены. Совершенно явственное тече-

ние, постепенно усиливающееся, повлекло лодку прочь от берега, и Хорсе с Тэн И пришлось снова сесть на весла. Пройдя около двух лиг обратно на полночь — точнее определить расстояние не было никакой возможности, ибо побережье тайлось во мраке до утра,— они поняли, что до поры избежали риска быть унесенными в открытый океан.

В то же время воздух стал наполняться влагой. Где-то над пиктскими болотами опять клубились тучи и расходились во все стороны, заливая небеса сумраком, густо-лиловым в дневные часы и крошечно-черным ночью. Откуда-то из самого чрева тьмы полз седой туман, не такой густой, как бывает в северных горах, но достаточно плотный, чтобы ограничить видимость до полулиги. Крупные океанские звезды еще виднелись в вышине, но свет их проходил будто сквозь вуаль, рассеиваясь и трепеща.

— А ведь Бейдиганд обычно появляется в тумане,— вспомнил жрец.— Только одно ныне тревожит меня: не пройдет ли Табареш мимо, сбитый с курса маревом?

— Здесь будут три корабля,— возразил Тэн И.— Откуда-нибудь нас заметят. Кстати, наши уключины слишком скрипят для корабля-призрака.

— У меня есть в запасе масло,— отвечал Хорса, запуская руку в одну из котомок.

Нескольких капель хватило, чтобы сделать суденышко полностью бесшумным.

— А это что за скрип? — приглушенным шепотом вдруг спросил Хорса.

— Где? — таким же сдавленным шепотом осведомился Тэн И. — Я не слышу ничего!

— А я слышу! — убежденно изрек гандер.

— Вот ты и сам ответил, — резонно заметил кхитаец. — Теперь и я различаю скрип и даже плеск. Это с полуночи. Кроме Табареша тут некому плавать.

— Ага, — прислушавшись еще раз, Хорса кивнул. — Вот и они. Остается подождать совсем немного.

Вскоре ушей их достиг не только скрип и шуршание парусов, но и плеск волн от хода не крупного маневренного корабля. Сквозь туман проступил угольно-черный абрис парусника со стремительными плавными обводами, длинного и узкого, как стрела. Под косыми парусами курсом на полдень шла саята, проходя в четверти лиги мористее яла, на котором находились трое изгнанников с «Полночной звезды».

— Быстрее туда! — прошипел Хорса, хотя Тэн И и без того уже начинал разворачивать лодку, а Касталиус способствовал успешному повороту на руле.

Через некоторое время стало ясно, что ход большого судна настолько стремителен, что ялу за ним не угнаться.

— Сюда бы пиктский челн! — с завистью и досадой в голосе пожаловался неизвестно кому Хорса. — И кричать нельзя — призраки не говорят!

Сделали еще десятка три гребков, хотя надежды убегали, как вода сквозь решето.

— Придумал! — возгласил кхитаец. — У нас есть фонарь и ворваны!

— А у меня легкая синяя ткань! — сообразил Хорса. — Для графини купил в Кордаве. Устроим блуждающий огонь!

Укрепить на шесте фонарь, высечь огонь, обернуть стекло синей вуалью было делом нескольких мгновений. Над волнами, колеблясь и путаясь в космах тумана, поплыл таинственный синеватый свет, не приметить который за четверть лиги даже при крайней занятости и поспешности было затруднительно.

— Нас заметили! Касталиус! Вставай да прими вид... Ну, повнушительнее, что ли! Ты все-таки уже не ты, а сам Бейдиганд Справедливый.

— Вот уж не думал, что придется когда-либо представлять сего достойного мужа, — изрек глубокомысленно жрец. — Ну, да все во имя Митры!

И Касталиус поднялся во весь свой рост, опершись на посох и глядя в сторону саяты, у которой уже можно было различить серо-черную, а в свете дня красно-черную, окраску бортов, так, как умеют смотреть только жрецы храмов Митры: спокойно, внимательно и беззлобно, но столь пронизательно, что у попавшего под его взгляд мороз пробежал по коже. Хорса греб размашисто, плавно, красиво, беззвучно опуская и взмывая весла. На руле восседал Тэн И, и улегшийся ветер лениво развевал лисьи хвосты, притороченные к его островерхой шапке, долженствующей дополнять его нынешний наряд, но до сего момента хранимой где-то в недрах походного мешка, поскольку погода стояла жаркая. Колокольчики на куртке кхитайца звенели тихо-тихо, так что ухо могло уло-

вить даже не звук их, но лишь тень звука. Тем не менее пели они так, что даже за несколько десятков локтей человек воспринимал их таинственный голос.

В безмолвии ночи раздались отчетливые слова команды. Сильный и грубый мужской голос позингарски командовал сазте менять курс. Ими заинтересовались.

— Теперь следи внимательно! — прошептал Хорса, обращаясь к Тэн И.— Мы должны идти с ними одним курсом.

— Это будет нелегко,— одними губами отвечал кхитаец.— И очень недолго. Хорошо, что ветер слабый. Митра благоволит нам.

Между тем во мраке проступили контуры еще двух кораблей. Чтобы не выдать своего местонахождения, суда корсаров вынуждены были обходиться без световых и речевых знаков, и ведомые повторяли все маневры флагмана.

— Как он вышколил своих людей! — невольно восхитился Тэн И.— Сколь точно следуют они указаниям капитана!

И вправду, оба хараса, идущие чуть позади сазты Табареша, стали забирать на юго-восток.

А туман сгущался, что было на руку троим смельчакам. С сазты слышались взволнованные голоса. Несколько человек явно спорили. Отдельных слов было не разобрать, но, судя по звукам и строю речи, это была какая-то чудовищная смесь зингарского, аргосского и шемитского. Кхитаец отлично знал все три языка, но смысл этих пререканий покуда оставался неясен.

Ял развернулся на юго-восток. Теперь Табареш прижимал лодку к берегу, а один из харасов, при условии хорошего хода, мог не допустить лодку к суше.

— Мы вряд ли ускользнем из такого коридора,— мужественно оценил положение Тэн И.— Но я бы предпочел иметь дело со слугой, чем с самим капитаном. Мы будем уходить к берегу.

Сазта проделала поворот с легкостью и, набрав ход, устремилась в погоню за челном. Рулевой сазты старался срезать угол и зайти ялу в кильватер. Харас шел наперерез. Курсы его и лодки быстро сближались.

— Странно, но я не слышу ни звука с хараса! — внезапно понял Хорса.— Или мои уши отказываются мне служить?

— Нет, не отказываются,— проговорил Касталиус. Голос его заметно дрожал, но не от страха — от напряжения.— Я тоже ничего не слышу с этого корабля, хотя до него не более тридцати пяти локтей. Даже если его экипаж состоит из немых, то плеск воды и скрип руля не могут кануть в безмолвие. Я начинаю сомневаться, что это корабль!

— А что же это по-твоему?! — не понял гандер, в недоумении оборачиваясь на жреца.

— Призрак! — был ответ.

Спустя несколько мгновений стало ясно, что Касталиус прав. Пепельно-серый харас, покачиваясь на волнах, как настоящее судно из дерева, меди, пеньки и парусины, был будто облит этой серой краской. Тени, складки, пятна полусвета, рельефность и шероховатость дерева, тканность пару-

сов, упругая волокнистость такелажа — всего этого не было в надвигающемся на ял корабле! Оставаясь зримым, без малейшего намека на прозрачность, сохраняя цвет, харас был вместе с тем воздушно невесом, как образы духов, являемые искусными магами в храмах Митры, когда служители пропускали свет через цветные стекла особой формы и хитро расставляли зеркала — уж Тэн И и Касталиус знали об этих чудесах по своему немалому опыту! Но что было кошмарнее всего, так это экипаж — подобия людей, их тени, отражения в кривом зеркале. И эти тени передвигались по палубе, но не шагом, а скользили бесшумно и беспрепятственно.

— Пусть этот Табареш и вправду колдун, — со злостью выдохнул Хорса, — только я видел колдовство и похуже этого. Те, кто сидел под Седой в горах Темры, были не худшими в мире волшебниками! Касталиус, вот тебе возможность отличиться: если ты сейчас развеешь это кисейное облако, Табареш покажет нам свою корму!

— Я не колдун! — горделиво произнес жрец. — Все, что я могу, это священные гимны...

— Так читай же их! — нетерпеливо сказал, будто выплюнул, Хорса, стараясь не сбить дыхание: долгая гребля в таком ритме утомляла даже его. — Митра и Виттигис мне свидетели, я испытаю всё, чтобы сегодня победить!

Касталиус медленно воздел левую руку и, обратившись в сторону призрака, нос коего уже виделся им снизу вверх, приступил — вполголоса — к чтению нараспев.

Ей жертву приносил мощный воин,
Искусный наездник,
И просил даровать ему силу
Колесницами править
И телесное здоровье,
Врага издали высмотреть,
Ненавистника одолеть,
Недруга сразить единым ударом.

Едва дошел он до этих строк, нос бесплотного хараса навис над лодкой. Хорса сделал еще один гребок и приготовился инстинктивно к удару: так по-настоящему, несмотря на свою невесомость, выглядел призрак! Корпус парусника коснулся кормы яла прямо за спиной Тэн И... И растаял как легкий дым, не оставив следа!

Удивлены были все, а больше всех, пожалуй, сам Касталиус. Он так и остался стоять, оторопело глядя туда, где только что был корабль.

— Касталиус! Мнится мне, что Бейдиганда Справедливый не сможет упрекнуть тебя ни в малодушии, ни в безверии! — ободрил клирика Хорса. — Заклинания твои были искусны!

— Да, это так, — изрек Касталиус, пытаясь погладить отсутствующую ныне бороду. — Но и мне думается кое-что. Силой священного гимна я сокрушил одно из видений колдуна, но ныне сам колдун подступит ко мне, и что затем?

— Это мы еще посмотрим, — обнадеживающе заявил гандер. — Пока что там начинают браниться, — кивнул он в сторону сазты.

И действительно, стоявший на носу человек обращался к кому-то внизу и согласия меж сторонами не было.

Сквозь туман и темноту виделся некто высокий, широкоплечий, в капюшоне, несмотря на отсутствие ветра и дождя, куртке из хорошей кожи, моряцких штанах из плотной парусины и сапогах, немного не достающих до колен. Мужчина говорил по-зингарски мощным, раскатистым и грубоватым голосом, уже не беспокоясь, что его могут услышать с воды или с другого корабля.

— С каких это пор вы стали трусливыми, как шемитские купцы? Подумаешь, эка невидаль — Бейдиганда Справедливый! Когда мы последний раз уносили ноги? Кто-нибудь из вас еще помнит такое?

С палубы раздалось несколько возмущенных воплей.

— Ага! Ты, Алвеш, и ты, Корпена, остальных я не вижу отсюда! Да, тогда Фрашку-старший начистил нам зад, и что с ним теперь?! Его давно сожрали рыбы где-то на закат от Барахас, и ни он, ни Бейдиганда в своей захудалой посудине, ни Бел, ни старый дурак Освальдо, ни сам Митра не помогут Гонзало уйти от меня! Завтра вы будете рядиться в парчу и атлас аргосских градоначальников и спать с их герцогинями, как с портовыми девками! Эй, там, на руле! Фасулос! Держись за этой лодкой! Сейчас я посмотрю, что это за призраки! Сдается мне, что это самозванцы!

— Табареш, не делай этого! Я тебе говорю! — Сиплый голос принадлежал, очевидно, уроженцу Барахас. — Однажды меня чуть не сожрали рыбы, когда нас разбило об эти поганые скалы, которых больше никто и никогда не находил, а в другой раз этот аргосский демон — Сотти, сдохнуть ему в боч-

ке с нечистотами! — чуть не выпустил мне кишки! И оба раза мы видели этого жреца!

— Заткнись, Таско! Ты всегда был спрутовой от-рыжкой, ею и останешься! Любая рыба, даже акула, как она ни прожорлива, поперхнется таким дерьмом, как ты! Пусть все, у кого трясется зад при виде этого облезлого старика и двух наряженных под воинов холоуев, сойдут в трюм, а Табарешу хватит и пятерых, чтобы пустить ко дну этого святошу! Правильно мне сказал Стигиец: «Митрианец столь заботится о спасении души, что необходимо помочь ему избавиться ее от оков плоти». Вот этим я и займусь!

При слове «Стигиец» — а это, по всей видимости, была чья-то кличка — толпа моряков охнула и, судя по глухому ропоту и невнятной ругани, стала разделяться на трусов и сорвиголов.

— Он ни разу не упомянул второй харас, — заметил Тэн И. — Значит, это тоже видение.

Хорса взглянул на дальний от них корабль: тот шел ровно, повторяя маневры ведущего. Паруса его шевелились под ветром, но как-то мертвенно, неправдиво. Без сомнения, корабль не был настоящим.

Но усталость брала свое. Как ни вынослив был Хорса, но состязаться в ходе с парусником для гребного яла было делом безнадежным. Черно-красная змея саяты, не смущаясь мелкой зыбью, с легкостью пронизала прозрачные волны, кажущиеся в ночи нереальными, будто стоячими.

Фасулос — или кто там стоял на руле у корсаров — сумел-таки вопреки ухищрениям кхитайца

зайти ялу в след, и теперь гонка становилась похожей на бегство муравья от слона.

— Я прочту еще гимн! — вдохновился Касталиус. — Тот, кто чернит имя Митры и глумится над самыми святыми канонами веры нашей, да будет покаран и низвергнут и да не устоит пред священными песнопениями!

И жрец, исполнившись достоинства и праведного гнева, вновь принялся декламировать нараспев. Вид его был суров и являл собой истинное воплощение небесной справедливости, обличающей деяния непотребные и богопротивные.

Да, у виновного потухнет свет,
И не заблещет пламя его огня;
Сияние померкнет в шатре его,
И светильник его угаснет над ним!
Сократятся шаги силы его,
От своего же умысла он падет;
Запутается в сеть его нога,
И по тенетам — его путь;
Вервие за пята схватит его,
И петля уловит его;
Разложены по земле силки на него,
И по дороге — на него западни!

На носу сазы, за свою змееподобность и раскраску называемой на всем Океане «Аспидом», происходили вещи удивительные и неприятные. Табареш наконец развернулся ликом к преследуемому. Капюшон был надвинут на самые глаза, так что лба и бровей видно не было. Глазищи у корсара были большие и непроглядно, матово черные. Он испытывал взглядом Касталиуса, стоящего про-

тив него в яле на расстоянии полулиги, но воля жреца была непреклонна: он легко выдерживал этот немой поединок, и, похоже, у Табареша возникли сомнения по поводу истинной природы явившегося невесть откуда в глухую туманную полночь челна с тремя людьми на борту.

Крупный, тонкий, с изломом нос, узкие скулы, большой алчный рот, полные губы и кустистая черная борода — усов Табареш не носил — таков был облик легендарного пирата. А на шее у капитана сазы висел амулет в виде двух переплетенных золотых змей. Неспроста только что прозвучало слово «Стигийец».

Двое молодых моряков втащили на нос тлеющую багровыми угольями небольшую бронзовую жаровню и поспешили удалиться.

Табареш, погладив змейку на амулете, порывлся у себя за пазухой и вытащил оттуда некий сосуд — не то флягу, не то флакон с благовониями. Затем он простер руки над жаром, что-то проговорил и плеснул жидкости из флакона прямо в угли. Заклубился густой разноцветный пар, скрыв на миг жаровню, а потом рядом с капитаном — их разделяла жаровня — появился некто в человеческом обличье, но было ясно, что тот, кто приходит из колдовского пара посредством заклинаний, не может быть рожденным женой от мужа.

Это был мужчина, ростом не уступавший Табарешу. Явившийся из цветного пара отличался стройностью и прекрасным телосложением. Облачен он был в белые тонкие полотняные одежды, что-то вроде длинной, до колен, туники с косым

подолом, в черный плащ, заколотый на правом плече золотой фибулой, узор которой, выполненный скорее всего сканью, был столь тонок и витиеват, что разобрать его было затруднительно. Лицо у пришельца было худое, узкое, как сабля, желтоватое, с острыми, будто выполненными резцом каменотеса чертами и тонкими бескровными губами. Маленький прямой рот и приподнятый узкий подбородок придавали лицу выражение надменности. Темные холодные глаза имели явно удлинённый, но не узкий, как у гирканцев, а скорее миндалевидный разрез. Брови были тонки, виски немного вдавлены, лоб высок. Черные и прямые жесткие смоляные волосы едва не достигали плеч. Длинные, тонкие и ловкие пальцы его были унизаны сверкающими перстнями. Обут он был в мягкие кожаные сандалии.

Пришедший, не произнеся ни слова, следуя жесту Табареша, воззрился на плывущий впереди саэты ял, его экипаж и в особенности на Касталиуса.

Мгновение длился поединок взглядов, а затем сухие губы демона сложились в недобрую высокомерную усмешку, а глаза вспыхнули льдистым блеском.

«Стигиец! — подумал Тэн И.— Вот уж воистину меткое прозвище!»

О стигийских магах все были наслышаны премного, некоторые их зрели воочию, кто-то сподобился повстречаться с ними близко, а вот король Конан и, следственно, многие из его ближайшего окружения посвятили общению с ними значительную часть своей жизни.

Немудрено, что матросы «Аспида», хоть и попривыкли, наверно, к магии капитана, держались от него во время колдовства подальше, а свое отношение к таинственному и, судя по количеству украшений, злобному и жадному Стигийцу перенесли на всех прочих призраков, не исключая Бейдиганда Справедливого. Не радовались и сидевшие в яле.

Только Касталиус то ли не вполне понимал всю серьезность положения, то ли так уверился в силе духовных песнопений, что и стигийский демон казался ему теперь нипочем.

Но, как оказалось, жрец прекрасно все осознавал и был куда внимательнее главного королевского поверенного и лучшего королевского слуги вместе взятых.

Резкий и насмешливый металлический голос Стигийца распорол зловещую тишину, как острый обсидиановый нож разрезает гнилую холстину:

— Это не духи, Табареш! Это даже не Бейдиганд Справедливый! Это обычные люди. Ты можешь раздавить их челн, как ореховую скорлупу.

— Они во мгновение ока развеяли по ветру один мой харас, хотя я возился с ним сутки напролет! — прорывал в ответ Табареш.— Или каждый тупой купец может теперь делать так?!

— Нет,— отвечал Стигиец.— Пусть жрец и сумел сделать прежде ему недоступное, но твоему кораблю из крепкого живого дерева и холодного железа он не страшен. Иди же вперед и убей, а я помогу тебе! У жреца — того, что стоит с посохом,— красивый серебряный змей на толстой цепи. И я чувствую запах золота!

— Фасулос! — взревел, оборотясь к корме, Табареш. — Держи взятый курс! А вы, бездельники и трусы, несите абордажные крюки! Мы выловим вашего Бейдиганда из его челна, как сонную рыбу из бочки! Все призраки океана будут падать ниц при встрече со мной!

И Табареш уставился на беглецов взглядом не менее жадным, чем взирал на них безумный демон. Сзета на полных парусах настигала ял, но Хорса продолжал работать веслами по-прежнему плавно и размеренно, словно еще надеялся на что-то.

— Месьор Касталиус, — обратился к жрецу Тэн И. — Не соблаговолите ли вы прочесть еще один гимн? Думаю, ныне это не будет излишним...

— Прочту, — отвечал жрец, и глаза его блеснули. — И это отнюдь не кажется мне излишним! Посмотрите, сколь переменился океан!

И вправду, со стороны открытого океана покатились, поглощая суетную мелкую рябь, пологие длинные волны. Где-то вверху переменился ветер, и тучи теперь отступали в спешном порядке обратно, к возвышенностям пуци. А со стороны моря шли на смену им другие, более плотные и тяжелые. Туман тоже потек каким-то образом в сторону побережья, и из-за его змеистых волокон с моря надвигалось нечто угрюмое, грозное и страшное, гораздо страшнее призрачных харасов — магических опытов Табареша.

А капитан «Аспида» не замечал ничего и лишь покрикивал на своих людей, которым по этой причине тоже недосуг было смотреть, что же творится

за кормой. Те же, кто из суеверия не принял участия в погоне, уже спустились в трюм.

— Нам-то какая польза от этой перемены? Утонем вместе с Табарешем, или нас тоже слопают гигантский фаститокolon? — осведомился гандер, не переставая, однако, грести, хотя все тело ныло от постоянного напряжения и усталости.

— Если Митра и допускает причиненное последователям его зло, то лишь для общей пользы добра, — назидательно произнес Касталиус и снова, задржав гордо голову, принялся высматривать что-то мористее их преследователей. — Нам же пока не на что жаловаться, — добавил он по-простому. — Кажется, там еще один корабль!

Тэн И, отличавшийся острым зрением вообще, а особенно в потемках — в силу опыта многолетнего обитания в подземных храмах Кхитая, — обернулся, оторвавшись на несколько мгновений от руля.

— Это гаула! — определил он. — Но откуда? Их уже давно не строят!

— Это не просто гаула! — севшим внезапно голосом вытолкнул из себя Касталиус. — Это гаула Освальдо... Освальдо Седого!

— Не ночь, а шествие призраков! — нервно хохотнул Хорса. — Вот бы Освальдо оказался более реален, чем фокусы Табареша!

В ответ на это с океана донеслась песня, и пели ее уж точно не на «Аспиде».

Трепещет лазоревый парус.
Гаула как чайка быстра.
Как буря страшна наша ярость,
Ведь смерть — нам родная сестра!

— А они правы,— раздумчиво проговорил Касталиус.— Парус у них действительно лазоревый. А ярости Освальдо было не занимать! Весь Океан боялся Ригелло, а Ригелло, как тунец от акулы, бегал от Освальдо! Так говорят летописи.

Речи жреца были прерваны шумом, поднявшимся на пиратском корабле. Похоже, команда, какие бы отъявленные головорезы там ни собрались, решила взбунтоваться, не смущаясь присутствием страшноватого Стигийца. Еще бы: пятидневный ураган, потом Бейдиганд Справедливый, одними лишь песнопениями в дым развевающий все чары капитана Табареша, жадный и жестокий дух — Стигиец и, наконец, сам Освальдо Седой, да как раз с той самой песней, от звуков которой содрогалось когда-то море.

— Табареш, послушай, там Освальдо Седой! Хватит с нас твоей магии! Пусть эти шемиты берут себе все свое золото! Поворачивай назад!

— Таско! Если ты не заткнешь сей же час глотку,— пророкотал капитан,— я сам ее тебе заткну! По курсу у них Бейдиганд Справедливый, позади — Освальдо! Меньше пейте аргосского на ночь!

— А поет по-твоему кто? А, Табареш?! — Голос по мощи не уступал голосу капитана и принадлежал явно уверенному в своей неприкосновенности человеку.— Мой тебе совет: возьми на полночь и выкинь за борт свою стигийскую мумию!

— Алвеш, ты старый, выживший из ума болван! Шемиты сожгут наш корабль при первой возможности: у них хватит золота купить самого Сета, не то что эскадру с Барахас! А стигийцы сожгут его

и так: ты что, забыл, какая буря притащила нас в эту дыру!

— Пусть лучше мне вспорот живот зингарский гвардеец, чем призрак выдерет из меня душу и сожрет на моих глазах! Пройдись на корму и посмотри сам, коли ты оглох и не слышишь песни Освальдо! Фасулос, приготовиться к повороту!

Похоже, умудренный опытом Алвеш, проплававший с Табарешем полжизни, был на сазе бесменным боцманом и тем единственным, кто не боялся капитана.

— Они поворачивают! — возликовал Касталиус.

И было отчего, ведь сазу и ял разделяли уже каких-то четверть лиги.

— Погоди радоваться, Касталиус,— ухмыльнулся Хорса, не переставая грести.— Они еще не единожды могут повернуть обратно!

А песня набирала силу. Слитный хор мужских голосов заунывно, но с уверенной злой силой тянул старинный мотив, пришедший из тех славных времен, когда сазы и харасы еще не пришли на смену гребным галерам и гаулам. И слушать песню эту было жутко, ибо пришла она с Серых Равнин, откуда пришли и те, кто ее пел.

— Стигиец,— обратился Табареш к демону, равнодушно наблюдавшему его перепалку с командой.— Убей его! Мне надоел этот старый болван! Он знает обо мне слишком много и совсем перестал меня бояться. Ты получишь много золота, когда мы настигнем «Полночную звезду»!

«Так вот оно что! — подумал Хорса.— Оказывается, великий Табареш, коего так все боятся, стал

личиною при своем демоне! Так он протянет недолго!»

Дух взглянул на пирата, оставленного командой, и темно-карие бездонные глаза Стигийца впились в капитана, как две отравленные иглы.

— Нет,— изрек дух.— Там, за кормой, стоящий Освальдо Седой. Все золото «Полночной звезды» не стоит того, чтобы я скитался над морем, как этот туман. И как скоро будете скитаться вы все. Тебе не повезло, Табареш. Ты оскорбил его.

— Кого?! — выкрикнул недоумевающий Табареш.

— Освальдо Седого. Его покарали за жадность, тебя покарает он — за гордыню. А я не уподоблюсь ни тебе, ни ему. Я ухожу, Табареш. Над тобой простерто крыло смерти, и власть твоя надо мной кончается. Помни, что хоть часть твоего золота осталась у меня, а, значит, не пропала даром.

Стигиец говорил все это прежним ледяным голосом, будто и не предсказывал своему бывшему хозяину жуткую гибель.

— Стой, кусок мертвечины! — рявкнул пират.— Не я ли вытащил тебя из небытия! Иди и убей, иначе...

— Иначе не будет,— произнес дух.— Я ухожу. Поспешь на корму. Освальдо Седой — захватывающее зрелище.

Капитан, не говоря ни слова, выхватил длинный нож и замахнулся на Стигийца... Но поздно! Только догорающая жаровня бросала багровые отсветы в ставший еще более густым ночной мрак, подсвечивая белесый туман.

— Проклятье! — выругался Табареш и в ярости сорвал с головы капюшон. Пират оказался плешив: густые черные волосы обрамляли аккуратный купол девственной лысины.— Эй, там, на корме! Фасулос! Алвеш! Я выгнал Стигийца, Нергал вас всех сожри! Что у нас за кормой!

— Пропади ты пропадом, колдун! — услышал он ответ Алвеша.— Теперь за нами пришли! Но уж я-то продырявлю тебя первым!

Прозвенела тетива, и Табареш, схватившись рукой за грудь, рухнул навзничь на настил. В сердце торчала длинная стрела.

— Тэн И, у тебя с собой арбалет? — живо поинтересовался Хорса.— Как бы нам не получить напоследок такие же.

— Не этого следует опасаться! — вместо кхитайца ответил Касталиус.— Если вы помните гимны и молитвы, то читайте и молитесь, и да спасет нас Митра! То, что пришло с моря, чернее самой ненастной ночи.

— Ты еще мало знаешь про темноту,— глухо ответил Хорса.— Ты не был в пещерах Служителей Бездны. Гимны я знаю, а Тэн И знает их не хуже тебя. Только сядь прежде к рулю, а месьюру Тэн И позволь помочь мне на веслах.

А песня приближалась неотвратимо и неостановимо. Призрак гаулы — по три десятка весел с каждого борта — под широким треугольным парусом лазоревого цвета — цвета моря, и это было заметно даже сейчас — с невиданной быстротой настигал сазу, тщетно пытающуюся уйти на полночь.

Невеста нам — вечное море,
Нам волны — девичьи уста.
Как мачта крепка наша воля,
И совесть как парус чиста.

На носу гаулы стоял седой коренастый мужчина. Его длинные волосы были гладко зачесаны назад и собраны в косицу, перехваченную шнурком. Лицом он и вправду напоминал Гонзало — такой же большой и скривленный нос, презрительно-насмешливые тонкие подвижные губы, худые впалые щеки, выпуклые виски, исчезающие морщины на широком лбу, твердый, слегка раздвоенный подбородок.

Одет капитан-призрак был все же побогаче Гонзало, а может, он так вырядился ради особого случая? Ослепительно белая рубаша, зеленые штаны, сапоги с отворотами до колен, медные шпоры, широкий красный кушак и синий камзол с золотыми пуговицами и огромными красными обшлагами. Блестящая тонкая и длинная ламира с витиевато исполненной гардой и столь же изысканной рукоятью пока смотрела смертоносным острием вниз. Пустые ввалившиеся глаза призрака щурились, и вокруг них расплзалась сетка мелких морщин.

Гаула, с легкостью догнав стремящуюся на всех парусах на полночь саяту, поравнялась с ней и пошла борт к борту. Обнаженные по пояс гребцы сосредоточенно работали веслами, и загорелые спины их блестели от пота, словно палящее солнце стояло в зените, а не лежала кругом глухая пасмурная ночь. А над гребцами вдоль борта вы-

строились те, кто должен был идти на abordаж. Они могли быть кем угодно, но только не бесплотными видениями, и сталь их палашей льдисто мерцала, скалясь нестаревшими хищными клыками, как оскад их смеющихся ртов. И все, кто осмелился остаться в этот час на верхней палубе саяты, знали, за кем будет верх в этом abordажном бою. Но седой капитан медлил.

Но вот он поднял левую руку, и песня смолкла. Поворотясь в сторону «Аспида» и подойдя к борту, Освальдо позвал:

— Табареш! Если ты не совсем потерял свою удадь, принимай бой!

Ответом было молчание. Табареш лежал на носу, раскинув руки и не шевелясь.

— Он не сможет ответить тебе, Освальдо! — решился перечить призраку Алвеш, невысокий крепыш с черными пока что волосами, обладатель роскошных длинных усов. — Оставь нас! Я убил его!

— Ты не знаешь, о чем говоришь! — оборвал его Седой. — Или ты надеялся убить демона простой стрелой? Вставай, Табареш, и отвечай за свои слова!

К пушему ужасу моряков саяты, недвижный дотоле труп дернулся, шевельнул пальцами, потом оперся на руки и сел, дико озираясь вокруг.

— Оставь нас, Освальдо! — не отступался Алвеш. — Возьми его, если он досадил тебе словом или делом! Пусть демоны судят демонов, а живые — живых!

— Живые?! — насмешливо спросил Освальдо. — С тех пор как стигийский мертвец ступил на

палубу этого судна, вы трупы — все до единого! Вы слуги его и его Хозяина. Каждая оза золота в ваших карманах тянула на оззу вашей души, и наконец золото перевесило. Вы — мешки с золотом! Ты зря так пекся о своей душе, Таско! Ее давно нет! Сегодня вы падете под нашими клинками и встанете нам на смену, а мы уйдем на Серые Равнины и больше не потревожим прах земли. С Табарешем же я буду говорить сам!

Освальдо выбросил вперед правую руку с ламирой и коротко скомандовал:

— На abordаж!

Что происходило на «Аспиде» дальше, ни Хорса, ни Тэн И, ни Касталиус уже не видели. Черное облако опустилось на сцепленные мостиками-ключами корабли, и только на носу гаулы рубились жестоко и беспощадно два капитана. Стигиец солгал Табарешу. Он не мог покинуть саэту, но и гибнуть в небытии не желал. Как только капитан пал мертвым, дух вселился в его тело, надеясь избежать своей участи. Но обмануть Освальдо Седого было невозможно!

Ничего этого экипаж маленького яла не знал. Последнее, что видели они, это ламиру, вошедшую на треть в грудь того, кто был недавно Табарешем. Сей же миг на палубные доски рухнуло тело капитана «Аспида», а разящий металл клинка оказался воткнутым в жилистую плоть Стигийца. Руки духа, тянувшиеся к горлу Освальдо, бессильно упали, и тут же демон стал таять, как быстро сгорающая свеча. Золотые перстни посыпались с исчезающих пальцев, яркими искрами вспыхивая при падении.

Когда же тело Стигийца истлело до конца и лишь пустая одежда осталась висеть на ламире легендарного корсара, черный мрак, объявивший суда, распорола ослепительная молния. Вой, подобный вою тысячи духов, вырвался на волю и полетел в пустынное пространство океана. Оглушительный громовой раскат потряс небесную твердь. Неистовый вихрь разметал в клочья черное облако и поднял на высоту семи локтей гигантский вал, покотив его на берег. Из туч хлынул сплошной молотящий ливень, скрывший за своей стеной все то, что осталось от «Аспида» и гаулы-призрака. Казалось, повторяется картина пятидневной давности, однако ныне было иное. Тогда злобствовал колдовской шторм, туманя разум и угнетая душу. Нынешний шквал был очистительным.

Ворвань в фонаре вспыхнула в последний раз и потухла, залитая водой. Синий платок сдуло безвозвратно в море. Впрочем, это никого уже не заботило.

— Держи против волны! — заорал Хорса жрецу. — Если ты встанешь к нему бортом...

— Упаси тебя Митра пресветлый подумать и сказать такое! — отвечивал скороговоркой Касталиус и продолжил истово шептать молитвы.

Тэн И промолчал, но Хорса знал, что кхитаец тоже молится, не произнося ни слова вслух. Тем не менее губы его чуть заметно шевелились.

Налегая на весла что есть мочи, ближайшие приближенные аквилонского монарха — замерзшие, голодные, вымокшие до нитки — пытались перевалить за пенящийся где-то почти над голо-

вой гребень, чтобы не оказаться ни накрытыми неподъемной массой воды, ни увлеченными ею на каменистый берег. Думалось, что людям не под силу совершить подобное, но внезапно, когда, казалось, ял уже опрокидывался кверху килем, какая-то неведомая могучая длань толкнула его вперед.

Перепрыгнув через верхушку волны, пронзив завесу из белой шипящей пены, лодка, разом лишившись веса, полетела в глубину черной разверстой пучины...

Глава третья

два забрезжил рассвет, путники собрались в дорогу. Вперед послали Полагмара и Майлдафа — посмотреть, не поджидают ли их пикты при выходе из скал. Впрочем, пиктов сейчас не опасались. После битвы с тургартом, шква-ла с грозой, степного пожара пикты скорее всего не отправились бы с первыми лучами солнца на боевую вылазку, что и подтвердили вернувшиеся разведчики. У народа пущи было в запасе время, чтобы настичь и убить дерзких пришельцев. Ускользнуть тем было некуда, до любой границы было не меньше седмицы пути, а гонцы и барабаны пиктов передавали вести с огромной скоростью от селения к селению, от клана к клану.

Волки к рассвету поутихли, но, едва взошло солнце, затеяли настоящие переговоры. Вой слышался то с одной, то с другой стороны, при этом ни разу ни один волк не перебил другого. Ни одного волка люди пока не видели. Звери искусно прятались в камнях, щелях и им одним известных норах.

— Как будто разговаривают,— высказал наконец общее впечатление Родригес-младший.

— А они разговаривают,— без тени насмешки объявил Полагмар.

— Несомненно,— поддержал барона Майлдаф.

— Интересно, о чем? — Молодой зингарец захотел узнать побольше.

— О том, кого из нас сожрать первым,— мрачно пошутил Алфонсо.

— Вовсе нет,— все так же серьезно возразил гандер.

— Так ты знаешь, о чем они воют? — загорелся Евсевий.

— Точно не поручусь, так же как и ты за писания гномов,— с прежним спокойствием пояснил барон,— но по сути все ясно.

— Ну так поведай нам, вдруг это важно.— Сотти никак не желал верить, что это не розыгрыш.

— Итак,— с важным достоинством начал Полагмар,— волки, как и люди, живут там, где им лучше, по крайней мере, стараются поступать так. В Гандерланде они в конце весны поднимаются в горы, потому что к этому времени там вырастает сочная и густая трава и олени уходят на верховые леса и луга, а олени — главная еда волков из крупной дичи. Полевые мыши также выходят из нор и успевают достаточно размножиться. А по осени волки вслед за оленями возвращаются в долины и тогда не брезгают напасть на скот. Летом они тоже таскают овец, но летом это не так заметно.

— А они всегда идут в таком количестве? — осведомился Евсевий.

— Нет, довольно редко. Обычно семьями, но случается и так. А поскольку каждая волчья семья живет на своей земле, то все остальные как бы приходят к ним в гости, но прежде спрашивают разрешения. А еще они советуются, как идти дальше, или приглашают других идти с собой. Вот об этом они сейчас и говорят.

— И когда же планируется выход и почему именно здесь? — не отставал от Полагмара Сотти, стараясь найти брешь в теоретических построениях барона по поводу волчьего языка.

— А они идут вместе с нами,— обрадовал всех барон.— А здесь, потому что пикты не заходят в скалы и вообще не охотятся вдоль ручья. Он у них священный, а значит, и добычу у волков не отнимают. В скалах волки со всей округи собираются и уходят наверх. Нам повезло. Мы попали сюда как раз в такой день.

— Это они тоже тебе сказали, месьор? — выговорил ошарашенный Деггу.

— Нет, об этом я уже и сам догадался,— высокомерно изрек Полагмар.— Не так уж трудно.

— А у меня есть мысль,— изрек вдруг примолкший было Майлдаф.

— Неужели? Весьма, весьма отраднo,— съязвил Арриго.

— Она такова,— не обращая внимания, продолжал Бриан.— Конана среди нас нет, но проводник нам нужен. Проводника берут обыкновенно из местных, как, например, когда-то меня.

— Как же, помню,— заметил Евсевий.— До сих пор аукается.

— Здесь проводника не добудешь. Не вижу причины, отчего бы не использовать волков. Они не хуже Конана знают, куда надо идти.

— А ведь это занято.— Евсевий поскреб бороду, что он делал только в случаях необычайно важных.— Пожалуй, от реки нам уходить не стоит — в лодках посуху не пройдешь, а пешком заблудимся — да и подземный город нам на руку: в развалины пикты не полезут, а нам — не впервой. А вот пока мы туда доберемся, нам лучше быть в сопровождении волков. К ним пикты не подступятся. Им тоже жить охота, а с такими стрелами я бы на волка не пошел.

Рассуждения Евсевия были признаны разумными и приняты как руководство к действию, поскольку ничего лучшего никто придумать не сумел.

Взялись за весла, и скалы медленно поплыли назад: в извилистой протоке сильно разгонять вельбер не было смысла.

Когда лодки проходили мимо странного рисунка на стене, Майлдаф, опережая предупредительное восклицание Деггу, неожиданно вскочил на ноги, едва не опрокинув челн.

— Евсевий! Ты посмотри! Я же говорил, что город построили паки! Твои гномы остались на Севере, в Граскаале. На закате их нет, это мне король рассказывал.

— Митра Солнцезарный! — проговорил Евсевий.— Так вот откуда они явились!

— Кто? Какие, в конце концов, паки? Я о них уже в третий раз слышу. Куда явились? — занерв-

ничал Арриго.— Я не понимаю вас, месьоры. Положительно не понимаю!

— Паки — это вроде гномов, только поменьше и поглупее, оттого и не такие вредные,— доходчиво разъяснил Бриан.— Живут у нас в Темре, только в горах. Я многих лично знаю. Шумный народ, но гостеприимный. А что хотел сказать друг Евсевий, этого я и сам не понимаю.

— Хочу лишь то сказать тебе, Майлдаф, преславный, что паки те из сих краев явились в Темру, когда их силою своей изгнали гномы из сих земель, куда пришли позднее, от восхода.

Импровизация получилась неплохая, но по достоинству ее оценили только Сотти да Конти. Горец, привыкший к подобным выходкам ученого, не стал ничего говорить, предпочитая подождать более простого объяснения.

Прочие сидели раскрыв рты, и только Алфонсо мрачно заметил:

— Мне грести, или будем стоять на месте?

— погоди, любезный,— попросил аквилонец. Он вновь поскреб в бороде, взирая на рисунок. Прошло несколько долгих мгновений.

— Поплыли,— выдохнул Евсевий. На губах его опять играла хитрая улыбка.

— Изъяснитесь же наконец,— чуть не взмолился Арриго.

— Изъясняюсь,— покровительственно молвил Евсевий, взявшись за весла.— Паки пришли в эти места раньше гномов, хотя они наверняка некогда были одним народом. Это было пять тысяч лет назад. Может, лет на пятьсот раньше или позже,

но пять тысяч лет назад паки тут жили. Это я вижу по луне и звездам, нарисованным на скале. Звезды не всегда располагались так, как сейчас. Они тоже движутся, только очень медленно. Это заметили атланты, а потом кхитайцы, так что я не фантазирую. Так, как нарисовано на скале, звезды стояли пять тысяч лет назад. Паки нарисовали здесь свою огненную пирамиду, а затем гномы изгнали их, и они ушли к горе Дол Улад, то есть Седой.

— Очень интересно,— пробурчал Арриго.— А нам-то от этого какая польза?

Если бы руки у Евсевия не были заняты веслами, он бы красноречиво развел их в стороны.

— А чтобы знать,— ответил за ученого Майлдаф. И ответ был достоин вопроса.

Скалы кончились, и охранное колдовство павков и гномов снова уступило первозданной мощи пиктского леса.

* * *

Ручей извивался змеей, делая в чаще длинные меандры. Кое-где упрямая вода размывала твердую породу, и тогда в плотном строе деревьев виднелся просвет.

Пиктов не было видно. Зато показались волки. Это были красивые и крупные звери, и даже барон Полагмар — признанный теперь всеми знаток волчьей природы — и Бриан Майлдаф никогда не видели столько больших волков сразу. По словам барона, это была несколько иная порода, чем волки севера. Помимо размеров они отличались бо-

лее широким лбом, широкой пастью, светлой серебристой шерстью и общей тяжеловесностью, что не мешало им двигаться ловко и проворно. В этом пловцы смогли вскоре убедиться еще раз.

Здоровенный волчище зашел в ручей и водил над водой носом, не обращая никакого внимания на людей. Внезапно зверь рванулся всем телом вверх по течению, словно гнал кого-то. Так и оказалось. Через мгновение в зубах у волка трепыхалась увесистая блестящая рыбина.

Волки точно знали, где следует подниматься в горы. Олени, кабаны, лоси, косули всех видов и расцветок огромными стадами текли вверх. Живой поток во много раз превосходил мощью небольшую речку, качавшую лодку на медленных мелких волнах. Такое изобилие было немедленно использовано. Майлдаф и Евсевий легко подстрелили оленя, а на рыбу, кроме самых сообразительных волков, иных претендентов и вовсе не отыскалось.

На второй день пути начался медленный, но уже заметный глазу подъем. Течение немного убыстрилось, но не настолько, чтобы как-то затруднить греблю. Мягкая красновато-бурая почва сменялась желто-коричневой. Все больше попадалось крупных валунов и глины. Берега перестали быть низкими и плоскими, временами взбираясь на невысокие обрывы.

Никто не верил, что весь поход к таинственным пещерам в горах так и пройдет в обстановке идиллии. Пиктов ждали за каждым поворотом. Костер разводили небольшой, благо в лесу было куда теплее, чем в ветреных скалах, и прятали

огонь в ямку. Для пущей безопасности в каждом вельбере кто-нибудь один временно освобождался от гребли, выполняя роль вперёдсмотрящего. Разговаривать старались как можно тише, а то и вообще молчали. Только барон Полагмар и Евсевич оставались невозмутимыми. Гандер не переставал восторгаться богатством здешних охотничьих угодий, уповая на то, что по поведению зверей и птиц сумеет предугадать расположение пиктской засады. Тарантиец переживал отсутствие пергамента, но тренированная память надёжно запечатлевала все, что только встречалось на пути примечательного. Чертеж Евсевич делал на светлой гладкой коре неизвестного дерева, напоминающей бересту, но гораздо более гладкой и лишенной черных оспин.

Бестревожно минул и третий день пути, и сменившая его ночь. К полудню четвертого дня характер местности значительно изменился. Зеленые холмы уступили место каменистым осыпям и угрюмым гранитным взлобьям. Обрывы правого берега поднимались уже на высоту семи локтей, обнажая глинистые корявые корни росших над кручей деревьев. Гигантские стволы с широкими листьями, лианы, пышные кустарники и диковинные цветы, похожие на те, что растут в джунглях Черных Королевств, сменились мелколиственными, пусть менее массивными, но более гибкими и стойкими породами.

Здесь нагорье поднималось вверх, и самый крутой участок подъема им еще предстоял. Ураганные океанские ветры взбирались по этому скло-

ну вверх, прилизывая и утюжа каждую былинку. Выживали только наиболее гибкие и цепкие. Великаны вроде гинкго, куда взбирался на берегу Дегту, здесь были обречены. Но на плоскогорье, на ровном пространстве, широколиственные породы вновь должны были почувствовать себя вольготно, хотя ждать встречи с теплолюбивыми цветами там не приходилось.

После полуденной трапезы и первых скадиев преодоленного расстояния впереди послышался шум переката. Воздух звенел от птичьих криков, но волки вместе со своей добычей куда-то исчезли, о чем Полагмар не замедлил всех оповестить.

— Перекат опасен еще и тем, что по таким местам проходят границы между кланами. Если здесь этот ручей почитают за священный, то в нескольких лигах вверх за него не дадут и гнилого плода, — предупредил Арриго.

— Тогда вперед, на разведку, — сделал справедливый вывод Майлдаф.

Выбрали место под корнями старой сосны на левом берегу, причалили, спрятали вельберы. Правый берег здесь не был слишком высок и крут, и Сотти с Полагмаром без труда переправились туда. Берег густо зарос папоротниками, а дальше поднимался холм, за которым дыбилась песчаная грива.

Вторую пару разведчиков составили, конечно, Майлдаф и Евсевич. Тащить с собой длинные боевые луки в густой чаще было неудобно, и они обошлись охотничьими. Этот берег был ровнее, но дальше скатывался к юго-западу покатым спуском.

Должно быть, там был овраг или большая глубокая лощина.

Оставив Арриго и моряков вместе с Конти и Родригесами караулить лодки, Бриан с Евсеем углубились в лес. Сначала путь их лежал по ровному, едва поднимающемуся склону. За кустами жимолости и иных пород плескался ручей, вдоль берега коего, эти самые кусты старательно обходя, и пробирались двое приближенных его монаршего величества, который и сам ныне странствовал в одиночестве по неизведанным дебрям.

Обогнув очередную колючую заросль, тарантиец и горец оказались перед крутым откосом, уходящим на добрых десять локтей вверх. Переглянувшись, разведчики кивнули друг другу в знак понимания и двинулись вправо, прочь от потока, намереваясь одолеть подъем незаметно для тех, кто, возможно, поджидал их у переката.

Через двести с небольшим шагов откос резко повернул к востоку, а Майлдаф с Евсеем оказались перед дальнейшим спуском в ту самую лощину. Противоположный склон этой лощины находился не меньше чем в полулиге, а сама впадина заросла кустами и травами настолько, что они образовали единую плотную живую изгородь, прорваться сквозь которую мог разве только лось или медведь. Шерстистый тургарт, впрочем, тоже без труда переплыл бы это колючее море, но лес не был стихией этого зверя. Впереди, на востоке, лощина круто взбегала — почти упиралась в скальный выход. Но скалы здесь не стояли стеной, а громоздились друг на друга титаническими глы-

бами, самые мелкие из которых были величиной с вендийского слона, а самые крупные могли равняться с угловой башней в стене тарантийского дворца.

Подниматься надо было здесь или, в противном случае, не подниматься вовсе. Пристально оглядевшись и едва не приняхавшись по-собачьи, Майлдаф махнул брезгливо рукой, что должно было означать: «Поднимаемся, пропади оно все пропадом!»

Подниматься по крутому склону и постоянно держать в поле зрения его гребень было нелегко, прячась за щедро рассыпанные валуны и тут и там торчащие кусточки, оскальзываясь на не вполне еще просохшей после трехдневной давности ливня глине.

Наверху их ждал сюрприз — развалины каменной стены сухой кладки. Камни были темны и стары. Возраст их не поддавался определению, но некогда стена составляла около трех человеческих ростов, как можно было судить по некоторым ее участкам. Толщина стены достигала четырех локтей. Камни давно покрыл мох и лишайник, трава проросла сквозь щели, вездесущая камнеломка разорвала гранитные оковы, но кладка была сделана на совесть: гранитные блоки были подогнаны друг к другу без малейшего зазора, а где нужно и обтесаны.

Пробравшись сквозь пролом, Евсей и Майлдаф спрыгнули в густой пыльный бурьян. И тут же нырнули в него с головой, благо трава была достаточно высокой, чтобы скрыть присевшего на корточки взрослого мужчину. Причиной столь по-

спешного отступления был пикт, вылезший навстречу хайборийцам из зарослей на противоположном краю небольшой поляны. К счастью, туземец передвигался каким-то странным способом — спиной вперед, поэтому и не заметил лазутчиков. По дальнейшему наблюдению выяснилось, что причиной сего необычного поведения дикаря являлась объемистая корзина, куда тот складывал крупные иссиня-черные ягоды. Ягоды эти росли на низких кустах с широкими зелеными листьями в форме лодочки с мелкими зазубринками по краю, и, чтобы достать до ягод, приходилось сгибаться в три погибели и приподнимать лист. Дабы избавить себя и свою поясницу от утомительных движений, пикт ползал на коленках и тащил по земле корзину, наполненную уже до половины.

Пикт был так увлечен своим занятием, что даже не заметил, как сзади по-кошачьи подкрался некто большой и сильный, чью тень увидеть не удалось по причине полуденного солнца.

Майлдаф напал на дикаря сзади и сдавил ему горло так, что тот мог только с большим трудом проталкивать внутрь легких воздух, но в то же время и не задыхался до смерти, а Евсевий быстро острым кинжалом разжал пикту зубы, запихал в рот кляп и туго связал за спиной руки. Встряхнув пленника за шиворот, как котенка — он оказался на три четверти локтя ниже Майлдафа, — Бриан недвусмысленно толкнул его к пролому в стене. Видя внушительный меч на поясе горца и кинжал в руках Евсевия, пикт безропотно подчинился.

Захватив горсть ягод, Майлдаф думал было попробовать, но остерегся: яд от растений, когда им напивывали стрелы, действовал безотказно и быстро, в отличие от змеиного. Подталкивая разом обмякшего и понурого пикта острием кинжала, Евсевий погнал его впереди себя сначала под гору, а потом через лес к стоянке.

Возвратившихся горячо приветствовали, ибо ожидание длилось уже весьма долго. Гандер и Сотти пока не вернулись, что вызывало тревогу.

— А что мы будем делать с пленным, позвольте узнать? — поинтересовался Арриго. — Кто-нибудь из нас, кроме Конана, знает пиктский?

Бриан почесал в затылке, только сейчас сообразив, что об этом стоило подумать, прежде чем бросаться сзади на первого попавшегося пикта.

— Ничего, — отмахнулся горец. — Если он не совсем тупой, мы ему быстро растолкуем, чего хотим. Вот и Евсевий у нас умный, он придумает.

В ответ Евсевий поморщился, но промолчал: он терпеть не мог, когда его называли умным человеком, ибо сам себя таковым не считал.

— Попробую объясниться с ним на языке рисунков, — с сомнением в голосе предположил Евсевий. — Если он захочет разговаривать.

— Захочет, — веско заявил мрачный Алфонсо, и по одному его виду было понятно: он знает, что говорит.

— Привяжите его к дереву и выньте кляп, — вздохнул Евсевий. — Времени у нас мало.

Пока все это выполняли, пикт слушался беспрекословно. Едва Алфонсо извлек изо рта плен-

ника моток тряпок, засунутый в горячке схватки решительной десницей того же Евсевия, пикт ошарашил всех долгой, сбивчивой и проникновенной речью на непонятном языке.

— Евсевий, ты что-нибудь понял? — спросил, опомнившись, Майлдаф, когда пикт наконец-то умолк и теперь стоял и тарашил на своих похитителей испуганно-угодливые карие глаза. Сам он был молод — не старше семнадцати лет, значительно ниже Майлдафа, но для пикта весьма рослый. Питался юноша, очевидно, неважно, ибо был худ, но крепкие мускулы рук и ног и широкая грудь свидетельствовали, что ему приходится выполнять постоянную физическую работу, причем не слишком легкую. Лицо у него было продолговатое, смуглое, виски выпуклые, длинные прямые черные волосы зачесаны назад и собраны в длинный хвост. Рот был маленький, губы тонкие, скулы узкие, щеки худые, нос большой, тонкий и горбящийся, а глаза сощуренные, хитрые. Краски ни на лице, ни на теле, прикрытом только чем-то вроде короткой юбки, не было, только на левой груди пребывала татуировка, изображавшая большого лесного паука.

— Хвала Митре! — просил учений.

— Ты что-то слышал в этой тарабарщине? — удивился Арриго.

— Конечно! — обрадованно изрек Евсевий. — Это шемитский, один из приморских диалектов. Очень исковерканный, надо сказать.

— Подожди, посмотрим еще, поймет ли он тебя. Наверно, он знает только, как говорить на ше-

митском неправильно, а как правильно — не знает, — скептически предположил Донато.

— Ты тоже не слишком правильно говоришь по-аргосски, но с месьором Сотти вы прекрасно друг друга понимаете, — парировал аквилонец и смерил Донато уничтожающим взглядом, после чего обратился к пикту с длинной речью.

— Зачем говорить так много? Ведь он же забудет, о чем спрашивалось вначале! — недоуменно заметил Бруно.

Но пикт, как ни странно, что-то ответил, а Евсевий кивал головой, подтверждая, что понимает его.

— Он говорит, что его зовут Одри, что значит «рыба». Но это не настоящее его имя, а прозвище. А имя свое он нам открыть не может, так как очень боится, что его услышат злые духи. Шемитскому же он научился понемногу, когда купцы оттуда приезжали на меновой торг. Они три раза в год приезжают сюда.

— Что же он тогда делает здесь? Украл, наверно, что-то, вот и наказали? — спросил Серхио.

Евсевий перевел, пикт залопотал что-то в ответ.

— Нет, его не наказали, — усмехнулся аквилонец. — Сейчас у него возраст посвящения в воины, и он проходит свое испытание. Здесь пролегает граница их клана и земли каких-то дионтов. Наверно, другой клан. Это очень опасный рубеж, и охранять его нелегко.

— Почему же он нам все это рассказывает? Если он готовится в воины, то он должен молчать,

а не выбалтывать секреты! — сообразил принц Конти. — Мы ведь даже не начинали пытаться его!

Евсевий опять перевел, тщательно подбирая выражения. Юноша понял, но отвечал без тени смущения.

— Это не считается у пиктов трусостью. Они полагаю, что воин должен биться мечом, копьем и палицей, а не языком. К тому же никакой страшной тайны он не выдал. А по ручью, он говорит, нам все равно придется идти, потому что лодка не может пройти по суше, так что ни их кордона, ни заставы дионтов нам не миновать.

— Забавно! — осклабился Донато. — А если мы пригрозим ему смертью, он покажет нам обходной путь? А может, и грозить не стоит? Может, и это не считается у них трусостью?

— Нет, — покачал головой Евсевий, когда обменялся речами с привязанным к дереву пиктом. — Не покажет, потому что обходного пути нет. К северу лежат земли некоего горного клана, с которым у них всегда война. Горцы держат на замке все пути на плоскогорье, и потому дорогу туда он не знает. К югу местность совершенно непроходима из-за топей. Нам можно пройти только по ручью и одной заброшенной тропке сразу за ложиной, но ее тоже стерегут дионты.

— Хочу сказать от себя, что дионты — это, по всей видимости, не пикты, — добавил Евсевий. — Своих он называет «Дети Серого Отца», а дионтов так и зовет — дионтами.

— Так спроси у него, кто это такие, — посоветовал Майлдаф.

— Непременно. — кивнул Евсевий.

Только он начал переводить, как папоротники на правом берегу раздвинулись и оттуда выскочили один за другим Полагмар и Сотти. Оба были запыхавшиеся и крайне возбужденные.

— Скорее! — быстро заговорил гандер. — Есть надежда прорваться! Они там сражаются с кем-то. Пока возятся, можно проскочить. А это еще кто? — осекся он, только теперь заметив привязанного к дереву Одри.

— Это мы с Евсевием поймали, — небрежно бросил Майлдаф. — Его зовут Одри. Он нам сказал, что здесь тоже есть горцы.

— Замечательно, — кивнул Сотти. — Это его, наверно, пикты звали. Орали как оглашенные. У них, по-моему, маловато людей. Им будет не до нас.

Одри, видимо, сообразил, что дело неладно, и затараторил что-то, обращаясь к Евсевию.

Тот любезно ответил.

Одри сделал большие глаза, задержался и опять обратился к Евсевию, умоляя о чем-то.

— Он просит, чтобы мы отпустили его воевать с дионтами, — поведал Евсевий.

— Пусть обещает, что ничего о нас не скажет и не будет в нас стрелять, тогда отпустим, — посоветовал Сотти, нимало, казалось, не смущенный тем, что пикт и Евсевий запросто беседуют.

— Доверять дикарю?! — возмутился Арриго. — Он продаст нас со всеми потрохами! Я был в пуще и знаю их нравы!

— Вы были на границе, военачальник, — заметил Сотти. — А продавать нас ему будет некогда.

А если мы его не отпустим, то, боюсь, и некому. Драка идет нешуточная. И зачем он нам, живой или мертвый? И потом, пикты, конечно, врут, как и все люди, но они дети перед шемитами, на языке коих он объясняется. Знаете, какую Шем получает прибыль от этих походов?

— Не знаю и...— начал было военачальник.

— Напрасно,— холодно оборвал зингарца Сотти.— Полюбопытствуйте у Норонья, он вам, может, и ответит.

— Хватит рассуждать! — рассердился флегматичный гандер.— Или мы плывем, или нас перебьют пикты или эти... Словом, те, кто выживет!

— Плывем, почтеннейший!

Все обернулись. Майлдаф, скаля зубы, стоял с мечом в руках, а где-то, уже локтях в семидесяти, трещали кусты: Одри и след простыл.

— Вельберы на воду! На весла! — скомандовал Серхио, мигом оценивший обстановку.

Боцман хоть и не был великим стратегом, но боев он на своем веку повидал достаточно и теперь предпочел не дожидаться, пока будущие союзники договорятся между собой.

Команда подействовала на всех, не исключая Сотти и Арриго. Вельберы стрелой понеслись навстречу неизвестности.

Ручей снова сделал извилину, и они очутились перед перекатом, который пришелся как раз промеж двух гранитных щек, уходящих на десять локтей вверх. Это и была граница горной пуши. Дальше начинался самый последний, но зато и самый высокий и крутой подъем к нагорным равнинам

пиктов и горам, где, как выяснилось, обитали какие-то загадочные дионты.

Над ручьем с левой стороны поднималась та самая полуразрушенная стена, что Евсевий и Майлдаф обнаружили при вылазке. Из-за нее раздавались воинственные крики пиктов, слышался звон мечей. С противоположной стороны к самому краю обрыва подступал лес, откуда беспрерывно свистали стрелы. Некто невидимый, должно быть дионты, нещадно обстреливал пиктскую заставу.

Ручей журчал на перекате, обнажая кое-где острые гранитные клыки. Здесь было мелкогато даже для вельберов, но выйти на берег и преодолеть препятствие волоком было невозможно.

— Под правым берегом чисто! — крикнул Донато, бывший впередсмотрящим на головном вельбере.— Можно пройти! И молитесь вашему Митре или кому еще, чтобы на нас не скинули увесистый камень слева, а справа не засадил стрелу наш любезный Одри!

Первый вельбер, управляемый Алфонсо, вильнул влево, весла ударили с новой силой, лодки рванулись вперед.

Коридор между щеками был длиной локтей двадцать пять, и вельберы, будь все на открытой воде, пролетели бы столь мизерное расстояние в мгновение ока. Но здесь протока была столь узка, что весла с левой стороны пришлось уложить вдоль борта и отталкиваться от стены руками, а с правого борта грести очень осторожно, чтобы вельбер не ткнулся носом в обрыв и не застрял, а также чтобы не скрести впустую веслом о многочисленные камни.

Один за другим вельберы втянулись в протоку. Правый берег навис над головой, и того, что находится там, никто не видел, только корни, извиваясь, торчали из скалы. Над левым берегом вставали руины стены, венчавшей собой небольшой перевал. Дальше левый берег опять круто скатывался вниз, но через три скадия вновь карабкался на скальную кручу. Кто возвел здесь эту крепость, рассуждать было недосуг. Достаточно было знать, что теперь его держали пикты, и если они заметят вельберы — а они это непременно сделают, если они не слепые, — то хайборийцы оказывались беззащитны под их стрелами. Впрочем...

— Евсевий! Майлдаф! В этой канаве воды меньше, чем в туранской пустыне! — обратился к аквилонцу и горцу Сотти. — Мы справимся на весах и без вас! Возьмите луки!

Совет был подан дельный, и не последовать ему было бы неразумным упрямством. Теперь можно было без затруднения применить боевые луки, и, мгновение спустя, пиктский оборонительный рубеж оказался под двойным прицелом: с правого берега и с воды.

Первый вельбер прошел уже треть пути, когда на него обратили внимание. Пикты завопили вновь и не замедлили выстрелить по канувшим где-то в лесу белым колдунам, наславшим на лучших воинов клана большого разъяренного «рихо», о которых им донесли барабаны.

Пиктам мешали стрелы с противоположного берега, поэтому они не оказались столь точны, как могли бы быть на таком невеликом расстоянии,

но Бруно невольно вскрикнул, когда костяной наконечник пробил ему плечо, а Фулвио упал ничком. Стрела торчала у него из-под левой лопатки.

Майлдаф и Евсевий выстрелили едва ли не раньше, чем пикты. Вопль негодования был знаком того, что хотя бы одна стрела нашла цель.

— Стреляйте, не давайте им высунуться! — призвал Арриго.

— Им и без нас не дадут, — хладнокровно отвечал Майлдаф. — А они все равно будут стрелять, потому что они — воины.

Но, словно в подтверждение его слов, лучники на правом берегу принялись выпускать стрелы столь часто, что пикты и вправду лишились возможности высунуться из-за прикрытия, чтобы посмотреть, что же делается внизу.

— Наверное, там слева у них подошло подкрепление, — предположил Сотти.

Первый вельбер уже выходил из теснины, когда положение на правом берегу изменилось. Грянуло дружное «Клукхту!», зазвенели мечи. Пикты предприняли обходной маневр, а может, подошли с севера горцы, и неведомым дионтам пришлось плохо. Поток их стрел ослаб, и пикты, вынужденные отсиживаться за стеной, снова поймали на прицел две совсем было ускользнувшие от них лодки.

Конечно, Евсевий и Майлдаф не замедлили вернуть пиктам долг, но в древней крепости засели лучники не менее опытные и меткие. Видимо, граница с дионтами, не в пример меже с соседним кланом, считалась рубежом чрезвычайно важным, и сюда посылали только лучших воинов.

Бриан и Евсевий успели сделать по два выстрела в ответ на один выстрел пиктов, но ведь пиктов было раз в десять больше! Вельберы еще счастливо отделались, но Донато и Серхио были ранены, а Мархо разделил участь Фулвио. Мархо не повезло особенно. Он был загребным в лодке Серхио и, в отличие от рулевого, не мог наклониться. Четыре стрелы пронзили его насквозь, а пятая пробила грудь.

Но вельберы продолжали путь. Первый челн, благодаря тому что Мегисту вытащил весло из уключины и работал им теперь как шестом, уже вырвался из каменных тисков. Алфонсо, Евсевий, Майлдаф, Мегисту, Сотти, Полагмар и принц Конти, которого нарочно усадили посредине, могли чувствовать себя в относительной безопасности. Не повезло только бедняге Фулвио.

На противоположном, восточном участке бывшей стены кипел рукопашный бой, лучникам здесь делать было нечего — слишком велик был риск угодить в своего.

Шум боя на правом берегу сошел на нет. Кто-то одержал победу, и, судя по всему, это были противники пиктов, поскольку дождь стрел, обильно сыпавшийся на крепость, возобновился. Но то ли дионты не делали разницы между пиктами и хайборийцами, то ли успели забыть, что Евсевий и Майлдаф им помогли, но еще один выстрел был сделан по второму вельберу.

А вот вельбер был мишенью куда как уязвимой! Не показываясь из-за стволов, дионты обрушили на лодку град стрел. С головного челна было

видно, как выронил весло и медленно упал лицом вниз Родригес-младший, как тяжелый панцирь увлек вон из лодки уже мертвое тело Арриго, как загорелый здоровяк Бруно дернулся и затих, когда разом несколько смертельных жал вонзились в него. Учитывая, что Мархо уже был в той лодке бесполезным грузом, положение оставшихся четверых становилось катастрофическим.

Родригес-старший в бессильной ярости воздел к небу кулак, но что он мог против невидимого врага, глумившегося над ним с недостижимой высоты! Майлдаф и Евсевий выстрелили по деревьям на удачу. По радостному реву пиктов, приписавших, должно быть, чужой успех себе, стало понятно, что дионты почувствовали на себе мощь аквилонских луков. Лучшими стрелками на материке по праву считались гирканцы, но и они не побрезговали бы такими воинами!

— В воду их, иначе сам пропадешь! — взревел Серхио. Кривясь от боли, сам раненный в предплечье, он поврежденной левой рукой держал руль, а правой схватил за рубаху неподвижного Мархо, приподнял тело и выпихнул за борт. Могучий Деггу, тоже получивший ранение, с трудом освободил лодку от тела Бруно. Военачальник Арриго обрел вечный покой на дне безымянного ручья, но Родригес не желал поступать с братом так кощунственно. Молодой человек едва сдерживал слезы, когда Донато, не в первый раз видевший смерть, резко бросил ему в лицо:

— Живо за весла, если хочешь похоронить его по-людски, сопляк!

Зингарец подчинился. Второй вельбер, вслед за первым, вышел на широкую воду.

Тем временем пикты вновь стали одолевать, и новые стрелы полетели в сторону вельберов. Первый был уже труднодосягаем, и лишь две стрелы безвредно ткнулись в обшивку, даже не застряв в ней. Но второму не повезло в третий, и, к счастью, в последний раз. Пикты добились-таки Дона-то, а старший брат последовал за младшим.

Серхио обернулся, провожая взглядом гибельный перевал. На обломках угловой башни стояла молодая пикт с натянутым луком и стрелой, нацеленной, казалось, прямо на него, Серхио, и моряк понимал, что лучник не промахнется. Это был Одри. Пикт глянул вниз и отпустил тетиву. Стрела просвистела рядом с плечом Серхио. В последний миг моряк увидел, как пикт махнул ему рукой и исчез за стеной. Это был знак. Одри сдержал обещание.

На открытой воде — а сразу перед щеками ручей разливался, становясь тихой речушкой, — Дегту мог один с успехом заменить четверых, и он настиг первый вельбер, сбросивший скорость в ожидании товарищей, уже через пятьдесят локтей.

Шум боя удалялся, и новая страна, куда они проникли, потеряв половину людей, открывалась перед ними. Знакомый волчий вой был первым мирным звуком, приветствовавшим их появление.

Глава четвертая

Мри дня кожаный челн Алейра и Ойсина шел, ведомый гигантским селио-роном, на полуночный восход, и Конан снова видел, как огромен и многолик Океан. Сначала они благополучно пересилили шторм. Ойсин и вправду на редкость умело управлял суденышком, но парус потом все же пришлось убрать. Носовую часть лодки успели затянуть кожаной крышей, прежде чем хлынул ливень.

Конану случалось оказаться в бурном море в ненастье на маленькой лодке, но вот в кожаном челне он проходил такое испытание впервые. Черные валы в семь локтей высотой поднимались по курсу лодки и гнались за ней по пятам, вздымаясь за кормой, но ни разу не допустил Ойсин ошибки, подставив челн к волне бортом. После, когда Ойсин устал, его сменил Алейр, а когда устал и он, к рулю сел Конан. Бурная ночь миновала, и розовой полосой загорелся наутро восход. Ураган улетел на запад, и хоть ветер был еще яр

и свеж, небо светилось лазурью. Вновь поднялась впереди гребнистая спина селиорона, и путь их продолжился.

Вскоре увидел король Конан, как морские звери и птицы небесные сопутствуют им, направляясь к полуденному закату, и понял, что не обманулись в ожиданиях своих Ойсин и Алейр и что попал их челн в иные моря, нежели те, что знал Конан прежде. Ибо море сделалось не серым, подобно свинцу, но винноцветным, как свойственно водам юга. И дивные животные являлись к поверхности: о существовании многих не подозревал король Конан. И другие чудеса морские — дельфины, и меч-рыба, и кальмары, и великие рыбы, и морские кони, и иные — сопровождали челн в течение этого дня и еще трех, пока не явились им с полуденного заката берега Касситерид.

Все это время вели они беседы о давних годах, кои были памятны Алейру и Ойсину, и о временах нынешних немало поведал им король Конан, но утаил, зачем оказался в море, сказав, что лишь плыл в Мессантию, получив приглашение от короля аргосского Мило.

* * *

Касситериды возникли на горизонте на четвертый день плавания, к полудню. Ветер дул попутный, и челн быстро шел курсом на северо-запад. Море, вовсе не похожее на суровые воды у берегов Ванакхейма, играло волнами цвета молодого виноградного вина — еще сизо-зеленоватого, не обретшего утонченности и строгости рубина от

многолетней выдержки. Воздух уже за несколько лиг от островов звенел от птичьего гомона. В волнах резвились дельфины, стремительно неслись на небольшой глубине или прямо по поверхности, словно скользя, причудливые птицы с длинными крепкими клювами, использующие крылья как плавники, но не умеющие летать. Они казались жирными и неуклюжими, но в воде перемещались с ловкостью, не уступающей дельфиньей. Солнце стояло в зените, играя ярко-желтыми лучами, и ничто не предвещало событий, ради коих прибыли сюда — случайно или по доброй воле — трое мужчин на кожаной лодке.

Но сами острова, в противоположность радостному, полному жизни морю, выглядели сурово, будто древние развалины в зеленом весеннем лесу. По сути, так оно и было. Касситериды медленно и неуклонно погружались в океан. Волны размывали песчаные их берега и незаметно подтачивали гранитные скальные твердыни. От некогда обширного архипелага ныне остался большой низкий остров, являвший собой гряду холмов, заросших темным сосняком, и мелкое озеро, этими холмами окруженное. Собственно, озеро и занимало большую часть поверхности острова, а холмы служили ему лишь обрамлением.

Кроме этого острова рядом располагались шесть гораздо более мелких островков, также являвших собой лесистые холмы и дюны, и целая россыпь скал и рифов, поднимающихся над поверхностью с обширной рыбной банки, еще не ушедшей глубоко в пучину.

— Это хорошо, что ветер попутный,— рассуждал Ойсин, снова восседавший на корме, время от времени поправляя руль загорелой рукой, перевитой тугими веревками мускулов и окольцованной серебряным браслетом старинной работы.— Успеем войти в протоку, что отделяет озеро от океана. Когда настанет отлив, да еще такой, как сегодня, берег обнажится, а тащить лодку через перешеек у меня большой охоты нет.

— А краген? Он как проникнет в озеро? — Ллейр спрашивал специально, чтобы Ойсин говорил дальше. И он, и Конан уже знали все возможные подробности предстоящего им, но таковы были обычаи: рассказчику надлежало время от времени задавать вопросы, чтобы он вел свое повествование от вехи к вехе. Все прекрасно знали, что последует дальше, но слушали с удовольствием. В устах хорошего рассказчика старое предание всегда звучало свежо.

— Он проникнет в озеро сухим путем, ибо способен ползти по суше, перебирая своими клешнями и щупальцами. Все живое, что есть на острове, в это время прячется и затихает, хотя на земле он вовсе не быстр и не способен вести охоту. Но черной волей своей угнетает всякую тварь и вселяет беспричинное беспокойство и уныние во всякое сердце.

— И в сердце человека? — не унимался Ллейр.

— Как и всякого живого существа,— важно подтвердил Ойсин.— И немалой стойкостью воли должен обладать человек, который посмеет выйти на поединок с чудовищем, ибо поддаться его чарам

значит потерпеть поражение, еще не приступив к схватке.

— А как же одолеть чудовище? Ведь силою он много превосходит величайших из тварей, ходящих по суше, и даже исполинские эйсы избегают встречи с ним в темных глубинах,— продолжал расспрашивать рыжеволосый Ллейр.

— Так и есть,— кивал Ойсин, блестя на солнце гладко бритой головой, лишь на висках его серебрилась благородная седина.— Но, влекомый видом луны, лежит он на мелководе либо и вовсе выползает на сушу, и там много теряет в проворстве, хоть и не убывает черная сила его, и горе тому, кого захватят его клешни и щупы. Искусный же воин прежде всего лишил бы крагена зрения, ибо огромные его глаза преисполнены ненависти и злобы, и не только зрит он ими все происходящее, но и вселяет смущение в сердце противника своего. После же следует отсекать мечом один за одним щупы его, подобные гигантским змеям, и тут надо явить изрядные доблесть и ловкость. Огня чудовище не боится, но и защиты от него не имеет, посему и горящий факел может послужить оружием умелому воину. Также следует затем отсечь крагену гигантские его клешни, ибо пока есть при нем хотя и одна из двух, невозможно подступить к нему вплотную. И тогда лишь, пробив крепкий панцирь его, на что способна лишь могучая рука великого мужа, можно поразить крагена в самое сердце и прервать тем его злодеяния.

— Да, непросто совершить такое,— согласился Конан. Рассказ закончился, и теперь можно было

просто поговорить.— Однажды в пустыне мне пришлось схватиться с подобной тварью. Она более напоминала червя, но ее можно было назвать и песчаным спрутом. Было это так...

Конан начал свою повесть — о караванных тропах Турана, зуагирах и песчаном равахе. Киммериец уже рассказывал это, но впопыхах и не очень подробно, так что теперь уже ему задавали вопросы Ллейр и Ойсин, а он со значением отвечал, продолжая вить нитку рассказа. Остров меж тем приближался...

* * *

Огромное красное солнце медленно опускалось в густые желто-зеленые тростники. Две гигантские исхлестанные ветром скалы, издали видимые как длинные и тонкие, словно неровные столбы, служили ему воротами для ухода в подземный мир. Немногочисленные в этот час птицы с прощальными кликами солнцу кружили над озером, собираясь устроиться поудобнее на камнях и кочках.

Над зарастающим озером поднимались холодные сизые туманы. Звуки в их мареве глохли, затихали. Силуэт большой птицы показался над травой.

— Вид замечателен,— молвил Ллейр, любясь редким зрелищем заката.— Так ли было все и двадцать лет назад? — обратился он к Ойсину.

В отличие от спутников, Ойсин уже посещал Касситериды.

— Почти так,— отозвался жрец.— Только озеро еще больше заросло.

— Поднялось ли море?

— Разве что немного.

Ловким маневром руля Ойсин обогнул плоский камень, на котором чайки, складывая крылья и чистя перья клювами, готовились ко сну.

Смеркалось. Протрещал запоздалый бекас, и все стихло. Скала слева теперь разделяла выступающий над горизонтом край солнца на две неравные доли, небо же на западе покрылось разноцветными, слоями наползающими одна на другую полосами — облака и туман на разной высоте различно отражали последние лучи.

— Где мы будем его ждать? — спросил Конан.

— На скалах,— отвечал Ойсин.

— Они же почти отвесные.

— Там есть бухта и лестница наверх, и плавника всегда в достатке.

— Кто построил лестницу?

— Не только лестницу, там есть и вырубленные нарочно пещеры,— пояснил Ойсин.— Не знаю точно. Мореходы многих народов высаживались здесь.

— Неужели до этого забытого богами места так часто добирались? — немного удивился король.

— Чаше, чем ты думаешь, и даже работали. Добывали олово.

— Зачем же ушли отсюда?

— Наверно, рудники истощились. И мореплавателей стало меньше,— вздохнул Ойсин.— Последние записи в книгах о посещении этих островов до меня и Бейдиганда — пятисотлетней давности. Нам стоит поторопиться,— добавил он.

Несмотря на двадцать прошедших лет, Ойсин отлично помнил проход, и скалы росли на глазах. Когда солнце показывалось из-за овида самым краем и плясало на чистой у скал воде дорожкой последних алых бликов, лодка вошла в бухту.

Глава пятая

боих Родригесов и Донато похоронили на песчаном мыске как раз у начала первых горных отрогов, у подножия могучего камня, на четыре человеческих роста поднимавшего свою макушку над ручьем. Евсевий отслужил предписанный по канонам митрианства обряд, и плавание продолжилось.

Бросать второй вельбер не хотелось, да и девятарым в одном челне было тесновато. Поврежденная левая рука у Серхио распухла и отказывалась служить, но правая была в порядке и руль держала крепко. К боцману и Деггу, отделавшемуся царапинами, пересели Сотти и Полагмар. Принца градоначальник Мерано предусмотрительно оставил вместе с лучниками.

Холмы на правом берегу постепенно делались все выше, напоминая теперь лесистые предгорья Темры. На левом берегу местность ровно шла вверх. Скальные гряды словно ступени вставали одна за другой, разделяя склон на террасы. Долина ручья

все глубже врезалась в тело плоскогорья, и лес спускался к воде с уже весьма отдаленных окрестных высот.

Дионты не показывались, и Евсевий начал уже было думать, не примерещилось ли ему все это, когда всеобщее молчание нарушил Майлдаф.

— Месьор Сотти! — позвал он. Громко кричать не пришлось, так как вельберы шли не более чем в локте один от другого. — А почему ты просил Евсевия переводить? Ведь ты же понимал, о чем он говорит с Одри?

— Понимал, — согласился градоначальник. — Но я не знаю шемитский так же хорошо, как Евсевий, а говорю на нем и вовсе скверно. Но то, что говорят другие, особенно если это не очень сложно, всегда пойму. А зачем тебе понадобилось это знать, Бриан?

— Да так, незачем, — не стал врать Майлдаф. — Я про дионтов хотел поговорить. Они, конечно, мерзавцы, что стреляли в нас, но выглядят занятно.

— Как! — поразился Евсевий. — Ты успел их рассмотреть и до сих пор молчал?

— Ну да, — согласился горец. — Как-то не к спеху все выходило. Так вот, они получаются невысокого росточка, вроде гномов, только немного повыше, и коренастые, но не такие плотные, как гномы. Сами или белокрысы, но не как гандеры, а как нордхеймцы, желтоватые, что ли, или каштановые. И лица у них такие... Ну, мелкие, наверно. — Горец явно испытывал затруднения в подборе точных слов для описания дионтов. — Носы

вздернутые слегка, лоб широкий такой, крутой, но не высокий. И скулы узкие и острые. А еще уши прижатые. Сильнее, чем обычно у людей. И подбородок твердый, как будто из камня высечен, но не тяжелый, как у месьора Публия. В общем, так у нас в Темре всегда рисовали Народ Холмов.

— Что за Народ Холмов? — спросил Конти. — Месьор Бриан, расскажи.

Майлдаф вопросительно глянул на Евсевия.

— Расскажи, Бриан, — кивнул тот, — раз уж сам затеял. Может быть, Народ Холмов существует? В паков тоже не все верили, а что получилось?

— Народ Холмов — это такой народ, который живет в холмах, поэтому и называется Народом Холмов, — изрек горец со значением. — И это истина. Они выглядят так, как я вам только что описал, а женщины у них все больше блондинки и, говорят, очень недурны собой. Этот народ очень древний. Они пришли в Темру вместе с паками, если не раньше, прогнав на север, в Гиперборею, другой народ, Фиана-на-талиан, но речь сейчас не о них. Когда в Темру пришли мы, и там стала земля Гвинид, Народ Холмов уже ушел в холмы, оставив нам леса и болота. Они жили на холмах и под землей, внутри холмов, но не как паки — в тесных темных коридорах, — а в больших подземных залах с озерами и светящимися сталактидами...

— Бриан, откуда ты знаешь такие слова? — поразился месьор Сотти. — Ты хоть и торгуешь шерстью...

— Я тебе могу прочесть наизусть «Превратности» Орибазия Достопочтенного, притом на староаквилонском,— заявил Бриан.— С Евсевием познакомишься, он тебя еще и не такому научит. Но это потом. Так вот, Народ Холмов ушел в холмы, потому что кто-то их туда загнал, как мы потом загнали паков в пещеры. Но кто это сделал, сказать нельзя, так как Народ Холмов из-за этого стал скрытен и недоверчив. Сначала горцы подружись с ними. Ну, не подружись, конечно, но и не вздорили, даже свадьбы иногда играли. Торговали, из луков стреляли на лугу, но и это прошло, как проходит все хорошее. Народ Холмов выдумал себе какую-то дурацкую веру, или духи им нашептали, или кто-то принес — они со всякими якшались: с паками, с гномами, еще невесть с кем... И стали горды безмерно. И это еще бы ладно, но зачем-то они озлились на весь свет, холмы свои закрыли, стали людей убивать.

Ни к чему хорошему это не привело. Нас было больше, и мы быстро победили. И тогда Народ Холмов вообще пропал. То ли ушел опять неизвестно куда, то ли сгинули они в своих сидах. Но если и так, то не все, потому что иногда их видят в холмах, и это всегда к беде. Вот старый Махатан, троюродный дед Мойи по отцовской линии, видел такого, а через три дня у него все куры передохли от какого-то мора. Ну и прочие неприятности.

Говорят еще, что они теперь стали колдунами, что их потрогать нельзя, а они над тобой властны... Но это врут. Если бы так было, они бы дав-

но нас извели, да и Аквилонию с Киммерией заодно. А мы живем. Вот, собственно, и все. Всяких саг про Народ Холмов я знаю много, но это уже мелочи,— закончил Майлдаф.— Вот, кстати, вам живой пример,— указал он на правый берег в направлении вниз по течению.

Все взоры немедленно обратились туда. И действительно, на стволе, упавшем в реку, стоял человек в точности такой, как описал горец.

Вышел ли он к речке только что или наблюдал за людьми, прячась за деревьями, было уже неважно. Главное, что их заметили во второй раз и что берега реки не безлюдны. А это было чрезвычайно опасно.

— Давайте его поймаем! — азартно предложил Конти.

— Не выйдет, принц,— усмехнулся Алфонсо.— Пока мы развернемся, он будет уже за четверть лиги отсюда.

— По-моему, вообще не стоит их трогать, если судить по рассказу Майлдафа,— заметил Сотти.— Этого малого Евсевий легко бы снял стрелой, но через полдня и нас перестреляют как цыплят где-нибудь на повороте.

— Месьор Сотти прав,— подтвердил Евсевий.— Наши потери и без того велики, чтобы нападать первыми. Пускай дионты воют с пиктами без нас. Наше спасение — это движение. Чем дальше мы сумеем прорваться, тем ближе мы к восточной границе пуци.

Лежащее поперек потока дерево вместе с любопытным дионтом скрылось за поворотом.

* * *

К вечеру они поднялись по ручью так высоко, что на берегах опять появились ели. Местность с потерей ярко-зеленых теплолюбивых растений стала более привычной на вид, но и более мрачной. Или так казалось, потому что подступал вечер, а долина ручья все глубже врезалась в склон?

За очередным извивом — двенадцатым с тех пор, как они миновали злополучную теснину, как подсчитал Евсевий, — им открылся остров, который вода обегала двумя спокойными светлыми струями.

Остров был невелик — не более десяти локтей в поперечнике — и низок. На нем, помимо высокой травы, рос огромный дуб, под сенью коего покоился внушительных размеров серый камень. На лицевой его поверхности, некогда полированной, а ныне весьма потертой, виднелись высеченные неведомо когда линии.

— А вот и подарок от гномов! — обрадовался Майлдаф. — Высаживаемся?

— Скорее пристаем, — поправил его Серхио. Евсевий сделал с рукой все, что мог, но покуда она болела. Серхио терпел.

На Деггу все раны зажили мигом, как на псе. Могучий моряк с легкостью вытянул на сей клочок суши обе лодки.

— Времени у нас не так много, посему поторопись. Смеркается здесь быстро, — предупредил аквилонца Сотти.

— Знаю, — ответил Евсевий. — Но все ж не так, как в Черных Королевствах.

Ученый вновь склонился над камнем, вода, как слепой, по плохо видным чертам пальцами, беззвучно шевеля губами, почесывая бороду и время от времени царапая что-то ножом на коре.

Все остальные занялись своими делами. Принц Конти совершил путешествие по острову и нашел его достаточно замечательным, для того чтобы соорудить такой же в парке мессантийского дворца. Майлдаф, Полагмар и Сотти озирали окрестности. Взору их представал однообразный и суровый, но вдохновляющий своей мужественной мощью и первобытной силой пейзаж. Увидеть такое в Аквилонии возможно было разве только в Темре или Гандерланде, но и там леса были хоть как-то обжиты. По крайней мере, путник знал, что это действительно так. Здесь же все было незнакомо, а оттого дышало тайной, и майлдафовские саги оживали дыханием этих гор и лесов — конечно, для тех, кто их слышал, и пять — или сколько там? — тысяч лет, которыми Евсевий определил возраст серого камня, не казались тяжелой глыбой: они дремотной тишиной, седым лишайником и пыльной неизвестных трав лежали на лапах этих вековых елей.

Впрочем, тысячелетия вряд ли волновали Мегисту, Алфонсо и Деггу, занявшихся самым полезным — если не считать Евсевия — делом — рыболовством. Тростинки-поплавки лениво покачивались на темной — видимо, где-то поблизости был торфяник — блестящей воде. Иногда раздавался ленивый шлепок: это один из счастливых рыбаков швырял на окаймлявшие берег плоские камни жи-

тельницу местных хлябей, толстую и серебряную, как пузатая статуэтка в доме кхитайского купца.

Серхио просто повалился на прогретую солнцем землю, в мягкую траву. Его лихорадило. Прижав раненую левую руку к груди, он баюкал ее как ребенка.

— Готово,— прозвучал внезапно приговор Евсевия.— Если я понял все верно, то мы попадем в Тарантию раньше, чем остатки бывлой эскадры соберутся в Мессантии.

— Каким образом? — Впервые за все время этих удивительных приключений градоначальник Сотти выглядел возбужденным и неподдельно заинтересованным.

— Давайте сначала найдем более сносное место для нашего ночного пристанища,— взглянув на неуклонно скатывающееся за горизонт светило, предложил Евсевий.— По дороге же я поведаю вам то, что удалось вырвать мне из когтей безжалостного времени.

Майлдаф тяжело вздохнул: Евсевий умел говорить просто, доходчиво и сочно, но едва он начал волноваться из-за каких-нибудь своих манускриптов и пергаментов, как немедленно сбивался на книжный язык, превосходивший даже гандерскую велеречивость. «Ладно хоть не на староаквилонском, а то пришлось бы переводить»,— утешил себя Бриан.

Вельберы вновь заскользили по медленно текущему жидкому зеркалу. Серхио порывался сесть на руль, но выглядел боцман настолько неважно, что Евсевий запретил ему это. Темнокожий мулат

Серхио побледнел так, что кожа на лице у него приобрела серый оттенок. «Как рожа у пикта»,— пытался шутить моряк. Серхио опять лихорадило, он сильно потел и вскоре сам вынужден был признать, что зря храбрился, когда пытался водвориться на своем исконном месте у руля. Теперь он полулежал в вельбере, забывшись тяжелым сном, благо в лодке ныне было просторно.

— Что с ним, месьор Евсевий? — спросил хмурый Алфонсо.

— Боюсь, что жизнь уходит из него. Медленно, по капле, благодаря его природной телесной крепости, но уходит,— печально молвил ученый.— Я сделал все, что в моих силах, но, увы, я не лекарь, и снадобий здесь тоже нет. Будь на моем месте Зейтулла, он бы придумал что-нибудь, наверняка. Природа предоставляет нам тысячи снадобий для излечения любых хворей, надо лишь суметь использовать их. Возможно, кора дерева, на которой я царапаю ножом, содержит нужное нам целебное вещество, но я не умею его добыть. Впрочем, сомневаюсь, что даже лучшие врачеватели Бельверуса или Аграпура вернули бы Серхио с Серых Равнин, в страну коих он уже ступил одной ногой.

— Что же с ним, месьор? — взволнованно спросил Деггу.

— Полагаю, яд. Стрела была отравлена. Я высосал кровь из раны, прижег ее, а лишнюю кровь выпустил. Но это не яд змеи. Природа щедро снабжает нас не только снадобьями, но и страшными орудиями убийства. Это, должно быть, яд какого-то растения, действующий медленно, но неуклон-

но, и противостоять ему не в силах ничто. Не исключая также, что Серхио поразила некая неизвестная болезнь, присущая лишь здешней местности, и рана лишь усугубила ее воздействие. Так бывает. Я много путешествовал и смею это свидетельствовать.

— В Куше мрет половина, если не больше, из тех, кто рискнет остаться там надолго, — согласился вечно хмурый Алфонсо. — И на Барахас дела обстоят не лучше.

На ночлег расположились у самой воды под скалой, закрывавшей костер с трех сторон. Серхио становилось все хуже. У него появился жар. Больного уложили на ворох веток и травы, обкладывали нагретыми в огне камнями, укрыли целым ворохом одежды — каждый поделился чем мог, — смачивали свежей водой губы. Но облегчения это не приносило. Серхио пришел в себя, но был чрезвычайно слаб и время от времени вновь ненадолго впадал в забытие. Злой недуг одолевал, и сил бороться с ним у моряка оставалось все меньше.

— Евсевий, расскажи, что ты прочел на камне, — попросил больной. — Я спал и не слышал тебя, пока мы плыли.

— Я еще не успел ничего рассказать, — утешил его аквилонец. — Сейчас самое время, ибо плыть нам осталось, похоже, недолго.

Все собрались вокруг огня, кроме Полагмара и Алфонсо. Барон взобрался на вершину скалы и караулил там, а моряк, заявив, что все равно ничего не поймет в ученых премудростях, переправился

на правый берег и соорудил на дереве насест, чтобы предупредить появление незваных ночных гостей оттуда, если таковое случится.

— Этот камень третий по счету, если за первый считать тот, в красных скалах, — начал Евсевий. — Второй мы проскочили. Он был где-то перед развалинами старой крепости. Возможно, однако, что его уже и нет, потому что в сезон дождей — весной и осенью — этот ручеек набухает и сильно разливается, размывая берега. Не исключено, что за тысячи лет второй камень давно занесло песком.

Но это нам не мешает, — продолжил аквилонец. — Суть в том, что мы приближаемся ко входу в пещеры, ведущие к подземному городу гномов. До него остается день пути. Завтра в это же время мы должны быть уже под землей. Для этого придется постараться, но тридцать лиг нам вполне по силам.

— Пять тысяч лет назад тоже измеряли длину в лигах? — удивился Конти.

— Нет, — улыбнулся Евсевий. — Там сказано про ориентир. С того островка открывался дивный вид на горы. Вход находится на склонах той горы, что была ближе к нам. Помнишь двуглавую вершину?

— Помню, — кивнул Майлдаф. — Но наши горы выше. На этих до самой макушки растет лес, а у нас снег лежит и не тает.

— Несомненно, — кивнул Евсевий. — Я представляю высоту этих гор, она не превышает четырех тысяч локтей. Основываясь на том, что мое предположение верно, я вычислил и расстояние до той

горы. Отсюда до нее около тридцати лиг. Возможно, тридцать пять, но не более. Итак, вход существует, если за эти долгие годы ничего не случилось. Но с этой стороны гор он единственный. Вход находится в пещере и закрыт от непосвященных рекой. Но в определенный час вода перестает течь, и это время следует использовать, чтобы проникнуть внутрь.

— Что это за время? И как мы определим его? — осведомился Сотти.

— Не поручусь, что перевел все точно, — скромно отвечал Евсевий, — но думается, что это время отлива. Луна нарисована так, как в этих местах она должна стоять при отливе. Так же стоит луна и на рисунке паков в красных скалах.

— При чем здесь отлив? — не понял Сотти. — На морском побережье это имело бы смысл, но в горах!

— В озерах Темры, а это Киммерийские горы, — возразил Евсевий, — водятся эйсы, а на высоких перевалах находят отпечатки морских раковин. «Воды наших озер глубоки, и лишь Великое Закатное Море сравнится с ними, если сможет». Так гласит надпись на камне. Что мы знаем о строительном искусстве древних гномов? Они и сейчас стократно превосходят лучших архитекторов Бельверуса и Хоршемиша и тем не менее называют себя уходящим народом. Каково же тогда было их могущество во времена расцвета!

Евсевий замолчал и задумался.

— Что там было еще? — нарушил ход его размышлений Майлдаф.

— Больше ничего, кроме одной малости. Кроме того, что мы обязаны дожидаться урочного часа, нам предстоит открыть ворота. Для этого следует передвинуть имеющиеся на воротах рычаги так, чтобы расположением оных обозначить название подземных чертогов.

— А ты сумеешь это сделать? — усомнился Бриан. — Не пришлось бы нам выплывать из пещеры, как тому пуантенцу, что видел Белую Деву Горы.

— Если поток застигнет нас у запертых ворот, нам не выплыть, — «утешил» его Евсевий. — Полагаю, смогу.

— Откуда же тебе известно это название? И вообще, зачем раскидывать на дороге камни со столь важными сведениями, если они так пеклись о своей неприступности? — выразил недоверие сообщенному аквилонцем Сотти. — Это же детская глупость либо самонадеянность!

— Камни были поставлены здесь для друзей, — пояснил аквилонец. — Шла великая война, и даже годы мира приходилось проводить в неусыпном бдении. На камнях лежало магическое заклятие, позволявшее прочесть письма только друзьям. Потом прошли века, война кончилась, и даже память о тех днях ушла. И ушла сила заклятия. Письмена стали видны всем, но никто их не понимал. Мы первые.

— Откуда тебе известно все это? — усомнился в достоверности сообщенных Евсеем сведений Сотти. — Неужели написано на камнях?

— Какая разница? — перебил Майлдаф. — Евсевий никогда не врет, в отличие от меня, хотя об-

мануть может запросто. Главное в другом: название этого сида гномов ты нашел?

— Нашел,— кивнул Евсевий, даже сквозь ночную тьму весь сияя от гордости.— И в том же кроется разрешение сомнений любезного градоначальника.

И, расправив плечи, он продекламировал строки, звучавшие торжественно и мрачно... однако лишённые всякого смысла, ибо язык стихов был неведом никому из присутствующих.

— Замечательно! — после мгновения молчания, воцарившегося после прочтения Евсевием сих виршей, выговорил Сотти.— Но что нам это дает?

— Погодите,— отозвался аквилонец.— Эта загадка не так уж сложна. Мне доводилось встречаться с подобными и прежде.

— Так как же называется город? — не унимался Майлдаф.— Загадки, это все, конечно, замечательно, но у нас нет на это времени. Или разгадка известна тебе?

— Название заключают в себе первые знаки строк. Они образуют слово, заменяющее одно сочетание в тексте. Это сочетание и есть название города гномов. «Могучая Твердыня» или, на древнем языке, если я верно произношу, Габилгатол.

— Как? Язык сломаешь! — посетовал Майлдаф.— Ты уверен, что не забудешь его?

— Я записал,— улыбнулся Евсевий.— Не столь важно, как оно звучит. Главное, нам известны знаки. Так что не все было столь просто, месьор Сотти. Язык древних стигийцев всегда был закрытым наречием, и немногие иноземцы владеют им. У

меня нет оснований считать, что в древности было иначе. Разве что самих стигийцев тогда не было.

— Все это прекрасно,— подытожил Сотти.— Но что нам нужно в этих заброшенных пещерах? Если даже мы отыщем в них золото, но ляжем рядом с ним костями и прахом, что в том проку?

— В том-то и дело. На той стороне гор пещеры выходят к Черной реке. Нам останется сделать один шаг, как мы окажемся в Аквилонии! — возвестил Евсевий.

Известие произвело должный эффект. Некоторое время все молчали, осмысливая сказанное. Потом же Майлдаф выдвинул соображение практического свойства.

— Это замечательно, но тащиться целую седмицу по заброшенному, безлюдному и темному подземному сиду, где, прошу заметить, олени и кабаны не водятся, да еще и без проводника? Под Дол Уладом у нас были всякие перстни, камешки, Кулан, старый маг Озимандия и даже дракон Диармайда, и то мы едва выбрались. А здесь мы одни, да еще неизвестно, какая нечисть захватила теперь эти сиды. Если в сагах говорится правда о Народе Холмов, то я встречаться с ним не хочу. Паки были хоть и вредные, но не злые, а эти...— Бриан махнул рукой.— Нам не по силам такой переход под горами. Мы заблудимся, подохнем с голоду, упадем в пропасть и попадемся в лапы каким-нибудь дионтам. Уж лучше пикты. Горцы все-таки, как сказал Одри. Может, я с ними договорюсь.

— Месьор Майлдаф прав,— не столь взволнованно, но соглашаясь в общем с горцем, заговорил

Сотти.— У нас не будет ни пищи, ни света в течение многих дней, да и картой подземных чертогов мы не располагаем...

— Не стоит волноваться,— успокоил их Евсевий.— У нас достаточно мяса и рыбы, чтобы прокормить их и создать запас на три-четыре дня. Деревя для факелов мы нарубим. А пешком идти нам не придется. Весь город пересекает подземная река. Мы промчимся по ней до самой Границы, и никакого чертежа не потребуется. Вода не умеет поворачивать вверх.

— Убедительно,— проговорил Сотти.— Я не люблю подземелий,— сказал он и поглядел искоса на принца Конти, но молодой человек не обратил внимания на его слова.— Думаю, рискнуть стоит. В конце концов, как говорят мудрецы, раньше мир был лучше, а пять тысяч лет назад и подавно.

— Сомнительно все это,— проворчал Майлдаф.— В этих сидах и вода вверх потечет. Помните мое слово. Я бы и один дошел до Границы через все эти горы. Король сказал, что дойдет, значит, и я сумею. Но дела не ждут. В Хоршемише мне заказали партию шерсти, и я не хочу упустить эту сделку. А раз так, то пропадать в сиде, пусть даже там будет красиво, как на Островах Счастья, никак нельзя...

— Вы выкарабкаетесь,— слабым голосом выговорил Серхио. Оказывается, он нашел в себе силы внимательно выслушать все, что рассказал Евсевий.— Жаль, я не дойду. Мне предсказали, что пока я буду в море, я буду жить. Смерть найдет меня на суше. Так и вышло. Я жил неправед-

но, но не так уж скверно, как может показаться, почтеннейшие. Сейчас я усну, потому что устал. Не думаю, что пробуждение на Серых Равнинах будет приятным, да...

Серхио затих. Дыхание у него стало ровным, как у младенца.

— Он еще придет в себя. Скорее всего,— присев у ложа больного и ощупав его чело и пульс, сказал Евсевий.— Но до утра не доживет.

Серхио действительно просыпался еще трижды. Выпивал несколько глотков теплой воды, бормотал что-то никак не связанное с происходящим вокруг и снова погружался в сон. Посреди ночи Алфонсо подал сигнал, что неплохо бы его заменить, потому что на дереве ночью прохладно. На его место влез Деггу, а вот гандерландский барон так и провел в дозоре всю ночь, лишь иногда появляясь у костра, сказать, что все спокойно, и обогреться.

Серхио дотянул-таки до рассвета и отошел, только когда первый розовый луч, пробившись сквозь еловый забор, упал ему на лицо. За эти сутки моряк осунулся так, будто не ел ничего по меньшей мере три дня. Полагмар, почувствовав себя в родной стихии, вернулся из разведки, кою провел по собственному почину в гордом одиночестве, и возвестил, что путь пока свободен. На склоне небольшого холма вырыли могилу для Серхио и только тут вспомнили, что Деггу до сих пор не являлся с наблюдательного поста. Алфонсо мигом переправился на правый берег и полез на дерево. Через некоторое время моряк спустился оттуда

все такой же хмурый и мрачный, переправился обратно, выпрыгнул на траву, втащил нос вельбера, чтобы тот не унесло течением...

— Мы поторопились,— бросил он.— Надо было копать две ямы. Деггу убит, и можете убить меня, если я знаю, кто это сделал. Кто-нибудь пускай сейчас поплывет со мной. Деггу тяжеловат для одного. Заодно и посмотрите.

На что следует посмотреть, Алфонсо не уточнил. Оставив на левом берегу Конти и Полагмара, остальные, оставшиеся пока в живых, сели в вельбер, перевезший их через воды к мертвому Деггу.

Неподалеку от ручья вырос могучий дуб. В шести локтях над землей Алфонсо устроил свое воронье гнездо, к которому следовало восходить, сначала карабкаясь по стволу соседнего дерева, после чего подтягиваться на руках по его нижнему суку, который проходил в непосредственной близости от нижнего сука упомянутого дуба, на который и следовало перебраться тем же способом. Затем, по суку дуба, надо было добраться до его ствола и там уже продолжать путешествие, цепляясь за весьма шаткие и тонкие ветви.

Тело Деггу безжизненно лежало поперек помоста. Голова, руки и ноги свисали вниз. Майлдаф с Алфонсо перевернули моряка. Глаза убитого были широко распахнуты, на лице застыла гримаса ярости, отвращения, ужаса и невероятного напряжения, будто Деггу до последнего мгновения с кем-то боролся. Горло чернокожего великана было разорвано, а грудь исполосована страшными, как ножи, когтями.

— Похоже, он схватился с леопардом,— высказал предположение Евсевий.

— Нет,— помотал головой Мегисту.— Леопард — воин. Он не нападает на человека бесшумно. Мы бы слышали, как они сражаются.

— Кто же тогда? Если это не зверь, не хочешь ли ты сказать, что он дрался с демоном или кем-нибудь вроде этого? — вполне серьезно спросил Майлдаф.

— Да,— кивнул Мегисту.— С демоном. Вот он. Мегисту указал куда-то перед собой. На суку, сливаясь цветом с листвой, болтался какой-то невнятный огрызок плоти, из коего в разные стороны торчали длинный клюв с зубастой пилообразной челюстью, пара когтистых лап, по толщине и впрямь не уступающих леопардовым, с длинными кинжальными когтями, а также кожистые крылья с когтями, как у дракона, одно из коих было сломано. Размером демон превосходил самую большую из морских птиц.

— Ну и тварь! — одновременно с содроганием и восхищением изрек Евсевий.

— Сейчас достану. Поближе посмотрите,— буркнул Алфонсо и, закинув ноги на сук и проворно перебирая руками, пополз к демону.

— Осторожно! Вдруг он еще живой! — предостерег зингарца Мегисту.

— Я посмотрел бы на тебя живого со свернутой шеей,— пыхтя, выговорил Алфонсо, подбираясь к чудищу. Ухватив странное создание за лапу, моряк сбросил его вниз.— Деггу защитил всех нас от этой пакости.

— У него человеческая башка,— сообщил Алфонсо, возвратившись.— Помогите мне снять отсюда Деггу.

Алфонсо был из зингарских крестьян, и как его угораздило попасть на флот, никто не знал. Жизнь он воспринимал без радости, что и выражалось во внешней мрачности. Но те, кто успел сойтись с зингарцем поближе, знали его как доброго малого, готового прийти на помощь, а также как прекрасного исполнителя зингарских деревенских песен, в коих звучала тоска по горячим южным звездам, спелому хлебу и черным девичьим глазам.

Деггу похоронили рядом с боцманом. Должно быть, демон свалился на моряка как снег на голову, так что тот и вскрикнуть не успел. Но реакция у бывшего охотника на морского зверя всегда была отменной, так что одного сокращения могучих мышц достало, чтобы сломать птичечеловеку шейные позвонки и крыло. Мегисту, однако, отказывался верить подобному объяснению. После того, как Евсевий сделал стилосом корявый набросок, запечатлев неизвестного доселе науке новоявленного супостата, кушит, сняв с шеи маленького золотого бычка с бирюзовыми глазами — амулет, часто носимый митрианцами,— произвел над останками чудовища некий языческий обряд, по окончании коего подверг расчлененную и распотрошенную тушу сожжению по частям. Запах у паленого демона был премерзкий.

По завершении всех церемоний снова сели в вельберы. Плыли быстро, по возможности пристально следя за берегами. Дионты более не пока-

зывались, и многие уже начали подумывать, что их владения позади, но Майлдаф и Полагмар быстро разуверили их в этом, указывая то на затеи на деревьях, то на явно расчищенный топором участок берега, то на след давнего кострища. Обыкновенно невозмутимый Евсевий заметно нервничал, но не из-за дионтов. Он хотел преодолеть расстояние до пещеры к часу, когда начнется отлив. Провести несколько лишних ночей в пуще не хотелось никому, но тарантийцу не давали покоя дурные предчувствия. Он пытался гнать подобные мысли, но беспокойство никак не желало униматься. А ведь надо было еще заготовить факелы. А солнце уже подбиралось к зениту...

Пещера открылась перед ними неожиданно. Евсевий вряд ли ошибся в определении расстояния, но если и ошибся, то в пользу путников. Скорее всего, просто вход в подземное царство оказался ниже по склону, чем предполагал тарантиец, предполагавший строить планы в расчете на худшее.

Речка вытекала из-под свода высотой в три локтя и шириной в семь. Камень был обтесан в форме заостренной арки, подобно стрельчатым окнам в мессантийском дворце. Туннель уходил в скальную стену, поднимающуюся над ручьем локтей на десять и длящуюся направо и налево сколь можно было охватить взглядом, плавно сливаясь далее со склонами речной долины. Впереди и выше громоздились откосы, кручи и скалы, преодолеть кои было, очевидно, возможно, но затруднительно. Где-то вверху, гордо врезаясь в небесную

лазурь, зеленела вершина, что служила им ориентиром. Небольшие ровные гранитные площадки по обе стороны потока ограничивали распространение леса, наседавшего с обеих сторон. В общем, вид у места был безлюдный, глухой и запущенный, что не могло не радовать.

Вырубив в лесу шести, Майлдаф, Евсевий, Полагмар и Алфонсо проникли на вельбере под свод. Тоннель не был глубок. Потолок медленно, но довольно ощутимо понижался, и локтей через тридцать касался воды. Дальше пройти было невозможно. Шест до дна не доставал. В воду опустили веревку с привязанным к ней камнем. Майлдаф принялся травить моток. Камень достиг дна довольно скоро.

— Шест с половиной локтей! — провозгласил горец. — Не мало!

— Для подземных колодцев это выглядит обычно, даже мелковато, — не удивился Евсевий. — В Ва-нахейме есть бухта, где прилив достигает десяти локтей. Я был там.

— Я бы тоже не отказался там побывать. Прямо сейчас, — вздохнул Майлдаф.

Глава шестая

а море стоял полный штиль. Зеркальная зеленовато-голубая поверхность воды едва-едва лениво колыхалась, и чистейшие голубые небеса любовались своей высокой непорочной лазурью в этом гигантском зеркале. Первые золотисто-розовые лучи встающего над восточным горизонтом светила нежно и ласково гладили омытый ночной благовонною тьмою мир.

Поднявшийся в этот рассветный час над океаном некто мог бы видеть, что на многие лиги окрест ничто не нарушает первозданной гармонии небес и вод, и лишь в центре этой воображаемой окружности находится — малой щепкой — чудом попавший сюда маленький ял, где, устав от борения с незнающей милости стихией, спали, разметавшись, трое мужчин. Четвертый — в грубой серо-коричневой хламиде, перепоясанной тем не менее черной кожи с серебром поясом, с массивной серебряной цепью на шее с амулетом в виде крылатого солнца, седой, стриженный коротко, но од-

нако ж с налобной лентою, гладко выбритый, круглолицый, с пронизательными слегка удлиненными глазами, нешироким немного горбатым острым носом — положив на колени резной дубовый посох, сидел смиренно, дожидаясь, пока проснутся первые трое.

Солнце быстро поднималось над горизонтом, и вскоре лучи его не только светили, но и весьма ощутимо грели. Разумеется, все трое, пережившие ураган, вымокли до нитки, но столь велика была их усталость, что ночной холод не мог пробудить их ото сна. На солнце их влажная одежда стала быстро высыхать, что явно понравилось сидящему. Он бы с радостью укрыл всех троих чем-нибудь сухим и теплым, но — увы! — все, что было у них пригодного с собою, также безнадежно промокло. Заботливый жрец прежде всего извлек из походных мешков самые необходимые для просушки вещи и как мог разложил их в небольшой лодке.

Главным образом ему попадались шерстяные накидки, завернувшись в которые удобно было сидеть в замке у камина, идти где-нибудь в предгорьях студеной ночью или путешествовать верхом, но никак не грести веслами. Наконец отыскались два теплых плаща и шерстяная туника. Присовокупив к обнаруженной одежде три накидки, он принялся заталкивать обратно только что извлеченное на свет платье. Судя по всему, бедолаги собирались куда-то на юг, потому что теплой одежды было крайне мало, а вот легких и весьма дорогих нарядов — предостаточно. Накидки же были

обретены незадолго до отплытия, ибо покоились на самом верху мешков, то есть были втиснуты туда в последнюю очередь.

Завершив сии благочестивые деяния, жрец решил отдохнуть, да так и просидел чуть не до полудня, созерцая первозданность океана и охраняя сон своих случайно обретенных спутников.

В полдень, когда светило добралось до зенита, изрядно уже припекая, и тень сидящего сделалась короче локтя, невеликого роста желтокожий человек в красивой, но очень странной одежде со множеством пришитых к ней маленьких серебряных колокольчиков пошевелил иссохшими губами, приоткрыл глаза и, увидев нового члена экипажа, неожиданно молниеносно по-кошачьи извернулся, в одно движение оказался на корме у руля, вперив в пришельца цепкий и злой взгляд.

— Кто ты такой? Откуда ты взялся? — сказал человек хрипло, ибо горло у него пересохло, как туранская пустыня. Тэн И — а это был, конечно же, он — на сей раз пренебрег правилами любезного обхождения и хорошего тона, но положение обязывало не доверять никому, тем более какому-то незнакомому мужчине, забравшемуся откуда ни возьмись посреди бушующего моря в их лодку.

Жрец посмотрел на кхитайца внимательным и сочувствующим взглядом своих серо-синих глаз и отвечал:

— Вы поступили очень правильно, когда привязали бочонок и плотно его закупорили. Буря была такой, что не сделай вы так, у вас бы не осталось ни капли воды. Ныне тебе следует смешать

воду с вином и напиться, после же, да будет всевидящий Митра свидетелем моим словам, я охотно отвечу тебе.

— Митра? — все еще недоверчиво и одновременно с облегчением переспросил Тэн И. — Ты исповедуешь митрианство, месьор?

— Да. Вы это так называете, — как-то странно согласился жрец. — Вот, кажется, пригодный для питья сосуд. Я нашел его среди ваших вещей. Позволь, я наполню его.

— Если тебе будет угодно. — Не вполне еще пришедший в себя кхитаец начинал понимать, что картина, представшая взору его, если выражаться осторожно, неправдоподобна. Пока жрец, кряхтя, помогая себе кинжалом, снимал с бочонка плотно пригнанную дубовую крышку, пока зачерпывал кружкой, принадлежавшей Хорсе, действительно чудом не потерянную воду, пока доставал из-за пазухи серебряную же флягу и доливал в воду густо-красного цвета крепкое вино, Тэн И напряженно искал непротиворечивое объяснение настоящего.

Но цепь его рассуждений неизменно с печальным звоном рассыпалась. Даже предположение о том, что все они мертвы и теперь очень своеобразно добиваются к предвечному свету, не выдерживало опровергающих его доказательств. Ну зачем мертвому утолять жажду? И почему он так озяб, хотя солнце в зените? Разве мертвые мерзнут? Да и не хотелось ему ни к какому свету, а хотелось пить, есть, согреться и узнать поподробнее, как наискорейшим образом прибыть в Кордаву

или Мессантию. Да хотя бы и к пиктам, но в обитаемый край. Все это были думы плотские и недостойные царства света.

А странный жрец уже держал перед Тэн И наполненную соблазнительным напитком кружку. Королевский слуга протянул руку, чтобы принять подношение, и тут взгляд его приковал амулет, висевший на цепи на широкой крепкой груди жреца. Это было солнечное колесо — круг с четырьмя спицами, образующими прямой крест. Несли это рукотворное солнце четыре крыла, прикрепленные к ободу колеса в местах, где спицы смыкались с ним, образуя, таким образом, продолжение спиц. По ободу и спицам вился орнамент из переплетающихся волнистых линий и листьев растения, больше всего похожего на папоротник. Символ был, без сомнения, митрианский, но непривычный. Кхитайца не оставляла мысль, что где-то он все же видел нечто подобное или, по крайней мере, слышал о таком.

— Ты хочешь что-то узнать или вспомнить? — сочувственно глядя на кхитайца, поинтересовался жрец. — Испей сначала, после же спрашивай.

Не отрывая взора от амулета, Тэн И сделал пару мелких глотков, стараясь не торопиться — воды было немного и ее стоило беречь, — и почувствовал, что живительное тепло уже разливается по его телу, а утраченные, казалось, безвозвратно силы вновь возвращаются к нему. Вино было великолепным, хотя и явно не из южных, специально отбираемых пород винограда. И тут внезапная догадка озарила его сознание: еще не веря сам себе, Тэн

И опустил кружку и осторожно, внимательно наблюдая за реакцией собеседника, спросил:

— Да не сочтет месьор меня сумасшедшим, но престранные обстоятельства вынуждают меня задать тебе этот вопрос. Не Бейдиганд ли по прозвищу Справедливый зовут тебя?

— А если и так, что же здесь странного? — спокойно ответил вопросом на вопрос жрец. — Да, имя мое Бейдиганд, а зовут меня Справедливым, что, вне всякого сомнения, неверно. Ты опасешься, что я сейчас растаю как видение? Можешь дотронуться до меня, и ты убедишься, что это не так.

— Я верю тебе, почтенный, — поклонился Тэн И. — Вино, коим ты щедро поделился со мной, не оставляет места для сомнений. Скажи мне, где произрастает виноград, из которого его изготовили? Я много странствовал и немало знаю о яствах и винах, но подобного не пробовал ни разу. Это некий северный род винограда?

— Он растет на моем острове, — пояснил назвавшийся Бейдигандом. — Напиток сей и вправду бодрит и приятен животу.

— Как же ты попал в лодку? Откуда? И где твоя кожаная ладья и твои люди? И где мы теперь? И далек ли берег? И что за остров, о коем ты упомянул? И, наконец, прости меня за многословие, кто же ты сам? Дух? Вестник Митры? Архонт?

— Не спеши. Пей вино и слушай, — улыбнулся «призрак». — Мой кожаный челн зовется каррой. Мы встретили вас посреди моря. Своих людей — а было их ныне десятеро — я отпустил. Находитесь

вы ныне в океане. Если угодно, называй его Закатным, но помни: воды — едины и омывают все берега. Далека ли суша? И да, и нет. Прежде чем ответить на этот вопрос, я должен знать, как вы попали сюда. У моего острова много имен. Зови его Зеленым. Наконец, кто я? Колдун, чернокнижник, маг или дух?

Бейдиганд забрал пустую кружку из рук внимавшего ему кхитайца, поставил ее рядом с собой на банку, вновь порывлся за пазухой и вытащил большое румяное и сочное яблоко, от коего исходил замечательный аромат. На черенке остался еще совсем зеленый листочек. Придирчиво осмотрев плод, жрец обтер его полой хляиды и вручил кхитайцу.

— Подкрепись. Сразу после долгого голодания лучше не вкушать грубого хлеба и солонины, — назидательно, с видом человека, знающего предмет досконально, изрек Бейдиганд Справедливый.

Тэн И, благоразумно стараясь не то что не перечесть гостю, но и не прерывать его, не преминул последовать данному совету. Яблоко оказалось на диво сытным и вкусным.

— Это из садов нашего острова, — не без гордости за свое угощение заметил жрец. — Итак, кто же я такой? Не думаешь ли ты, что право на долгую жизнь могут иметь не только духи, демоны, колдуны, чернокнижники, жрецы Сета? Отчего бы честным людям не пожить подольше во благо себе и другим?

— Справедливо, — согласился Тэн И. — Но не является ли смерть, ждущая всякого в конце пу-

ти, даром Митры светозарного для всех? Не есть ли это ступень к совершенству для следовавших Брте и воздаяние совратившимся Дрэгой, дабы осознали глубину падения своего и покаялись в конце времен?

— Без сомнения,— быстро согласился Бейдиганд.— Но не есть ли и жизнь дар Митры? Ужели чистота мысли, слова и дела обречены столь быстро покидать сей мир? Не ими ли жива Арта? — Жрец пытливо взглянул на кхитайца, и в глазах его запылали веселые искорки.— Или открытие мира не угодно Митре вездесущему?

Я — не призрак и не дух. Я — человек,— просто сказал Бейдиганд.— Митра позволяет мне жить, и я живу и стараюсь не огорчить Его.

— Сколько тебе лет, почтенный? — не удержался от вопроса Тэн И. Яблоко было большое, и кхитаец, увлеченный рассказом, несмотря на голод, справился с ним едва на четверть.— И я ни разу ничего не слышал о Зеленом острове...

— Лет мне побольше, чем вашей Аквилонии. Ты ведь оттуда?

— Я из Западного Кхитая,— несколько огорчился подобным невниманием к его родине со стороны столь сведущего мужа Тэн И.— Это к восходу от Вилайет. А сейчас, ты прав, я служу государю Аквилонии.

— Вот видишь! — воскликнул Бейдиганд. Справедливый, доставая из-за пазухи еще одно такое же яблоко — для себя.— Мир столь необъятен, что мне не хватило и полутора тысяч зим, чтобы дойти до Внутреннего моря! Неудивительно, что и ты

не знаешь о Зеленом острове. Хотя если бы ты был родом с побережья, то знал бы, сколько раз моряки видели далеко на Закате разные острова, а некоторые и бывали на них. А об удачливых рыбаках, каждый год ходивших на путину куда-то во владения морского Бога, тебе известно? А про Хенгиста Злосчастливого, охотника на морского единорога? А...

— Про Хенгиста — да,— похвастался Тэн И, прерывая разговорившегося ровесника блаженно-го Эпимитриуса, забывшего даже надкусить яблоко.— Брат Касталиус вчера поведал нам о нем. Так он тоже не призрак?

— Нет,— покачал головой Бейдиганд.— Но речь сейчас не о нем. Итак, Зеленый остров. Брат Касталиус о нем не поведал?

— Нет. Вчера у нас было для этого мало времени, поскольку...

— Твой рассказ впереди,— остановил его Бейдиганд.— Это было очень давно, когда хляби морские еще не сомкнулись над Атлантидой. А еще много раньше Закатный материк тоже был гораздо больше, нежели сейчас. Крайняя к Закату часть его канула на дно еще до появления Атлантиды, но некоторые земли остались существовать как острова. Их населяли уцелевшие после той древней катастрофы пастухи-овцеводы — народ простой и грубоватый. Управляли ими немногие вожди и песнопевцы, не павшие в жестоких битвах тех давних дней и не уплывшие в Атлантиду или на Закатный материк. Так и было дано начало Островам В Ту-мане, о коих говорят сказки Зингары, Аргоса и Ва-

наheyма. И кое-кто еще им верит и поступает верно! Сколько рыбаков искали эти самые владения Морского Короля! Сколько мореходов ушло к Островам Счастья! А уж пираты просто обыскались их — думали, раз счастье — значит золото! И очень немногие добрались до нас, — понимающе и грустно улыбнулся Бейдиганд.

— Почему же так произошло, почтенный? — осведомился Тэн И. — Ты ведь только что сам заметил, что все воды едины. А если так, то...

— В этом и есть загадка Островов. — Бейдиганд ласково погладил свой шероховатый — теплый, наверно, на ощупь — посох. — Как будто невидимая пелена стоит меж нами и Закатным материком. Я плаваю по всем морям и неизменно возвращаюсь в наш Гленллан, где старый храм из серого гранита на зеленом холме. А другие проходят мимо и исчезают далеко на закате в мгlistых туманах, где им суждено спать на скалистых островах или вечно блуждать в тоске по пустынным свинцовым волнам. И далеко не каждый рыбарь находит нас. А кому-то везет, и он видит Исчезающий остров. Он то стоит высоко над морем, и приходится взбираться по его каменным лестницам, чтобы одолеть скалы и попасть на его поля, то спелые тучные колосья едва выступают над соленой хлябью. Тем, кто видел его, сопутствует всю жизнь удача. И много еще чудес хранит море, — поспешил закончить жрец, понимая, что слишком распространяется, а ошеломленный слушатель может спрашивать без конца. — Потому и был я столь изумлен, увидев вас здесь. Берег нашего острова в двадцати лигах на полночь

и закат. Наверно, вам позволено было преодолеть пелену. Я не могу допустить, чтобы вы ушли отсюда, не восполнив ваши запасы воды и пищи. Если ты достаточно восстановил свои силы, то нет нужды беспокоить твоих товарищей. Я еще достаточно крепок, чтобы держать весло.

— Почту за честь сидеть рядом с таким великим мужем, — серьезно сказал Тэн И. Вопреки опасениям жреца, он вовсе не собирался засыпать его вопросами. — Сегодня мне явилось доказательство существования богов. Это больше, чем знание. Это оправдывает мою жизнь.

Бейдиганд поднялся со скамьи и уверенно встал во весь рост в небольшом качающемся яле. Он и вправду не был высок, но удивительно благороден и осанист. Казалось, кхитаец видел перед собой не просто ученого жреца, но всю историю земли, озаренной светом всевидящего Митры. Полторы тысячи лет! Сколько же знаний хранил он в своей памяти!

Бейдиганд не сказал ничего, только снял амулет и положил его на дно лодки, чтобы не мешал грести. Потом присел на банку рядом с Тэн И.

— Возьми весло. И расскажи мне, как случилось, что вы оказались здесь. И кто твои товарищи?

— Тот молодой месьор, белобрысый, — начал объяснять кхитаец, взявшись за одно из чудом не унесенных волнами весел, — Хорса из Гандерланда. Поверенный короля Аквилонии Конана. Второй — жрец-митрианец из Тарантии. Но он уже двадцать лет странствует по морям. Вчера ему пришлось изображать тебя...

— ???

— Да, это так,— подтвердил Тэн И.— Началось с того, что король аквилонский Конан решил: на Закатном океане слишком беспокойно, чтобы оставить дело без вмешательства. И, по своему обыкновению, вмешался...

* * *

...По ходу рассказа Бейдиганд Справедливый не однажды еще искренне удивлялся, мрачнел и хотел — во всей этой истории обнаружилось немало смешного. Когда же кхитаец дошел до финала, до схватки двух призраков, до черного вала, через гребень коего перенеслись трое морских скитальцев, жрец надолго замолчал, и порой непонятно было, слушает ли он вообще повествование Тэн И.

Кхитаец закончил говорить, а Бейдиганд все еще не раскрывал рта. Так они гребли еще лиги три, прежде чем Тэн И решился вновь нарушить молчание.

— Ответь, почтенный, есть ли на островах люди старше тебя? И каково число прожитых ими лет?

— Есть,— просто ответил Бейдиганд.— Я ведь говорил тебе, что острова были заселены, когда они еще не были островами. Некоторые живут там с тех давних пор. Один песнотворец помнит времена, когда боги приходили к людям и жили среди них.

— Боги? — поразился Тэн И, не веря своим ушам.— Так ты не веришь в Митру?

— А ты и не догадался сразу? — тихо улыбнулся Бейдиганд.— Вести о Митре пришли к нам с

восхода, когда до моего рождения оставалось пять сотен лет. Впрочем, все вести приходят к нам с восхода,— как-то неожиданно скорбно изрек жрец.— Но Митра пришел откуда-то из самых глубин континента. Мы давно уже не были на Востоке. Тебе, должно быть, ведомо куда больше о том, где он явился впервые.

— Есть разные предания,— пояснил Тэн И.— Я надеялся, что ты или кто-нибудь из твоего народа знает точно. Я думал, что кто-нибудь из вас видел Его... Значит, богов было много?

— И да, и нет,— поведал Бейдиганд.— Они были столь могущественны, что их нельзя было звать иначе. Ты назвал меня архонтом? Пожалуй, это слово подошло бы для них, хотя и оно не слишком точно. Но ведь и они были однажды сотворены Им. И какая разница, звать его Митрой либо по-иному?

— Некоторые, и их не так мало, зовут Его Сетом,— заметил Тэн И.— Они тоже правы?

— Ты говоришь о Восставшем В Мощи Своей? — по-своему назвал это имя Бейдиганд.— Песнопевец видел и его во дни былой славы.

— Он был некогда славен? — Удивительным открытиям Тэн И не было конца.

— Песнопевец говорит, да,— спокойно отвечал жрец.— Или тебе известно про него иное? Расскажи мне о Митре, и я лучше пойму тебя.

И кхитаец снова повел речи о пресветлом и всевидящем Митре, создателе всего сущего, о его враге — Великом Змее, о блаженном Эпимитриусе, о Духе Глубин, хоронившемся под Киммерийскими горами.

Тэн И говорил, Бейдиганд слушал, и оба соглас-но гребли. Океан был спокоен, как бассейн в ко-ролевском саду. С того времени, как кхитаец оч-нулся, до того, как он закончил повесть о Митре, они прошли лиг пять.

— Океан здесь всегда столь тих? — спросил Тэн И, когда жрец, выслушав повесть, опять умолк.

— Вовсе не всегда, — удивляясь такой наивно-сти, отвечал он. — Сейчас начало лета, благо-датная пора. А что будет поздней осенью! Волны не уступают высотой холмам Гленллана! Однаж-ды с дома сорвало крышу и унесло на три с по-ловиной лиги! Впрочем, скоро ты сам согласишься на этот дом. А первым взору твоему откроется маяк. Он стоит на самом краешке длинного мыса и виден за десять с лишним лиг. Его высота — шестьдесят локтей. Прибой у нас в Гленллане са-мый высокий и почти самый шумный на всем Зеленом острове...

Жрец продолжал вести речи о родном Гленлла-не, как будто все свои полторы тысячи лет не был там и вот теперь возвращался, а Тэн И слушал и думал о том, как же легко уживаются в одном че-ловеке вечность и обыденность. Не верить жрецу было нельзя — уж слишком убедительно звучало все это, да и Зеленый остров, если он и вправду вскоре покажется на горизонте, будет глупо объ-вить иллюзией. Но как же этот человек, ставший легендой Закатного океана и знающий об этом, видевший, может быть, самого Эпимитриуса и го-воривший с теми, кто видел мир столь давний, что его можно было посчитать за вторую Вселен-

ную, — как же просто этот человек говорил о бух-те, прибое, маяках и холмах. Он провел здесь пол-тора тысячелетия, и ему все это ничуть не наску-чило!

— Скажи, почтенный Бейдиганд, — остановил Тэн И равномерно что-то вещавшего в ритме греб-ли жреца. — Ты говоришь об удивительных вещах, и они, несомненно, заслуживают превеликого вни-мания, но вскоре я увижу все это сам. Скажи мне прежде: мы попали на острова счастья? Мы в зем-лях вечно блаженных?

— Хороши земли блаженных! — рассмеялся Бей-диганд. — На сто лиг на полночь и восход от нас — Остров Стеклойной Башни, на двести лиг к севе-ру — мгlistые туманы с их скалами и полно еще всяких ужасов и непотребств. Ты думаешь, я живу на небесах и у нас никогда не умирают? Вовсе нет. Всего пятьдесят лет назад ушел Фердиад, а ведь он застал время прихода кхарийцев! Думаешь, у нас никогда не воевали и не преступали клятвы и законы? Думаешь, у нас все купаются в золоте и равно богаты? Думаешь, мы не пашем и не сеем? Нет, ты ошибаешься, если думаешь так.

Если же ты говоришь о покое, — тут же продол-жил Бейдиганд, не давая Тэн И вставить слова, — то и покоя мы не достигли. Да, самый свежий, не-весомый и прозрачный день на лугах Гвинид — бледное пламя свечи перед самой мрачной нашей ночью, но некоторые хранят память о большем. И даже те, кто не жил тогда, — всяк снедаем тоской по тому началу, к которому нам не вернуться. О, не-верный свет истинной красоты! — вздохнул жрец. —

Впрочем, ты сам все поймешь через некоторое время,— закончил он.

Только Бейдиганд договорил, со дна лодки раздался стон человека, которому перед самым пробуждением привиделся кошмар.

— Гвинид... Майлдаф! Откуда ты тут взялся, горский лохматый пес!

Это очнулся Хорса.

— Майлдаф?! — воскликнул Бейдиганд. — Откуда тебе известно это имя?

— Торговля шерстью, купцы Майлдаф и Махатан,— пробормотал гандер, поднимаясь и присаживаясь на банку на корме яла. Он зачерпнул ладню воду и умыл лицо.

— Теплая и горькая. — Хорса не то пожаловался, не то просто объяснил тем, кто не знает. И только тут он заметил, что в яле находится незнакомец.

— Почтенный,— вымолвил огорошенный поверенный его величества, соблюдая этикет при виде одеяния жреца-митрианца. — Откуда вы тут взялись? Была такая буря...

— На этот счет тебе все поведаст месьор Тэн И, я же не намерен еще раз повторять известное каждому ребенку с закатного побережья,— назидательно изрек жрец. — И про бурю мне известно. А вот если бы ты,— в глазах Бейдиганда засветился жадный огонек,— сказал мне, про какого Майлдафа идет речь, Митра зачел бы тебе это как слово во имя правды.

— У меня и без того немало заслуг перед ним,— спокойно парировал гандер. — Бриан Майлдаф из

Темры, которую сами горцы зовут землей Гвинид, телохранитель кенига Конана, мой друг. Вот, собственно, и все. А тебе-то откуда про него известно? И разве нужно было плыть сюда, чтобы все это узнать?

— Многие на наших островах — выходцы из Гвинид, и я в их числе,— обращаясь к Тэн И, пояснил Бейдиганд. — Киран Майлдаф — он первым пришел на Острова из Гвинид. Он принес свет в эту землю и сделал ее великой, и славны были деяния его.

— А со святым Диармайдом ты не встречался, любезный? — слегка насмешливо спросил Хорса.

— Встречался,— с готовностью согласился Бейдиганд. — И ничего смешного в этом не было...

— Так ведь он был митрианец! — удивился Тэн И. — А ты, почтенный Бейдиганд, еще расспрашивал меня о Митре! Или то было испытанием?

— Бейдиганд?! — не поверил своим ушам Хорса. — Так мы все еще разговариваем с призраками?

— Он не призрак! — заявил кхитаец.

— Диармайд еще не знал ничего о Митре! — одновременно с Тэн И возмущенно возразил жрец. — А испытаний вам и так досталось преизрядно!

От поднявшегося шума немедленно пробудился почтенный Касталиус. Едва он приоткрыл глаза, взор его упал на Бейдиганда, а именно на крылатое серебряное солнце на его груди. Жрец снова надел амулет, опасаясь, что забудет его по рассеянности в чужом челне.

— Бейдиганд Справедливый! Мы обрели тебя! — восхищенно прохрипел служитель храма Митры.

Он неожиданно резко вскочил, забыв, что находится в небольшом яле, лодка закачалась больше допустимого, и Бейдиганд Справедливый вместе с Касталиусом дружно повалились за борт, разбив тонкое, едва волнистое зеркало спокойных вод и подняв фонтаны брызг.

Хвала Митре, оба умели плавать, хотя каждый, вынырнув и отплевавшись, поспешил плыть на выручку другому.

Ухватив своего кумира за шиворот хламиды, Касталиус пытался выдернуть того сколь возможно высоко из воды. Сам же Бейдиганд, несмотря на более чем старческий возраст, с проворством, говорящим о большом опыте в подобных делах, и недюжинной силой с легкостью оторвал руку торговца от своей одежды, резко перевернул его, как упирающегося котенка, который не хочет, чтобы его мыли, к себе спиной и, обхватив его под мышкой одной левой рукой, принялся загребать десницей, продвигаясь тем самым к стоявшему в трех локтях ялу.

Хорса также потерял равновесие и съехал на днище, больно ударившись спиной. И лишь кхитаец удержался на месте и теперь прикидывал, как ему подвести лодку к оказавшимся за бортом, чтобы половчее их выудить.

Через несколько мгновений Бейдиганд сообразил, что Касталиус вовсе не нуждается в спасении от смерти через утопление и, отпустив митрианца, ворчливо изрек:

— Вот к чему приводит излишняя поспешность и небрежение советами старших!

Ощупав амулет, Бейдиганд убедился, что нырять на дно океана за ним не придется, и тем несколько успокоился. Ухватившись за крепкую руку гандера, а другой уцепившись за борт лодки, жрец влез на борт. За ним тем же способом последовал Касталиус.

Мокрые и растрепанные, в обвисших хламидах, с которых ручьем текла вода, жрецы выглядели уморительно, и, как ни странно, в их чертах было несомненное сходство, выраженное, скорее, не во внешности, но во внутреннем облике.

— Не зря я высушивал эти накидки, — мрачно изрек Бейдиганд. — Выпей вот вина, — протянул он Хорсе флягу, — да вылови вон те яблоки, — указал он на воду, где покачивались еще два прекрасных плода. — Подкрепитесь вместе с... Как твое имя, служитель Митры?

— Касталиус, — отвечал тот.

— Вместе с Касталиусом, — подхватил Бейдиганд, — и садись на весла. Да не забудь разбавить вино, не то будет плохо. О воде не беспокойся, скоро берег. Курс... — Бейдиганд сверился с солнцем. — Ладно, на руль сяду я сам. Еще заплутаете, — закончил он мысль. — Держите равновесие, будем переоблачаться, — бросил он приближенным монарха Хайбории и принялся стаскивать с себя прилипшую к телу хламиду.

Бейдиганд Справедливый, видимо, и вправду проплыл по морям не одну тысячу лиг, поскольку нимало не стеснялся своей наготы. Был он мужчиной крепкий, широкоплечий, с сильными узловатыми мышцами рук и ног; юношеской стройностью он

похвалиться не мог: брюшко отрастил весьма почтенное, что было, впрочем, естественно для таких лет.

В отличие от него Касталиус предстал худым, как щепка, но жилистым и, несомненно, выносливым человеком. Было видно, что возвеличивание духа не привело в его случае к умерщвлению плоти. Жизнь на свежем соленом морском воздухе остановила, казалось, его годы на рубеже полстолетия.

— Ну вот, теперь можно и побеседовать, — с удовольствием промолвил Бейдиганд, когда уселся на руле. Амулет с крылатым солнцем остался висеть у старика на шее. — Так вот, месьор Тэн И, — со знанием предмета принялся рассказывать Бейдиганд. — Диармайд никогда не был митрианцем. Если ты слышал от кого-то иное, значит, ваши маги сочинили это позднее. Он исповедовал Илу Всеединого, что, в основе своей, одно и то же...

Хорса, про себя проклиная изобретателя весел, греб второй день подряд, стараясь до поры не вмешиваться в разбирательство теологических вопросов, коим занялись Тэн И и оба жреца. Гандеру, разумеется, были знакомы каноны митрианства и, по долгу службы, еще и философия служителей Сета, Деркетто и прочих, менее значительных божеств Закатного континента. Но теперь он предпочитал только послушать и извлечь для себя что-нибудь действительно полезное, а именно: куда их все-таки занесло, и как им выбраться обратно.

Прошло некоторое время, прежде чем Бейдиганд, начавший внимательно поглядывать на северо-запад, возвестил:

— Вот он, маяк Гленллана!

Памятуя о недавнем купании жрецов, Хорса с Тэн И осторожно оглянулись: над горизонтом прямо по курсу в ничем не замутненном воздухе показалась островерхая простая башенка неопределенно-серого цвета. Бейдиганд же глядел на нее так, будто обрел наконец давно потерянную родную душу.

Хорса хотел было пожать плечами и отвернуться, дабы продолжить грести: экая невидаль — маяк! Судя по нетерпению, испытываемому Бейдигандом и Касталиусом в предвкушении вида этой суши, взорам их должно было предстать нечто необычайное, а вовсе не гранитная башня, каких полно на всем побережье от северной Зингары до Куша.

Но что-то заставило гандера еще раз посмотреть туда. И словно бы некий сладкий запах, дурманящий душу, коснулся его обоняния, долетев оттуда. И будто дивные голоса и музыка разнеслись над океаном, произнося и распевая слова на незнакомом, но необыкновенно приятном для уха языке. И словно кто-то заботливой и ласковой рукой вынул из глаз попавший туда сор и отдернул занавесь мутной пелены, мешавшую взгляду. И та же рука будто бы вынула из сердца неощущаемую до сей поры занозу...

Хорса посмотрел на своих товарищей и понял: каждый чувствует то же, что и он. Эта земля за горизонтом, пока еще сокрытая за его недостижимой гранью, и влекла к себе властно, и тут же просто приглашала в гости, и манила чем-то за-

ветным. Казалось, даже сами волны океана все катились туда, дабы поскорее достичь того невидимого предела, за которым каждого ждет приют и светлый покой.

Такое Хорса испытывал, пожалуй, только однажды: когда увидел графиню Этайн. Но даже тогда все было во многом иначе...

Он повернулся, с неохотой расставаясь на время взглядом с уже недалеким маяком, и вместе с Тэн И, у которого вовсе не надо было спрашивать согласия, они налегли на весла так, что довольно неуклюжая лодка царственным черным лебедем заскользила по лону вод...

...Пологий зеленый берег постепенно поднимал из лазоревого океана свою спину. Сначала стал вырастать вверх маяк. Даже на таком расстоянии чувствовалась молчаливая древность обтесанных в невесть какой давности времена гранитных блоков. Потом показались вершины холмов. Некоторые, что вставали вдали, в глубине острова, поросли лесом, который густо-синей полосой виднелся у самого предела. Те же, что своими подошвами спускались все ближе и ближе к морю, полысели от неистовых ветров и ныне тешили зрение своей изумрудно-зеленой травой. На одном из самых высоких, по левую руку от маяка, был выстроен храм, сложенный из того же серого камня. Храм не был велик, но он не выглядел приземистым и угловатым, как многие храмы Митры. Здание было пропорционально и соразмерно, не принижаясь и не стремясь вверх. Оно вливалось в пейзаж этого места, будто искони пребывало здесь. Вен-

чала его небольшая шестиугольная башенка с острым верхом, фасад же, обращенный к океану, целиком занимала арка, завершающаяся двумя дугами, сходящимися острием.

Следом показались два выдающихся в океан мыса. На левом, холмистом и поросшем кустарником, возвышался маяк. Правый представлял собой почти голую песчаную косу с низкими дюнами. Между мысами оставался проход шириной всего около полулиги, за которым открывалась удобная бухта, расширяющаяся в сторону дальнего берега. А там, у подошвы пяти холмов, даже немного забираясь на них, стоял Гленлан. Это был — по меркам Аквилонии — небольшой городок. Самая старая его часть — кладбище и двухэтажные дома из сурового камня, пригнанного тесно, на века, с двускатными соломенными или камышовыми крышами, длинные и немного пузатые — располагалась у подножия того самого холма, на склоне коего стоял храм. Были дома иные, о трех и даже четырех этажах, украшенные затейливой лепкой, с колоннами и порталами, фронтонами, оштукатуренными стенами. Более всего было двухэтажных кирпичных зданий, снабженных в достатке узенькими стрельчатыми окнами с разноцветным стеклом и башенками с острыми шатровыми крышами. Скорее всего, при частых дождях это были самые удобные перекрытия. Самым же красивым и замечательным являлся, конечно, деревянный двухэтажный дворец: резные бревна, множество галерей, арок, крытых переходов, лестниц и самых разных окон, столбов и витых колонн. Дерево смот-

релось на редкость ярким и свежим даже из такой дали.

Никаких крепостных сооружений в Гленллане не было. Деревянный небольшой причал с одиноким рыбацким кораблем очень старинной постройки да сети, сушившиеся на берегу, — вот и все.

— Устье бухты перегорожено баром, — предупредил Бейдиганд. Он снова приобрел тот вид, как был описан в легенде: властный, мудрый, осанистый, величественный. — Течение от материка намывает песок. За полторы тысячи моих лет проток сузился на десять локтей. Скоро наша бухта превратится в озеро.

Хорса прикинул в уме, скоро ли придет это «скоро»: получилось что-то около семи тысяч лет.

«А так ли уж это много? — неожиданно подумалось ему. — Интересно, как будет это все смотреться через семь тысяч лет?»

— А догадываетесь ли вы, какое здание здесь старше прочих? — осведомился вдруг гостеприимный Бейдиганд.

Надо ли говорить, что все предпочли храм либо один из каменных домов возле погоста.

— Нет, — покачал головой Бейдиганд и заулыбался, как наставник, коего весьма потешил бойкий, но неверный ответ любимого ученика. — Это деревянный дворец. Говорят, ему десять тысяч лет.

— Да ведь тогда и бухты, наверно, не было? — ничуть не удивившись, спокойно задал гандер само собой разумеющийся ныне вопрос.

— Не было, — так же безмятежно согласился Бейдиганд. — Это очень крепкое и древнее дерево.

Теперь таких почти не осталось. Они есть только на самых западных островах и весьма почитаемы...

...Лодка входила в бухту. Медленно уходил назад маяк — массивная круглая башня с толстыми стенами, словно донжон какого-нибудь замка. Окна-бойницы испытующе взглянули на пришельцев и пропустили их, снова смежив веки и погрузившись в тысячелетнюю дрему. Длинная и очень пологая волна открытого океана сменилась мелкой, совсем почти неуловимой рябью бухты. Казалось, именно здесь вода изменилась: она стала будто бы легче, цвет ее посвежел и налился краской, и едва уловимый аромат поплыл над бухтой.

— Это пахнет вода? — тихо, затаив дыхание, спросил Хорса.

— Нет, — улыбнулся Бейдиганд. — Это запах наших садов. Они там, за кладбищем. Отсюда их не видно.

Причал приближался. Справа от него гандер заметил устье неширокого — локтей в десять — светлого ручья. На потемневших от времени досках стоял высокий, прекрасно сложенный мужчина с ликом дивной, нездешней красоты. Только взор его темных очей где-то в самой глубине был полон невыразимой высокой тоски. Длинные черные волосы падали ему на плечи. Одет он был просто — в широкую голубую полотняную тунику, полотняные же зеленые штаны и невысокие сапоги с отворотами и острыми носами. Хорошей выделки кожаный пояс перехватывал его тонкую талию. Весь облик выдавал в нем великого воина и... и дивного песнотворца.

Красивые тонкие губы мужчины не дрогнули, но гандер слышал, как чей-то звучный и красивый голос изрек нараспев:

*...Как пульс морей недремлющий прибой —
Привычный столь и неизменно новый
Бесплотных мыслей непрерывный строй
Неутомимо ищущих иного,
Выплескивая музыку и слово...*

На башне храма ударил серебряно колокол, и звук его поплыл над бухтой и долиной у пяти холмов — Гленлланом.

Хорсе подумалось об Этайн.

«Кстати, не унесло ли ветром ее шарф? Да нет, он где-то в сумках, я же его туда положил... Конечно, я вернусь к ней,— решил он.— Скоро... Наверное...»

Глава седьмая

Дчнулась она в совершенно незнакомом месте. Комната, где она находилась, была освещена лишь трепетным огоньком свечи. Стол, глиняная посуда, кувшин, в углу из лепной пасты крокодила лилась струйкой вода, падая в небольшой полукруглый бассейн с плоским дном, наполняя его и уходя в небольшое отверстие в полу. Звук журчащей воды и разбудил Этайн. Графиня лежала на циновке из рисовых прутьев. Помещение было невелико — три на два локтя. Единственный доступ в него был, похоже, сверху, через квадратный люк на высоте двух локтей, в котором виднелось ночное небо, по коему проплывали облака, наслаиваясь друг на друга. Края их были посеребрены лунным светом, пробивавшимся сквозь просветы. Люк находился прямо над бассейном, и дождевая вода уходила бы туда. Но, несмотря на открытый верх, холодно не было. За одной из стен, очевидно, размещался камин или печь, потому что от нее исходило приятное до-

машнее тепло. В другой стене были прорезаны узкие вертикальные окна. Все стены, кроме той, что с фонтанчиком, были завешены мягкими коврами с длинным ворсом.

Этайн осмотрела все прочие предметы мебели и утвари. Стол был сделан из крепкого мореного дуба. Столешница инкрустирована иными редкими породами дерева. Похожие столы — добротные и незатейливые — изготавливали в Немедии. Металлическая — бронзовая и серебряная — посуда была явно туранского происхождения, фарфоровая — кхитайского. Циновки могли сделать где угодно, но, судя по рисунку, напоминающему чем-то древние наскальные росписи, они были из Черных Королевств. Стулья — их было два, из хвойных пород, весьма изящных, с искусной резьбой, — похоже, из Офира.

Словом, все это было из мест столь разных, что определить, где же, собственно, оказалась Этайн, не представлялось возможным. Не знала она ни сколько проспала, ни когда ее похитили — кстати, как же смог этот мужчина проникнуть во дворец, да еще и забраться по стене, как паук? — кажется, было еще темно, хотя ночь была на исходе. Сейчас опять темно. Если ее куда-то увезли, что наиболее вероятно, и сейчас опять ночь, то она проспала целые сутки или чуть меньше. Неудивительно, что ей хотелось есть и пить. В накрытых колпаками тарелках обнаружился свежий, даже не успевший остыть хлеб, кое-какая зелень, рис с шафраном, жареный бекас в грибном соусе, в кувшине было молодое легкое вино. Она поела хлеба, зелени и риса,

запила водой из фонтанчика. Вода была родниковая — холодная, чистая, с известковым привкусом. Вино и мясо трогать не стала — туда легче всего подмешать снотворное или яд. Иногда зелье можно было распознать на вкус, а вино и мясо под соусом лучше всего могли его скрыть.

Хотя зачем бы тащить ее так далеко, чтобы тут же отравить? Но неважно. Вино и мясо не способствуют ясности мысли, как говорил Озимандия, а подумать следовало. Этайн забралась на циновку, села спиной к стене, поджав ноги.

Итак, что она помнила о том мужчине в черном? Ничего. То есть ничего примечательного. Худощавый, должно быть, очень сильный, умелый и ловкий, если сумел пробраться во внутренний двор и добраться до окна. Похоже, не очень высокий, если сравнивать с Майлдафом или Конаном — локтей шести, не более. Бледный как смерть, хотя на таком холоде, как был в ту ночь, при таком ветре и таком напряжении сил можно было и побледнеть, и заоченеть. Безусый и безбородый. Губы? Тонкие, пожалуй, ехидные. Нос? Нос крючковатый, ястребиный, с заметной горбинкой. Глаза темные, колючие, злые. Подбородок острый, выдающийся, как у человека упрямого и явного гордеца.

Вот и все. Одет был в черное, прямо-таки закутан. Плащ, капюшон, туго обтягивающий голову, полумаска. Ах, да, он же еще связывал ей запястья. Этайн потеряла эти места, посмотрела: да, боли не было, но красноватый след от грубой веревки остался на нежной коже. Мерзавец! Но иначе он бы ее уронил. Такой способ переноски ра-

неного или слабого на высоте был самым надежным, как говорил Хорса. Руки у него были ловкие, нервные, пальцы длинные, запястья...

Браслет! Золотой, тонкой работы створчатый браслет на левой руке, с рисунком птицы. Петуха? Нет, у петуха есть гребень и борода. Оперение было пышное... Павлин! Конечно павлин! Павлин... Если павлин, то похититель был с юга или востока. Туран? Нет, к чему им! Стигия? Очень возможно, но тогда был бы змей. Нет-нет, все не то... Погодите, постойте, она ведь совсем недавно где-то видела или что-то читала...

Книга! В книге, что дал Озимандия! Буквы и рисунок словно настоящие возникли пред ее мысленным взором.

«Сабатея, город-государство в землях Шема. Страна сия, Сабатея вышеупомянутая, весьма дурную репутацию имеет, и более всего из-за того, что жители ее культ Золотого Павлина исповедуют, жестокий, богопротивный и кровавый. Адепты веры сей, воистину, убийцы, и к услугам их правители городов шемитских прибегают охотно.

Культ же сей в Шеме запретным почитается, ибо поклоняются в Сабатее идолу мерзкому, подобному демону в перьях павлиньих, коему жертвы приносить должно кровавые, животных всяческих, а также людей. Причем на людей жрецы те охоту ведут, отчего в искусстве сем преуспели отлично, и равных им немного сыщется».

Вот оно что! Золотой Павлин! Значит, ее принесут в жертву? Но почему не сразу?! Или его наняли? Наверно, наняли! Во всяком случае, лучше

думать так. Так не очень страшно. Но кто? Кому сейчас так нужно помешать королю? Ах, жаль она плохо понимает в политике! Но, вернее всего, Стигия. А еще... «В Асгалуне, как нигде в ином месте на побережье к северу от Черных Королевств, сильны те, кто перевозит и сбывает порошок грез тем, кто пагубную страсть к сему зелью имеет. И есть у них и флот, и многие средства, дабы вести свой промысел повсюду и безбоязненно», — гласила книга Саллюстия Меранского.

Да, еще и шемиты. Впрочем, легче ли от того, что она узнает кто? Нужно ведь знать, где она, нужно как-то передать о себе весточку!

Этайн вскочила, пододвинула к стене стул, заглянула в окно.

В рваном, постоянно меняющемся из-за бегущих по небу облаков причудливом лунном узоре, представляющемся взгляду графини зловещим, тянулись справа налево воды неширокой реки. Другой берег весь был скрыт густыми посадками. В темноте трудно было разобрать, что это за растение, но более всего это походило на дикий виноград. Как ни старалась Этайн увидеть что-либо еще, заглядывая в другие окна, пытаясь посмотреть как-нибудь сбоку или протиснуть лицо подалее, ничего нового это ей не дало. Оставалось ждать, пока явится прислуга или некто из тех, кто ныне распоряжается ее судьбой. Ее, конечно же, взяли в заложницы, и ясно, что они потребуют от короля взамен. Но ведь Конан не примет условий! Что же он сделает? И что будет с ней, когда купцы выслушают ответ короля? Что будет с ней?!

Этайн опять села на циновку и немного поплакала. Потом намочила платочек холодной водой, приложила к глазам, чтобы не были красными. Спать не хотелось. Сразу подумалось о Майлдафе. Горец, конечно же, узнает все немедленно. И что скажет тогда Бриан? «Прекрасную Этайн заточили в скверный сид? Тому, кто это сделал, скоро споет банши, пусть даже я не продам в Туран последнюю партию шерсти!» И Хорса... Хорса ценит короля, он называет его кенигом — это высшая степень признания и уважения для гандера. Но ведь он не бросит ее, он сам говорил так! Только бы он не слишком рисковал, в конце концов, ее ведь не убьют — зачем им? А если так, то выпустят рано или поздно, что им с ней возиться?

Так думала графиня, не зная еще, кто такие «они», и стараясь не думать, что «они» могут с ней сделать, если не убьют.

В бесплодных раздумьях прошла ночь. В окошки и люк в потолке сочилась утренняя серость. Потом забрезжил рассвет, защебетали птицы. Никто не приходил, никаких голосов не доносилось снаружи. Она еще раз посмотрела в окно. Речка — даже, скорее, ручей — была мутная от глины золотисто-коричневого цвета. Зеленые кусты винограда склоняли ветви прямо к воде, касаясь ее листьями. До самого горизонта, сколько могла она видеть, тянулись виноградники, плоская равнина, где не на чем остановить взгляд.

В Аквилонии таких мест не было. Разве Пуантен мог похвалиться виноградниками, но его земли не были ни столь жарки, ни столь плоски. Но

это не могла быть и Немедия или Коф: климат Немедии также был слишком суров для винограда, а Коф или, скажем, Шем находились чересчур далеко для однодневной поездки. Для визита в Зингару надо было бы перевалить горы. Оставался Аргос, куда можно было попасть напрямик, по Хороту, но и в этом случае путешествие не могло занять только сутки — требовалось по меньшей мере три дня. Неужели она проспала трое суток? Нет, не может быть!

В это время сверху послышался шорох. Графиня мгновенно оказалась в дальнем от люка углу. Схватив серебряный кувшин поувесистее, она приготовилась обороняться.

В отверстие сначала свесился канат с привязанной внизу корзиной, а затем по тому же канату вниз стремительно скользнул огромный чернокожий человек в тунике, которая едва ли не трещала на его могучих плечах. Не обращая внимания на Этайн, раб собрал со стола посуду и сложил все в корзину, не поинтересовавшись даже, почему Этайн не съела мяса и не притронулась к такому хорошему вину.

Чернокожий явно заметил кувшин в руках графини, но не сделал ни малейшей попытки попросить его обратно или отобрать. Потом он собрал постельное белье и запихал в ту же корзину, хотя белье было весьма дорогим. Так и не удостоив пленницу ни словом, ни жестом, слуга с ловкостью леопарда, несмотря на внушительные свои пропорции, влез по канату обратно. Он исчез в люке и втащил туда корзину.

«Надо попробовать заговорить с ним,— подумала Этайн.— Узнать хотя бы, где я. Он дикарь, конечно, но, в конце концов, все же мужчина, а я далеко не дурнушка, а даже... Зеркало тут есть?»

В туалетной комнатке зеркало нашлось.

«А я даже очень ничего! — с удовольствием подумала графиня.— Интересно, хватит ли моих чар обольстить настоящего варвара? С благородными тарантийцами это получалось просто».

Не прошло и фарсинта, как канат с корзиной вновь опустился вниз. В корзине лежало белье. Затем не замедлил появиться и чернокожий великан. Мускулатура у него была развита великолепно, пожалуй даже чересчур. Создавалось впечатление, что обладатель этих мускулов нарочно наращивал их, чтобы произвести эффект. Голова его напоминала кувалду, но лицо нельзя было назвать глупым или уродливым. Это было лицо большого ребенка, вышколенного с младенческих лет раба, кругозор которого ограничивался стенами хозяйской усадьбы.

Сверху кто-то опустил еще и поднос с посудой и кушаньями. Чернокожий ловко принялся ставить все это на стол. Этайн пододвинула стул, села, закинув ножку на ножку, так что слуге приходилось тянуться над ее ногами, чтобы поставить блюда. Правда, при его росте это не составляло труда. Раб выполнял свою работу так, будто был в комнате один.

«Однако! — подумала Этайн. Вид у нее был более чем завлекательный.— Не раздеваться же мне перед ним?»

Закончив со столом, великан взялся за постель, с ловкостью девушки-служанки застывая циновки покрывалами и простынями.

Этайн, продолжая игру, вскочила со стула и легла на циновку, заставляя чернокожего приостановить работу. Теперь не замечать ее он не мог. Раб действительно остановился с тонкой шелковой простыней в руках и вопросительно воззрился на Этайн, выразительно выкатив огромные круглые белки. Выглядело это столь смешно, что Этайн прыснула. Облокотившись на локоть, она легла на бедро и спросила:

— Как тебя зовут? Откуда ты? И что это за место?

В ответ слуга растянул в улыбке полные красные губы, обнажив ряд крупных белых зубов, отрицательно покачал головой, а потом, разинув рот, стал указывать на него пальцем.

Этайн взглянула и обмерла: вместо языка во рту у раба шевелился короткий обрубок! Бедняга, он не мог сказать ей ни слова, даже если бы захотел! Графиню охватило чувство искренней жалости. Она даже ругала себя за то, как собиралась дразнить этого несчастного. Порывисто поднявшись, она ласково погладила огромную, твердую как железо черную руку. Чернокожий стоял как вкопанный: вероятно, подобные проявления человеческого участия были ему мало знакомы.

— Так ты не можешь поговорить со мной? — спросила Этайн, заглядывая снизу вверх в круглые детские глаза раба. Тот кивнул, по-прежнему выразительно изобразив на лице разочарование.

— И писать ты тоже не умеешь?

Слуга помотал головой и снова вопросительно посмотрел на графиню.

— Ты хочешь спросить, не нужно ли мне чего-нибудь еще? — догадалась она. — Пожалуй, нет. Хотя... Ты любишь музыку и песни?

Гигант опять расплылся в улыбке и закивал своей большой головой.

— Тогда принеси мне лиру или лютню. Про арфу в ваших краях, наверно, не слышали. Жаль, я даже не могу узнать, что это за края. И передай своему хозяину, если можешь, что я хотела бы с ним побеседовать.

Раб кивнул еще раз, а потом опять покачал головой, должно быть, отвечая «нет» на последнюю просьбу. Он закончил возню с бельем и, неожиданно тепло и ласково пожав руку Этайн чуть выше локтя — движение его было быстрым, словно у дикой кошки, — снова исчез через отверстие в потолке.

«Что ж, — подвела итог Этайн. — Не так уж и плохо. Правда, ничего особенно хорошего. Со мной не хотят разговаривать, подослали немного, да еще и бесхитростного. Это ведь двойная хитрость: как бы он не навредил себе и мне, рассказав о том, какая я хорошая. Но он заслуживает сочувствия. По крайней мере, один заступник у меня здесь будет».

Чернокожий выполнил обещание и вечером принес лютню. Этайн любила музицировать, отлично разбиралась в известных ей музыкальных инструментах. Лютня была прекрасной работы из вишневого, черного и красного дерева, палисанда-

ра и еще каких-то неизвестных пород, но, должно быть, очень редких и дорогих. Этайн осмотрела инструмент внимательно в поисках знака мастера. Он обнаружился на внутренней поверхности кузова. «Дзолло, сын Пьяцци из Мерано». Аргос! Значит — правда, утверждать со всей уверенностью было рановато, но музыкальные умельцы держали марку и старались не допустить проникновения изделий от конкурентов в свои страны — ее привезли в Аргос. И спала она не сутки, а вдвое больше. Поэтому и есть хотелось так, будто она была голодна как волк!

Графиня тронула струны; лютня отозвалась. О, это был дивной красоты звучания инструмент! На некоторое время Этайн забыла обо всем: ей хотелось натешиться этой лютней, послушаться ею, стать для нее своей, подругой. И она пробовала разные песни, мотивы, голоса, сочинения лучших музыкантов, какие были ей доступны. И лютня не упрямилась.

Черный атлет веселился и грустил, как ребенок, только шуметь себе не позволял. Даже в ладоши не хлопал. Наконец он встал и снова пожал Этайн руку. В глазах его только что слезы не стояли.

— Тебе пора идти? И лютню ты унесешь?

Слуга покачал головой и полез наверх. Лютня осталась у графини.

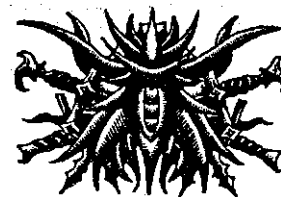
«Его оставили при мне. Вот хитрецы! Или они не боятся здесь никого? Так или иначе, лютня со мной. Что ж, буду играть, может быть, кто-то из соседей услышит? Пойдут разговоры, откуда такие звуки, голоса...»

Этайн в голову не приходило стучаться, кричать, отказываться от еды. Хорса учил ее всему, что может пригодиться в таких случаях. За слишком дерзкое поведение ее запросто могли упрятать в какой-нибудь безобразный подвал — сырой, холодный и с крысами, а еду не давать вовсе, так что и выбора бы не осталось: хочешь не хочешь — голодай. При «хорошем поведении» у нее оставался максимум возможной свободы, а значит, и наилучшие шансы бежать или хотя бы выйти из заточения целой и невредимой.

Глава восьмая

умерки надвинулись, как и всегда здесь, быстро.

— Главное — не проспать отлив, — беспокоился Евсевий.

— А как мы его определим? — поинтересовался Конти.

— Очень просто, ваше высочество, — ухмыльнулся Сотти. — Если верить надписям на камне, вода просто перестанет течь, и мы сможем пройти в пещеру до самых ворот.

Принц был сконфужен, но не обиделся.

Слова Евсевия о возможности проспать отлив были восприняты поначалу с улыбкой, но реальность подтвердила его дневное беспокойство.

Все было приготовлено: дерево для факелов нарублено, копченое мясо — насколько это удалось сделать за один день — заготовлено, рыболовные снасти — кто знает, вдруг придется ловить рыбу в непроглядном мраке подземных вод — проверены. Оставалось только развести костер и дожидаться вождя часа. Во избежание вчерашней

трагедии никто не отправился на другой берег. Один только неутомимый Полагмар, который с каждым новым днем, проведенным в лесу, только набирался сил, остался вторую ночь бодрствовать, бродя вокруг да около стоянки, временами призраком возникая из тьмы.

Постепенно и без того неспешный разговор сошел и вовсе на нет. Алфонсо, лежавший в лодке и просто рассматривавший звезды, первым начал тихонько похрапывать. Потом стал клевать носом принц Конти, внимавший бесконечным сагам далекой Темры. Конти уже утвердился в решении посетить данную область, если договор будет подписан, и теперь Майлдаф нашел в лице принца благодарного слушателя. Увидев, что принц засыпает, Майлдаф прервал речи и принялся наблюдать за водами ручья. Тем временем Евсевий, при свете пламени царапавший что-то на коре, отложил наконец свой стилос и удобно устроился близ огня, зарывшись в небольшой стожок надерганной самолично травы. Затем месьор Сотти, ведший неторопливую беседу с аквилонцем, принял сходное с Евсеем решение.

Мегисту сидел, скрестив поджатые ноги, раскачивался и мычал под нос какие-то песнопения своей жаркой родины, но затих и он. Голова кушита поникла, и он так и заснул, сидя.

С удивлением Майлдаф обнаружил, что клонит в сон и его. Он пытался бороться с дремотой, но глаза слипались, ручей умиротворенно шелестел и тихо мерцал белыми звездами в черной блестящей глубине. Утешало только, что где-то рядом,

в десяти локтях, не далее, продолжал свое неусыпное бдение барон.

Бриан совсем было устроился спать, положив подбородок на колени, как собака кладет морду на лапы. Но тут мысль о собаке зацепила и потащила за собой воспоминание о волках, размышления о том, что поделывают ныне серые на вольных предгорных холмах — здесь и на земле Гвинид, куда они повернули, когда путники достигли границы с дионтами, и как они спят. Эта идея пришлась Бриану по душе. Вот верный способ избежать опасности упустить нужный момент! Надо просто спать, как это делает волк!

А Майлдаф умел спать по-волчьи. Он не раз наблюдал сам, да и опытные охотники из клана Майлдафов рассказывали ему, как спит волк. Волк никогда не растягивался, не заваливался на бок и тем более не перекатывался на спину во время сна, подобно дворовой собаке. Волк обязан был следить за волчатами, за окружающей обстановкой, за опасностью. Зверь, подобно тому, как сейчас Бриан, должен был не проспать какой-то известный ему срок. И волк сворачивался в клубок, накрываясь пушистым хвостом, и так проводил во сне некоторое время, не больше фарсинта. Потом серый вставал и потягивался, припадая на вытянутые передние лапы и отклячивая зад, широко — так что глаза лезли на широкий волчий лоб — зевая, обнажая клыки и высовывая длиннющий красный язык.

После этого ритуального действия волк осматривался, принюхивался, крутился несколько раз

на месте вокруг своей оси и снова укладывался, сворачиваясь в клубок.

Бриан попробовал подражать волку, и — о чудо! — у него получилось! Сон становился ничуть не менее долгим и освежающим, чем непрерывный, — даже более, а нужное событие не оставалось упущенным. Вот и теперь решил он прибегнуть к той же нехитрой уловке. Барон — бароном, а на стоянке тоже должен был оставаться кто-нибудь бодрствующий.

Ночь тянулась медленно, а отлив все не наступал. Бриан успел уже три раза заснуть и проснуться. Однажды он застал у костра Полагмара. Гандер подкладывал в огонь ветки.

— Все спокойно, — прошептал барон. — Вода пока не убывает.

Это Майлдаф видел и сам. Он потянулся, покрутился по-волчьи и вновь улегся, сжавшись в комок. Во сне он почувствовал, будто кто-то тяжелый, но невидимый опустился ему на грудь и не дает дышать. Бриан силился, но никак не мог проснуться. Но вот минул фарсинт, и неведомые волчьи часы внутри человека сработали безотказно. Горец встряхнулся и открыл глаза. Он не увидел ничего! Какая-то плотная черная масса, действительно крайне затруднявшая дыхание, облепила его. Казалось, к самому мозгу прилепились тысячи хоботков, ощупывающих и обшаривающих самые потаенные уголки сознания, тянущих из человека жизнь. Едва он попытался усилием воли воспротивиться этому, как словно бы бесчисленное множество мелких раскаленных иголок вон-

зило в голову, причиняя неистовую боль. Бриан чуть не потерял сознание и едва не задохнулся, потому что неведомая сила зажала нос и сдавила горло, но сумел не уступить этой атаке. Вскочив и подняв руки к лицу, он ощутил, как пальцы погружаются в нечто мягкое, но упругое. Вцепившись в это нечто, горец с силой рванул *это* в разные стороны.

С трудом, но злобная черная масса поддалась: на свою силу Бриан никогда не жаловался! Он вновь обрел способность видеть. Костер догорал. Полагмара нигде не было. Все остальные спали как убитые.

Горец метнул взгляд на ручей. Вода, жалобно журча, заполняла вырытое ею русло лишь наполовину и продолжала быстро убывать. Вокруг него на траве валялись клочья чего-то темного, живого и опасного. Клочья эти шевелились, копошились и норовили опять собраться вместе.

«Нет уж позвольте...» — подумал Бриан. Он схватил из костра горящую ветку и ткнул в самый сгусток черноты.

Раздалось шипение и хрип. Черный ком конвульсивно задержался. Огонь некоторое время горел изнутри его, просвечивая какие-то волокна и линии, складывавшиеся в подобие черт какой-то отвратительной маски, но скоро пламя стало угасать, а клубок тьмы опять начал толстеть. Майлдаф споро нагнулся и схватил свой устрашающий клинок, который всегда лежал во время ночевки на привалах рядом с ним, и что было силы рубанул по *этому*.

Сгусток охнул и почти распался надвое. Что-то вспыхнуло темно-фиолетовым огнем внутри его, и однородная чернота стала на глазах превращаться... в давешнего демона! Вот это был сюрприз! Превращение завершилось в мгновение ока, и перед горцем предстало мертвое тело того же человека-птицы с рассеченной страшным ударом от левого плеча, где крепилось крыло, до правого ребра грудью.

Над черными зубцами елей сверкнул серебряный свет — это восходил месяц, и вид его был именно таким, как изображал рисунок древних паков на стенах красных скал. Словно в ответ на этот первый луч и сегодняшние мысли Майлдафа где-то совсем рядом завыл волк. Бриан никак не мог прийти в себя, чтобы броситься будить товарищей: голова болела, будто ее раскроили напополам. Из-за ствола ближайшей ели выскочил растрепанный барон, весь в хвойных иглах и почему-то в репьях, кой пребывали у благородного дворянина даже в густых и жестких изжелта-белых волосах.

— Беда! — громко зашептал барон. — Какие-то существа идут на нас со всех сторон! По-моему, они похожи на угольно-черные шары, плывущие по воздуху. А дальше за деревьями мелькает что-то белое, будто кто-то во множестве приближается к нам с факелами! Хорошо, что завыл волк, иначе я бы заснул прямо под корнями ели!

«Да, волки снова нас выручили!» — подумал Майлдаф. Мысль об этих своевольных и независимых серых зверях окончательно привела его в чувства. Барон уже растолкал Евсевия, и теперь ак-

вилонец, кляня себя за беспечность на безукоризненном староаквилонском, тормозил что есть силы упорно не желавшего открыть глаза Конти. Голова тупо ныла, но боль постепенно отступала к вискам и затылку, и мысль работала четко. Майлдаф помог Сотти подняться, поскольку ноги у аргосца замерзли и затекли. Алфонсо будить не пришлось. Как всегда не слишком приветливый, он всмотрелся в черноту леса.

— Скорее надо уносить ноги. Эти ваши дионты, кажется, опомнились!

Ручей тем временем обмелел настолько, что вода не доставала и до колена.

— Майлдаф! Возьми лук! Мы справимся без тебя, только держи их на прицеле! — попросил Евсевий.

Взвалив на плечи один вельбер — унести обоим людям было попросту не по силам, — все поспешили в пещеру. Первым, с факелом в поднятой руке, шествовал Алфонсо. Костер так и бросили догорать: прятаться теперь было бесполезно. Напоследок Мегисту кинул в огонь горсть каких-то белых шариков и провыл что-то на своем языке. Зачем он сделал это, никто спрашивать не стал, но было ясно, что хуже от этого не будет. Хуже быть не могло. Белые точки и вправду оказались не мириадами ночных бабочек, но факелами дионтов!

Как и следовало ожидать, коридор пошел под уклон. Дно тоннеля давным-давно не очищалось и покрылось налетом зеленых водорослей. Идти по скользкому ковру было крайне неудобно. Майлдаф, остановившись у входа, не спешил стрелять,

ожидая, пока дионты сами начнут нападение. Однако намерения у них были отнюдь не мирные, и с первым выстрелом они не замедлили. Что-то свистнуло у него над головой. Без сомнения, это была стрела. Не дожидаясь следующей, он выпустил подряд три стрелы, метя в белые точки. Было довольно далеко, и Бриан сомневался, попал ли он, да и вообще не был уверен, что стрелы пролетели столько, сколько было необходимо, и не застряли в ветвях. Дионты, в отличие от пиктов, нападали молча, и даже если кто-то из них пал, по раздосадованным крикам распознать это было невозможно.

Немедленно вокруг засвистели стрелы. Майлдаф ответил еще несколькими выстрелами и совсем было собрался последовать за товарищами, как хитрость Мегисту явилась ему во всей красе. Вряд ли суть таилась в заклинании. Если оно и значило что-либо, то лишь для самого Мегисту. Первую роль сыграли, безусловно, белые шарики. Дионты уже приблизились к опушке, как вдруг костер вспыхнул ослепительно белым пламенем, взметнувшимся на три локтя разом! Майлдаф перестал что-либо видеть и, дотянувшись до стены тоннеля, на ощупь побрел вниз.

Лишь через некоторое время ему стало казаться, что впереди краснеет огонек факела. К счастью, так оно и было!

Выход из пещеры выделялся менее черным среди общей черноты стен, к тому же всходявший месяц уже озарял его своим призрачным светом, и края проема отсвечивали серебром.

А костер продолжал свои вспышки. Каково же было дионтам, если Майлдаф, застигнутый только первой из них, потерял зрение на столь долгий срок!

Коридор быстро понижался, и вскоре покров из лохматых водорослей сменился влажным, но не скользким каменным полом, ровным, но не гладким, а нарочно немного шероховатым, дабы ноги путников не скользили по мокрому камню. Майлдаф не знал, как глубоко они спустились под землю. Будь с ними Тэн И, он бы не слишком затруднился с ответом. Должно быть, подземный ход был весьма глубок, поскольку абрис входного проема уже пропал из вида.

Постепенно к Бриану возвратилась прежняя острота зрения, и он почти нагнал товарищей, тащивших тяжелую лодку, оружие и съестные припасы, но предпочел отстать на несколько локтей: рано или поздно фокус Мегисту перестанет действовать, и тогда уже ничто не мешает дионтам следовать за ними по пятам и быстро нагнать беглецов. Впрочем, даже при ярком огне обогнуть костер не составляло труда. Майлдаф отстал нарочно, чтобы свет факела не мешал смотреть и не делал его мишенью, а звук близких шагов не мешал стрелять на слух. Бриан не сомневался, что, завидев свет факела, дионты немедленно потушат свои и примутся за игру в прятки.

Тем временем спуск кончился. Они были где-то во чреве скал, в древнейших чертогах гномов, не видевших живого существа вот уже пять тысяч лет. Да полно, даже Атлантида успела уйти под океанские волны — так рассказывал Евсевий,

а пещеры должны были давно засыпаться песком, который постепенно, слой за слоем, приносила вода, да и гранитные своды не вечны: каменный великан Дол Улад исчез за какие-то мгновения! Но пока своды не собирались уступать времени, и скальную твердь не сотрясали корчи, да и магией не пахло.

Не пахло вообще ничем, только сырость ощущалась в воздухе.

Шествие продолжалось. Все понимали, сколь великой опасности подвергаются, но делать было нечего: свалиться в какой-нибудь бездонный ров или просто подвернуть ногу было бы едва ли не худшей бедой. Но вот коридор повернул вправо под прямым углом и тут же пошел вверх.

— Скоро должна быть трещина, откуда изливается поток, — услышал горец уверенный голос Евсевия. — Я не удивлюсь, если через нее ведет чрезвычайно узкий мост.

— А если его там и вовсе нет? — высказал предположение Сотти.

— Весьма возможно, — был обнадеживающий ответ.

Майлдаф, подозревая, что, если тоннель пошел вверх, значит, заветные ворота уже близко, задержался у поворота. Дионты, если они полезли в пещеру, или мерзкие черные пузыри, таящие демонов-оборотней, сейчас должны были себя обнаружить. На их месте Бриан побоялся бы упустить преследуемых, не зная, что таит за собой поворот.

И он не обманулся в своих ожиданиях. Из темноты явилось нечто. Майлдаф не опасался чудо-

вищ: под Дол Уладом он навидался всяких — настоящих и призрачных, но хуже всего оказались те, что предстали в человеческом обличье. То, что таилось перед ним ныне, не было ни зверем, ни птицей, ни змеем. Зверь бы выдал себя звуком шагов своих лап или копыт, дыханием, наконец. Змея шелестела бы чешуей. Крылатое создание непременно колебало бы воздух взмахами крыла. И животное обязательно должно было пахнуть. Здесь, в пещере, ветра не было, и скрыть резкий запах, присущий зверю, было бы невозможно, а на нюх горец не жаловался никогда. И только коварный человек или нелюдь способен был красться неосязаемой тенью и убивать бесшумно и без необходимости утолить голод, то есть всех до одного.

Ощущения, кои испытывал Бриан теперь, были сходны с теми, что возникли у него, когда черное облако окутало его во сне. И сейчас кто-то ощущивал невидимыми, настороженными и безжалостными пальцами пространство. Этим пальцам только и надо было хоть чуть-чуть зацепить человека, а дальше те, кто шел следом, не задержали бы с появлением и расправой.

Это было сильнее и увереннее, чем демон-птица у ручья, но и Майлдаф ныне бодрствовал, к тому же он имел теперь опыт защиты от такого врага. Состязаться в игре ума с неведомым противником, который мог оказаться кем угодно, в том числе и колдуном, Бриан желанием не горел. Такие трюки могли бы с успехом проделывать Евсевий, Озимандия или Кулан, но не он — пастух

и купец, горец из Темры. Зато в прыткости мысли Майлдаф не уступал никому, за исключением, пожалуй, короля Конана. Неузнанное создание искало его, но горец преуспел в этом споре и предупредил удар. Он выстрелил три раза, как сумел скоро, при этом между первой и третьей стрелой истекли считанные мгновения. Целился он не на взгляд, не по слуху, не на запах, даже не по осязанию, а по предвидению...

И второй выстрел пришелся в цель! Невидимый цепкий лучик чужой враждебной воли затрепетал, как пламя свечи, и погас. И тут же Бриану послышалось из глубины прохода как будто шарканье очень мягкой, сделанной из шкурки маленького олененка кожаной обуви.

«Так вот в чем секрет! — додумался Бриан. — Эти незримые банши оглушают, ослепляют и душат меня, да еще и хотят покопаться у меня в голове, и я воюю с ними опять же у себя в голове, как мудрецы в тарантийских Палатах Мудрости — вот уж бесполезное занятие! Евсевий с Озимандией находят в этом какую-то прелесть, а король с придворными ходит туда посмотреть на все это собрание будто на представление, только что ставок пока никто не догадался делать. Но каковы дионты! Они этим пользуются и подкрадываются все ближе, а я об этом и понятия не могу иметь, поскольку очень занят с этим банши! Мало того, он сообщает им, где я, если сумеет поймать меня за хвост! Нет уж! Бриана Майлдафа вам не провести! Теперь я вас слышу, а вы меня — вряд ли! Только кто же это был, такой ре-

тивный? Опять черный пузырь или кто-нибудь еще?»

Не в силах немедленно найти ответ на сей животрепещущий вопрос, Бриан стал медленно отступать за поворот, опасаясь потерять из вида факел Алфонсо и одновременно поджидая, когда дионты выскочат из-за угла.

Но дионты не спешили. Утратив своего проводника, они уже не шествовали, а крались, поминутно останавливаясь и совещаясь. Никаких голосов Бриан не слышал, но интуитивно ощущал разговор, который вели несколько... человек. Он уже затруднялся называть дионтов людьми. Памятуя, как общались с помощью одних только мыслей старцы-служители Илу Всеединого и как созывал целые тучи бабочек Кулан, издавая неслышимые звуки, Майлдаф и о дионтах переставал думать как о племени вполне человеческом. В конце концов, и Народ Холмов его предки не зря называли именно так, зачем-то обособив его от людей.

Ход его мыслей был прерван наступившей тишиной. Или преследователи просто остановились, или противник что-то задумал. Хуже всего было бы предположить, что дионты задумали напустить на Бриана очередное злое создание своего колдовства. Но мгновения шли, а ничего не менялось. Кроме непонятной беседы заговорщиков, ведущейся на неизвестном языке недоступным способом, Майлдаф ничего не различал. Меж тем факел вдали опять превратился в неяркую звездочку.

«Не пойду за ними, — решил горец. — Если им пришла такая охота поговорить, то пусть себе го-

ворят, а я пойду восвояси. Если они чуют меня так же, как и я их, то пускай попробуют догнать».

Решившись, Бриан с быстротой волка и мягкостью лесной кошки, как умел здесь он один, устремился по тоннелю вослед уходящим. Расстояние, которое ему потребовалось преодолеть, оказалось изрядным. Пещера действительно была великанской. Подъем закончился, и пол снова сделался ровным. Пробежав еще немного, Майлдаф едва не налетел на чернокожего Мегисту, стоявшего последним в процессии несущих лодку.

— В чем дело? — прошептал он.

— Вот она, великая пропасть, — благоговейно ответил кушит.

— Видел я всякие пропасти, — отрезал Бриан. — На ней что, моста нет?

— Мост есть, — как-то даже обиделся за пропасть Мегисту. — Тебя ждем, чтобы ты в нее не рухнул в темноте.

— И какова же эта пропасть? — поинтересовался Майлдаф.

— Под Дол Уладом была поуже, — отозвался Евсевий. — И мост там был поуже. Вперед, Алфонсо.

Процессия выдвинулась на узкий — в полтора локтя шириной — изящный каменный мостик без перил и, разумеется, без опор, изогнувшийся аркой над непроглядным мраком бездны. Ширина трещины составляла двенадцать локтей. На противном берегу препоны вновь начинался коридор. Никаких ворот не было и в помине.

Впрочем, из оставшихся в отряде никто не был склонен горевать из-за подобного пустяка.

— Бриан, нас кто-нибудь преследует? — осведомился Евсевий, только когда мост остался позади.

— А как же! — поспешил не разочаровать его горец. — Большая толпа народу. Народа Холмов, то есть. И с ними такие твари, что их не видно, не слышно и запаха у них нет, но они могут шарить своими мыслями на расстоянии, даже пробовали залезть в мои. То же самое делал тот черный пузырь, которого я убил на поляне у пещеры. Из него потом получился тот же демон, что задушил Деггу. Но стрел они боятся. А еще, когда они на тебя нападают, ты перестаешь слышать что-либо иное и весь занят беседой с этим.

— Весьма поучительно, — почему-то сказал Евсевий и пояснил: — Прислушивайся не только к своим мыслям и мыслям великих, но и к тому, что происходит вокруг.

— Я как раз к мыслям и прислушивался, — не вполне согласился Бриан. — Но это мелочи. Вы теперь идите вперед, а я их тут покараулю. Здесь мне легче будет их задержать.

— Кстати, — остановился вдруг Сотти, когда они уже намерились двигаться дальше. — Я бы пожертвовал одним факелом. Посмотреть, как там вода. Мы идем не так уж быстро, и времени прошло немало.

Факел подожгли и бросили в пропасть. Евсевий принялся считать.

— Четыре... — торжественно изрек он, когда факел потух. — Пятьдесят локтей. Если учесть, что пропасть не столь уж велика — мало того, он ничтожен в сравнении не то что с океаном, но даже

с небольшой бухтой, — то малейшее дыхание моря мгновенно приведет к затоплению этих подземелий. Нам надо спешить!

— А ведь пещера подсыхает только в самый большой отлив, — заметил Алфонсо. — Так что песок едва успеет перетечь вниз, как вода опять начнет прибывать.

— Моряк знает дело! — восхитился Сотти. — Поспешим же!

Бриан снова остался один. Сначала все было тихо, но потом единственный, но отчетливо слышимый звук занял собой всю огромную тишь пещеры: это был плеск воды. Отлив прошел свою низшую отметку. Океан начинал вдох.

«Самому бы не утонуть», — подумал горец. И тут же нечто заставило его насторожиться. Будто бы топот и шарканье множества маленьких ножек не то чтобы приближались, а прямо-таки волной катились из тоннеля к пропасти.

«Это еще что?» — подумал горец, на всякий случай проверяя, удобно ли висит тул со стрелами, и натягивая лук. Чем Бриан Майлдаф мог похвастаться с полным для того основанием, так это отсутствием брезгливости. Его не смущали ни пиявки, ни лягушки, ни змеи, ни насекомые. Он как должное воспринимал грязь, сырость и холод. Желудок его одинаково легко переносил морскую качку и тошнотворные, казалось бы, запахи. Но сейчас у него возникло стойкое чувство противного, отталкивающего, такого, о чем и слышать неохота, не то что видеть. Даже черный пузырь и демон внутри него не вызвали во всем существе

Бриана столь бурного чувства протеста, хотя именно на демона *это*, спешащее навстречу, более всего и походило.

На всякий случай Майлдаф отступил к стене, чтобы его заметили по крайней мере не сразу. Преследователи использовали тот же прием, что и Мегисту. Разом вспыхнуло великое множество факелов — маленьких, в три раза меньше обычных, — но и этого было достаточно, чтобы бедному Майлдафу во второй раз за ночь ожгло неожиданной вспышкой света глаза, на сей раз, правда, ненадолго.

Озаренные факельным огнем, к пропасти приближались ряды небольших — в треть, может чуть больше, человеческого роста — существ, похожих на человека, только глаза у них по форме были какие-то восточные, словно бы у гирканцев, но большие. В общем, почти как у паков из Темры. Только вот были они куда противнее паков: больше шеротые, голые по пояс, большеглазые и желтокожие, как месьор Тэн И, а уж переговаривались они совсем не как люди, а шипели и присвистывали, будто рептилии.

«Это ж леи! — догадался Майлдаф. — Ну и ну! Вот не чаял! Дракона Диармайда О'Дуйна я видел, паков видел, Народ Холмов видел, про Белую Деву Горы мне рассказывал очевидец, который ее не только видел, но и, хм, трогал, а теперь еще и леи! Везет же мне!»

В руках у лей помимо факелов были дротики и луки. Стрелять навскидку на сто локтей, как это делали Евсевий и сам Майлдаф, такие луки, ко-

нечно, не могли, но двадцать локтей, составлявших ширину пропасти, преодолевали легко, даже с лихвой. Насколько помнил Бриан, людей леи не жаловали и при всяком удобном случае вредили как могли. В данном и несомненно удобном для них случае самый большой вред, что они могли нанести людям, заключался в умертвлении Бриана Майлдафа. В отличие от удобных пещер его родины, где каждый желающий мог непринужденно укрыться за камень или выступ, здесь все было гладко, как на туранском фарфоровом блюде. Гномы далекой древности оказались редкостными чистоплюями, пожертвовав очевидной необходимостью ради сомнительной красоты совершенных форм.

Сообразив, что даже если он подстрелит десяток этих созданий и еще тысячу искрошит мечом, ему не выжить, Бриан бросился наутек — шагом. Факел Алфонсо мелькнул последний раз... и пропал.

«Поворот!» — подумал горец, и тут рука его, которой он касался стены, чтобы не потерять во тьме путь, ушла в пустоту, а сам Майлдаф пребольно стукнулся о что-то твердое. Едва не выругавшись громко, но сдержавшись, горец ощупал то, что послужило причиной столь неприятного события.

Предмет был статуей — фигурой выше роста человека, помещенной в неглубокую нишу. Кого именно изображала скульптура, Бриан увидеть не мог, но низ ее представлял собой, вероятно, складки длинного одеяния.

Решив, что так вовремя попавшийся памятник послужит ему хоть каким-то убежищем, Бриан юркнул в нишу. Пространство между стеной и статуей оказалось довольно просторным, и горец легко уместился там.

Тем временем маленькие желтокожие существа перешли по мосту препону и двинулись по пещере. Они шли медленно и осторожно, внимательно обшаривая своими огромными глазищами пространство перед собой.

«Этак они меня быстро найдут,— рассудил Бриан.— Дело плохо».

Он отступил за статую так, что совсем перестал видеть происходящее в тоннеле, и плотно прижался спиной к камню. И повалился навзничь!

Видимо, он случайно нажал на рычаг или плитку, приводящую в действие некий механизм, и распахнул небольшую дверцу, ведущую внутрь статуи.

Не задумываясь о том, сумеет ли он найти способ открыть дверь изнутри, Майлдаф влез в угольную черноту памятника нутра.

Наверху просачивался откуда-то, должно быть, из отверстий в камне, тусклый свет и висел в воздухе бледными, еле видимыми лучиками.

Майлдаф сделал шаг и едва не свалился. На сей раз запнулся о ступеньку и больно палец ушиб. Но этого уже не заметил.

По ступеням, на ощупь, взобрался кверху и выглянул наружу через отверстие, пробитое в камне. Окошко, правда находилось низко, и ему пришлось нагнуться.

Картина предстала такая, словно ожили старинные саги!

При неверном, пляшущем свете факелов по тоннелю проходили сотни и сотни лей, скалящих кривенькие маленькие рты и корчащих противные рожи, шмыгая длинными носами и беспрерывно двигая всеми мышцами лица одновременно. При этом карлики приплясывали, выделявая такие колена, что все законы, описывающие равновесие тел, оказывались попорчены.

Над ними проплывали в воздухе, поминутно сталкиваясь и огрызаясь друг на друга, знакомые уже человекоптицы с зубастыми клювами и устрашающего размера когтями на тощих жилистых лапах.

Вслед за леями выдвигались из темноты гигантские твари, обликом схожие с людьми, но уродливые и грубые, словно неизвестный ваятель в большой спешке выкромсал резцом из вязкого сырого гранита их безобразные тупые физиономии. Вместо волос на их головах колыхались кожистые гребни, подобные драконьим. Ростом они превосходили человека вдвое, а некоторые и более. Их конечности, могучие и узловатые, как древесные корни, были покрыты крупной чешуей, точно кольчугой. Мощные, как у тургарта, ноги несли объемистое квадратное тулово с толстым животом. Облачены они были в полуистлевшее грязное тряпье, а в лапах сжимали тяжкие каменные молоты, палицы, утыканые для пущей убийственной силы клыками и бивнями каких-то гигантских животных, и обыкновенные дубины, размеры коих

призваны были вселять в сердца врагов немалое уныние. И поступь чудищ вызывала в почве колебание и дрожь. Глаза же их недвижны и злобны были, как у змей. И, что заслуживало превеликого удивления, великаны тоже приплясывали, сотрясаясь всеми своими огромными членами в небыстром, но строгом ритме, и вся пещера вздрагивала сообразно с ним.

Замыкали шествие сами Люди Холмов. Так и шли они, невысокие, коренастые, темноволосые, курчавые и светлые, с прямыми волосами, сжимаемая в крепких, украшенных затейливыми металлическими браслетами руках мечи, копья и луки. Покатый большой лоб, тонкий нос с хищными крыльями и горбинкой, пушистые прямые брови, широко распахнутые, чуть удлиненные глаза, отсутствие бороды. И тоже пританцовывают, приплясывают в том же ритме, что и чудища, но только легче, красивее, более плавно.

На поводках некоторые воины вели молодых волков. Звери исподлобья взирали желтыми недобрыми глазами и глухо, угрожающе огрызались непонятно на кого.

«Как же они похожи на нас, горцев! — подумал Бриан. — Даже и сказать трудно, чем они на нас не похожи. Разве поприместнее и посмуглее, да и не такие тонкие, как мы. Да, поплотнее нас будут. Только зачем это такое воинство ополчилось против семи человек? И почему все пляшут? Прямо не война, а Шествие какое-то».

Шествие! И точно, как это он сразу не догадался? Столько раз в сагах, сказках и песнях говори-

лось про то, как любит всякая нечисть устраивать по особым дням шествие, играя на своих колдовских инструментах свою волшебную музыку. А сегодня как раз и был особый день, как сказал Евсей, — день самого низкого отлива и какой-то там луны. К шествию, правда, полагались еще банши и прочие духи, кои должны были быть, а еще крысы, жабы, нетопыри, гномы и блуждающие огни. Жабы, летучие мыши и крысы, впрочем, как подозревал Бриан, добавлялись специально для малышей, чтобы тем не было совсем страшно — все-таки близко знакомые твари! А гномов присочинили и вовсе зря, для компании, должно быть. Что же до банши, духов и блуждающих огней, то и без них вид был впечатляющий. А уж слышать пение банши Майлдаф пока не жаждал!

Но тут появились и музыканты. Это были те же Люди Холмов, только вместо оружия в руках у них были дудочки, барабаны и арфы. Замыкали шествие крытые носилки, которые тащили — весьма легко, к слову, — восемь здоровенных мужчин. Кто был в носилках, Майлдаф не знал, но догадывался: там полагалось находиться королю или королеве всего лесного и горного народа.

«А если я подстрелю этого короля? — подумал Бриан. — Должно быть, переполох случится изрядный! Жаль, щели слишком узки, не для лука!»

В это время из-под занавески носилок высунулась рука — даже кисть руки — белая, холеная, тонкая и кокетливая, — сделала легкое изящное движение и тут же исчезла. Но наблюдательному горцу достаточно было и этого.

«Королева! — понял он. — Да еще какая! Нет, стрелять я не стану! Будь там какая-нибудь старая карга, вроде Шин Лириган, я еще подумал бы, а так... Но что же им от нас надо, если они притащили сюда королеву?»

Сей же час, повинувшись знаку, музыканты изготовились и грянули странный и поначалу казавшийся несуразной смесью звуков, но чем дальше, тем все более стройный и завораживающий мотив.

Надо ли говорить, что ритм был тот самый, что выдерживала доселе в тишине эта удивительная рать.

Люди Холмов, молчавшие до этого времени как рыбы, переговариваясь мыслями, затянули песню на незнакомом, но изумительно звучном и красивом языке, никогда прежде Брианом не слышанном.

Этот язык чем-то походил на староаквилонский, чем-то на родной язык земли Гвинид, чем-то на язык атлантов — Майлдаф был свидетелем, как скрипел на нем Озимандия, приводя в неописуемый восторг слушателей в Палатах Мудрости.

Зачарованный музыкой, пением и белоснежной ручкой горной королевы, Бриан не сразу уразумел, что процессия уходит вперед и скоро нагонит его товарищей.

Но что он мог сделать? Носилки и арьергард из вооруженных великолепными стальными мечами и щитами Людей Холмов прошествовали мимо статуи, и горец решил покинуть свое убежище: так или иначе, а иного пути, чем вглубь горы, у него не было. К тому же вода...

Вода! Вот о чем позабыли они! Ведь хлюпанье он слышал, уже когда поджидал шествие на кромке трещины. А что там творится сейчас?

Бриан кубарем скатился по ступенькам и толкнул дверь. Она на удивление легко распахнулась, и он выскользнул из каменной фигуры. Прокравшись вдоль стены назад к трещине, Майлдаф с ужасом узрел, что вода плещется почти у него под ногами. Она не заливала пока ту часть коридора, где находились он, его друзья и вся армия преследователей, лишь потому, что пол пещеры постоянно шел под уклон вверх. Но прибывала вода стремительно. Море не любило шутить, это Бриан осознал, да и Евсевий обещал, что если прилив застигнет их у ворот города гномов, они не успеют добежать обратно до выхода. Они не успеют даже доплыть, хотя у них и есть вельбер! Подземный ход делал колено изгибом вниз, и водяная пробка отрезала их от внешнего мира.

Зачем же дионты, то есть Люди Холмов, отправились за ними? Должны ведь были знать, чем грозит прилив!

Не найдя удовлетворительного ответа, но вполне уяснив, в какую переделку они попали, Бриан бросился назад. И тут почувствовал за спиной дуновение. Резко отпрыгнув вперед и в сторону, Майлдаф рванул из ножен меч и развернулся. Так и есть! Птица с человеческой головой и зубастым клювом метила ему когтями в затылок, но промахнулась. Взвываясь, демон, вместо того чтобы позвать на помощь сородичей, напал на горца снова. Нацелясь человеку в лицо, птичечеловек упал

камнем из-под самого потолка. Того Майлдафу и надо было. Горец был ловок, как кошка, а в поединке кошки и птицы успех сопутствует, как правило, первой. Так получилось и на этот раз. Демон дал маху, схватив когтями воздух и клацнув зубами по пустоте, а меч Майлдафа пришелся ровно по спине чудовища, точно посередине между крыльев. Сталь клинка ударила о камень пола. Удар был столь силен и точен, что развалил тело демона пополам. Каждый миг ожидая новой атаки со стороны взбешенных смертью соплеменника или же привлеченных запахом свежей крови монстров, Бриан поспешил дальше, вслед за шествием нечисти.

Сзади раздался громкий булькающий звук, каковой случается, когда фонтан только начинает свою работу и вода выходит наружу толчками. Так произошло и теперь: гигантская масса воды протолкнулась сквозь горловину подземных трещин и вырвалась на поверхность в тоннеле гномов, в самом сердце пущи. А затем снова и снова, словно кровь из поврежденной артерии, выбрасываясь сгустками, била из недр земли тугая струя.

Нижние уровни пещеры быстро заполнялись водой, которая, словно гигантское первобытное животное, почувствовавшее радость освобождения от оков, клекотала и фонтанировала, спеша поглотить еще не поглощенное ею пространство, возвращая свои исконные владения, отнятые у нее когда-то народом подгорных мастеров.

Майлдаф быстро нагнал паланкин и незаметно пристроился к процессии сзади, стараясь при-

плясывать в согласии со звучащим ритмом. Как ни странно, это оказалось очень просто и никак не замедлило скорость движения. Если бы кто-нибудь из свиты горной королевы вдруг обернулся, то увидел бы тень, танцующую ровно так же, как и все в этом невообразимом шествии, и принял бы Бриана за своего, разве только обратив внимание на его необычно высокий для Народа Холмов рост.

Вместе с носилками он повернул за угол и вдали вновь узрел одинокий огонек факела, светивший откуда-то с изрядного возвышения. Огонек был далеко, но зато отсвет, что он бросал на вертикальную поверхность, находящуюся за ним, был различим ясно, несмотря на бледность. И падал отсвет сей не на стену каменную, но на металл. А это значило только одно: они достигли ворот старейшей твердыни гномов.

Войско Народа Холмов остановилось, ожидая чего-то. То ли знака королевы, то ли окончания музыки. Но музыканты продолжали выводить свой колдовской мотив, а королева более не показывалась из паланкина. Может быть, леи страшились первыми идти в атаку? Но их было куда больше, да и людей они могли просто поразить стрелами и иным метательным оружием. Наконец, кто мешал им пропустить вперед гигантов с молотами? Но армия стояла как вкопанная.

И тут Майлдаф понял, чего дожидается Народ Холмов. Они ждали, пока Евсевий откроет ворота! Им нужен был город, что лежит за ними! За чем, об этом нельзя было и догадываться. Кто

были Народ Холмов и все пришедшие с ним твари? Как далеко к корням времен уходила линия их бытия? Кем доводились они ушедшим гномам, и как они ладили меж собой тогда? Не зная этого, нечего было и браться решать такие задачи.

Впрочем, Майлдаф был здесь не для того, чтобы тревожить пыльные загадки темных веков. Его сапоги уже омывала вода, и он чувствовал, как она поднимается с каждым мгновением. А хитрый Евсевий, конечно же, понял, что от него хотят, и до последнего момента тянул с открытием. А может, у него не получилось?

Мучимый сомнениями, Бриан уже готов был попытаться проскользнуть или прорубиться сквозь строй вражьего воинства, или же взять в заложницы королеву, но тут и подданные ее горного величества почувствовали, что незыблемая гранитная твердь у них под ногами быстро и неотвратимо сменяется зыбкой хлябью.

Песнопения мигом оборвались. Как и прежде, безмолвно, Люди Холмов устремились вперед, к возвышению, куда взобрались спутники Бриана. Но не тут-то было. Леи, подняв оглушающий шип, стрекот и визг — они ведь были крайне малы ростом, и потоп грозил им ранее всех, — бросились враспынную, но из-за превеликой своей численности устроили давку, не продвигаясь ни вперед, ни назад ни на шаг. Твердолобые великаны с дубинами непонимающе остановились, лишь переминаясь с ноги на ногу и тараща свои змеиными глазками на всеобщую суету. Быстрее же всего поняли ужас своего положения крылатые демоны.

Сбившись в мрачную стаю, они ринулись, бесшумно скользя под потолком и на глазах преображаясь в черные пузыри, назад по проходу, туда, откуда вода уже не просто растекалась, а шла волнами.

«Если они умеют нырять в своем шаровидном обличье, то, может, и спасутся на радость пиктам», — подумал Майлдаф, стоя уже по колено в воде и прикидывая, как бы ему без ущерба для себя пробраться к своим.

Тем временем Люди Холмов, как самая организованная здесь сила, выстроились клином, внутрь коего поместили паланкин с королевой, и двинулись на приступ, разметывая в стороны бестолково метавшихся по пещере лей. Но тут вода достигла ног великанов, и положение изменилось мгновенно.

Благодаря своему огромному росту чудовища пока не должны были опасаться, что скоро утонут, а их мощи, увеличенной многократно их оружием, достало бы, по мнению Майлдафа, чтобы сокрушить не то что ворота, но самые эти горы. Однако, чуть только первые струи заплескали у их ног, гиганты взвыли и взревели, подобно убиваемым быкам, только намного громче. Более всего впечатляло то, что великаны не просто ревели и выли, но говорили, хотя язык их был груб, безыскусен и невнятен.

«Конечно, попробуй поворочай таким языком, когда у тебя череп толщиной в полголовы!» — заметил для себя Майлдаф, не без опаски приближаясь в хвосте строя Людей Холмов к чудищам.

А громадные человекоподобные создания, придя в неопиcуемый ужас, принялись метаться и суесться подобно маленьким лаям, только что вреда от такового их поведения приключилось куда больше. Сколько лей было потоптано и перекалечено, не считал никто, да это никого и не занимало. Но ведь и Люди Холмов уже не могли держать строй, ибо великаны не обращали внимания на тех, кто попадался им под ноги.

«Твари боятся текущей воды! — понял Майлдаф. — А то что бы они стали так волноваться! Вот уж нечисть так нечисть!»

Горец уже не таился. Вооружившись мечом, он протискивался сквозь всеобщую давку и свалку, в мгновение ока принявшую такой оборот, что на человека никто не обращал внимания, а для тех, кто обращал, итог проявления такового неосторожного любопытства был плачевен: Майлдаф умел не только пасти овец и стрелять из лука. Головы он тоже рубил отменно.

Пробившись уже далеко вперед, так что приходилось уже и смотреть, как бы не споткнуться о лей и не получить от них в глаз стрелу, Бриан понял, почему вся сила гигантов, приведенных Народом Холмов, бесполезна при штурме ворот. На возвышение перед воротами высотой в пять локтей вела крутая узкая лестница с маленькими ступеньками, и ступить на нее монстры никак не могли. Они неизбежно срывались оттуда и ревели и бесновались внизу в бессильном страхе.

А вода сзади уже пошла валом, смывая и хороня под своей толщей лей и с головой накрывая

Людей Холмов. Напор ее был столь велик, что горец с трудом удержался на ногах. Волны плескались уже у его груди, и Бриан, не дожидаясь, пока очередной вал утопит его совсем, сбросил сапоги, чтобы те не мешали ему плыть. По счастью, из тяжелых вещей у него был только меч, но его горец перевесил за спину, ибо расстаться с таким оружием было бы непростительным расточительством: пловцом Майлдаф был отменным, так что и с мечом за спиной проплавал бы долго, а если ему на этот раз выпал-таки жребий утонуть, то не важно, с мечом это произойдет или без.

И второй вал не замедлил с появлением. Поддаваясь току воды, Бриан мягко оттолкнулся от пола и поплыл. Когда он вынырнул, вокруг плавали луки, шапки, сапоги, бубен, вырванный волной из руки музыканта, а также барахтались некоторые из Людей Холмов. Великаны пока что не утонули — вода достигла только их пояса, и они прыгали в ней, крича так, будто очутились в кипятке, производя изрядное волнение и взметая тучи брызг. Вода же была отнюдь не горяча, даже скорее холодна, но не столь сильно, как бывает обычно в водоемах каверн. По всему видно, пещера и вправду имела подземную связь с океаном, и его тепло передавалось частично рекам подземелий.

— Евсевий! Сотти! Алфонсо! Я здесь! — что есть духу заорал Майлдаф, плескаясь в двенадцати локтях от уступа и стараясь не приближаться к великанам, пока те не утонули.

Над кромкой возвышения высунулась черная борода аквилонца.

— Бриан! — раздалось сверху. — Наконец-то!

Евсевий, конечно, не мог в наступившей тьме разглядеть горца: многочисленные факелы Людей Холмов и лей, разумеется, погасли. Аквилонец кричал, обращаясь в пространство:

— Держись! Мы войдем в царство гномов! Я уже открываю врата!

До слуха Бриана донесся скрип и скрежет, а затем звук колеблемых металлических створок. Сомнений не было: Евсевий верно прочел древние письмена. Ворота распахнулись перед ними спустя пять тысяч лет после ухода гномов!

Но даже Евсевий ошибся, недооценив силу стихии. Перед самым возвышением потолок пещеры довольно резко уходил вверх, образуя нечто вроде горлышка бутылки, в коем вода, клокоча и бурля, поднималась с невиданной быстротой. Вот скрылись под ней головы и руки несчастных великанов. Вот Евсевий прокричал: «Готовьте веревку, вытащим его!» И веское замечание Алфонсо в ответ: «Готовь вельбер, иначе сам будешь плавать, как он, если сумеешь. Поплывем прямо отсюда. И факелы положи так, чтобы не промокли!»

Майлдаф уверенно держался на плаву, поднимаясь вместе с водяным столбом, чего нельзя было сказать о Людях Холмов. Пловцы из них вышли худые, и многих затянуло под низкую часть тоннеля, а оставшиеся с трудом сопротивлялись и один за другим пропадали под водой. Неожиданно в четырех локтях от себя Майлдаф узрел паланкин королевы, кружащийся в небольшом водовороте. Занавески, естественно, намокли, но толс-

тые жерди, поддерживающие палатку, были изготовлены, очевидно, из легкого и плотного дерева, так что сооружение демонстрировало прекрасные качества остойчивости и плавучести.

В несколько взмахов достигнув носилки, Майлдаф уцепился за жерди и дал себе отдохнуть. Все же иметь хоть какую-то опору было куда приятнее, нежели пребывать в несвойственной для себя среде.

Наконец вода перехлестнула через край, и Майлдаф торжественно выплыл из пучины пред истомившиеся ожиданием взоры товарищей.

Ворота оказались распахнутыми внутрь двумя массивными створками из незнакомого металла, напоминающего серебро, но им, безусловно, не являющегося. Высота створок составляла около трех локтей, ширина — около двух с половиной. Наружная сторона была изукрашена искусными узорами и таинственными письменами, а также сценами из жизни гномов: занятиями торговлей, рудопытанием, ковкой, огранкой самоцветов, поиском и добычей подземных богатств и какими-то боевыми действиями.

На одной из картин — или так лишь казалось? — фигурировало изображение боя гномов с чудовищным драконом, изрыгающим пламя и дым. Кроме того, створки были снабжены пазами, в коих находились рычаги. Перемещая эти рычаги, Евсевий получал тот или иной знак из числа составляющих письмо гномов. Ибо все знаки представляли собою вертикальную черту с примыкающим к ней справа или слева или и справа, и слева разом некото-

рым числом горизонтальных или наклонных черт, то и передвижение рычага из начального положения на черте-стволе в крайнюю точку на черте-ветви должно было означать присовокупление оной ветви к стволу.

Получив все нужные знаки, Евсевий открыл ворота. Точнее, они немедленно растворились сами собой.

Но закрыть их было уже невозможно, ибо вода продолжала прибывать, и ток ее был столь силен, что противодействовать ему, пытаясь затворить ворота, не мог бы даже гигант из тех, что привели с собой Люди Холмов.

За воротами оказалась шахта, уходящая вверх, довольно узкая, но весьма высокая, и вельбер, куда уселись все, вместе с паланкином, немедленно пойманным и притянутым к лодке веревкой, за которую паланкин продолжал держаться Майлдаф, не имевший времени перебраться в челн, вошел в эту шахту и начал подниматься вверх, кружась и вясь вокруг винтовой лестницы, помещавшейся внутри шахты.

К радости путников, поток скоро стал ослабевать, а потом и прекратился вовсе.

Они очутились на одном уровне с устьем пещеры, и там, в месте, откуда они вошли под кровлю гор, отделенном от них теперь несколькими скадиями каменной толщи, теперь снова изливался на свободу ручей — священная река пиктов, стремясь к океану.

Теперь смысл священности потока становился ясен: с каждым большим отливом ручей переста-

вал течь, вновь возобновляя течение с приходом прилива, и пикты, не понимая причин явления, дивились ему и трепетали, ибо видели в нем непостижимое и, значит, божественное.

Глава девятая

пустившаяся на остров ночь отступала. Ярко-серебряный свет луны озарял недвижные травы и лишь слегка колыхался и дрожал на черной глади бухты. Костер, сложенный на нижней площадке, служившей причалом, потрескивал, разбрасывая искры. Алейр наблюдал за озером. Конан и Ойсин остались у огня. Киммериец проверял амуницию и осматривал меч, Ойсин дремал, закутавшись в одеяла. Мир был тих и благостен, и ничто не говорило о предстоящей битве...

Внезапно Конану показалось, будто на него смотрят. Отвлечшись от меча, он взглянул в сторону Ойсина. Жрец по-прежнему клевал носом, поджав колени к подбородку. Послышался легкий плеск, будто мелкая рыбешка шевельнула хвостом, шлепнув по поверхности. Снова настала тишь, и киммериец было помыслил, что ему почудилось, и собрался подремать, подобно жрецу, но в тот же миг раздался крик Алейра:

— Краген!

Ойсин моментально вскочил, будто и не смыкал глаз.

— Где? — прокричал он.

— Вон там, всплыл близ закатного берега и гребет к нему! Ну и чудище!

— В лодку! — быстро сказал Ойсин, но Конан был уже там.

Несмотря на ночную прохладу, они надели доспехи еще перед закатом, чтобы не терять времени на облачение в них. Алеир сбежал по лестнице, на ходу сбрасывая свой черный плащ. Дивного плетения плотная мелкокольчатая броня с прикрывающими грудь пластинами облегла его стройную сильную фигуру. На рыжих локонах, ныне схваченных налобным ремешком и убранных назад, был водружен вороненый круглый островерхий шлем, формой походящий на колокол. Пояс из стальных посеребренных звеньев защищал живот, набедренники и поножи — ноги. Из-за плеча выглядывала крестообразная рукоять его длинного узкого меча. Словно воин из древних легенд воспрянул и явился в мир для последней схватки.

Ойсин надел для боя куртку из кожи фаститоклона с нашитыми стальными пластинами и такой же, как у Алеира, шлем. Оружием его был боевой топор.

Конан был в кольчуге и доспехах, предохраняющих ноги. Щиты и копья уже ждали в лодке.

Работая веслами по возможности бесшумно, чтобы не растревожить чудовище раньше времени, но быстро, они обогнули скалу и сей же миг увидели крагена. По черному зеркалу мелководной

бухты не плыл, а прямо-таки скользил устрашающих размеров темный валун, мокрый и оттого тускло отблескивающий в лунных лучах. Глаза чудища были обращены к луне, и того, что творится позади, он не замечал.

Но воздействие угрюмой и злобной черной воли, воли без разума, оттого становящейся вовсе безжалостной, распространялось вокруг крагена волнами более ощутимыми. То же чувствовал Конан, когда на него смотрел немигающими глазами огромный Сатхи — змей из подземелий Алой Цитадели. Но удав не был злобен по природе своей, убивая лишь для утоления голода. Даже великий чародей — Тсота Ланти — не был способен на то, что сделал древнейший властелин зла, извративший сущность гигантской твари, превратив крагена в подобие злобного пса, призванного хранить разрушительную тайну бытия и уничтожить всякого, посмевшего сделать шаг к ее раскрытию. Руки становились непослушны, взор словно бы застлала мутная пелена, в которой вздрагивали и кривлялись ужасные призрачные тени, грозные и злоеющие очертания, миражи, не имеющие ясной формы и цвета, но производящие действие гнетущее, понуждающее покориться, сдаться, сжаться, дрожа и трепеща, пропасть, не быть. Но не таковы были Алеир и Ойсин, несущие в сердцах огонь и свет древнего знания. Не таков был и Конан Киммериец, над кем тьма не раз простирала свои жуткие крылья. И призраки отступали перед знанием, волей и верой, словно невидимым пламенеющим ореолом окруживших троих воинов и зажегших их

сердца. Марево, насланное враждебной мощью, облекшейся в плоть чудовища, рассеялось.

В несколько толчков краген преодолел оставшееся до песчаного пляжа расстояние озерной глади и пополз на берег. Сначала из воды показались две суставчатые лапы с клешнями, оперлись о плотный песок и, сложившись, подтянули тело крагена вперед, а затем целый клубок щупальцев, подобный нескольким величайшим змеям, перед которыми и Сатхи выглядел бы гусеницей, вытолкнул из воды все туловище, покрытое костным панцирем. Медленно, словно нехотя, перебирая этими щупальцами, готовыми в любой миг молниеносно сжаться, увлекая пойманное, обшаривая поверхность песка, уродливый моллюск пополз к вершине ближайшей дюны, подбираясь поближе к луне, вытягивая к ней свои хоботы и клешни, но не в силах схватить вожака добычи.

— Пора! — громко шепнул Ойсин, когда чудовище взгромоздилось на холм, удалившись от воды настолько, что не сумело бы быстро возвратиться в привычную стихию. И лодка понеслась вперед стрелой, выпущенной из тугого лука.

Краген обратил на людей внимание, лишь когда они уже высадились на берег в стороне от того места, где сделал это моллюск, чтобы он при возможном удачном отступлении не уничтожил челн. Щупальца вновь пришли в движение, теперь вращая туловище твари, разворачивая его обратно к воде, и вот огромный мертвенно-бледный глаз со злобным бездушным зрачком — провалом, зияющим, казалось, в самую тьму, — воззрелся на тех,

кто дерзнул нарушить мрачное уединение крагена. Хищный роговой клюв, куда без труда поместился бы небольшой слон, раскрылся, издавая мерзостное плотоядное клочкотание. Чудовище взметнуло щупальца в направлении людей.

Но прежде, едва глаз крагена повернулся к ним, Алейр, Конан и Ойсин подняли и метнули разом три тяжелых длинных копья. Одно из них — копьё Ойсина — краген успел перехватить, обвив его щупальцем и тут же переломив, как тростинку, но копья Конана и Алейра нашли цель, вонзившись твари прямо в глаз. Судорога прошла по телу гиганта, дернулись лапы и щупальца, мутно-белая полупрозрачная жидкость хлынула из глаза, и он потух.

Однако первая удача еще не сулила успешного исхода схватки. Не успели воины взяться за вторые свои копья — они взяли с собой по три, — как два или три огромных щупальца единым броском метнулись к ним, и все тело крагена подалось вниз, сокращая дистанцию. Щупальца у самого окончания своего были вооружены твердыми когтями, которыми краген и оставил следы на мысу, где Конан встретился с Алейром и Ойсином. Вот таким когтем и попытался подводный гад зацепить Ойсина. Но тот оказался проворнее, а главное — хитрее противника. Человек увернулся от обрушивающейся на него студенистой массы и подставил топор так, чтобы тяжелое щупальце не вырывало его из рук, но лишь задело по касательной. Острое как бритва лезвие из самого твердого и прочного металла рассекло тонкую костную пластину и мощную плоть. На пе-

сок хлынула черная кровь. Щупальце оказалось разрезанным до половины своей толщины чуть выше когтя, и поврежденная часть его уже не могла причинить вреда, бездвижно повиснув. Ойсин укоротил крагену одну из его ужасных рук.

Удачный удар топора предупредил атаку на Конана и Алейра, и еще два копья были брошены во второй глаз твари, и снова краген сумел прервать полет одного из них, подставив клешню, от которой копьё отскочило, как от крепчайшего щита, но другое угодило точно в глаз. Око крагена, подобное зловещему фосфорному свету луны сквозь туман, лопнуло с булькающим звуком. Над озером осталось единственное ночное светило — то, что плыло в небесах.

Однако моллюск был способен сражаться и не видя своих врагов. Ощущал ли он присутствие людей в том или ином месте, улавливая тепло их тел, как змея находит мышь в пустой темной комнате, просто ли бесновался в ярости, или же Отец Зла снабдил своего слугу каким-либо иным чувством, но бой закипел яростный. Воспользовавшись мгновенным замешательством крагена, Ойсин и Конан успели подхватить щиты, тем самым оградив себя от прямых ударов в тело когтей и клешней, но Алейр оказался не столь проворен, и теперь лишь мечом противостоял пагубной мощи чудовища.

Краген рванулся вперед еще раз, и люди очутились в пределах досягаемости его клешней, значительно более коротких, нежели щупальца. Никогда прежде Конану не доводилось столько уворачиваться, ибо пытаться избежать объятий тва-

ри было бесполезно — та выбрасывала щупальца с быстротой прыжка разгневанной кобры и сразу настигла бы беглеца. Отбиваться же, будучи уже схваченным, было и вовсе безнадежно. Огромная сила позволяла титану умертвить человека, раздавив его одним щупальцем.

Когти чертили на песке глубокие борозды, щупальца то обрушивались сверху, то, загибаясь, елозили по грунту, то металась в воздухе из стороны в сторону. Клешни сухо шелкали, ловя лишь пустоту, но сколь ужасным было это шелканье!

Пусть меч киммерийца и уступал в твердости и остроте оружию Алейра и Ойсина, но сила, которую вкладывал киммериец в свои удары, с лихвой восполняла этот недостаток. Конан не в первый раз имел дело со змееподобным чудовищем и знал, на что тот способен. Бессмысленно было рваться вперед — щупальца крагена были сильнее всего у основания, и там любой, даже самый острый меч был бы с легкостью вышиблен из рук человека, словно дубиной. Иное дело тонкие концы щупальцев: их можно было перерубить или перерезать, если, конечно, рука, держащая клинок, была рукой воина и богатыря. Несомненно, о Конане и Алейре можно было сказать подобное.

Шесть человеческих рук противостояли двум клешням и семи — после удачного удара Ойсина — щупальцам крагена. Конан пока успешно избегал опасной встречи с клешней, и скоро с десятков кровавых дряблых обрубков, только что бывших упругой живой плотью гада, конвульсивно дергались на песке, отмирая. Надежно закрывшись щитом,

киммериец шаг за шагом приближался к туловищу крагена, к его черному сердцу.

Преуспевал и Алеяр. Он не сумел подхватить щит, но, как-то извернувшись, завладел копьем и теперь с копьем в правой и мечом в левой руке отбивал атаки чудовища. Вот он проткнул тяжелым наконечником щупальце, пригвоздив его к земле, и страшным ударом разрубил его наискось.

Хуже приходилось Ойсину. Получилось так, что именно против него крагену было удобнее пускать в ход клешню, и уже не однажды Ойсин с трудом удерживался на ногах, когда острый конец сжатой клешни с силой бил в его щит. Но и Ойсин успел изрядно изранить чудовище, так что пологий склон дюны превратился теперь в месиво из песка и густой липкой крови, на котором можно было поскользнуться.

Такое несчастье и случилось с Ойсином. Он снова, уловив момент, раскрылся на мгновение и нанес топором страшный удар, такой, что, казалось бы, неразрушимо твердая клешня крагена, снова протянувшаяся навстречу жрецу, треснула вдоль; от нее, как от скорлупы ореха, отвалился неровный кусок панциря с приросшей к нему плотью, размерами подобный большому щиту, а трещина достигла основания клешни и продолжилась еще на ноге чудовища. Действовать, во всяком случае, атаковать этой клешней краген более не мог, но тут удар обрубком щупальца заставил Ойсина отступить на шаг, чтобы утвердить надежно стопу, но вместо плотного песка там оказалась кровавая жижа. Нога Ойсина поехала назад, и он упал лицом

вниз, в последний момент успев подставить правую руку с топором. И сейчас же одно из щупальцев моллюска дернуло вперед щит Ойсина, едва не вывихнув ему руку, а другое обвило его под мышками и отшвырнуло уже задушенного Ойсина, у которого вряд ли осталось целым хоть одно ребро, далеко в сторону.

Конан не видел этого. Он уже почти вплотную подобрался к цели, и теперь черный ненасытный клюв был совсем рядом. Алеяр же, увидев, какая участь постигла его друга, взревел, точно дикий лев, и метнулся, вопреки ожиданиям крагена, прямо туда, к телу моллюска, где оставшиеся щупальца и их обрубки сплетались в тугой копошащийся узел. Одним ударом, который мог бы срубить и дерево толщиной в пол-локтя, Алеяр отсек врагу вторую лапу. Конан воспользовался этим и, отрубив крагену последнее целое щупальце, ткнул острием меча в сочленение пластин панциря, словно в щель, где соприкасаются части доспеха.

Меч на локоть ушел в тело, и тогда, несмотря на то что краген пытался вертеться, отталкиваясь от песка обрубками, чтобы достать людей клювом, киммериец будто рычагом расширил эту щель между пластинами, словно взламывал тяжелую крышку сундука, и подоспевший Алеяр вогнал туда копьё на всю длину, пока не уперся пальцами, сжимающими древко, в тело гада.

Удар был жесток, ибо пронзил крагену самое сердце. У Алеяра достало сил выдернуть копьё, и он уже занес его во второй раз, но это было件 unnecessary. Живучая и сильная тварь еще шевелилась,

но исход боя был решен. Чудовище подыхало. Отбросив копье, Алеир бросился туда, где на песке, неестественно изогнувшись, лежало искалеченное тело Ойсина.

Конан, которого обуяло неистовство битвы, когда он, не замечая вокруг ничего, кроме врагов, мог крушить их десятками, сам оставаясь невредимым, наваливая вокруг горы трупов, продолжал рубить крагена, разрывая его жилы, и крепчайший панцирь разлетался на куски под ударами меча киммерийца.

Наконец жизнь покинула последние укромные уголки чудовищного тела, в нем открылась огромная рваная рана, будто и впрямь Конан разрубил какой-то зловонный мешок, и тут король остановился, отрезвленный: вместе с потрохами и кровью на песок выскочил какой-то черный блестящий предмет, напоминающий небольшой керамический сосуд. Оставив растерзанного крагена, Конан поспешил к воде, омыл предмет, и вправду оказавшийся черно-серым стройным, высотой в локоть, керамическим кувшином без ручки. Сорвав печать, киммериец извлек, представив его лунному лику, тугой пергаментный свиток, покрытый незнакомыми письменами. Обернувшись и увидев Алеира, в отчаянии склонившегося над сраженным Ойсином, Конан спрятал кувшин за пазуху.

Глава десятая

рошел день. Графиня играла и негромко пела, пока не устала. Ночь также не принесла новостей. Спала графиня беспокойно. Где-то после полуночи ее разбудил гром. Молнии крестили небо, воздух был сух и тревожен, за стенами бесновался шквал, слышались шепот, завывания, будто это сонм демонов летел на крыльях бури, но ни единой капли дождя так и не пролилось. Шквал умчался, словно его и не было. Этайн заснула опять.

Разбудил ее все тот же слуга, принесший завтрак и смену белья. Белье каждый раз было новое — это было заметно по рисунку. На сей раз по покрывалам разгуливали пышнохвостые чванные павлины — глаза б ее не глядели! Кушанья, напитки и вина также были изысканными и разнообразными. Сегодня ей подали особым образом запеченную форель, виноград и другие фрукты, туранский шербет, тонко нарезанный острый сыр, старое, выдержанное, но легкое вино, сочащиеся рас-

тительным маслом овсяные лепешки, горячий хлеб, всяческие мыслимые лакомства и неизменный рис, способов приготовления коего здешний повар, должно быть, знал без счета: на сей раз это был плав с медом и изюмом.

Неизвестный горячий напиток кирпичного цвета явно с какими-то травяными добавками был заключен в округлый, пузатый серебряный с позолотой сосуд, к коему приделан был носик, будто слоновий хобот, а закрывался сосуд крышкой. Слуга налил напиток в маленькую фарфоровую чашечку из Кхитая и, прищелкнув языком, что должно было означать отменное качество, предложил Этайн попробовать. У напитка был необычный, чуть горьковатый, приятно-терпкий вкус и аромат розы.

Напиток неожиданно бодрил, прояснял сознание, и Этайн с удовольствием выпила еще три чашки, благо черный ее попечитель, видимо, знал толк в напитке и подливал его в чашку тогда, когда считал это необходимым.

После трапезы раб удалился восвояси, даже не оставшись послушать музыку. Наверно, сегодня у него еще были другие дела...

Жаркий полдень проникал в покой лишь тремя лучами из окошек да снопом света, освещавшим бассейн. Этайн мурлыкала что-то душещипательное о девичьей любви, тихонько поглаживая струны, когда снаружи донесся приглушенный, но вполне внятный молодой и звучный голос:

— Госпожа! Госпожа, прошу вас, подойдите к окошку! Скорее, если можно, у нас мало времени!

Этайн вздрогнула: кто бы это мог быть? Может быть, речь не о ней? Кто знает, вдруг тут целый гарем и в каждом покоях по госпоже?

— Госпожа! Я же слышал, вы играли на лютне, значит, не спите! — опять позвал голос.

Теперь уж точно ее: других лютней что-то не слышно! Вот новости! Значит, кто-то знает о ее пребывании здесь. Может, все это нарочно подстроено?

Нет, едва ли: что она может сообщить ценного? Какую тайну раскрыть? Сколько платков дала мужу в дорогу? Или имя последней наложницы короля? Так это еще сомнительно, назовет ли она имя последней, а не предпредпоследней!

Этайн заглянула в окошко.

— Я здесь!

Из кустов высунулся чернокожий слуга, а за ним появился высокий молодой человек, стройный, широкоплечий, с длинными светлыми волосами. На нем была белая свежая туника, немного мокрая от не высохшего еще после росы винограда, черные запыленные сапоги, широкий красный пояс и зеленые шаровары. К поясу была привешена небольшая дорожная сумка — такую же носил Майлдаф, и благодаря тому, что он был весьма почитаемой персоной, такие сумки все более входили в обиход у купцов и иных путешественников. Горец ликова! торговля процветала! Из-за плеча у молодого человека выглядывал гриф лютни.

— Госпожа! — оживился собеседник. — Я не вижу вас, но голос ваш очаровал меня, и игра ваша божественна! Хорошо, если бы вы продолжили

играть, тогда к нашему разговору не станут прислушиваться.

Чернокожий кивнул, нарочито пристально озираясь, как бы показывая, что в любой миг их могут обнаружить.

— Я не могу! — ответила Этайн. — Мне будет не подойти к окну!

— Хорошо, — нашелся пришелец. — Я играю и пою не столь искусно, но все же...

Он взял лютню, потрогал струны, чтобы посмотреть, не сбился ли строй, и заиграл. Это были знакомые песни, но исполнял музыкант их совершенно необычно, вплетая в довольно простую канву новейшие мелодические изыскания лучших придворных сочинителей музыки из Немедии и Аквилонии. Такого подхода Этайн еще не слышала. Длинные умные пальцы молодого человека исполняли на струнах свой собственный завораживающий танец, и далеко не самая лучшая в Хайбории лютня звучала так, будто в нее вселился дух музыки.

Тем временем менестрель продолжал:

— Меня привел к вам этот добрый человек. Я зашел сюда, в богатый дом, чтобы немного заработать. Вообще-то я школяр, учился два года в Бельверусе, а теперь решил съездить домой, в Мерано. Потом поеду обратно, доучиваться. Денег у меня мало, приходится играть.

— Где мы, опишите это место, прошу вас! — крикнула Этайн. В сердце ее затеплилась надежда: школяров в Хайбории много, кто будет обращать внимание на каждого?

— А разве вы... — недоуменно протянул юноша. — Впрочем, неважно, — сказал он сам себе, видимо что-то решив для себя. Скорее всего, этим «что-то» было «не задавай вопросов».

— Вы находитесь в Восточном Аргосе. Это новые земли, орошаемые водой из отведенных от Хорота каналов. Здесь селятся те, кто может купить такие земли, они очень дороги сейчас, поскольку дорого обходятся постройка каналов и поддержание их в исправности.

— Что это за дом? Чей? — спросила графиня. — Это большой секрет, но меня привезли сюда без моего на то соизволения и держат хоть и в роскоши, но взаперти, и я даже не знаю, кому обязан этим!

— Ах, моя госпожа, я сделаю все, чтобы помочь вам! — Он посмотрел на окна. Она впервые увидела его лицо.

Он не был красив, но довольно хорош собой. Худощавый, с лицом несколько удлинненным, с большим узким носом, широким и высоким лбом, прямыми густыми бровями, немного насупленными и суровыми. Голубые глаза смотрели открыто, но не наивно, в этом взгляде ощущались опыт и воля. Бледные чувственные губы плотно сжаты, подбородок тверд. Во всем облике его были решительность, внутренняя сила и одухотворенность, свойственная натурам незаурядным во всех проявлениях.

— Это богатое поместье какого-то крупного торговца, почти крепость. Стены высотой в четыре локтя, двое ворот, башни — снаружи как будто дом где-нибудь в Туране. А внутри — меня пустили сюда

попеть — большой внутренний двор, фонтан, павлины, леопард в клетке. Главного хозяина я не видел, были только его гости и управляющий — толстый бородатый шемит.

— А гости? — поинтересовалась Этайн.

— К величайшему моему сожалению, я не наблюдал за ними подробно. Это обыкновенные аргосские купцы, еще один был, кажется, из Кордавы, и два шемита. Это если не считать служанок, телохранителей и танцовщиц — вот уж собрание со всего материка! Но чем я могу вам помочь? Ничего более я сообщить не могу. Я переночевал на конюшне, и этот добрый молчун попросил меня следовать за ним, когда я совсем собрался уходить. И вот я здесь.

— Как вас зовут, благородный юноша? — спросила графиня.

— Меццо из Мерано, — был ответ. Все это время он продолжал наигрывать, и хоть в чистом небе вовсю сияло солнце, казалось, лютня говорит со звездами аргосской ночи на их звездном языке.

— Месьор Меццо, моя просьба, боюсь, для вас может быть невыполнима, но все же, если не вы сами, то найдите человека, кто сможет ее выполнить.

— Я обещаю сделать все, что бы вы ни попросили, — твердо отвечал Меццо.

— Речь идет не только о моей жизни, — начала графиня. — Я не могу посвятить вас во все тонкости — я и сама знаю мало, но постарайтесь добраться до Тарантии. Я аквилонская графиня. Идите прямо в королевский дворец, скажите, что у вас есть сведения для месьора Тэн И. Это кхитаец. Вам ответят, что его нет, и он действительно в отъезде,

но вы попросите, чтобы вас сопровождали к его помощнику; ибо у вас есть сведения о графине Этайн Мабидан. Вам поверят, поскольку сейчас я отдам вам мой перстень. Больше ничего не надо делать. Расскажите обо всем, что видели своими глазами, и передайте то, что слышали сейчас от меня. Если вы не можете добраться до Тарантии, то сообщите обо всем этом аквилонскому послу в Мессантии, прошу вас. Я сознаю, что подвергаю вашу жизнь опасности, но иной возможности у меня нет!

— Я выполняю все, что вы просите, — еще раз повторил Меццо и взглянул на окна, надеясь увидеть хотя бы ее лицо. Увы, это было невозможно.

— Как я получу перстень?

— Очень просто. Мой друг, — обратилась Этайн к слуге, и он понял это. — Если я передам тебе перстень, Меццо сможет получить его сегодня? А я тебе спою!

Гигант ухмыльнулся и махнул огромной рукой в знак согласия. Потом, заметив что-то на стене, приложил палец к губам, тронул Меццо за плечо, отчего тот едва не свалился в ручей, но удержал юношу от падения, и они вместе исчезли в зарослях. Звуки лютни Меццо, конечно, стихли, но Этайн поспешно вернулась к своей, и музыка не смолкла.

Этайн лишилась всех бывших с нею на момент похищения украшений. Шаг похитителей был верен: она ничего не сможет передать на волю, чтобы дать знать о себе. Но перстень, подаренный скромным месьором Тэн И, имел хитрость. Он сидел на пальчике графини столь плотно, что, ка-

залось, снять его можно только с вместе с пальцем. Распиливать же его можно было долго даже алмазной пилкой: металл, а это была платина, содержал в себе мелкие алмазы, и миновать их пилка не могла. К тому же распиливать кольцо на пальце значило повредить палец, а портить товар похитители пока не могли себе позволить.

Перстень имел замок, для открытия коего нужно было составить определенную комбинацию из ящмовых зернышек, укрепленных по краю печати. Зернышки имели форму четырехгранной пирамиды, и каждая грань имела свой цвет. Эти маленькие пирамидки могли вращаться и закрепляться в положении, когда одна из граней, доступных взгляду — основанием пирамида прилежала к печати, — была обращена кверху. При искомом сочетании цветов обращенных кверху граней замок открывался, кольцо размыкалось, перстень можно было снять. В этом перстне был заточен сильнейший яд, но он, увы, не мог помочь Этайн теперь, а вот сам перстень... Второго такого не было. Тэн И оправдывал репутацию большого ценителя редкостей. Не узнать эту вещицу помощник Тэн И — месьор Кангюй, как ни странно, гирканец — не мог.

Слуга появился ко времени обеда и спокойно принял перстень. Когда он пришел вечером, Этайн, опасаясь, что их могут подслушать, посмотрела на него с такой мольбой и надеждой, что чернокожий атлет не мог ее не понять. Он утвердительно кивнул: Меццо получил перстень и ушел.

Теперь Этайн оставалось только ждать.

Глава одиннадцатая

ельбер покачивался в шахте у одной из ступенек лестницы. Если вода и прибывала еще, то очень медленно. Лестница поднималась вверх, теряясь где-то в потемках. Она была изготовлена из белого мрамора, перила — из того же серебристого металла, что и ворота. Стены шахты покрывала мозаика, но, в отличие от обычной хайборийской мозаики, маленькие плитки были словно облиты некой тонкой и твердой прозрачной массой, походившей на стекло. Огонь факела отражался в ней зыбким отсветом, будто некий светоч сиял из глубины, таящейся за прозрачной гранью, где уже не внутри, но вокруг стеклянного столба вилась лестница из белого мрамора и покачивалась на черной воде изогнутая кренделем лодка с людьми. Черное зеркало воды тоже отражало все то, чего достигал свет их слабого, как надежда, источника, и белый ступенчатый винт в окружении мерцающих стен погружался в бездонные глубины, и люди в лодке висели там вниз головой.

По стенам пестрели картины каких-то давних событий — а может, то была просто фантазия тогдашних живописцев? — и вились длиннейшие из когда-либо виденных в мире гирлянды письменных знаков. У Евсевия разгорелись глаза и перехватило дыхание.

— Если бы у меня был пергамент...

— Слава Митре, что его у тебя нет, — отозвался Майлдаф, выбираясь наконец из воды и первым всходя на лестницу. — Ничего, твердая, — весомо заявил он, попробовав мрамор на прочность босой ногой. — Хотя пергамент был бы хорош для растопки: я замерз, пусть вода и не слишком холодна.

— Любезный Евсевий, ты провел бы здесь все оставшиеся годы жизни, читая эти повести, — заметил Сотти, — при этом обходился бы без света, еды и тепла. Но для нас подобное затруднительно.

— Пора выбираться наверх и поднимать вельбер, — подвел итог Алфонсо.

— Опять тащить эту лодку на плечах! — безрадостно вымолвил принц Конти. — И как они втаскивали сюда грузы?!

— Вероятно, поднимали на веревках. Не удивлюсь, если наверху мы обнаружим нечто вроде вала для подъема якоря, — предположил Евсевий. — Впрочем, долго подниматься нам не придется. Мы почти у цели.

— В самом деле, — поддержал тарантийца Полагмар. — Не могли же они заставлять путников без надобности одолевать слишком длинный подъем?

— Надобность как раз была, — возразил Сотти. — Если здесь и вправду шла страшная война,

такое было выгодно обороняющимся. Хотя ворота внизу столь внушительны, что никаких иных сооружений, на мой взгляд, не нужно.

— А ты бы поближе рассмотрел тех уродов с каменными молотами, — проворчал невежливо Майлдаф, — еще не такого бы нагородил. Впрочем, они все утонули, и ладно. Слава Митре и всем остальным. Пора подниматься. Если тебе, Евсевий, надоест жить, ты еще вернешься в эти края, прочтешь все надписи и станешь знаменитее самого Озимандии.

«Королеву, впрочем, жалко», — вздохнул про себя горец.

— Может, и вернусь, — мечтательно ухмыльнулся аквилонец. — Нехорошо, что не в наших силах запереть те врата и воспрепятствовать проникновению в эти дивные залы невежественных дикарей, в сих местах обитающих, и тем самым спасти их от поругания и разграбления.

— Кого, месьор? Дикарей? — осведомился Мегисту.

— О, нет, мой друг. Не этих несчастных, не ведающих света Митры, но то прекрасное, что скрывают теснины подземные.

Евсевий явно волновался, если даже с кушитом заговорил столь витиевато.

— Но ждать нового отлива мы не можем, — провозгласил он, взяв себя в руки. — Посему путь наш — вперед!

Вытащить из воды лодку и перегрузить на себя имущество было делом нехитрым, к тому же Бриан Майлдаф теперь делил груз вместе со всеми.

Отряжать кого-либо на охрану представлялось бессмыслицей.

Восхождение началось, но не поднялись они и на два локтя вверх, как Майлдаф, оглянувшийся напоследок на покачивающийся на тихой ряби мокрый паланкин с мыслью о том, что его-то они осмотреть забыли, увидел, как из-под занавески показалась та самая маленькая белая ручка и слегка отвела ткань в сторону. В открывшейся щелке блеснул испуганно-любопытный женский глаз.

— Погодите! — рявкнул горец и, не дожидаясь, пока остальные опустят вельбер с плеч, бросился вниз. Шторка мгновенно задернулась, но с помощью такой детской хитрости провести Майлдафа было затруднительно.

Сбежав на нижнюю ступеньку, горец ухватил за жердь отплывший было от лестницы паланкин и, отдернув шторку, изогнулся в некоем подобии дворцового поклона:

— Пожалуйте, моя госпожа!

Шестеро спутников взирали на Бриана с удивлением, но с еще большим удивлением посмотрели они, когда из палатки осторожно и боязливо на ступеньку выбралась... невысокого роста миловидная особа и остановилась, нервно теребя в пальцах длинную нитку бус и опасливо глядя на возвышавшегося над нею Майлдафа. В то же время ей удавалось сохранять столь величественную осанку и держаться столь независимо, что у Бриана не осталось сомнений: перед ним была королева.

— Ее величество королева Народа Холмов! — объявил горец и про себя подумал: «Пожалуй, та-

ким идиотом я не выглядел ни разу в моей многотрудной, полной лишений жизни».

Королева, впрочем, оказалась весьма подходящая. Это была молодая женщина. Даже, скорее, девушка, ростом не менее пяти с четвертью локтей, что, разумеется, значительно уступало росту самого Майлдафа, но для Народа Холмов считалось ростом гораздо выше среднего.

Длинные волнистые белые волосы, перехваченные ленточкой, составленной из нитей жемчуга с крупным рубином посредине, ниспадали на округлые плечи, очаровательную маленькую тугую грудь и прямую гибкую спину.

Лицо королевы было скорее обаятельным и миловидным, нежели красивым: маленький вздернутый носик, коралловые пухленькие губки, по-детски нежные бледные щеки, высокий чистый лоб, пересеченный первой робкой морщинкой, острый подбородок.

Но девочкой королева отнюдь не выглядела: видя, что дурных намерений люди пока не выказывают, она перестала бояться, и большие ярко-голубые слегка удлиненные, как у всех Людей Холмов, глаза ее теперь смотрели гордо и даже надменно, с вызовом.

Тонкие белесые брови повелительницы гор слегка хмурились.

Итак, черты лица ее нельзя было определить как совершенные, тонкие или точеные, нельзя было назвать их и благородными, но обаяние и свежесть молодости пребывали с нею, к тому же лицо это, несомненно, должно было определить

как незаурядное, чему причиной, очевидно, служили способности и суровый характер королевы.

Одета она была в длинное и, разумеется, зеленое платье с золотистым пояском на тонкой талии, палантином и узким лифом на шнуровке. Рукава платья имели разрез до локтя, и из-под платья выглядывало другое, нижнее, глубокого темносинего цвета. Стройные маленькие ножки были обуты в аккуратные кожаные остроносые сапоги с вышивкой и меховой оторочкой. Жаль только, что подол и сапожки насквозь промокли.

Конечно, не обошлось без украшений: в ушах посверкивали небольшие серебряные серьги тонкой скани, запястья украшали легкие золотые браслеты, витые из трех колец, а на шее, помимо нитки бирюзовых бус, которые перебирала тонкими холеными пальчиками королева, покоилось золотое ожерелье с вкрапленными в него опалами, выполненное как переплетение листьев.

— Занятная дама, — усмехнулся Евсевий.

— Весьма недурна собой, — добавил Сотти.

— Мы возьмем ее с собой? — деланно равнодушно спросил Конти.

— Полагаю, месьор Майлдаф это уже решил, — заметил Полагмар.

— Ее нельзя брать с собой. — Алфонсо стоял выше всех, высоко подняв факел и опасаясь подойти к королеве ближе, нежели на десять ступеней. Он был по-прежнему угрюм и бледен. — Она ведьма. Нам не будет удачи, если мы возьмем ее с собой. Утопите ее или оставьте здесь. Она ведьма: выберется, если захочет.

Почувствовав, что этот высокий жилистый человек, видом явно слуга, относится к ней враждебно, но в то же время побаивается, женщина метнула на него уничтожающий взгляд и сказала что-то лаконичное, но резкое и, должно быть, нелицеприятное на своем непонятном языке. Голос у нее оказался звонкий, насмешливый, переливчатый и музыкальный.

Алфонсо, позабыв про свою силу и недюжинное боевое умение, шарахнулся назад, будто ему в лицо бросилась ядовитейшая змея, едва не свалившись с лестницы, благо внизу была вода.

— Она сказала заклинание! — с убежденностью выдохнул Алфонсо. — Ее надо убить!

Евсевий было собирался пустить в ход уговоры, дабы избежать ссоры, могущей вспыхнуть из-за пылкости Конти, горячности Майлдафа и холодной жестокости Сотти по отношению к простолюдинам, но его неожиданно предупредил Мегисту.

Кушит, обернувшись к Алфонсо сверкая глазами, зашипел на него, как будто обличал в смертном грехе:

— Алфонсо, вспомни, что говорил тебе Гонзало. Не вздумай брать на корабль женщину! Но уж если она на нем оказалась, не вздумай выкинуть ее за борт!

— Сама утонет, — вполголоса заметил Сотти.

— Морские духи в женском обличье не простят тебе этого! Помнишь?! — продолжал Мегисту.

— Помню, — мужественно произнес Алфонсо, поднимаясь и выпрямляясь, будто кол проглотил. — Но пусть она держится подальше от меня.

— Какие нелепые суеверия! — приглушенно воскликнул Конти.

— Этим суевериям следует король Конан, — мягко, но убедительно выговорил Евсевий. — И пока еще не жалел об этом.

— Мы идём, — объявил ученый громко. — Бриан, сопроводи даму. Похоже, вы нашли общий язык.

— С превеликою охотою, — отвечивал горец. — Языка я не понимаю, и боюсь что его не понимаешь даже ты. Но, похоже, Алфонсо было сказано: «Пошел вон, болван!»

— Это, без сомнения, наиболее страшное заклинание, какое может услышать мужчина от женщины! — расхохотался Евсевий.

— Моя госпожа, не угодно ли вам будет проследовать вверх по сей... — Майлдаф задумался, подбирая какое-нибудь изысканное выражение, долженствующее заменить вульгарное слово «лестница», но не нашел. — Лестнице, — закончил он.

Чтобы как-то пояснить свои слова, он сделал приглашающий жест. Вероятно, Народ Холмов потерял еще не всю память о придворном этикете, поскольку королева несколько брезгливо, подчеркивая всем своим видом вынужденность подобных действий, возложила свою изящную ручку на загорелую, жилистую, покрытую рубцами и царапинами и не слишком чистую клешню Майлдафа, указующую направление, и повернула голову с выражением недоумения по поводу столь продолжительного ожидания. Как ни был Бриан простоват, но посмотреть на придворную жизнь он ус-

пел, да и потанцевать на лугу на праздниках в Темре он случая не упускал. Хотя в первое мгновение он растерялся, последующие его действия даже Евсевий не мог не признать довольно галантными, ибо горец провел под руку королеву Народа Холмов по всем тем ступеням, что разделяли паланкин и спутников Майлдафа.

— Это месьор Евсевий, Хранитель Архива Дорожных Карт Аквилонского королевства, — представил он импозантного чернородого аквилонца. — Это Конти, принц аргосский. Это градоначальник Мерано, Сотти. А это барон Полагмар из Гандерланда.

Все представленные месьоры не преминули поклониться и вежливо, но со значением посмотреть в глаза даме. Королева в окружении семи мужчин, каждый ростом, выше обыкновенного, выглядела довольно умирительно, но это придавало зрелищу дополнительное очарование.

«Пресветлый Митра! — подумал Евсевий. — Как нелепа, уморительна, но сколь и прелестна тем самым эта сцена: в пещере, едва не утонув и не будучи растерзаны чудищами, мы имеем честь быть представлены какой-то смазливой девице, этих чудищ возглавляющей. Притом представляет нас пастух из Темры, который держит эту девицу под руку, именуя ее королевой. И все это притом, что жизнь наша подвергается опасности каждое мгновение. Впрочем, как говорит тот же пастух, должно же мне как-то развлекаться?»

— А это королева Народа Холмов, э-э-э... госпожа, не соизволите ли вы назвать нам свое имя?

В ответ она высвободила руку и повелительно указала на самого Майлдафа, после чего изрекла нечто вопросительное.

Горец выпрямился, приложил ладонь к груди и молвил горделиво:

— Бриан.

Королева благосклонно кивнула, после чего также приложила руку к груди и молвила:

— Итрун.

— Теперь она неприкосновенна, — сказал Мегисту. — Она назвала имя.

* * *

Путь наверх занял, вопреки предположениям, добрых два фарсинта. Королева Итрун величаво отказалась от дальнейшего сопровождения и поднималась сама. Алфонсо временами опасливо поглядывал на нее и что-то бубнил себе под нос, должно быть, позабытые за годы блужданий по морю молитвы, а может, старинные деревенские заговоры против нечисти.

Какое же разочарование ожидало их наверху! Широкая площадка, на которой, как и предугадал Евсевий, размещалась пара огромных валов и ворот для подъема грузов, не имела никаких иных выходов, кроме двух. Один, коим они сюда поднимались, то есть лестницу, и второй — массивные металлические ворота с богатым кованым узором и без всяких видимых приспособлений, чтобы их открыть.

— И что дальше? — спросил Алфонсо, угадав мысли остальных.

Все взгляды обратились на Евсевия.

— Не знаю, — просто ответил аквилонец. — Пока мы отдохнем. Здесь тепло, поскольку это самый верх шахты, а вода нас не зальет. Прилив исчерпал свою мощь. Я же подумаю.

Думал Евсевий долго. Они успели поесть и даже вздремнуть, а ученый все сидел у внутренних врат города гномов и размышлял. Иногда он поднимался, пытался нащупать какие-нибудь рычаги, спускался вниз по лестнице и пробовал читать письма, карабкался на ворота, цепляясь за украшения. Ничего не помогало. Он пробовал заговорить с Итрун, но королева отвечала холодно и независимо, и было понятно, что она не понимает ни слова. Не понимал и Евсевий.

Наконец тарантиец, в шестой или седьмой раз возвратившись из путешествия вниз по лестнице, знаком показал, чтобы все слушали его. Вид у Евсевия был удрученный, что крайне обеспокоило Майлдафа: никогда прежде Евсевий не выглядел столь потеряннным.

— Я изучил письма, — устало выговорил он, и в голосе его звучала глухая безнадежность. — Там говорится, что врата открываются до смешного просто — словом. Это даже не заклинание, а просто слово. Но какое — этого там не сказано. Существуют тысячи и тысячи слов, и даже на хайборийских языках никто не перечислит всех, разве только Черный дракон Диармайда. На языке же гномов я не знаю ни единого слова. Их надписи выполнены на древнем наречии, похожем на язык атлантов, но их собственные знаки — полная загад-

ка и неизвестность. Даже если искомое слово и есть в том древнем языке, письмена коего я понимаю, все равно я не знаю, как он звучал. Письмена говорят, что ключ к разгадке находится на камне, но на каком? Вероятно, был еще один камень, но мы или не заметили его, или он утрачен, или погребен где-то здесь, под водой. Что ж, если так, то нам следует ждать нового большого отлива, а это будет куда как не скоро. Вот и все.

Евсевий опустил на пол перед воротами и устоялся в пространство прямо перед собой невидящим взглядом.

— Я же говорил, что ее нужно убить,— мрачно буркнул Алфонсо.— Вот она и принесла нам несчастье.

— Не мели языком! — рявкнул Майлдаф.— Еще неизвестно, какие у них были намерения! Может, они просто желали прогуляться с нами в этот город. Поверили нам и утонули. Хорошо, хоть Итрун спасли. Может, у них тут какая-то древняя святыня вроде гробницы благочестивого Диармайда, и они пять тысяч лет мечтали на нее взглянуть! — продолжал он, распаляясь.— Да при чем тут Итрун, когда всему виной гномы, нагородившие столько замков, что и Служителям Дол Улада не снилось, чтобы закупорить свой дурацкий Габилгатол...

Горячую оправдательную речь Бриана прервал скрежет. Створки ворот дрогнули и открыли узкую щель, еще раз судорожно дернулись и застыли. Щель была столь узка, что даже лезвие тончайшего ножа не проникло бы в нее. Но она была видима!

Евсевий вскопчил мгновенно.

— Стойте! — воскликнул он.— Сила здесь ни к чему! Здесь и у тургарты ее не хватило бы! Бриан случайно изрек то самое слово — название города! Вот о каком ключе на камне говорилось в надписи! Но он произнес его не вполне верно, вот дверь и не открылась! Надо только правильно сказать это самое «Габилгатол»...

Ворота снова скрипнули и качнулись, но щель вряд ли стала шире. Евсевий тоже не угадал верного сочетания звуков.

— О чем я и предупреждал,— посетовал ученый, ударяя кулаком по створке и не чувствуя боли.— Ладно, попробую так...

— Габилгатол! — произнес звонкий голос Итрун. Произнес вовсе не так, как это делали Майлдаф и Евсевий,— с двумя ударами, одно из которых было сильнее, и звуки королева выговаривала на свой лад.

Скрипа и скрежета не было. Ворота распахнулись бесшумно и плавно, будто их смазали маслом сегодня на рассвете.

— Вот так! — торжествующе изрек Бриан.— А говорили: «Несчастье, несчастье!» Вот тебе и ведьма! — добавил он, обращаясь к Алфонсо.

— Посмотрим. Мы еще не в Аквилонии,— благородно заметил моряк.

За воротами начинались две лестницы: вверх и вниз.

— Входим и закрываем ворота,— суетился миглом воспрянувший духом Евсевий.— Я не хочу погони, пусть даже Итрун и вправду королева. И я

пекусь о тех ценностях, что могли сохраниться здесь.

— А если нам понадобится обратно, месьор? — осторожно спросил Мегисту.

— Не понадобится, — ободрил его Евсевий. — Смотри!

Он выскочил за ворота и, потянув какой-то рычаг, с легкостью захлопнул створки, оставив товарищей снова перед закрытыми дверями. Мгновение спустя так же легко и беззвучно створки раздвинулись опять. Евсевий стоял на пороге живой и невредимый.

— Вот, сколь велико было строительное искусство древних! — заявил он так, будто лично участвовал в возведении Габилгатолы. — Нам теперь вниз, к подземной реке. Я уже отсюда слышал ее шум, когда остался за воротами один. С вашей стороны, к слову, не доносилось ни звука: этот металл не пропускает его!

И действительно, теперь путь их лежал все вниз и вниз. В отвоеванных факелами у тьмы участках пространства они видели дивную резьбу по камню, колонны — то массивные, то стройные, то с простыми, то с изысканными капителями, тимпаны, рельефы, лепнину, арабески, карнизы, балконы, арки, своды и контрфорсы, кессоны, аркбутаны, пилястры, фрески и мозаику, краску, стекло, хрусталь и металл — всего не перечесать. Евсевию оставалось только уповать на то, что когда-нибудь он еще вернется сюда, и не один, а с великой экспедицией. Тогда-то его жизнь будет прожита не зря.

Поддерживаемые мощными косоурами ступени лестницы — на сей раз широкой и прямой — неуклонно вели к самым корням гор, туда, где стремил свои воды подземная река, и шелест, плеск и шепот ее волн, поднимаясь вместе с эхом по коридорам, залам, анфиладам, галереям и шахтам, наполнял чертоги множеством неумолкающих влажных и влекущих голосов. Воистину, пещеры гномов нельзя было назвать безмолвными, пускай ни гнома, ни человека не было здесь вот уже пять тысяч лет.

Они достигли реки, опустившись много ниже, чем был вход в пещеру на западной стороне гор. Даже никогда не бывавшие в таких огромных подземельях почувствовали это. В глубинах царил мрак. Влага и пары, исходившие от потока, не в состоянии были заполнить равномерно все пустоты, оставаясь в большинстве своем в тоннеле, куда была заключена река, и воздух каверн был пергаментно сух. Никакой ветер не тревожил покой гранитного царства, и если даже и был где-то сквозняк, то лишь в самых верхних чертогах. Все это не могло не способствовать сохранению облика этих пещер таким, каким он был, когда пещеры были покинуты.

— Прекрасный и удивительный сид! — восхитился Майлдаф, когда спуск их подошел к завершению и они были уже близки к цели. — Не вижу лишь светящихся камней, что видели мы в Дол Уладе.

— Подозреваю, что и камни эти мы еще увидим, — отозвался Евсевий. — Я наблюдаю несомнен-

ное сходство меж особенностями сего сокрытого града и твердыни служителей Илу Всеединого. Конечно, основы искусства архитектуры едины для всех, равно как и то, что плоды неизбежно падают наземь, однако имеется несомненное и неслучайное сходство в приемах планировки и их общем устройстве. Также полагаю, что светящихся камней здесь нет. Но, поскольку вижу связь меж тем чертогом и этим, говорю: камни таковые здесь еще увидим.

«Евсевий уж слишком разволновался,— с тревогой подумал Бриан.— Так длинно и путано он не говорил уже очень давно!»

Но тут они вышли на берег реки и сей же час, как и предсказал Евсевий, увидели светящиеся камни. На противоположном берегу потока на высоте трех человеческих ростов из того самого голубоватого сияния выложены были на стене наковальня и занесенный над нею молот, а также клещи к нему, а над ними изогнулось змеевидно на черном базальте, как в небесах полуночных, Семизвездие. Лестница же уводила еще дальше вниз, в неведомые глубины.

— Наверно, этих камней здесь никогда не было, а то бы мы увидели их еще не единожды,— добавил успокоившийся Евсевий.— Они доставлялись с караванами сюда и стояли весьма дорого, поэтому помещались лишь в особых местах. Что ж, мы к такому месту и вышли. Подземная река берет начало у наших стоп.

И точно. Поток, устремляясь налево от них, справа был ограничен глухой стеною, вырываясь

из недр земных прямо перед стоящими на кромке гранитного причала людьми.

— Отсюда проляжет наш путь по водам,— вновь воодушевился Евсевий.— И не исключаю, что кознями врагов рода человеческого и попустительством нашим и промыслом Митры, каковой проныцать нам не дано, сгинет иной из нас в могущих встретиться нам водопадах, волнениях и пучинах, а также и от препон, врат, шлюзов и решеток, над сим потоком устроенных прежними властителями...

— Евсевий, остановись! — успокоил ученого Майлдаф. И вовремя, поскольку Евсевий разошелся не на шутку, энергичнее обыкновенного почесывая и пощипывая бороду. Видимо, напряжение последних часов борьбы с тайнами и ударами судьбы несколько истощило его душевные силы.

— Нет, как же...— растерянно прервался аквилонец.— Я должен досказать. Там еще будут каменные гряды о многих зубьях...

— Не будет там тебе каменных гряд,— четко выговорил горец, крепко сжимая руку Евсевия выше локтя своей широкой пятерней и слегка встряхивая.— Нет никаких рифов и гадов. Все в море остались. И вообще, пожалуй, лучше я скажу речь: сейчас мы спускаем лодку на воду, ставим парус... то есть вставляем весла в уключины, и отваливаем.

— Вот речь, достойная благородного человека,— заметил Полагмар.— Но я бы предпочел перед этим подкрепиться.

— А я попробую поймать рыбу,— зевая, будто все это он уже видел и ему это до смерти наскучило, изрек Алфонсо, которому и в самом деле надоели подземелья. В глубине его просоленного морем сердца закопошился червячок сомнения: не бросить ли эти проклятые воды, все ужасы коих так красочно описал месьор Евсевий, и не помянуть ли их снова на прожаренные солнцем пастбища и бархатное ночное небо Зингары?

Когда Полагмар, имеющий телосложение мощное, а оттого требовавшее регулярного поддержания в виде пищи, утолил голод, а Алфонсо вынужден был признать бесплодность своих усилий, челн был наконец спущен на воду, и небывалое плавание началось.

* * *

Подземный поток был довольно широк — до десяти и даже местами до пятнадцати локтей — и довольно быстр. Весла применить не пришлось, лишь за рулем требовался постоянный и неусыпный надзор: река делала множество поворотов, а принять холодную ванну никто не желал. Временами основной поток разделялся, но Евсевий неизменно выбирал более полноводную и широкую струю. Так в плавании без особых происшествий минуло три дня, как то полагали люди, четвертые сутки лишенные зрелища неба над головой. Стоило отметить лишь, что занятия рыболовством, коим с похвальным упорством на каждой остановке предавались Алфонсо и Мегисту, увенчались все же успехом, хотя готовить рыбу было совер-

шенно не на чем. Но Алфонсо, не раз терпевший кораблекрушения и неоднократно выдерживавший муки жажды посреди океана соленой воды, знал способ потребления сырой рыбы. Он делал на спине у пойманной рыбины клинообразный надрез и пил выделявшийся сок. Напиток этот никак нельзя было признать приятным, но питательным он, без сомнения, являлся.

Присоединившаяся к мужчинам титулованная особа, несмотря на свой изнеженный вид, стоически переносила все тяготы путешествия, а Бриан Майлдаф, не однажды предпринимавший попытки кое-как объясниться с королевой Народа Холмов, добился даже некоторых результатов, и вскоре Итрун могла толковать с ним самыми примитивными словами вроде «огонь», «вода», «лодка», «весло», «камень» и тому подобное.

Что до Евсевия, то он не принимал участия в этих беседах, но занят был единственно наблюдением окрестных чудес. На привалах же он не отдыхал, но с факелом блуждал по окрестным ходам, стараясь увидеть и запомнить насколько возможно больше.

Нет нужды описывать здесь все, что открылось ему и его спутникам, ибо все это позднее было описано Евсеем в трудах своих, коих преизрядным собранием располагают Тарантийская Библиотека и книгохранилища некоторых храмов.

На пятый день — если подземный мрак можно было поименовать днем — они остановились у высокой пристани, на которую от воды вела широкая лестница из двадцати пяти ступеней.

Перила ее выполнены были в виде горящих свечей, пламя которых, сливаясь, и образовывало перекладину, легшую на столбики перил. Лестница выводила в гигантский зал, и противоположная стена тонула во тьме. Невиданной ширины свод — меж опорами его по ширине было локтей тридцать, не менее — также терялся где-то в вышине.

Его поддерживали два параллельных друг другу ряда колонн, венчанных высокими остроконечными арками. Колонны были стройны и совершенно круглы, а облик они имели древесных стволов, уснащенных близ вершины многими ветвями с густой листвою, тонко вырезанными из камня. Листья же на этих ветвях были золотыми и серебряными.

— Смотри, Алфонсо, сколько золота! — заметил другу Мегисту. — Донато не ошибся.

— Мне не нужно теперь золота, — устало отвечал зингарец. — Я хочу увидеть солнце, луну и небо. А денег, если мы отсюда выберемся, все эти короли и градоначальники нам отваяют столько, что хватит купить таверну или даже харас. Должен тебе сказать, что этот Сотти хоть и зверь, подобный алчностью своей волку, может заплатить за верную службу столько, сколько и советникам Фердруго не платят, не то что нам.

Конти обратил внимание на тончайший, словно иглой нанесенный на тела колонн рисунок, изображавший древесную кору. Но на ощупь камень являлся совершенно гладким.

— Он будто бы скрыт под неким слоем, похожим на лак, — поделился принц своим наблюдением с Евсевием.

— Не удивляюсь, если так и есть, — согласился аквилонец, осмотрев опоры вблизи. — Мы ведь видели, сколь удивительно прочным и гладким стеклом покрыта мозаика в шахте за первыми воротами. Возможно, того же рода материал, но гораздо тоньше и виртуознее, применен и здесь.

За рядами колонн на расстоянии четырех локтей вдоль стен шел ряд альковов, доступ в кои осуществлялся через пологие низкие арки, пространства между которыми на стене были заняты бронзовыми филенками с изображением гномов, совершавших различные деяния, являя как воинскую доблесть, так и совершая великие труды на поприще искусства.

В альковах, на удивление, еще сохранилось некое убранство: деревянная отделка, мебель и даже ткани и кожи, но лишь Конти протянул к этим предметам руку, Евсевий предостерег его:

— погоди касаться. Возможно, они и не рассыплются в прах мгновенно, но могут сильно повредиться. Сюда надо прибыть, имея под рукой особый состав, после обработки коим древние вещи приобретают большую крепость. Мы еще сделаем это.

Чем далее вперед, вглубь зала, тем богаче становилась отделка. Колонны, простенки, резной камень все чаще украшались мозаикой и металлами. Сначала это были эмаль и майолика, затем появились полудрагоценные камни, цветные яшмы, янтарь, бронза и медь. Их сменили серебро и золото и, наконец, тот самый удивительный металл, из коего были изготовлены ворота, а также

драгоценные камни. Алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и жемчуг рассыпали дивные узоры.

Они достигли последней стены и застыли в изумлении. Великолепие драгоценностей и волшебное искусство древних мастеров ослепило бы любого самого горделивого и богатейшего владыку Заката и Восхода, но и оно отступало пред феерической картиной, открывшейся им. Пространство здесь будто бы искривлялось, сворачивалось, вилось винтами и иными фигурами, сплеталось и расплеталось, образуя соразмерные рисунки и расходясь тропками в бесконечность. Колонны, стены, гладкий, выложенный узорно дорогим цветным мрамором пол, своды и перекрытия — все это кружилось в невиданном молчаливом танце. В центре же этого симметричнейшего и вместе с тем хаотического нагромождения было сокрыто нечто темное, куда, сжимаясь все сильнее, уходили, подобно годовым кольцам, серебристые линии.

— Что это? — в восторге и некотором страхе остановившись и опасаясь сделать шаг под ограничивающую область волшебных превращений, метаморфоз и соцветий арку, спросил принц Контти.

Никто не мог ответить ему, и только Евсевий знал правду.

— Это зеркала, — изрек он. — Множество зеркал, расставленных особым образом. Я не стал бы входить туда, ибо попавший внутрь войдет в лабиринт, стены коего зачастую иллюзорны, но где мгновенно теряется всякое ощущение направления, пространства и времени. Выход из такого ла-

биринта может находиться в двух шагах, но человек, в нем блуждающий, пройдет мимо, словно слепец.

— Можно использовать веревку. Закрепить ее у входа и ходить сколько вздумается, — возразил Сотти.

— Это так, — торопливо кивнул Евсевий, — но кто знает, как далеко уведит сие хитросплетение иллюзий? Может быть, за ним таятся неведомые препятствия и ловушки. Сама арка — предупреждение. Или вы не убедились еще в зодческом гении гномов?

— Но как же сами гномы могли находить путь в созданном таким образом странном мире? Это ведь не лес и не поле, где можно следовать приметам. Искусственный мир мертв, — философски рассудил барон Полагмар.

— Я не думаю, что гномы пользовались этим сооружением повседневно, — отвечал Евсевий. — На мой взгляд, это лишь символ, значение коего нам пока недоступно.

— Да, весьма сложный символ, — усмехнулся Сотти. — А все же я хотел бы попробовать войти туда. Мегисту, возьми веревку и держи крепко. Второй конец я привязываю к поясу.

Не успел никто найти что-либо возразить аргосскому градоначальнику по существу, как он уже привел свой замысел в исполнение, и только королева Итрун в отчаянии вдруг произнесла что-то и попыталась схватить уходящего Сотти за руку или полу одежды. Но дворянин только отвел слабую женскую руку и скрылся, растаял в

зеркальном мираже. Было понятно, что она не приветствует выходку Сотти. Но было поздно. Итрун лишь махнула рукой. Бриан осторожно взял ладонь королевы в свою. Она не сопротивлялась.

Сотти мигом, как и предупреждал Евсевий, попал в край без верха и низа, будто не шагал по полу, а висел в небе, бывшем только что не голубым, но темно-синим. Вокруг покоились белесые облака, местами соединенные одно с другим областями размытого серебристо-серого тумана. Сзади, когда градоначальник обернулся, оказалась та же картина. Веревка, прочно привязанная к поясу, змеилась меж облаков и уползала в черную бесконечность. Сотти огляделся. Внезапно полыхнула зарница, и в одном из разрывов тумана загорелась зеленая, ярчайшая из когда-либо виденных аргосцем, звезда. Сотти пожал плечами, заложил руки за спину и зашагал, петляя в облаках и тумане, навстречу ей...

— Его нет уже целых три фарсинта! — возмущился Майлдаф. — Что можно делать там столь долго? До стены-то всего три локтя! Мегисту, подержай за веревку.

Кушит отрицательно покачал головой.

— Месьор Сотти разговаривает там с духами. Пресветлый Митра не может заглянуть сюда своими лучами — их отбрасывают зеркала, — и духи живут здесь. Духи подземной реки.

— Ну тогда я сам отправлюсь за ним! — решил Майлдаф, но тонкая трепетная белая ручка на этот раз оказалась сильнее, чем строптивый характер горца. Королева Народа Холмов просто взяла и не пустила Бриана в зазеркалье.

— Дозвольте уж мне, месьоры, — угрюмо вымолвил Алфонсо, все еще косясь на королеву. — Вижу, принц Конти желает, но лучше уж я. Плыть нам, по всему, не долго, а потому не беда, если и покалечат: доберусь до Границы, а там близко. А без месьора Евсевия и месьора Полагмара всем плохо придется.

С этими словами моряк, ухватившись за веревку, исчез в проеме вслед за Сотти. Он шагнул под арку и мигом потерял из вида окружающий мир. Вокруг не было верха и низа, земли и воды, права и лева. Было одно огромное ночное небо, в котором он стоял. Стоял? Висел? Или кувыркался вверх тормашками? Впрочем, какой верх? К горлу подступил противный ком, но бывалый моряк быстро нашелся. Качка? Пускай качка! Никогда Алфонсо не катился кубарем по палубе и не страдал морской болезнью! Цепкой походкой, свойственной морякам, покачиваясь, будто вокруг бушевал шторм — а вид облаков был именно штормовой, — Алфонсо побрел, следуя уводящей в далекую бесконечность веревке, туда, где сквозь туман пробивался свет крупной, как жемчужина, зеленой звезды...

Сотти бросил веревку, как только понял, что дальше она не вытянется. Небесная твердь под ногами оказалась именно твердью, а искомая звезда была уже близко — рукой подать. Прошагав еще некоторое время, он попал в коридор круглого сечения, синие с белесыми, желтоватыми и красноватыми прожилками стены которого закручивались влево, улиткой. Звезда, как и прежде, ма-

ячила где-то близко, но впереди. Наконец градоначальник оказался в круглой зеленой долине, обрамленной пологими темными буро-зелеными холмами. Свинцово-серое небо опрокинутой чашей опиралось на эти холмы. Местами в ложбинах горел осенними красками лимонный, золотой, лиловый и багряный лес. Кое-где мерцали слюдяной водой болота. Шелестела осока, гнулся упрямый вереск. Серые валуны поднимали из травы суровые тяжкие взгляды.

«Странно, откуда здесь ветер?» — подумал аргосец.

В центре долины стояло какое-то здание, имевшее вид четырех остроконечных сводов, сращенных в центре и поднявших вверх невысокую восьмигранную башенку с шатровой черепичной крышей. Скорее всего, это был храм. В приделах его скрывалась тьма. Зеленая звезда стояла в самом зените, непостижимым образом пронзая лучом плотные тучи. Следуя низенькому, ужасно старому каменному барьеру, бывшему некогда изгородью, Сотти направился вниз, к храму.

По дороге ему пришлось несколько раз обойти канавы и продраться через кусты волчника.

«Великий Митра! Какое мастерство зеркальной иллюзии! — восхитился аргосец. — Я ведь иду по гладкому полу, в лучшем случае по пандусу, но не могу не обойти эту канаву! Я верю в ее существование!»

Храм, сложенный из блоков простого серого камня, стоял на небольшом пригорке. Башенка его поднималась локтей на шесть, не больше. В при-

делах, образованных сводами, действительно таилась ночь, перевитая светящимися из глубины серебристо-седыми нитями.

«Еще один лабиринт? — задумался Сотти. — Стоит ли входить? Впрочем...»

Он в три шага взбежал на пригорок и решительно вошел под ближайший свод.

Лабиринта, вопреки опасениям, внутри не оказалось. Просторная и пустая комната, винтовая лестница, ведущая в башню, витражи на окнах, кованые решетки. Мозаика. Посредине комнаты на круглом массивном столе мореного дуба, составлявшем единственную здесь мебель, лежал пергаментный свиток, и ничего, помимо свитка.

Аргосец подошел к окну, выглянул. Там простиралось бесконечное небо, залитое золотым светом, и плыли розовые, золотые и белые облака. И так во всех окнах. Он поднялся в башню и посмотрел оттуда. Ничего, что напоминало бы преодоленную им долину. То же безбрежное небо, и лишь на самом горизонте — или это был обман? — виднелась полоска моря и земли. Совершенно, изначально синего моря и зеленой, неоскверненной земли. Маленькая белая точка на границе моря, неба и земли могла быть только одним: белой башней маяка. В остальных окнах башенки были только лазурное небо и великое море.

Сохранив в памяти эту картину в мельчайших подробностях, хотя и смотрел он считанные мгновения, Сотти спустился обратно в комнату. Цветные пятна от витражей весело рассыпались по полу. Аргосец подошел к столу и взял свиток. Он

оказался толстым и довольно увесистым. Развернул. Пергамент покрывали мелкие знаки неизвестного языка, писанные тушью или краской рукою мастера каллиграфии. Он послунил палец, провел по строкам. Состав оказался несмываемым. Сотти спрятал свиток за пазуху и вышел вон.

Над долиной смеркалось. Накапывал мелкий нудный дождь. Сплошные обложные тучи не оставляли ни малейшего намека на только что виденные в комнате храма игривые блески цветных витражей и ослепительное небо. Зеленая звезда неугасимо горела сквозь густо-серую хмарь.

«Если бы я помнил, откуда пришел! — подумал аргосец, окидывая взглядом унылый горизонт. — Впрочем, какая разница?»

И он пошел наугад, взяв направление на одну из маленьких рощиц, лисьим огненным хвостом дразняще выглядывающую из ложбинки, будто из норы.

Изрядно намокнув и едва не скатившись в одну из сотворенных дождем промоин, Сотти добрался до рощи, скорым шагом миновал ее, загребая сапогами уже толстый ковер опавшей листвы, и полез на косогор. Едва взгляд его оказался на одном уровне с гребнем и готов уже был скользнуть дальше, невидимым лучом ощупав пейзажи неведомой страны, как долина, небо, храм, лес — все пропало. И вновь вокруг него был коридор, только теперь улитка раскручивалась, пока аргосец не вышел обратно в ночное небо.

Он обернулся — в первый раз, как покинул храм. Зеленая звезда светила точно за спиной, переливаясь краше любого изумруда. Сотти усмех-

нулся и пошел по небу прочь. Прочь от зеленой звезды. Не прошло и фарсинта, как впереди он увидел человека. Человек озирался по сторонам и сжимал в руках измочаленный хвост длинной веревки. Это был Алфонсо.

— Месьор Сотти?! — Моряк даже вздрогнул, когда градоначальник Мерано вдруг вышел прямо на него из-за облаков. — Где ты был?

— Долго рассказывать, — отвечал холодно Сотти. — Сейчас выберемся отсюда, тогда...

Сматывая попутно веревку, они двинулись в беззвездную туманную даль.

Сумрак пещеры, неверный свет факела, запах дыма — все это будто тяжким морским валом накрыло Сотти, когда он шагнул из арки в зал. Золото, алмазы, жемчуг — все виделось тусклым и покрытым какой-то мелкой серой пылью даже по сравнению с хмурым небом над осенней долиной.

— Что там было? Почему так долго? — бросился к нему с расспросами Евсевий.

— Вот, — отвечал градоначальник, вынимая из-за пазухи свиток и протягивая его аквилонцу.

У того даже волосы встали дыбом. Расширенными жадными глазами Евсевий ястребом впился в ровные черные значки, среди коих, впрочем, слева попадались цветные изукрашенные буквы.

— Это тот же язык, что и на путеводных камнях, — дрожащим от волнения голосом вымолвил ученый. — Откуда?

— Из долины в форме чаши, — просто ответил Сотти и приступил к рассказу, начав с того, что предстало перед ним, едва он шагнул под арку.

Пока он рассказывал, а все остальные, кроме, разумеется, Итрун, внимали ему заворуженно, в пространстве зала произошли неуловимые перемены. В бормотание реки вплелись некие звуки, и возникло присутствие чего-то нового, постороннего. Свет факела затрепетал, будто пламя свечи на сквозняке, хотя по-прежнему ни малейшее дуновение не нарушало покойного воздуха.

Слабые, печальные тени закружились в бледных бликах, отбрасываемых на стены и колонны. Шепот, шорох, намек на легкий смешок. Шлепанье, шелест, нелепое кваканье, журчание. Новые, новые тени, уже более плотные, кружащиеся все ритмичнее, обретающие все более четкие очертания.

И вот уже стоны, подвывание, след голоса, отзвук голоса, голос, пение. Взмах крыла, кивок головы, жест руки.

А семеро высоких мужчин все слушают одного, такого сильного, но жестокого и прохладного сердцем, как снег. Итрун не выдержала и грубо, некрасиво, недостойно королевы дернула за руку своего спутника.

Жаль, она знает так мало слов! А то они бы слышали речи королевы!

— Это же Духи Реки! Бегите! — выкрикнула она тревожно и резко на своем языке.

— Вода... Река... Быстро... — Это уже те слова, которым научил ее высокий, жилистый. Бриан. А он милый, и говорит складно и смешно. Жаль, непонятно. Но все ведь смеются, значит, смешно...

Итрун воскликнула что-то по-своему, тревожно и резко, словно морская птица перед близкой бурей.

Потом добавила неуверенно по-аквилонски: «Вода... Река... Быстро...»

Но уже и без того все стало понятно. Услышав, что их почуяли, Духи Реки закрутили свой хоровод вовсю, как умели только они! Тихая речь реки отступила, заглушенная песней духов. Свиток, свиток, положенный некогда Владыкой здесь в пещере, и в то же время там, откуда была видна прародина всего сущего, оказался в руках людей. Это должно было случиться, и это случилось. Но теперь они могут надеяться, что у них будет новый Владыка. Нет, он точно будет у них! Будет! Будет!

Странная и дикая песня, первобытный хор, летящий по кругу и одновременно размыкающий круг. Круг вероятия, круг реального, круг сознания... Уходящий в иное, нездешнее, манящее, невероятное... Уходящий, уводящий, влекущий... Танец невидимых тел, бесплотных теней, бесовская пляска... Танец стройный, ряд за рядом, фигура за фигурой... Дивная страна, странная страна, чужая страна...

Евсевий стряхнул с себя наваждение. Он, со свитком в руках, стоял в полушаге от ворот, откуда Сотти вынес свиток. Духи бесновались, отплясывая свой сказочный танец, распевая недоступную и необъяснимую людскому разуму песнь. Но сколь сладки и нежны были ее слова, в какую волшебную страну звали!

Одна только Итрун порывалась увести увлеченного, зачарованного мелодией, ритмом и танцем Майлдафа к лодке. Все остальные слушали и уходили, уходили вслед за духами, в их страну. Они уже не были людьми в полном понимании.

— Очнитесь! — Евсевий, не желая применять силу, осознавая, что этим не помочь, всплеснул руками, точно оратор в Палатах Мудрости, обличающий падение нравов и небрежение знаниями предков в нынешнее время. — Во имя Митры, опомнитесь!

Что подействовало более: убедительный голос Евсевия, усилия Итрун, взмах свитком или же имя Митры, не решался потом определить и сам Евсевий. Но едва он выкрикнул это, как все до одного — вроде бы все — пришли в себя.

— Духи Реки! Они пришли! — с замиранием проговорил кушит. — Я знал, что они есть! Они хотели забрать Мегисту с собой, узнать мое имя! Нет! Скорее в лодку!

— Он прав, — сообразил Сотти. — Мы едва не попали... куда-то... — неуверенно закончил он.

— Пока они не оделись плотью, следует поспешить! — решил Полагмар.

Все бросились к вельберу. Бриан нес Итрун на руках.

Когда места были заняты, неожиданно выяснилось, что с ними нет Алфонсо.

— Надо его спасти! Скорее!

Схватив факел, Евсевий выпрыгнул обратно на причал. Барон устремился за ним. Итрун обвила руками шею Майлдафа и не пустила его никуда.

Алфонсо стоял в кругу уже не пляшущих, а просто скользящих вокруг него теней. Евсевию привиделись кони, всадники, охотничий рог.

— Алфонсо, остановись! — призвал ученый.

Зингарец не слышал, делая новый шаг к таинственной арке.

— Холмы... Тонкие и чистые, словно весенний лед... Ветер... Моя страна, я ее владыка... Вино, чаша... Пенится, как крови! Я — владыка!

И новый шаг к воротам.

Не говоря ни слова, Евсевий и барон рванулись сквозь кольцо духов, торопясь схватить Алфонсо за плечи.

Но было поздно. Сделав последний шаг, моряк исчез за гранью. Издав последний ликующий возглас, духи, с каждым мгновением замедляя свое кружение и постепенно приглушая пение, начали бледнеть, растворяться, исчезать... Еще через несколько мгновений ничто, кроме говора струй, не тревожило тысячелетнюю дремоту пещеры. Новый властелин страны Духов Реки взошел на трон.

Они плыли еще день, прежде чем постройки гномов неожиданно кончились высоким и длинным причалом. Тоннель далее суживался и понижался, превращаясь в ничем не примечательный водосток. Почти вся масса речной воды, крутясь в бесшумной воронке, вновь уходила куда-то под землю.

В тоннеле оставался лишь небольшой ручей, медленно продолжающий свой путь. Куда? Они надеялись, что на восход.

Жаловаться тем не менее было не на что. Водосток был достаточно чист, широк и высок, чтобы дать вельберу плыть беспрепятственно. Через некоторое время Мегисту, показав в улыбке все свои ровные белые зубы, радостно сообщил:

— Пахнет сыростью и землей! Скоро мы увидим солнце!

И вправду, каменная облицовка тоннеля пропала, сменившись глиной, с потолка пробивались отростки корней, желтые известняковые глыбы торчали из подмытых водой стен. Ручей, вовсе замедлив течение, расширился, сделался мелким, так что взявший весло Полагмар достал им дно, поворачивая вельбер.

В лица им пахнуло ночной прохладой, засеребрился лунный свет. Мегисту ошибся, солнца они не увидели, но разве это было важно?!

— Потушите огонь! — быстро распорядился Евсей.

Сотти опустил факел в воду, тот зашипел и погас.

Они оказались на тихой заводи, в которую вливался ручей, степенно выбираясь из-под глинистого обрыва, густо заросшего травами и деревьями, источавшими неистовый аромат. Заводь примыкала к довольно широкой реке с небыстрым течением. Берега реки, сколь можно было судить по освещенному значительно прибывшим месяцем пейзажу, утопали в пышной растительности.

Они тихо, соблюдая величайшую осторожность, вывели вельбер на речную гладь.

— Погодите! — шепнул Евсей.

Он зачерпнул воду ладонями, понюхал, даже глотнул немного и облегченно вздохнул, называя имя реки:

— Черная!

Глава двенадцатая

Марантийский королевский дворец гудел, как растревоженный улей. Правда, если взглянуть на некоторых его обитателей, то более точным сравнением была бы яма с гадюками. Если быть еще точнее, то не все, кто должен был знать о происшедшем, знали о нем, а еще больше было тех, кто ничего не должен был знать, но что-то слышал и теперь дал волю языку. Впрочем, это был вечный недостаток всех дворцов и даже тайных обителей.

Дело было вот в чем. В один день помощник начальника одной из королевских служб, месьора Тэн И, месьор Кангюй получил разом три важнейших донесения, и все как одно донельзя огорчительные.

Король Конан отбыл с многочисленной свитой и провожатыми подписывать тройственный договор между Зингарой, Аргосом и Аквилонией о разделе влияния на Закатном океане. Точнее, не о разделе, а об объединении означенных сфер.

Первые вести из Кордавы были добрые: с шумом и помпой, при небывалом стечении знатнейших и богатейших фамилий, Конан и Фердруго поставили подписи под договором меж Кордавой и Тарантией.

После грандиозного бала и приема в торжественной обстановке в прекрасную погоду все погрузились на корабли и отплыли курсом на Мессантию, где уже ждал Мило с двумя оставшимися частями договора. Тарантия уже готовилась встречать победителя, как вдруг...

Как вдруг сегодня утром на взмыленных конях явились гонцы из Мессантии. Донесения были скреплены личными печатями канцлера Публия и Троцero, а также королей Фердруго и Мило. Эскадру в пути у берегов Зингары настиг ужасающий шторм.

Корабли разметало по океану, и многие еще не нашлись, но король Фердруго, милостью Митры, прибыл к месту назначения одним из первых. Вскоре добралось до Аргоса и судно с Публием и Троцero. Не было только лучшего нефа Зингары — «Полночной звезды», а с ним и короля Конана. Монархи Зингары и Аргоса растерялись настолько, что даже подписали договор друг с другом, а теперь ломали голову, правильно ли они поступили: во-первых, Конан еще не приехал, значит, не слишком устраивающий обе стороны злополучный договор можно было и не подписывать. Во-вторых, Конан, опять-таки, еще не вернулся и мог быть очень недоволен, вернувшись, что подписание произошло без него.

Если говорить честно, Кангюй не понимал, что от него хотят.

Искать Конана в океане было прямой обязанностью союзников. При всем желании отправить на Океан флот из Тарантии он не мог, за отсутствием такового.

Предъявить гонцам живого и невредимого монарха было также не в силах Кангюя. Рассудительный гирканец попросил послов задержаться на денек, чтобы обдумать положение и принять меры, и, как оказалось, поступил мудро.

Все это было крайне не вовремя. Дело в том, что седмицей ранее, также поутру, обнаружилась пропажа. Исчезла жена находящегося все на той же «Полночной звезде» королевского поверенного Хорсы, графиня Этайн. Это было и вовсе сумасшедшее похищение. По всей вероятности, молодую женщину украли ночью, при этом через окно, запертое дубовыми ставнями. Окно находилось в двадцати локтях над землей в совершенно глухой внизу и почти гладкой стене, к тому же доступ к этому окну был только из внутреннего дворцового сада.

Впрочем, когда Кангюй лично осмотрел место происшествия, он обратил внимание не на зареванную служанку и не на герцога Аркадиуса, последним видевшего, как графиня покидала бал, а на книгу, упавшую на пол близ ложа, — сочинения Саллюстия Меранского о Закатном океане. Примечательным было не наличие книги — графиня Этайн по заслугам слыла женщиной умной и просвещенной, но глава, где она остановилась, — опи-

сание Шема, а точнее, Сабатеи и культа Золотого Павлина.

Прошедший кхитайскую, туранскую и степную школы разведки и слежки, Кангюй считал, что равных им нет, и ошибся: адепты Золотого Павлина превосходили всех. У них был единственный недостаток, по которому можно было точно определить преступника: абсолютное совершенство разработанного плана и совершенное безразличие к сокрытию следов содеянного.

Приверженцы Золотого Павлина не опасались поимки: они работали не из выгоды, а за идею. Все деньги, даже когда сабатеян использовали как наемников, шли секте.

Кангюй выглянул в окно: бегство вора через дверь вместе с жертвой он отверг напрочь. Поклонники Золотого Павлина никогда не шли напролом.

Под оконным проемом в довольно прочной каменной стене глубоко засел арбалетный болт, более напоминающий гарпун. От него к противоположной стене — а это было сорок локтей! — тянулся тонкий и на диво прочный трос.

Кангюй не стал доискиваться тех, кто потворствовал краже во дворце. Это было бесполезно. Сабатеяне действовали в одиночку либо только со своими. Привели собак. Те взяли след, который, как и следовало ожидать, привел к Хороту, на пристань.

Опытные ищейки, разумеется, нашли и тех, кто видел, как ночью отчаливала барка, и тех, кто видел, как она причаливала... По берегу пустили

конную погоню, да было поздно. За ночь похитители сменили три судна, повернули в один из левых притоков реки и пересели на лошадей в одной глухой деревушке близ лесных массивов. Пока все это выясняли, пока искали след, они успели уйти за границу Офира.

Разумеется, Кангюй поднял на ноги тайных агентов в Офире, Кофе, Аргосе и Шеме. Зачем произошло похищение, было ясно, но где искать графиню?

На всякий случай направили депешу Мораддину, чтобы тот посодействовал по старой дружбе, хотя Немедии пользы в подписании договора не было, скорее один вред. Но на поиски нужно было время и время, а его не было...

Впрочем, неожиданный визит аргосских гонцов не стал единственным в этот день. Сразу после полудня во дворец ворвалась кавалькада всадников на лошадях не менее взмыленных, чем лошади аргосских посланников. Каково же было удивление Кангюя, когда он услышал во дворе знакомый голос:

— Уважаемые, будьте столь любезны. Не соблаговолите ли вы сопроводить в конюшню этих измученных животных, поскольку мы едва их не загнали насмерть, что было бы превеликой жалости достойно, ибо торопились мы преизрядно.

Кангюй не знал, понял ли что-либо конюх, но он сам понял самое важное: это, как снег на голову, свалился пропавший вместе с «Полночной звездой» Хранитель Архива Путевых Карт Аквилонии — Евсевий, близкий друг короля.

— Месьор Евсевий! — Невысокий Кангюй в кожаных остроносых сапогах, шароварах и халате, смуглый, с узкими раскосыми глазами и мелкими острыми чертами лица степняка, выкатился по ступеням во двор. — Где месьор Конан?

— Вот за этим мы сюда и прибыли, почтеннейший! — С коня спрыгивал еще один друг короля — торговец шерстью из северной провинции — Темры — Бриан Майлдаф.

— Нет ли каких-либо вестей о Его Величестве из Аргоса или Зингары, любезный Кангюй? — осведомился Евсевий, которого столь непривычно было видеть небритым в течение, по меньшей мере, трех дней. Белая хламида его стала серой от дорожной пыли.

— Есть, но не весьма радостные, хотя и не безнадёжные, да хранит короля Эрлик, — начал Кангюй. А после, уже прямо в терме, куда отправились все, включая послов и самого Кангюя, они поведали друг другу об известных им событиях. Гирканец не утаил и печальное известие о пропаже Этайн, что крайне опечалило Евсевия. Майлдаф сказал: «Прекрасную Этайн заточили в скверный сид? Тому, кто это сделал, скоро споет банши, пусть даже я не продам в Туран последнюю партию шерсти!»

Но горевать долго не приходилось. Найти Конана было не в их силах, значит, требовалось отыскать Этайн. Но как?

В Темру, где находились дядя графини и ее двоюродные братья, Септимий и Кулан, пока не сообщили, чтобы не расстраивать престарелого Коннахта, да и чем они могли помочь?

Однако Евсевий мыслил иначе. При упоминании Кулана он сразу прекратил участие в довольно бесплодном разговоре, а потом остановил всех:

— Стойте! Кулан мог бы помочь, но он еще молод и далеко от нас. Никто не додумался позвать сюда Озимандию?

Все замолчали пристыженно, хотя старого волшебника здесь близко знал кроме Евсевия один лишь Майлдаф. Удивительным было иное: почему маг сам не предложил свои услуги?

Немедля послали за Озимандией, и тот явился.

— Так, — прокаркал, входя в зал с бассейном, первый ученый Аквилонии. — Месьор Евсевий, месьор Майлдаф, месьоры Полагмар, Сотти, принц Конти и месьор Кангюй. Безмерно рад вас видеть.

— Не знаю, что вызвало у вас столь безмерную радость, почтенный, — тут же отозвался горец, — но мы-то здесь вовсе не ликуем!

— Откуда он нас знает? — недоуменно спросил у градоначальника принц Конти.

Многоопытный аргосец только плечами пожал.

— Да вот уж знаю, — заухал совой Озимандия. Так он смеялся. — Знаю и то, зачем вы тут собрались. Можете мне ничего не говорить: о том, что похитили прекрасную Этайн, я знаю. О том, что пропал король, с самого утра судачит вся кухня и скрипторий. Я об этом подумал. Магия здесь бесильна, ибо король исчез без ее участия. Расстояния слишком велики, а времени терять нельзя. Выход остается один.

— Какой? — возопили все как один, вскакивая, даже тихая вода в бассейне всколыхнулась.

— Черный дракон Диармайда! — провозгласил волшебник.

— Так ведь перстень-то у Конана! — заорал Майлдаф.

— Перстень у Конана, но я пока что жив, — спокойно изрек Озимандия. — Заклинания я не забываю, даже если они мне не пригождаются.

— А обет? — усомнился Евсевий. Несмотря на суету, он уже успел побриться и теперь по привычке скреб бороду от волнения.

— Обет — не заклинание! — авторитетно заявил старый колдун. — Что тебе дороже, Евсевий: друг или клятва?

— Правда, — просто ответил аквилонец.

— Вот именно! — торжествуя изрек Озимандия. — А правда сейчас в том, что я использую дракона для благого дела. Он бы и сам согласился нам помочь, да только не знает ничего о случившемся. Но хватит рядиться, — строго добавил волшебник. — Я вызвал змея. Он прилетит ночью, сядет на крышу дворца. Месьор Кангюй, проследите, чтобы лишних к полуночи там не было. И готовьте большую корзину. Сидеть у дракона на спине, держась за гребень, мне не по годам.

* * *

Вечером, когда все было уже готово и немного ошарашенный Кангюй распорядился выстроить воздушный ковчег по немедленно составленным Озимандией и Евсеем чертежам, во дворец явился третий гонец. К почтенному собранию, коротавшему время до полуночи за ужином — рядом с

Майлдафом за столом сидела прелестная золотоволосая юная дама, почти ни слова не понимающая по-аквилонски, — ввели молодого человека с лютней в потертом дорожном плаще. Это был Меццо.

— Графиня Этайн послала меня к месьору Кангюю, дабы я вручил ему этот перстень и передал со слов графини ее просьбу, — заявил музыкант, державшийся со спокойным достоинством в присутствии титулованных особ, и поклонился, протягивая перстень гирканцу.

— Это перстень Этайн, — подтвердил Кангюй. — Подарок Тэн И... Рассказывай, — приказал он.

— Я Меццо из Мерано, школяр... — начал молодой человек.

Вскоре о судьбе графини знали все.

— У нас нет оснований тебе не верить хотя бы потому, что ты два года был в Бельверусе. Кроме того, о тебе мои осведомители ни разу не упоминали, — заявил Сотти. — Будь спокоен: если бы ты был в чем-то замешан, я бы это знал.

— Не сомневаюсь, — парировал юноша. — Вы предпримете что-нибудь для ее спасения?

— Несомненно, любезный, — ответил Евсевий. — Мы бы подвергли сомнению каждое ваше слово, если бы не перстень — его и вправду нельзя снять, не зная секрета, — и если бы не ваша страстность. Я понимаю вас: тот, кто видел Этайн, редко остается спокоен.

— Я не видел ее, я же сказал, — впервые улыбнулся Меццо: лицо его осветилось внутренним светом. — Я только слышал, как она играет, поет и говорит.

— Погодите,— прервал этот диалог маг Озимандия.— Графиня Этайн в безопасности, пока Конан считается пропавшим: им просто не с кем торговаться! Но наша главная цель — отыскать короля. Черный дракон сегодня в полночь возьмет курс на Закатный океан. Если кто-то против, убейте меня, но дракон будет повиноваться лишь моим приказам. После же, минуя Мессантию, мы отправимся напрямик в Восточный Аргос, на те самые виноградники. Месьор Меццо, вы разбираетесь в картах? — спросил волшебник тоном почтенного, но строгого наставника.

— В Бельверусе я изучал землеописание...— начал Меццо, разом почувствовавший себя, будто перед ученым наставником.

— Довольно,— сухо заметил Озимандия.— Значит, найдете место безошибочно. Кто еще хочет добавить что-либо?

Воцарилось молчание. Резкая перемена в тоне Озимандии удивила всех. В старике словно проснулся и воспрянул прежний, малоизвестный им Озимандия, великий маг горы Дол Улад, служитель Седьмого Круга, повелитель дракона, в одиночку ведший тайную борьбу с всесильной кастой предавшихся тьме мудрецов, и этот прежний Озимандия брал дело в свои руки. Возражать ему казалось самонадеянным и глупым. Следовало слушать и выполнять его приказы для собственной пользы. Такое же впечатление производил на людей Конан.

— До полуночи отдыхайте. Дракон будет вовремя. Не волнуйтесь, сейчас он достаточно силен, чтобы забрать всех.

Победно сверкнув колдовским огнем своих очей, Озимандия поднялся и величественно вышел из покоя: высокий, худой, властный, в белой тоге.

— Мне почудилось,— шепнул Евсевий барону Полагмару,— что с нами говорил сам Эпимитриус!

— Воистину! — отозвался гандер.— Если это и обман, я рад обмануться!

* * *

Такого Тарантия не помнила со времен мятежа Арпелло, когда король Конан изволил сойти на стену дворца с летучей твари, вытащенной неизвестно откуда чернокнижником Пелиасом. Но тогда событие произошло при великом стечении народа на площади перед дворцом. Ныне же крылатый гость явился под черным плащом ночи.

Все, кроме Майлдафа, Евсевия и Озимандии, невольно отступили на несколько шагов и втянули головы в плечи, когда черный дракон, чуть слышно шелестя кожистыми крылами, камнем упал будто бы напрямик со звезд на крышу дворца.

Змей был великолепен. Черная блестящая чешуя, голова длиной в два локтя, с единым загнутым назад рогом на лбу, полная клыков пасть, жесткий колючий гребень от головы до хвоста, широкие гибкие крылья, красноватый немигающий змеиный зрак, могучие трехпалые лапы с когтями в три локтя и длинный гибкий хвост. Размах крыльев ящера достигал девяти локтей, от головы до кончика хвоста дракон вытягивался локтей на двенадцать. За два года змей не изменился, только на левой лапе Евсевий заметил новый шрам.

Кангюй сомневался, выдержит ли крыша, но крыша выдержала.

— Озимандия, приветствую тебя! — зазвучал глубокий печальный голос, приходящий не от ушей, но из недр сознания. Дракон мерно покачивал головой из стороны в сторону, приоткрыв пасть, быстро пробуя воздух длинным раздвоенным языком. Но голос шел не из пасти. Звука вовсе не было. Дракон говорил мыслями.

— Когда заклятие достигло меня, я понял, что именно ты призываешь меня к себе. У вас беда?

— Да, — отвечал старик. — Иначе я не нарушил бы данный мной обет. В пуще исчез король Конан. Я прошу тебя помочь его найти.

— Охотно. Но почему король Конан не воспользовался предоставленным ему даром? — спросил змей.

— Ты же знаешь Конана, — вмешался Майлдаф. — Он никогда не будет ни о чем просить, если считает, что справится сам. Наверно, решил приберечь перстень для еще худшего случая, а может, и вовсе про него забыл.

— Похоже, — изрек дракон. — Я опять должен тащить корзину? Ладно. Кто полетит?

— Я, — начал перечислять Озимандия, — Евсевий, Майлдаф, эти двое знатных аргосцев — принц Конти и месьор Сотти, барон Полагмар...

— Он тоже? — В голосе дракона послышалось сомнение. Внушительные пропорции барона были тому несомненной причиной.

— Да, — твердо сказал маг. — Ты достаточно силен, чтобы вынести всех нас.

— Все? — осведомился дракон.

— Нет. Я тоже полечу, — сказал Мещо. Он явно побаивался дракона, но ему почти удалось это скрыть.

— Он покажет нам дорогу, — пояснил Озимандия. — Похитили женщину, которая по-своему дорога многим из нас, — племянницу Коннахта. Юноша знает, где она.

— Хорошо, — ответил дракон, хотя Мещо не выглядел таким уж юношей. — Я, кажется, знаю, где ее муж.

— Хорса?! — В один голос изумленно вскричали Евсевий и Майлдаф. — Разве он с Тэн И не остался на нефе?

— Не знаю, где находится тот корабль, о котором вы упоминаете, но мне доподлинно известно, что эти два человека сейчас пребывают на Зеленом острове.

— На Зеленом острове? — На этот раз вместе с Евсвием пришла пора удивляться Озимандии, Сотти и Конти.

— Именно там, — промолвил дракон. — О них рассказывал Сулраэну Песнопевец, и Сулраэн сам видел их там.

— А кто эти достойные люди? — немедленно спросил горец.

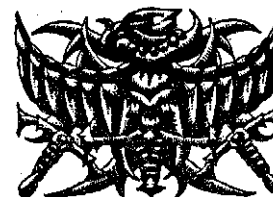
— Садитесь в корзину, — изрек дракон. — Если время вам столь дорого, как вы говорите, побеседовать мы сможем и по дороге. Кстати, к твоему сведению, мой любезный, горец, — обратился змей лично к Бриану, — это вообще не люди. Хотя и в высшей степени достойные...

Итрун, королеве Народа Холмов, спящей ныне под присмотром горюющей Грайне в покоях графини Этайн, даже не снилось, что в это время Бриан Майлдаф несется с быстротой ветра в ночных небесах и запросто разговаривает с великим черным драконом.

Глава тринадцатая

Ойсина похоронили на вершине холма, свободной от леса. Это была не ползущая вдоль берега песчаная дюна, а настоящий холм — плотная глина, почва, галька, песок, лежащие на скале. Сосны, облюбовавшие светлые и пологие сухие склоны, словно как нарочно оставили наверху безлесную поляну, заросшую густой зеленой травой и крупными лесными цветами. Вырыли могилу и Ллейр положил рядом с Ойсином его топор.

— Он прожил не так долго, как мог, — скорбно изрек Ллейр под печальное кликанье чаек. — Лишь семьсот лет. А сколько еще мог бы совершить!

— Сколько он прожил? — Конан слышал, что стигийские жрецы с помощью эликсиров и чародейства способны растягивать годы жизни. Выглядели они при этом — если и вправду такое им удавалось — словно мумии из их же стигийских гробниц. Ойсин по сравнению с ними был полон жизни, здоровья и сил и светел сердцем и разумом.

— Семьсот лет,— грустно повторил Алейр.— Сколько дивных книг он мог бы еще написать!

— А сколько он успел? — с осторожностью спросил Конан. Ему было жаль Ойсина, но семьсот лет, по разумению киммерийца, были сроком весьма почтенным. Что касается числа лет, то оно его удивило, но не поразило. Время для киммерийца делилось не на годы, а на зиму, весну, осень и лето, и особой разницы между семьюдесятью и семьюстами годами он не видел. Иное дело — семьсот или семьдесят золотых монет! Вот для такого счета и нужны были числа.

— Семьдесят пять книг,— вздохнул Ойсин.

Конан благоразумно промолчал. Евсевий как-то обмолвился, что сам Орибазий Достопочтенный не написал и двадцати.

— Что ж, пламенный дух его найдет успокоение в благословенном краю,— заключил Алейр.

— Это был воин, и Кром взял его к себе,— добавил Конан.

Прощание было окончено. Они притащили на место захоронения большой камень. Алейр сказал, что каменотесы и ваятели еще приплывут сюда и могила не останется без должного ухода.

Над останками чудовищного крагена кружились огромные стаи воронья и морских птиц.

— Ночью, когда мы уплывем, из леса выйдут волки,— пояснил Алейр.— А может, и демоны. Туша не пропадет...

...Касситериды остались уже далеко за покачивающейся кормой, горсткой сероватых силуэтов пропадая за горизонтом. Конан, сидящий на руле,

только сейчас понял, что удрученный Алейр даже не вспомнил о ключе, который должен был открыться им после горькой победы над чудовищем Первого Врага.

— Алейр, мне надо в Мессантию,— просто заметил Конан.— Вы помогли мне, а я помог вам.

— Ты попадешь куда хочешь,— ответил сидящий на руле Алейр.— Мы идем к Зеленому острову, в Гленллаан. Там живет Бейдиганда Справедливый.

— Великий призрак Закатного океана?! — На этот раз Конан восхитился по-настоящему.

— Да, он самый,— не замечая выказанного собеседником восторга, сказал Алейр.— Он отвезет тебя куда угодно. Ему открыты все моря.

Как ни скор был неутомимый полет дракона, но полет солнца был куда быстрее. Было еще темно, когда одну за другой они заметили внизу две широкие извилистые ленты, серебрящиеся в лунном сиянии. Это были реки — Громовая и Черная.

— Удивительное путешествие,— говорил Евсевий.— За какие-то четверо суток я совершил путешествие от пуши в Тарантию и назад!

— Да уж,— поддержал его Майлдаф.— Вот она, Черная! — ткнул он пальцем вниз, в свистящую встречным потоком воздуха головокружительную пустоту.— Мы прошли пущу, горы, дионтов, пещеры гномов, подземную реку с ее духами, но едва не перестреляли боссонские лучники! Хорошо, что барон Полагмар отличный охотник! Мы

прошли пограничные патрули и достигли ближайшей деревушки, так и не узнавшие никем!

— Да-да,— довольно закивал гандер.— Это было очень нелегко, пришлось потрудиться. Но если бы мы вздумали с ними разговаривать, нас бы сначала утыкали стрелами, а потом уже стали спрашивать. Да и в деревне жители были не слишком любезны. Очень похвально, что месьор Майлдаф был столь запасливым, и у него, как и у меня, нашлось два десятка золотых.

— У меня их было больше,— усмехнулся горец.— Так я и стал бы вытряхивать все! Но сорок золотых за пару тощих кляч с ветхой повозкой, когда вместе с шестью благородными месьорами едет прекрасная дама,— это слишком! Где мой любимый пегий Стедди?! Уж он бы домчал нас вдвое быстрее!

Когда забрезжил рассвет, дракон опустился на высокую гору с крутыми склонами, где пиктов уж точно не было.

Там он отдохнул немного — все же столь тяжелые грузы крылатый змей не переносил давно — и путь по воздуху продолжился.

Сколь велики были просторы пуши, и как быстро и сравнительно беспрепятственно миновали они эти невысокие, но разрушенные и крутые горы с многочисленными разломами, ущельями, осыпями и скальными стенами, эти густые непроходимые чащи, темные лощины и глубокие овраги, сотни ручьев и речек, лиги открытого пространства, где путники были бы заметны всем, и предательские топи! Только сейчас они поняли до

конца, каким великим счастьем было для них открытие древнего города гномов!

— А все же ты умный человек, Евсевий,— заметил Майлдаф.— Потому что знаешь, на что употребить свои знания. Куда бы тебя ни заносило, ты делаешь чудеса, чтобы живым вернуться домой. А если бы ты сидел дома, то зачем бы тебе понадобилась вся твоя ученость?

* * *

Зеленый остров предстал перед ними как изумруд, заключенный в серебряную оправу прибора. Круглые холмы, белые меловые скалы, вздымающиеся отвесно, словно колонны, на двадцать пять локтей и пенящиеся под ними волны, маленькие укромные бухты, гряды дюн, пышный лес, разноцветный при взгляде сверху, поющий на сотни дивных голосов, белоснежные яблоневые сады и несравненный аромат, который хотелось пить и пить и лучше коего не было более нигде. С высоты драконьего полета только сосна и ель виделись зелеными, с оттенком синевы, дуб же и иные деревья с широкими листьями выглядели ярко-золотыми.

«А ведь там, в пещере духов, я видел почти то же, когда выглядывал в окно храма,— подумал Сотти, когда из корзины, слегка раскачивающейся в драконьих когтях, им открылись холмы, храм и постройки Гленллана.— Почти. Может, здесь знают о той белой башне?»

Градоначальник изменился после того визита в зеркальный лабиринт, и он сам это чувствовал.

Он тащил через всю пушу этого сопляка королевского рода — принца Конти, чтобы с его помощью после смерти Мило сесть на трон Аргоса. Для этого Сотти и присоединился к вылазке Конана. Что-то подсказало ему, что им не суждено будет вернуться на «Полночную звезду». А возможность зарекомендовать себя перед монархом сильнейшей хайборийской державы тоже дорогого стоила.

Принц Конти был младшим в роду, но уже успел показать себя: в отличие от своих братьев, предпочитавших проводить время в дворцовой праздности, Конти постоянно искал приключений. То он учился ходить под парусом, для чего старательно штудировал навигацию, географию и астрономию, то им овладевала страсть к стихосложению, и юноша просиживал ночи напролет, изучая шедевры изящной словесности и упражняясь сам, то он воображал себя знаменитым государственным деятелем и полководцем, целые дни не расставался с мечом и ламирой, читал сочинения историков и военачальников.

Последним «подвигом» Конти стал поединок. Принц имел глупость влюбиться в одну девушку, довольно смазливую и, на ее беду, честную. После одного из дворцовых торжеств с балом и возлияниями трое подвыпивших приятелей решили развлечься в беседке королевского сада с юной прелестницей. Иная бы за честь почла, поскольку вельможи они были знатные и положение при дворе занимали высокое, но та позвала на помощь. Крик был слабый, и дружки посчитали его за обычное кокетство, но Конти услышал. А услышав, не

долго думая, взялся за ламиру и уложил троих. Дело кое-как замаяли, девушку сослали в Мерано, но все равно вся Мессантия знала о происшедшем. Словом, молодой принц при должной поддержке запросто мог обойти старших братьев, и Сотти как умелый игрок тщательно разыгрывал эту карту. А сдача любимого сынка на руки родителю в целости и сохранности сулила градоначальнику Мерано дополнительные барыши.

И все теперь складывалось как нельзя удачно, только вдруг Сотти почувствовал, что это ему не нужно. С дальнего морского горизонта светила ослепительной снежной белизной таинственная башня в краю зеленых деревьев, и золотое солнце сияло незамутненно в истинно голубом небе. Каждый раз, как Сотти вспоминал об этом, вся картина живо представлялась ему, и он понимал с удивлением, что испытывает единственное желание: оказаться там. Сердце, о коем он давно забыл как об источнике волнений, каждый закат трепетало и пело, будто отделенное от желанного и родного прозрачным, но непроницаемым стеклом. Закат звал его, и светлая тоска будто по потерянному когда-то говорила, что его белая башня там, за Океаном.

Вот с таким чувством сходил он на зеленый лут перед дивной деревянной постройкой, по сравнению с коей дворцы Мессантии, а возможно, и самого Бельверуса и Хоршемиша со всем их золотом и мрамором казались верхом безвкусицы.

Прилет дракона, как ни странно, не вызвал в городке ни малейшего удивления. Лишь пятеро

человек встречали их, прочие же только улыбались приветственно и восклицали что-то на непонятном и дивном певучем языке, спеша по своим делам. Легкий ветер дул с моря, и суровая древняя башня маяка не казалась сегодня такой безмолвно-неприступной, согревая выстуженные временем стены в солнечных лучах.

Двоих из этих пятерых Майлдаф, Озимандия и Евсевий узнали сразу. Это были подчеркнута церемонный невысокий кхитаец Тэн И и белобрысый крепыш-гандер — Хорса. Третьим был величавого вида седой муж с амулетом в виде крылатого солнца на груди, в простой серой хламиде, правда с дорогим поясом с серебряной отделкой, а рядом с ним стоял другой благообразный старик, довольно высокого роста аскет в одежде жреца-митрианца. Пятым же оказался прекрасный молодой месьор с длинными волосами цвета воронова крыла, высокий, превосходно атлетически сложенный. На нем был простой зеленый костюм, алый плащ, кожаный пояс и невысокие охотничьи сапоги. На поясе висел дивной работы меч, и, судя по всему, его владелец знал толк в фехтовании, да и вообще в войне. Его черные глаза вмещали в себе бездонность тысячелетнего опыта, будто бы они вобрали все небо, от изначальной черноты до появления солнца и луны, да первозданный неискраженный свет в придачу. Он только внешним обликом был схож с человеком, но всякому заметен был его скорбный и ясный дух, и черный дракон не замедлил подтвердить его особость.

— Здравствуй, Песнопевец,— изрек змей.

— Здравствуй,— отозвался голос вроде бы человеческий, но звучащий на тысячу голосов земли, небес, вод и огня.— В последние дни это второе явление к нам гостей за долгие годы одиночества. Что привело их сюда?

— Дело, Песнопевец, о важности которого они сами наверняка не подозревают. В мир наконец явился человек, способный собрать три ключа воды.

— Кто он? — спросил тот, кого дракон назвал Песнопевцем.— Верно ли, что это король Аквилонии, Конан Киммериец?

— Да,— был ответ.

Сотти вдруг понял, что именно сейчас время поведать о своем приключении в лабиринте.

— Месьор.— Аргосец шагнул вперед и поклонился мужчине.— Ведома ли тебе земля, зеленый остров в океане, где есть видная издалика белая башня?

Тот взглянул на Сотти, и в глазах его были великие изумление и радость.

— Где видел ты такую землю и откуда знаешь о ней?

Нимало не смущаясь тем, что время не дает им возможности говорить о постороннем, Сотти начал рассказ, и чем внимательнее слушал его сей необыкновенный муж, тем больше аргосец убеждался, что поступил верно.

Когда он закончил, Песнопевец подошел к Сотти и положил ему на плечо руку.

— Ты поведал мне многое, чужестранец. Много и дорогое из давних дней. Я расскажу тебе об Одиноком острове с зелеными деревьями и о бе-

лой башне. Но прежде ответь мне, не взял ли ты с собою тот свиток, что нашел в чертогах Габилгатола?

— Он у Евсевия. — Сотти указал на аквилонца. — Евсевий, месьор хочет осведомиться о свитке, что я передал тебе, выйдя из-за зеркала...

— Вот он. — Евсевий, казалось, уже ждал, когда к нему обратятся. — Да будет мне позволено заметить, я начал чтение, основываясь на скромных моих познаниях в языках древнейших народов материка: атлантов, стигийцев, гиперборейцев и киммерийцев. Но смысл многих понятий, а особенно имен ускользает от меня, ибо касается событий, весьма далеко отстоящих во времени от сего дня. Однако, мнится, что этот свиток значителен чрезвычайно. Прошу тебя, изъясни нам его суть, если возможно.

Евсевий протянул Песнопевцу тугой желтоватый свиток.

Песнопевец развернул его и прочел первые несколько десятков строк, потом медленно свернул и отдал назад Евсевию. Глаза его сияли звездным нездешним огнем.

— Вот то самое, что ищет ваш король, и вы немало порадуете его, когда откроете ему обретенное. Ибо не договор меж самыми могущественными королями решает судьбы мира, который следует своими путями, и по сравнению с ними судьбы детей Единого лишь тропы муравьев перед мощной дорогой. Но если мир стоит на перекрестке, владеющий тайнами бытия в силах тем или иным способом изменить предназначенное. В этом свитке

описаны тайны морских ветров и то, как можно повелевать ими, не допуская принуждения, ибо Океан лишь видится великим собранием соленых вод и ничем более. Так и есть, если пытаться судить о нем по одной капле. Но совокупно являют они, то есть капли, целостность, коя разумна, и разум сей иной раз превышает человеческого. Дерзания и творения моего народа были велики, и знания, хранимые в свитке этом, преумножались и возросли таково, что сделались сравнимы по степени углубления в естество с теми, что таит в себе Океан. Само обладание таким свитком, тем самым, дает великие силы его владельцу. Если же постигнет он хоть малую толику этих знаний, господство его и мощь приумножатся.

— Должно ли думать нам, что ныне можем, как всецельные боги, править стихиями морскими и не взирая на потуги иных тварей? — спросил Озимандия.

— Нет, не должно, ибо можете не править, но познать, из всего извлекая пользу, — отвечал прекрасный их собеседник. — Тех же, кто преисполнится гордыни и станет повелевать, ждет падение и утрата всего, чем владел, так как Океан древнее и не терпит власти над собою. Он способен карать нещадно в буйстве своем, и атланты — вящий пример тому. Но можете упредить разгул стихий, подобно тому как выкапываете ров с водой, и огонь не переходит его при пожаре, или же готовите почву, благодатную для всходов.

— Единствен ли список? И почему сам не воспользуешься им, ибо вижу, что велик ты и духом

благороден? — Озимандия испытующе взглянул на Песнопевца.

— Великие дни моего народа в прошлом, и я лишь один из немногих оставшихся в кругах мира хранить память о нем, не уставший еще от пребывания здесь. Не мне принадлежит будущее, и сумрачным видится мне оно, но вам править в нем. Список же не единствен, ибо есть еще два, и три в единстве своем являют ключ к пониманию вод земных. Есть же еще подобные списки о тайнах земли, воздуха и огня. Но являются списки эти лишь избранным и могучим. Коли так случилось и способны вы не только владеть, но и разумеете суть письмен, здесь заключенных, то полагаю, не употребите во зло силу, врученную и вверившуюся вам.

— Где же найти недостающие два? — осведомился Евсевий. — И не исполнишь ли просьбу благородного градоначальника Сотти из Мерано, ибо считаю, что многое откроется и мне в рассказе твоём для понимания тайн свитка.

— Из прочих двух ведаю лишь об одном: на полночь от наших Островов лежит остров Стекланной Башни, обитель могущественных духов, из коих многие некогда служили древнейшему врагу. Там и покоится второй свиток. О третьем же не знаю. Что ж, пока отдыхает дракон, войдем в дом, — он указал на деревянный дворец, — и я поведаю вам хотя бы немного о том, что ныне предано забвению.

И они вошли за ним в светлые покои, пахнувшие свежим деревом, несмотря на великую древ-

ность, и много удивительных вещей слышали от того, кто звался Песнопевцем.

* * *

Меж тем Майлдаф рассказывал Хорсе и кхитайцу свою историю, Конти и Полагмар помогали ему, а Меццо присел рядом на камень и слушал. Бейдиганд Справедливый вел беседу с драконом, мирно прилегшим на лугу, сложив крылья.

Горец, принц аргосский и гандерландский барон поведали о священной реке, о том, как наблюдали abordаж «Полночной звезды», как пробирались через пушу, об озере с изваяниями богов, о красных скалах, волках, ручье, дионтах и пиктах, пещерах гномов и подземной реке. После же Тэн И и Касталиус рассказали всем, как продолжилась история с купцом Седеком, как пикты не смогли захватить корабль, как они обошлись с Табарешем и чем это все обернулось. Рассказывал главным образом кхитаец. Хорса был странно, несвойственно для себя рассеян и лишь иногда добавлял что-то, уточняя подробности. Майлдаф объяснил это по-своему, и когда Тэн И закончил повествование об их морских странствиях чудесным приходом в Гленлан и встречей с Песнопевцем, он приступил к самой, на его взгляд, трудной части своей миссии на Островах.

— Хорса, теперь я должен сказать тебе о главном, — торжественно-траурно изрек горец. — Графиня Этайн похищена. Но едва мы найдем короля, — поспешил заверить друга Бриан, — мы поспешим за ней. Этот добрый месьор, Меццо из Мерано, знает, где она.

Ответ Хорсы ошарашил Майлдафа. Он знал, что самообладание гандера превосходит все мыслимые границы, но не настолько же!

— Он тоже из Мерано? — спросил Хорса. — Говоришь, Этайн похитили? Кто?

— Не знаю, кто платил за это, — горячо заговорил Майлдаф, — но орудовал жрец Золотого Павлина...

— Знаю, — кивнул Хорса. — Они непревзойденные негодяи. Этайн здорова? — обратился он к Меццо участливо — всего лишь участливо!

— О да, госпожа не пострадала от насилия и каких-либо иных недугов, — церемонно проговорил Меццо, оценивающе глядя на Хорсу.

— Хорса, да очнись же ты! — вспыхнул Бриан. — Ты говоришь так, будто речь идет о твоём дядушке Хенгисте или, ещё пуще, о короле Приграничья. Ведь это же Этайн пропала! Твоя Этайн!

Майлдаф ударил кулачищем по камню, на котором сидел, и, почувствовав боль, немного успокоился.

Тэн И, видя, как усердствует горец, не сказал ничего, только смотрел грустно. Он-то уже знал, в чем дело.

— Я знаю, что кажусь тебе странным, — спокойно ответил гандер. — Мне очень больно оттого, что Этайн попала в руки этим негодьям. Я полечу с вами спасать ее и никуда не исчезну, пока она не будет в безопасности. Что же до будущего...

Хорса ненадолго умолк и посмотрел печально на Майлдафа, Меццо, Тэн И, барона Полагмара и принца Конти.

— Я остаюсь здесь, — тихо, но твердо изрек гандер. — Если говорить об Этайн, то я, наверно, ещё люблю ее. Может быть, когда я увижу ее вновь, я передумаю, но вряд ли стоит рассчитывать на такое. Случилось нечто непредвиденное, чего я и сам пока не могу объяснить...

Хорса действительно не знал толком, что с ним произошло. С тех пор как он ступил на причал Гленлана, время словно приостановило свой бег. Он гулял по холмам Зеленого острова, говорил с Песнопевцем, слушал голоса прошлого и запахи майских садов и леса, внимал дивному языку тех, кто населял этот маленький городок.

Все, что произошло в его жизни раньше, казалось далеким, неправильным, нереальным, подернутым пеленой, словно он видел старинное пыльное зеркало, отражающее не то, что вокруг, но какую-то покинутую комнату со старомодной обстановкой, куда время от времени являются силуэты и тени тех, кого он знал, и говорят о каких-то милых нелепицах.

Здесь же, на Зеленом острове, все было настоящим, неискаженным, таким, как тому и следовало быть. Истинным был свет солнца, правдиво зелены трава и деревья, а небо было таким свежим и голубым, что Хорса не раз вспоминал слова Бейдиганда о том, что самый прозрачный и невесомый день на лугах Темры не сравнится бы с самой мрачной здешней ночью. А Песнопевец говорил об иных, ушедших землях, о давних годах, о жестоких битвах и великих деяниях. И в этом закатном блеске уходящего времени Хорса вдруг

обрел для себя новый огонь и свет, каких не знал даже в объятиях Этайн.

Этайн... Тайнственным птичьим словом прозвучало это имя в белых яблоневых садах. Он пробовал представить ее здесь, рядом с собой, гуляющей с ним по холмам и лесам, в садах и на косе у древнего маяка, в светлом Каминном Чертоге деревянного дворца, у врат храма, построенного на склоне, откуда открывался весь Гленллан, бухта и простор лазурного моря. У него не получалось! Он с тревогой осознал, что пока любит ее, но не так, как прежде. Океан, время и тоска по минувшему вставали меж ними. Он помнил все, но память эта не воспламеняла, а только лишь согревала.

А пять... Да, кажется, пять дней назад. Утро началось с боли. Болело в груди, но не так, как болят раны. Все тело словно тянулось куда-то, тяготясь ожиданием и предчувствием. Воздух был необычайно ясен даже для Гленллана, а с океана летел сильный, прохладный и беспричинно радостный ветер, срывая с яблонь белые лепестки.

В этот день Хорса вместе с Песнопевцем и Тэн И направились к храму, куда собирались и многие другие жители городка. Предстояло какое-то маленькое торжество или просто встречали некую дату — Песнопевец и не пробовал объяснять; для понимания нужно было знать всю историю его народа.

Хорса посвящал свои дни — их и прошло-то здесь немного — прогулкам и разговорам с Бейдигандом и Песнопевцем и почти не знаком был с другими горожанами, посему с присущим ему вниманием

рассматривал пришедших в этот час к храму. Здесь были люди разного возраста, старцы и дети, юноши и зрелые мужи, женщины и молодые девушки. Всех их отличало благородство лиц и ясность глаз, опрятность в одежде и спокойное достоинство, являющее себя даже в детских играх.

Торжество началось колокольным звоном. И в этот миг, взглянув на стоящих на противоположном конце небольшой площадки перед воротами храма, Хорса встретил тот единственный, незабываемый взгляд, который краток, как молния, жесток и сух, как щелчок тетивы арбалета, и синь, как небо. Взгляд голубых глаз из-под шапки светло-рыжих вьющихся волос, разом остановивший и заглушивший все вокруг, кроме одинокого стука сердца. Все пропало: краски, линии, люди, здание...

Не было ни оторопи, ни печали. И она исчезла, заслоненная другими, но стало ясно, что этот взгляд был из тех, не пойти за коим значило бы пропустить между пальцев целую жизнь. Пропустить такой взгляд значило отдать жизнь чему угодно: подвигам, скитаниям, книгам, песням, стихам и просто суете, но при этом закрыть, остановить сердце, потушить его навеки, притом собственной рукой, и вечно хранить потом боль от ожога.

Хорса снова чувствовал себя так, будто ему было шестнадцать или семнадцать. Как зачарованный бродил он весь день по яблоневым садам, росшим в теплой, со всех сторон закрытой от ветра ложбине позади Башенного холма — того, на

склоне коего разместились часовня. Бродил в надежде встретить ее. Откуда ему было знать, что мудрый Тэн И уже понял, что происходит, и там, у храма, заметил, куда смотрит Хорса, и успел поймать этот самый единственный взгляд. Кхитаец промолчал. Он знал, что случится следом, и знал, что этому не помешать.

Хорса же бродил садами в неизъяснимой надежде и пел о давних днях великого вождя Виттигиса, Черном Змее гандеров и прекрасной деве, жене вождя. И — о чудо! — он увидел ее шедшей вниз по склону, туда, где на дне лощины был тихий задумчивый пруд.

Она была облачена в нежно-зеленую с серебром мантию, и рыжие локоны ее едва трогал, играя, легкий ветер. Хорса молча смотрел на нее, но испугался, что она уйдет, и, не зная ее имени, позвал: «Видумави!» — что значило на языке гандеров «лесная дева».

Девушка заметила его и улыбнулась.

— Кто ты? И почему я не видела тебя раньше? — спросила она на языке атлантов, а Хорса выучил этот язык, будучи во Фрогхамоке, и смог ответить.

— Я Хорса, из народа гандеров, друг Конана, короля Аквилонии, и граф. Лишь несколько дней назад прибыл я с материка на карре Бейдиганда Справедливого.

И тут он понял, что все его титулы, подвиги и заслуги ничего не значат перед ее достоинством и красотой. Но она лишь весело рассмеялась и молвила:

— Что ж, уже давно никто не являлся к нам из земель Восхода. Мой народ живет все больше памятью о давних днях. Тем интереснее будет наша беседа. Ты ведь расскажешь мне о своей стране? А я поведаю тебе о прошлом.

Хорса невольно подивился ее словам: она, казалась, едва ли не младше его, но она посмотрела ему в глаза и сказала:

— Не удивляйся! Разве тебе не говорили, что время на Островах течет иначе?

И Хорса смутился, ибо увидел в этих глазах свет и мудрость многих дней...

Он без утайки рассказал бы Бриану обо всем, но тут на шестигранной башенке храма ударил гонг, а смотритель причала возвестил:

— Лодка Алейра в заливе! А с ним некий могучий муж!

Взоры всех обратились на залив.

Черная карра под парусом легко и быстро бежала к причалу, разрезая медленные воды. В ней сидели двое: рыжеволосый высокий и стройный муж, ликом подобный Песнопевцу, и второй, на руле: огромного роста, черноволосый, с резкими чертами мужественного, словно из гранита высеченного лица.

— Король! Да здравствует король Конан! — закричали разом пять человек.

Человек на руле привстал, заслонился ладонью от солнца и посмотрел пристально на берег.

— А вы-то все что здесь делаете? — грянул могучий хриплый бас. — Не на кого королевство оставить! Одному только Публию и можно доверять!

Алейр и Конан спустили парус и ловко подвели карру к пристани. Король Аквилонии сошел на берег Зеленого острова.

Тут же из дворца, привлеченные криками, бежали Озимандия, Сотти и Евсевий. Следом быстрым шагом вышел Песнопевец.

Всем подряд, не исключая Сотти и Конти, пришлось попробовать на себе крепость дружеских объятий короля. После Конан подошел к черному дракону.

— Здравствуй, друг,— молвил король.— Я не чаял встретить тебя здесь, а потому вдвойне благодарен за помощь.

— Почему не позвал ты меня в трудный час? Или решил, что я не помощник тебе в обуздании такого скакуна, как Закатный океан?

— Прости,— отвечал Конан.— Твой перстень всегда со мной, но поначалу мой замысел виделся мне лишь мелкой людской затеей, не стоящей твоего внимания. Только ныне открылось мне, сколь великие силы пришлось и придется еще пробудить, дабы воплощение замысла моего — а ныне, как я вижу, и замысла высших сил — не стало бесплодной и пустой победой.

От удивления Евсевий открыл рот: таким он короля еще не видел, и, что важнее всего, не слышал. Эта перемена не ускользнула, конечно, и от взгляда дракона.

— Должно быть, беседы с Алейром изменили нечто в тебе,— изрек змей, и в голосе его неожиданно появилась добрая усмешка.— Не будем виниться друг перед другом. Силы, в дела коих мы

вмешались, и вправду слишком велики, чтобы посвящать словоблудию драгоценное время. Знай же, что твои люди не теряли его даром. Они прошли подземной рекой, что насквозь пронизывает древние горы, находящиеся в сердце страны пиктов, и добыли там один из ключей к тайнам Океана.

Конан не переменялся в лице, но известие это явно заставило короля принять некое решение.

— Как выглядит этот ключ? — спросил он.

— Это свиток с древними письменами.— Песнопевец выступил вперед.— Один из трех. Я рассказал достойному Евсевию и Озимандии о его значении и свойствах. Уже с ним одним ты сможешь осуществить свой замысел. Но тебе следует торопиться.

— Я знаю, Песнопевец,— ответил Конан.— И знаю немного о тебе, ибо Алейр рассказал мне. Но ты ошибаешься, говоря, что свиток у нас один. Вот второй ключ.

С этими словами король вытащил из-за пазухи черный кувшин. Печать на сосуде была вскрыта, и Конан вынул из него туго свернутый пергамент.

— Это я нашел, когда разрубил пополам тело гигантского крагена, посаженного словно пса охранять эту тайну до возвращения Врага,— молвил он, отдавая свиток Песнопевцу.

— Не будь на меня в обиде, Алейр,— обратился киммериец к своему спутнику.— Я не забыл твои слова о тайне, ты же пребывал в горести о погибшем Ойсине и не вспомнил о ней. Не сознавая полностью значения свитка, я думал оставить его

у себя, а потом показать Озимандии, ибо считал, что пергамент этот может оказаться мне полезен. Волей Крома — или Митры — так и вышло. Но вижу теперь, что здесь действительно собрались те, кто ведаёт больше меня. Свиток отныне ваш.

— Нет, свиток — твой, — ответил Алейр. — Не стоит оправдываться: мы вместе победили крагена, а ключ нашёл ты. Я помнил о нём, но посчитал, что на Касситеридах его нет. Он явился тебе, и, значит, тебе суждено распорядиться им.

— Мы — дракон, Алейр и я — уже говорили не раз, что наше время давно миновало, и долг наш — дожидаться достойного, кто мог бы владеть ключами по праву чести и дел, им свершенных, — продолжил Песнопевец, осмотрев свиток и возвращая его Конану. — Твой черед настал. Тебе и твоим доблестным воинам дорога на Острова отныне открыта, и мы ещё сможем встретиться, если пожелаешь, и знаю, что так будет. Но теперь ты должен спешить. Готов ли ты? — обратился он на сей раз к дракону.

— Да, — изрек змей, расправляя крылья. — Путь до Аргоса не близок, и лишь к ночи увидим мы берег материка. Садитесь же в корзину, ибо все готово.

— Вот это да! — не сдержал восхищения король. — Представляю себе физиономии Фердруго и Мило, когда я явлюсь к ним на летающем драконе!

— Это будет потеха! — поддержал Конана Майлдаф. — Но прежде мы хотели вызволить из плена графиню Этайн...

— Как, Этайн похитили?! — Король говорил громко, но все почувствовали мигом закипевшую

в нём ярость. — Бьюсь об заклад, что здесь поработал Асгалун! Это так?

— Увы! — проскрипел Озимандия. — Они купили жреца Золотого Павлина, и тот исполнил поручение. Но они просчитались: кто же знал, что твой корабль не придет в Мессантию вовремя, а если и вовремя, то без тебя? Этот молодой ученый, — маг указал на хранившего молчание Меццо, — случайно оказался в доме, куда заточили графиню, и проделал путь от Восточного Аргоса до Тарантии лишь для того, чтобы принести весть от женщины, которую он даже не лицезрел, а только слышал. На счастье именно в этот день вернулись и Евсевий с Майлдафом.

— Мы прежде летим за Этайн, — твердо сказал Конан. — Фердруго и Мило потерпят, они еще не такие старые, чтобы спешить к их одру за завещанием. И Океан подождет, у него в запасе по меньшей мере вечность. А сабатеянину, если поймаю, я оциплю его золотые перья! Мы отправляемся!

Прощание было кратким, ибо все были готовы к пути и надеялись еще возвратиться сюда. Многие вещи Хорсы, Тэн И и Касталиуса мигом погрузили в корзину. Дракон взмахнул крылами, тяжелой трусцой разбежался по лугу и оторвался от земли. Описав круг, он подхватил когтями корзину и взмыл с нею высоко в прозрачный воздух.

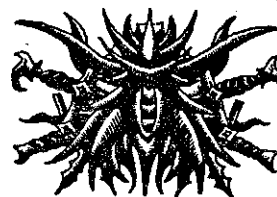
Стоявшие внизу Песнопевец, Алейр, Бейдиган и другие жители Гленлана провожали их, кто молча, кто напутственными криками. Летящие в корзине отвечали им, и лишь Хорса оставался без-

молвен. Тэн И заметил, как гандер смотрит туда, где мелькнул зеленый плащ и светло-рыжие прекрасные волосы. И увидел провожающий их быстрый взгляд удивительных голубых глаз.

Глава четырнадцатая

еленый остров скрылся из вида, и вновь океан один катил свои волны, и им казалось, что волны идут к закату. Бейдиганд Справедливый, Ллейр, Песнопевец — их мудрое спокойствие осталось позади, но теперь с ними опять был Конан и его меч. Король и вправду переменялся — но лишь на Зеленом острове. Едва дракон миновал некий предел, как киммериец стал прежним Конаном, активным и деятельным. Он принялся подробно расспрашивать Меццо о том, как устроен дом, где он находится, сколько человек в охране и кто именно, много ли слуг и далеко ли другие дома.

Меццо отвечал довольно толково, хотя и не был никогда ни воином, ни охранником, ни согладатем. Наблюдательность и память позволили ему донести до короля большинство необходимых ему подробностей.

— Нас, разумеется, маловато, — подвел итог Конан, — но, думаю, справимся. Если еще и дракон поможет...

— Я помогу,— отозвался змей.— Людская злоба и гордыня велики, и даже в маленьком загородном доме такие негодяи могут содержать целый отряд хорошо вооруженных наемников. Я не умаляю доблести ваших мечей, но нам нужно не только победить, но и выжить, притом всем. Мнится мне, что ваша честь не будет запятнана, если я окажу вам содействие.

— Не будет,— уверил дракона Майлдаф.

Ночью дракон вновь делал передышку на вершинах скал посреди пуши. Было прохладно, хотя вечные снега не тронули этих высот. Темная земля девственных лесов и диких болот мирно лежала внизу.

— Впервые я вижу пушу отсюда,— задумчиво сказал король стоявшему рядом Евсевию.— Может статься, и в последний. Мне кажется, что как ни велик Океан, да не прогневаю я Крома и Митру такими словами, страна пиктов не меньше, чем Океан, и никакие древние мудрецы не в силах найти ключи от нее. Не здесь ли таится водоворот, кой поглотит когда-нибудь Хайборию?

— Не думаю,— ответил Евсевий.— Пикты не молоды, напротив, они стары. Этот народ некогда был могуч, ныне же они отгородились от мира кромкой лесов, а все их тайны — это лишь тени прошлого, мы немало повидали их в покинутых городах и развалинах. Только народ Островов из всех сущих сохранил ясность памяти о прошлом, чему я вижу некоторые причины. Если же говорить о тех, за кем будущее, то скорее всего за Гирканией, но случится это очень не скоро.

— Может, ты и прав,— отозвался Конан.— Так или иначе, после рассказов твоих и Майлдафа я хочу взглянуть на подземный город. Но что с Хорсой? — вдруг спросил король.— Он нелюдим, но я бы не сказал, что он выглядит обескураженным или скорбным. Скорее, он растерян. Когда бы похитили мою жену, если я когда-нибудь женюсь...— Киммериец многозначительно посмотрел куда-то в пространство и сжал внушительный кулак.

— Не знаю, что и ответить,— развел руками аквилонец.— Спроси у месьора Тэн И, он проницательнее любого из нас.

— Ладно,— махнул рукой король.— Завтрашний день покажет все. Песнопевец сказал верно: «Каждому — по делам, им свершенным».

Дракон отдохнул, и снова черный и чистый воздух засвистал за бортом корзины.

* * *

Утренний свет — даже не свет еще, но провозвестник света — появился над восточным горизонтом, когда под ними широкой лентой блеснул Хоррот.

С заоблачных высот дракон падал на виноградники Восточного Аргоса.

— Где? — обратился Конан к Меццо. Подобно Хорсе, аргосец весь путь промолчал, переживая что-то свое.

— Вот селение,— указал вниз Меццо.— То самое, что обнесено невысокой стеной. От него идет дорога, та, что на полночь и восход. Она проходит еще две деревни, а потом по правую руку от-

ходит дорога поменьше. Она и ведет к той самой усадьбе.

— Ты понял? — спросил король у дракона.

— Мы будем там через два фарсинта.

* * *

Дом находился на склоне пологого холма. С одной стороны его огибал мелкий коричневый ручей, куда выходили высокие стены. Парадный вход был с другой стороны — этакий изящный портик с колоннами и фронтоном. За ним располагался сам дом — каменный квадрат, окружающий сад с бассейном. Постройки шли ступенчато, вслед за склоном, так что снизу, наверно, усадьба смотрелась внушительно.

— Ты посмотри! — воскликнул Евсевий. — Даже маленький храм Митры! Тут же грешат, тут же и каются, благо не надо далеко ходить!

— Митра да покарает нечестивцев! — простер грозно длань Касталиус.

— А мы послужим орудием кары, — усмехнулся Конан. В руках его был меч.

— Евсевий, Майлдаф! Готовьте луки! Покои графини у ручья? Тогда садись на крышу прямо там. Здесь живут богачи, и строят тут прочно. На века, — добавил король, и недобрая усмешка тронула его губы.

Дракон опустился на крышу здания. Должно быть, в этот глухой предрассветный час здесь, среди тишины виноградников, охрана никак не ожидала встретить дракона, да еще с корзиной, полной вооруженных до зубов воинов, поэтому

сочла змея за мираж. То есть они не приняли, разумеется, дракона за призрак, но и силу его явно недооценили.

Сразу проникнуть внутрь здания не удалось. Пятнадцать или двадцать охранников — никто их, конечно же, не считал — появились на крыше, должно быть, играли в кости до утра в одной из комнат, имевших такой же выход на крышу, как и комната графини, только с лестницей. Это все были дюжие молодцы из самых разных уголков хайборийского мира. Это было сделано нарочно, чтобы наемники чувствовали себя в Аргосе одиноко и были привязаны к дому, как псы к своей псарне. Стоили эти ребята немалых денег, но и драться умели получше многих. Впрочем, за исключением Меццо, Касталиуса и Озимандии, дракон принес воинов по меньшей мере равных охранникам, кроме того, почти все они имели недавний опыт настоящих битв.

Трое упали сразу, сраженные стрелами Евсевия, Майлдафа и Тэн И, но прочие осыпали нападавших ответным дождем стрел, из коих больше половины угодили в дракона.

Предутренняя тишина загородного имения была безнадежно разрушена. Конан, Майлдаф, Тэн И, Полагмар устремились по крыше направо. Хорса, Сотти, Конти и Меццо — налево, туда, где по предположениям Меццо должен был быть интересующий их люк или дверь. Дракон остался вместе с Озимандией и Касталиусом. Когда крыша оказалась расчищена — для семерых хайборийцев и кхитайца справиться с таким же или чуть большим

числом охранников не составило труда,— все спустились во двор.

Конечно, нельзя было надеяться, что охрана усадьбы поручена только этим пятнадцати или двадцати, но, как видно, оставшихся было не больше, к тому же они все спали, поэтому расправиться с полусонными не составило труда. Существенное сопротивление было оказано только у ворот, где пятеро дрались отчаянно, хоть и были умело отделены нападавшими друг от друга.

Особенно нелегко было сладить с одним, высоченным и крепким, в ярких красно-золотых одеждах и в островерхом шлеме с позолоченной устрещающей маской в виде чудища — полульва-полусобаки. Этот громила отбросил щитом в сторону месьора Сотти, так что тот свалился в бассейн, потом заставил отступить на недостижимое для меча расстояние принца Конти, успешно отбивая от барона Полагмара, и только помощь Майлдафа заставила великана капитулировать. Горец снес ему с головы шлем вместе с маской и уже изговаривался раскроить череп, как Меццо закричал:

— Стойте, это слуга графини! Не сопротивляйтесь, они пришли вызволить Этайн! — Это относилось уже к охраннику.

И действительно, огромный чернокожий атлет узнал юношу. Не убоявшись, что Майлдаф не послушается аргосца и завершит-таки схватку смертельным ударом, гигант бросил меч и застыл в выжидательной позе.

Тем временем двор был очищен от врагов. Сопротивляющихся больше не было. Застигнутые

врасплох слуги и танцовщицы сидели, дрожа, по своим углам.

— Где Этайн и где твои хозяева? — грозно спросил Конан.

— Месьор король,— вмешался Меццо.— Он не может вам ответить. Он немой. У него вырван язык. Лучше попросите его, он сам ответит.

В знак согласия чернокожий кивнул головой.

— И еще,— добавил Конан.— Нет видел ли ты здесь человека, у которого есть какой-нибудь знак в виде золотого павлина?

Страж опять кивнул.

— Тогда веди. Сначала к Этайн,— приказал Конан.

И тут дом вспыхнул, будто был деревянный. Огонь объел стены мгновенно, по всему периметру. Что-то оглушительно грохнуло, и часть одной из стен осела и рухнула, будто при оползне.

Тэн И выкрикнул какое-то слово на кхитайском, но его никто не понял. Во двор повалили толпой люди: слуги, девицы, управляющие, надсмотрщики — словом, все многочисленное население дома.

— Где Этайн! Быстро! — не растерялся Конан, накинувшись на слугу.

— Полагаю, там же, где и сабатеянин,— рассудительно молвил Евсевий.— Шемит не мог уйти, видя, что его ритуальная жертва может ускользнуть.

— А где Хорса? — немного оторопело, что не было ему присуще, спросил Тэн И.

Действительно, гандера как ветром сдуло. Дракон меж тем, опасаясь, что пламя опалит его кры-

ля, подхватил корзину вместе с пожилыми участниками похода и отнес ее подальше на виноградники, оттуда, невысоко поднявшись над землей и вытянув шею, он и наблюдал за ходом событий.

— Вот он! — вдруг выкрикнул Майлдаф, указывая вверх. И вправду, Хорсе, очевидно, пришло в голову то же, что и Евсевию, но гандер больше привык действовать практически и незамедлительно. На стене, где уже, наверно, трудно было дышать от чада и жара, бились на мечах двое. Один из них был Хорса. Другой — альбинос, гибкий, как червь, в черном одеянии, с длинным черным мечом. На руке его отчетливо был виден в отблесках пламени золотой браслет.

— Это он, похититель! — выдохнул Меццо. — Она говорила...

Меццо, не досказав до конца, бросился туда, где была лестница, ведущая на крышу. Оставшиеся уже думали присоединиться к ним, но тут во двор вырвалась группа вооруженных мужчин, которые мечами стали расчищать себе дорогу к воротам.

Чернокожий тронул Евсевию за плечо — вероятно, он почему-то признал аквилонца за самого сочувствующего здесь ему человека.

— Это твой хозяева? — понял Евсевий.

Раб закивал.

— Ага! — чуть ли не обрадовался Конан. — Хотя какая-то польза от сабатеянина! Тэн И, помоги Хорсе и этому, аргосцу! Сейчас я ими займусь!

Не было сомнений, что дом поджег жрец Золотого Павлина. Только ему это было выгодно, и

только он способен был втайне подготовить и привести в исполнение столь кровавый план.

Хозяев легко можно было отличить по их самоуверенному виду, несмотря на переполох и естественный страх, присущее всякому, чей дом горит. Их было семеро: трое, несомненно шемиты, среди коих двое были людьми уже пожилыми, но крепкими, толстый зингарец лет сорока, двое аргосцев и стигиец, тоже весьма пожилой. Сопровождали заправил десятеро чернокожих воинов.

— Хотя бы одного надо оставить, лучше стариков, они больше цепляются за жизнь! — приказал Конан и ринулся с мечом на противника.

Охрана, выстроившись мгновенно клином, встретила его своими мечами и стеной щитов, но остановить киммерийца таким приемом, тем паче если он был не один, было очень трудно. Конан одним ударом выбил меч у стоявшего первым и ударом ноги в щит просто вмял его внутрь строя. Подоспевшие Полагмар, Сотти и Майлдаф не дали двум стоящим следом напасть на короля сразу с двух сторон, а Конан, двигаясь словно таран, опрокинул обезоруженного противника, сбив тем самым с ног зингарца, и широкий меч короля засвистал, описывая великолепные дуги, круша мечи и шлемы охранников и тех, кто тщился спорить с ним в игре за Океан.

Сотти, ранив охранника в плечо, так что тот выронил меч и не смог сражаться дальше, очутился лицом к лицу с человеком — аргосцем — ростом не ниже себя, с насмешливыми темными глубоко посаженными глазами, мясистым носом, твер-

дым волевым подбородком, тонкими губами, высоким лбом и насупленными, как бы нависшими бровями.

— Орвини! — узнал он врага.

Орвини вместе с Сотти начинал карьеру при дворе. Они даже слыли друзьями, во всяком случае знакомы были с юношеских лет. Но после первых неудач Орвини оставил двор, занялся торговлей, а потом и вовсе исчез куда-то. Сотти сумел сделать себе карьеру и один, и вот они встретились.

— Сотти! Вот ты где! — хохотнул в ответ Орвини. — С каких пор ты ешь из миски аквилонского варвара? Пойдем за ворота, не то мы здесь сгорим!

Еще несколько дней назад градоначальник Мерано подумал бы над предложением Орвини, но теперь, после пещеры гномов и зеркальной пещеры, после Зеленого острова он знал: никакого сговора быть не может. Древний Враг искусно скрывал свои лики, но теперь маска была сорвана.

— Лучше быть сторожевым псом, чем стигийским змеенышем! — ответил Сотти. — А душить гадов я умею!

Их мечи скрестились. Орвини дрался отчаянно, но Сотти был сильнее. Пускай Конан и приказал оставить кого-то в живых, но как ни был беспринципен Сотти, предателей он не прощал, а пособничество Стигии безусловно должно было считаться предательством. Колющий удар, направленный под левое ребро, Орвини отразить не смог; не защитил и доспех, пропоротый клинком, вы-

кованным на Островах. Древняя сталь оказалась прочнее стигийской чешуи.

Конан в то же время проткнул мечом упавшего охранника и обрушился на других наемников. Они, конечно, не были повинны в грехах своих хозяев, но плату свою отрабатывали старательно, за что и гибли под мечом короля Аквилонии.

Схватка вышла короткой, но яростной. Устрашенная челядь открыла ворота и разбежалась. Во дворе, в жгучем кольце горящих стен, остались только тела убитых, победители и пленники. Полагмар и Сотти крепко держали под руки старого шемита, а Майлдаф сидел верхом на стигийце, заломив ему руки и связывая их поясом лежащего ничком противника, ровно так же, как были нарисованы связанные рабы на стигийских фресках.

А на стене, чуть не в пламени, Хорса бился с Золотым Павлином. Соперник был страшен. Подоспевший на помощь Меццо был ранен молниеносным, словно укус скорпиона, броском узкого клинка, похожего на гирканскую саблю, но более широкого и тяжелого. Схватившись за кисть правой руки, Меццо выронил клинок и вынужден был отступить. Шемит — или кто он был, этот погруженный в себя, отрешенный и свободный от всего земного, в том числе от любви и от совести, человек с бледным узким ликом и холодными черными глазами, — сражался как демон, но Хорса не отступал. Он видел, за что сражается. За спиной у жреца был люк без лестницы. Куда ведет этот люк, Хорсе не надо было объяснять. Но

требовалось не только разделаться с врагом, нужно было еще и успеть спасти Этайн, пока не рухнули эти стены из обожженного глиняного кирпича, бесспорно, прекрасно сохраняющие приятную прохладу, но нестойкие к огню, да и угарный чад уже терзал горло.

Однако, как ни пытался Хорса потеснить противника, это ему не удавалось. Наоборот, вскоре ему самому пришлось перейти к обороне и держаться из последних сил, чтобы не отступить и не быть раненным.

Но тут рядом неожиданно появился Тэн И, и положение резко изменилось. В руках у кхитайца оказались два клинка, коими Тэн И владел так, словно давал представление, такие сверкающие прозрачные фигуры возникали в воздухе. Сабатейнин понял, что кхитаец — соперник куда более сильный, и впервые на его лице отразилось хоть одно чувство: ненависть. И бой их был страшен.

— Прыгай в люк, — прохрипел Хорсе Тэн И. — Пока не поздно. Я справлюсь с ним.

Хорса, обойдя жреца, прыгнул в отверстие, повис, цепляясь за края, на руках, и, разжав пальцы, опустился на циновку. Этайн лежала, разметавшись, без сознания. Хорса приложил ухо к ее груди. Сердце билось, но слабо. Мгновенно оценив ситуацию, гандер схватил стул и водрузил его на столик. Потом поставил на этот стул еще один, и, убедившись, что сооружение не развалится под ним, подхватил графиню на руки и взобрался наверх. Но, даже подняв Этайн на вытянутых руках, он немного, на какой-то локоть, не доставал до

края проема. Сверху доносились треск и вой пламени, звон клинков: Павлин никак не желал уступать.

— Меццо! — крикнул гандер. — Помоги!

Послышалось шуршание, и в отверстии показалась рука. Другой Меццо действовать не мог. Крепко схватив Этайн за плечо, Меццо потянул. Хорса, продолжая удерживать графиню, перехватил ее за талию и подал вверх, надеясь, что у аргосца хватит сил вытащить. И Меццо не подвел. Потом он и сам ухватился за протянутую руку, подпрыгнул, подтянувшись, и, схватившись за края люка, выбрался наверх.

Тэн И оттеснил сабатейнина к самым перилам, над которыми уже вставали языки огня. Жрец сопротивлялся, но уже слабо. Он понял, что кхитаец одолевает. Не дожидаясь последнего смертельного удара, альбинос перекинулся через ограждение и рухнул на плиты двора.

Конан и все остальные наблюдали уже за концом этого боя. Евсей подбежал к упавшему телу, наклонился.

— Мертв! — констатировал аквилонец.

— Пускай горит здесь, — махнул рукой Конан.

В это время вниз сбежали Тэн И, Меццо и Хорса с Этайн на руках. И тут с треском рухнули ворота. Стена пламени взметнулась на их месте. Путь назад был отрезан. Дракон не мог опуститься в горящий двор. Его широкие крылья мгновенно оказались бы опалены.

— Проклятье! — рывкнул Конан. — Есть вода в бассейне?!

— Нет,— откликнулся Евсей.— Кто-то выпустил всю воду. Наверно, жрец, чтобы не потушили пожар.

— Кром, Имир и Эрлик! Мы не можем стигнуть так глупо!

И тут кто-то тронул короля за плечо. Конан обернулся. Это был немой чернокожий слуга. Он не мог ничего сказать, но явно звал куда-то.

— Ты знаешь иной выход? — догадался Конан.

Раб энергично закивал в ответ.

— Веди! — приказал король.

В ответ великан показал, что следует обернуть голову и закрыть лицо одеждой, иначе можно опалить волосы и задохнуться, а потом бросился к узкой двери. Все остальные последовали за ним.

Дверь вела в узкий коридор, уже полный дыма. У входа раб снова демонстративно глубоко вдохнул, закутался в свой красно-золотой плащ и нырнул в черный проем. Коридор вел, извиваясь, куда-то вниз. Из боковых проходов выбивались языки пламени, разрывая дым. Слуга уверенно вел их вперед. Дышать было почти нечем, люди задыхались. Со всех сторон подступал невыносимый жар, и думалось, тело сейчас вспыхнет как факел. Тяжелее всего было Хорсе, несшему Этайн, поэтому сзади за гандером следовали Майлдаф и Полагмар, чтобы подхватить обоих при надобности. Путь их не мог длиться долго — от силы локтей сорок, — но казалось, он нескончаем.

Наконец впереди блеснул утренний свет. Парадный вход был с востока, и туда же, навстречу розовому восходящему солнцу, выбирались они, по-

бедившие, но едва не павшие жертвой коварства Золотого Павлина.

Слуга, за ним Сотти, Конан, пленники, Тэн И, Конти... И тут снова грянул гром. С потолка прохода посыпались балки, и огненная стена перегородила тоннель.

Принц в отчаянии закрыл лицо руками, но прямо сквозь пламя наружу выскочил Меццо, а за ним, едва держась на ногах, бледный и смертельно уставший Хорса. Он так и не отдал Этайн Майлдафу, хотя горец и кричал гандеру в самое ухо, предлагая помощь. Майлдаф и Полагмар, уже в горячей одежде, вырвались из огня последними и бросились на траву, катаясь по ней и сбивая пламя.

Тела и грозила загореться на воздухе одежда на Этайн и на Хорсе, но гандер, словно не чувствуя боли, опустил графиню на землю, а потом содрал с себя горящую рубаху и кольчугу. Все тело его было покрыто кроваво-красными ожогами, повторяющими рисунок мелких колец. Хорса не стонал, только скрипел стиснутыми зубами, а по черным от копоти худым щекам его, промывая две чистые дорожки, сами собой текли слезы.

Не говоря ни слова, а только рыча, подобно медведю, король, выхватив что-то из-за пазухи, принялся сбивать пламя с платья Этайн. Это что-то мгновенно начало тлеть, и тело быстро. Схватившись, Конан бросил на землю какой-то сверток, затоптал его, сорвал с себя плащ из плотной ткани и обернул им графиню.

Огонь угас мгновенно. По-прежнему прекрасная, пусть и в прожженном, измазанном сажей

платье и с перепачканным лицом, Этайн лежала на траве. Она была жива и невредима.

— Сейчас, сейчас, мы здесь! — разнесся над виноградниками, перекрывая рев пламени, надтреснутый скрипучий крик. Все обернулись. К ним, расправив крылья и скользя низко над землей, приближался черный дракон. На шее у него сидел Озимандия, а за гребень цеплялся Касталиус. У обоих в руках было по огромному золотому кувшину, очевидно изъятому у разбежавшихся рабов. В кувшинах плескалась, выливаясь через край, вода.

Евсевий подхватил с земли то, чем Конан сбивал пламя с одежды Этайн.

— Да, — досадливо сказал король, увидев, чем занят Евсевий. — Я забыл футляр на Островах и просто сунул его за пазуху...

В руках ученого был свиток, добытый Конаном из нутра гигантского крагена. Точнее, то, что осталось от свитка. Древний пергамент истлел почти весь. Сохранился лишь последний его обрывок, с рваным обугленным краем. Пропустив несколько ничего не говорящих строк, Евсевий прочел последнюю:

— Единственный список творения сего хранится в храме Афаллан, на острове Семи Городов.

Глава пятнадцатая

громный дракон лежал, отдыхая, в ложбине среди черных скал высокого мыса, закрывающего от свирепых юго-западных ветров обширную акваторию мессантийской гавани. Змей много потрудился за эти дни и теперь чувствовал в своем большом крылатом теле усталость и довольство. Показался белый город, усилиями Мило превращенный из грязной, вонючей дыры в сияющую столицу. У заново укрепленных причалов покачивались сотни кораблей из всех стран Закатного океана. На почетном месте среди них была «Полночная звезда».

— Сегодня мы подпишем последний договор, — говорил Конан, поглядывая с высоких скал. Мессантия о его прибытии еще не подозревала, но от Меццо он уже знал, что Зингара и Аргос с перепугу подписали вторую часть соглашения. Стигигец — купец Кебексенуф — и старый асгалунец — сам Нирах, второй человек в гильдии «Гамилькар» после Седека — признались в своем заговоре, что

трудно было не сделать в присутствии столь грозного судилища, представленного Конаном, устрашающим изнеженных роскошью и лестью южан Майлдафом, который казался им куда большим варваром, нежели киммериец, проникательным загадочным Тэн И, величественным Озимандией и хитроумным Евсевием. Более же всего страдал сообщников величавый и непроницаемо черный, говорящий мыслями огромный крылатый змей.

Действительно, ураган, пришедший с полднего восхода, был колдовским, насланным стигийцами. Именно он отнес «Полночную звезду» к берегам страны пиктов. Именно купцы из «Гамилькара» подкупили, а более просто — сговорили дикарей, разбредив им раны, нанесенные войной с Аквилонией, напасть на корабль, где будет сам Конан. Именно там должен был присоединиться к ним купленный за огромные деньги Табареш. Именно асгалунцы заплатили сабатеям за похищение Этайн — на случай, если Конан ускользнет и от пиктов, и от пиратов, — и Адгарбал — так назвался поборник культа Золотого Павлина — блестяще выполнил поручение.

Но заговорщики недооценили боееспособность «Полночной звезды» в битве с морем, и Джоаккино, лишившись указаний хозяина, подал сигнал раньше времени. Не учли они, что боевой флот Зингары значительно прибавил в мощи, а хайборийское дворянство еще способно владеть мечами и не окончательно погрязло в безделье и пьянстве, благодаря чему abordаж был отбит. Никто и предполагать не мог, что будут вытворять на Океане

трое изгнанников и что устроит в пуще отправившийся за водой Конан со спутниками. И уж тем более никто и подумать не мог, что далекие Острова на Закатном океане окажутся не выдумкой и властно вмешаются в ход событий.

Но радость от победы не была полной. Дракон улетал. Являться на черном крылатом змее прямо в Мессантию было излишне для короля державы, считавшейся оплотом митрианской веры. Вместе с ним улетал Хорса.

Ожоги на теле гандера быстро заживали: то ли действовала мазь, которую тут же добыл из походной котомки Тэн И, то ли сказывалась благодать, которую обрел Хорса, пребывая на Зеленом острове. Все хранили молчание, стараясь не касаться такого решения гандера, даже Бриан Майлдаф. И были печальны, даже Конан. Один только Меццо, казалось, воспрял духом.

Этайн пришла в себя еще в воздухе и весь путь до этого злополучного Черного мыса была счастлива, как никогда в жизни. Хорса был предупредителен и нежен. Казалось, он переборол себя, он останется здесь. Но так только казалось. Хорса умирал. Умирал для нее и для многих, находящихся здесь. Ибо это не было секретом: Касталиус и Сотти оставались на материке лишь для того, чтобы сдать преемникам свои дела. Они уезжали на Острова, к Бейдиганду Справедливому и Песнопевцу, к Ллейру и к черному дракону, который нашел пристанище там же, к холмам и садам Гленллана и другим островам. А Хорса уходил сейчас.

Хорса не стал лгать. Он рассказал Этайн о той, кого встретил там. Он не стал ей рассказывать об аромате яблок Гленллана и о старом маяке, о часовне на холме и о Песнопевце. Он знал, что это ничего ей не объяснит. Он знал теперь, что не это было причиной. Если бы не роковой взгляд на маленькой площади у храма, он не расстался бы с Этайн сейчас.

Этайн знала, что он сделал для нее все, что мог. Она видела его страшные ожоги, она видела царапины и мелкие раны, оставленные мечом Адгарбала. Она знала, что он не лжет ей. Она не ненавидела его и не прощала. У нее просто не было на это сил. Любовь, осветившая ее жизнь на эти полтора года, билась теперь, словно потерявшееся в просторах неба облако. Вокруг была только головокругожиельная лазурная пустыня. И облако это летело в никуда и безнадежно таяло...

Дракон улета, унося в корзине Хорсу. Светлые волосы гандера еще виднелись, и коренастая сильная фигура еще была различима с земли. Он не махал рукой, не кричал ничего на прощание. Просто стоял и провожал быстро уходящий вниз и на восход берег и тех, кого он оставлял там. Некоторых — навсегда.

Этайн, красивая и застывшая, точно дивной работы статуя, тоже стояла на самом краю обрыва, провожая его, уходящего в небеса и на закат. Прощальный поцелуй полынной печатью забвения горел, не остывая, на ее губах.

Для остальных, в том числе и для Майлдафа, стоящего на шаг за ней, чтобы графиня — не по-

пусти Митра! — не сотворила чего-нибудь над собой, она улыбалась жалко и равнодушно смотрела вдаль.

Дракон превратился сначала в большую черную птицу, потом в точку, потом и вовсе пропал вдали.

— Пойдемте, моя госпожа.— Это Тэн И подошел к ней и тихо взял за руку. Она почувствовала, что один только кхитаец ведает, что происходит с ней сейчас.

— Партия за Океан сыграна,— молвил Тэн И.— Осталось войти в комнату, где лежат приготовленные дары. Серьезные игры кончены. Продолжается смешное кхитайское шествие — жизнь. Кто знает, какую маску сорвет перед вами будущее? Пойдемте, госпожа.

Опершись на руку Тэн И, Этайн пошла вниз по узкой тропинке. Океан ритмично шумел, словно утверждая преходящесть всего сущего.

* * *

Договор был подписан тем же днем. Появление Конана со свитой и признавшимися и готовыми еще неоднократно признаться во всех мыслимых и немыслимых злодеяниях и всех смертных и бессмертных грехах зачинщиков заговора стало для всех большой, но, кажется, даже приятной неожиданностью. Мило и Фердруго, проведя в вынужденном общении несколько дней, нашли друг друга весьма достойными и благородными людьми и даже решили как-нибудь вместе поохотиться и поплавать по морю, благо рассказ монарха из Кордавы о свирепой буре привел Мило в неописуемый

восторг: аргосцу тоже возмечталось побороться со стихией и совершить тем самым какой-нибудь подвиг.

Порешили дружить, помогать друг другу, пресекать поползновения кушитов и ванахеймцев, повнимательнее следить за шемитами, а стигийцев и Барахас и вовсе объявили лютыми врагами и торжественно поклялись прищемить им хвост и сослать всенепременно на галеры. Аквилонии дозволялось строить корабли, содержать их за соответствующую мзду в портах Аргоса и Зингары, нанимать беспрепятственно моряков и торговать всюду, где душе будет угодно, платя при этом льготные пошлины. Все понимали, что до достижения описанного единства пока было очень далеко, но и разорвать договор было трудно — так уж хитро его состряпали — да никто и не собирался этого делать.

Мило чрезвычайно обрадовался возвращению целым и невредимым обожаемого младшего сына, прослезился даже. На радостях пообещал женить Конти на полюбившейся ему деве, о благополучии коей тут же поведал ему Сотти. Градоначальника Мерано король собрался было вернуть к мессантийскому двору, но градоначальник был непреклонен в своем намерении сложить дела, чем весьма огорчил Мило. Впрочем, Сотти немедленно порекомендовал на сей важный пост своего приятеля Вьялли, и король всерьез занялся рассмотрением данной кандидатуры.

Погибшим смертью храбрых Арриго, братьям Родригесам и другим членам экипажа «Полноч-

ной звезды» зингарцы воздали почести, Норонье было вынесено порицание за небрежение (но с должности его не сняли, учитывая значительность прежних заслуг перед двором), а вернувшегося вместе с послами Аргоса, ездившими в Тарантию и державшими там совет, Мегисту вручили регалию и отсыпали тысячу пятьсот сорок шесть монет золотом — так посчитало казначейство.

На тысячу монет Мегисту присмотрел себе недурной корабль, товар и нанял экипаж, а на триста монет устроил на борту «Полночной звезды» пышное празднество. Участвовали, кроме Хорсы и безвременно павших, все, кто отплывал на борту нефа из Кордавы.

Преступников, изловленных Конаном и Запапой, заключили в крепость для дальнейшего дознания, а следствию поручили проверить деятельность гильдии «Гамилькар» в портах Аргоса и Зингары.

Что касается короля Аквилонии, то авторитет его на Океане сделался непререкаем, и киммериец стал более популярен в Мессантии, чем даже Мило или принц Конти. Слухи о черном драконе все же каким-то образом распространились по городу, и вскоре на улицах можно было видеть, как перекрашиваются вывески на тавернах и художники малюют там страшного черного змея с крылами, хвост коего закручивается в надпись: «Черный дракон».

Барон Полагмар был весьма горд собой и приглашен чаще бывать в Тарантии и Фрогхамоке.

* * *

Прошло семь дней. Торжества кончились, и государственные заботы призывали к себе. Конан со свитой собирался сегодня покинуть Мессантию и отплыть вверх по Хороту домой. С аквилонцами уезжал и Меццо. Кажется, ему удалось немного скрасить эти дни для графини Этайн.

Конан, Тэн И, Евсевий, Майлдаф и Гонзало стояли на корме «Полночной звезды», встречая рассвет.

— Итак, игра доведена до конца,— говорил Тэн И.— Я не берусь утверждать, государь, ибо не являюсь мастером ее, но на моей памяти нет ни такой стратегии, ни многих комбинаций, что были проделаны в эти дни. Ключи от Океана были нашим выигрышем, и мы их добыли.

— Сомневаюсь,— отвечал Гонзало. Ему было рассказано обо всех невероятных приключениях, и старый морской волк и бывший пират нисколько не удивился.— Океан неподвластен воле человека, сколь бы ни был он силен или сведущ в магии. Море останется при своем, проглотит все материки и острова, кто бы ни населял их прежде, и выплюнет новые, если захочет. Но вы все равно сделали то, чего не достигал никто, как бы ни хвалились прошлым на ваших Островах Бейдиганд Справедливый, Алеир или Песнопевец. Я бы хотел как-нибудь доплыть туда, да, боюсь, грехов многовато. Может быть, Фрашку сумеет.

— Ты не прав, Гонзало,— возразил Евсевий.— Мы не собираемся властвовать над Океаном. Мы лишь желаем не причинить ему бед, дабы он не

чинил вреда нам. Сотти рассказывал о том, что видел в пещере за зеркалом. Мы, наверно, тоже хотим попасть в такое место и подольше не уходить оттуда.

— И чтобы Океан был на нашей стороне,— добавил Майлдаф.

— Все сказано верно,— заметил король Конан.— И ты тоже прав, Гонзало. Только мне трудно представить себе такое место. Даже на Островах я думал не о садах и белых башнях, а о том, как бы проникнуть в Стеклянную Твердыню этих злых духов и увести у них третий свиток. А еще больше я думал о том, как бы попробовать вина, что делают из растущего на Островах винограда. Тебе, Тэн И, Бейдиганд Справедливый предлагал, но ты не пьешь. Хорсу напоили так, что он... Ну ладно, об этом рассуждать печально, хотя как еще посмотреть. А вот я не успел попробовать. Так или иначе, месьюры, некогда нам будет радостно вспомнить и это...

* * *

Праздник в тарантийском королевском дворце отгремел — играли свадьбу Майлдафа и королевы Народа Холмов.

В музыкальном зале, где вечно было холодно, а потому часто топили камин, остались только слуги, чтобы убрать мусор и помыть пол. Кроме них в зале были еще двое: графиня Этайн и Меццо. Они сидели друг напротив друга на изящных, офирской работы стульях. Рука у аргосца зажала, и теперь они играли дуэт, разные пьесы и моти-

вы. Получалось очень складно. В Бельверусе Меццо постигал разные дисциплины, но более всего преуспел он в музыке. Почти все аргосцы и без того были от рождения способны к сему сладкозвучному искусству, а Меццо — более многих. В Немедии же под надзором тамошних наставников к его способностям добавилось знание теории, благодаря чему еще развился его талант в импровизации.

После того как черный дракон унес Хорсу, Этайн старались по возможности не оставлять одну. Особенное участие выказывали Майлдаф и Тэн И. Но как-то незаметно к ней приблизился и Меццо. Главным предметом их бесед явились, конечно же, музыкальное и поэтическое искусства. В отличие от Хорсы, который искал всему рациональное объяснение и предпочитал поэзию скорее умозрительную, нежели чувственную, а музыкальными инструментами не владел вовсе, Меццо тонко ощущал все, что нравилось Этайн и влекло ее, и умел выразить эти мимолетные ее порывы в музыке и слове, а также воплотить ее разрозненные впечатления в ясное суждение.

Она все больше уделяла внимания ему, и он показался ей интересным.

На время, которое они проводили вместе, печаль и тоска об ушедшем утихали, становились незаметны, день за днем все более обращаясь в светлую грусть...

Внезапно струна на китаре стала звучать как-то иначе, выбиваясь из общей гармонии: вероятно, что-то произошло с колком.

— Ах, неудача! — засмеялся Меццо. — Моя старая китара уже давно капризничает. Жаль, та, что подарили вам тогда, в Аргосе, сгорела! Придется доиграть в другой раз.

— Нет-нет, — поспешила возразить графиня, легко касаясь самыми кончиками пальцев руки аргосца, собравшегося было отложить инструмент. — Не стоит беспокойства. Сейчас мы исправим дело. У меня есть шпилька...

Этайн попыталась извлечь эту шпильку из своей поднятой прически, но рука ее внезапно дрогнула, и черные шелковые волосы графини рассыпались по плечам, резко контрастируя с белым ее лифом.

— Вот. — Она протянула шпильку молодому человеку.

В ответ Меццо, вместо того чтобы забрать шпильку, взял Этайн за руку.

Рука была нежная, теплая и действительно дрожала, словно в ней была не шпилька, а что-то гораздо более хрупкое и драгоценное.

Меццо пристально посмотрел на Этайн. Она опустила взор.

— Госпожа моя, — молвил он. — Я сознаю всю глубину и безутешность вашей печали, и, должно быть, момент не совсем подходящий, но ныне, видя вас столь прекрасной, я не...

— Не стоит, — тихо сказала она и смело взглянула ему в лицо.

Он смотрел на нее неотрывно, будто боялся, что не увидит никогда. Впрочем, так оно, верно, и было.

«Почему бы нет? — подумала она. — В конце концов, он ведь нравится мне...»

Две китары стояли, прислоненные к ножкам стульев, так и не окончив дуэт, ибо руки Этайн и Меццо соединились.

ЭПИЛОГ

ам, где уже не видны берега страны пиктов, а до противоположного континента остаются еще сотни и сотни лиг, там, куда редко заходят корабли, и только рыбы да морские птицы скрашивают безжизненность пейзажа, волны Закатного океана меняются, словно преодолевают некую грань. Суровые свинцовые валы, образующие монотонную рифленую поверхность, вдруг становятся лазурно-розоватыми, нежно-зелеными, индигово-синими, и солнце, если облака не скрывают его, желтым и золотым прыгает по игривой зыби.

Если же поднимается свежий ветер и грозные черные пропасти возникают промеж серых блестящих стен, увенчанных грязно-белыми лохмотьями пены, за этим покровом все то же, но волны там не мечутся в хаосе, но следуют серебряными рядами, кивая вслед друг другу ослепительно белыми гривами, в одном направлении, словно некая длань величественного кормчего указала им курс.

Когда же над морем стоит лунная ночь, то бирюзовые капли брызг взлетают высоко над беспокойной водной равниной, и луна плывет по небу в разноцветных кругах, кои рождает ее отраженный свет, проходя сквозь эту священную пыль. Там, на полночь и закат, лежат посреди океана древние легендарные Острова. Они действительно есть там, но не всякому дано увидеть и одолеть эту грань.

Но как бы то ни было, кто бы ни возомнил себя владыкой мира, какие бы руины ни начали говорить вновь, какие бы новые башни ни взметнулись к облакам, кого бы ни вознесла судьба выше горных пиков, как бы ни бесилось черное зло, и какая бы новая тьма ни опоганила мир, и какая бы истина ни засияла призрачным блуждающим маяком, Океан остается Океаном, и нет ничего более чистого и вечного, чем его волны.

Что же до тайн, они столь же зыбки, сколь и эти волны, и ключи от них так же неверны, как любовь. И нет ничего более сведущего об истинных сокровищах и премудростях седых вод, чем вечный зов моря — простая песня белого рапана...

Глава первая САМЫЙ МЕТКИЙ БРОСОК

Меперь твоя очередь, Джабир.— Высокий блондин в потрепанной кожаной безрукавке, выдернув нож из деревянного блюда, отошел в сторону. Кривоногий, дочерна загорелый тураец, поджав тонкие губы, развязал кошель, вытащил две монеты и бросил их в стоявшую посредине стола глиняную чашу. Посетители таверны «Синий бык» возбужденно зашумели, увидев, как растет кучка золотых: состязание шло по-крупному. Джабир уперся задом в край стола, долго покачивал рукой с зажатым в пальцах ножом, тщательно прицеливаясь, и наконец бросил. По толпе зрителей, которая плотным полуколыцом окружила соревновавшихся в меткости, пронесся огорченный вздох: нож вонзился в самый край блюда, поставленного вертикально у противоположной стены. Тураец, стиснув зубы и стараясь не показать огорчения, направился к мишени, чтобы забрать свой нож, а к столу тем временем подошел могучий высокий молодой человек, черноволосый и синеглазый.

— Давай, Конан! Покажи, что ты можешь, варвар! — подбадривали его зрители, делая ставки.

Киммериец добавил к кучке золотых свою монету и, холодно усмехнувшись, резким движением метнул клинок.

Таверна огласилась восторженными воплями: его нож воткнулся почти в то же место, где красным соусом было отмечено первое попадание. Замечательный результат принадлежал светловолосому гиганту с угрюмым выражением лица, уроженцу Аквилонии по имени Лионель.

— Неплохо! — скривил губы Джабир. — Но мы договаривались из трех раз. Твоя очередь, — повернулся он к аквилонцу.

— Ха! — довольно осклабился Лионель, отметив на которого была ближе всех к центру. — Сейчас я покажу вам, как действует мастер.

Он шагнул к тому месту, откуда договорились метать нож, но туранец остановил его:

— А ставка?

— Ах да, запямятовал. — Аквилонец нехотя прибавил к кучке золотых еще четыре монеты.

На этот раз его бросок оказался хуже первого, и зрители затаили дыхание, ожидая очереди туранца. Его нож воткнулся прямо в щербинку, которую несколькими мгновениями раньше сделал на мишени варвар. Вновь поднялся невероятный шум, кто-то засвистел: зеваки обменивались впечатлениями, глядя, как плюгавый человечек со свисающими на лоб седыми космами измеряет мизинцем расстояние от меток, оставленных клинками игроков, до центра блюда.

— Хватит возиться! — Киммериец приготовился к броску. — Отойди, иначе, клянусь Кромом, мне придется пришить тебя к стенке, мышонок!

Плюгавый человечек, чья внешность и суетливые жесты действительно напоминали мышь, юркнул в сторону, и Конан во второй раз попал в то же место, заставив зрителей завопить от восторга.

— Ну что, ребята? — насмешливо посмотрел он на противников. — Наверное, придется раскошелиться.

Все трое добавили к кучке еще по восемь монет. У многих зрителей груды золота, блестевшая на середине стола, вызвала нервную дрожь: больше трех дюжин золотых, да еще туранской чеканки! Целое состояние! На такие деньги можно выпить и закусить не один раз. Потратить их на что-нибудь другое просто не приходило в голову собравшимся здесь: в этот вечерний час таверну заполнили моряки с пришвартованных к причалу кораблей, подозрительные личности, промышленные в торговой гавани, наемники туранской армии и прочие лихие люди.

Подобные состязания часто проходили в припортовых тавернах, причем начинал их, как правило, сам хозяин, предлагая посетителям за награду, обычно мелкую монету, попасть в цель, а уж потом, когда попадались настоящие мастера и игра шла на большие деньги, он получал барыш в виде шестой части от собранного на кону — так было принято с незапамятных времен в Аграпуре. Ферриан, хозяин таверны «Синий бык», который в основном промышлял торговлей различными

сведениями — и это было крайне выгодно! — не брезговал и этим занятием.

Конан часто заходил в таверну Фериана несколько лун назад, когда вынужден был перебраться в столицу Турана из Султанапура, где городская стража изрядно потрепала контрабандистов, к которым примкнул в поисках богатства молодой киммериец. События тех дней были еще совсем свежи в памяти варвара. Все началось как раз в «Синем быке», а закончилось трудным путешествием в Гирканию, схваткой с главой служителей культа Хаоса, могущественным чародеем Джандаром, в которой киммерийцу помогали астролог Шарак и десятник туранской армии Акеба. Однако не сносить бы Конану головы, если бы не волшебный порошок, что дала ему гирканская шаманка Самарра. В общем, тогда киммериец выбрался из переделки живым и невредимым да еще вытащил из лап служителей Хаоса дочь принца Рошманли Эсмиру.

А за этими событиями последовали еще более головокружительные приключения, когда варвар помог вернуть трон Замбулы свергнутому в результате мятежа юному Джунгир-хану. Однако несмотря на благополучный исход дела, воспоминания об этих днях вызывали у киммерийца щемящую боль. Испарана, гордая красавица Испарана из Замбулы! Впервые судьба столкнула с ней варвара несколько лет назад, когда ловкая замбулийка утащила у него из-под носа магический талисман Глаз Эрлика. Разгневанный Конан готов был перерезать горло дерзкой девчонке, но закон-

чилось все совсем по-другому... Потом судьбе было угодно, чтобы варвар снова встретил Испарану, и они доставили Глаз Эрлика правителю Замбулы Актер-хану. Однако коварный сатрап оказался на редкость неблагодарной скотиной, за что и поплатился головой. Не помог Актер-хану и его придворный чародей Зафра со своим магическим Мечом Склоса, способным убивать людей по его приказанию. На трон тогда посадили малолетнего сына правителя Джунгира, а Испарана, вместе с киммерийцем поспособствовавшая этому, удостоилась великих почестей и титула Соратницы хана. Испарана предлагала варвару остаться в Замбуле, обещая ему звание командующего войсками, но Конан отказался и позвал подругу с собой.

Замбулийка не согласилась: она была старше юного варвара и, любя его, понимала, что он еще не готов связать жизнь с одной женщиной. До глубины души уязвленный киммериец в сердцах пообещал упрямой красавице, что никогда больше не вернется в Замбулу, а если и сделает это, то Испарана, нянька и Соратница малолетнего правителя, станет к тому времени седой и морщинистой старухой. Однако позже выяснилось, что он глубоко заблуждался как в первом, так и во втором...

Жизнь снова свела варвара с Испараной, и он понял, что чувства к гордой замбулийке не остыли в его сердце, и любовь вспыхнула с новой силой. И когда пришло время расставаться, Испарана сама предложила поехать с ним. Видят боги, киммериец тогда хотел этого больше всего на свете!

Замбулилка не была изнеженной придворной красавицей. Сильная, выносливая, прекрасно владевшая мечом, а кийжал метавшая куда более метко, чем сам Конан, она была бы прекрасной спутницей. Но варвар к тому времени стал чуть старше и чуть мудрее... Он понял: Испаране лучше остаться при дворе Джунгир-хана, который проявлял к ней неподдельный интерес, чем скитаться с ним, нищим искателем приключений, по бесконечным дорогам Хайбории. И скрепя сердце Конан снова уехал из Замбулы один... Он до сих пор жалел об этом!

Потом киммериец решил наняться в армию Турана. Службу он нес в Аграпуре и первым делом разыскал Фериана, который, после того как его заведение сожгли насланные Джандаром ожившие мертвецы, успел отстроить «Синего быка». Конан часто соревновался здесь в метании ножей со всеми желающими и почти всегда выигрывал... Помотав головой, варвар постарался отогнать нахлынувшие воспоминания.

Аквилонец приготовился к последнему, решающему броску. Неожиданно чья-то грязная рука, вынырнув из-за спин окруживших стол зрителей, потянулась к кучке монет. Хрясть! Удар меча по столу заставил подпрыгнуть чашу с золотом, но вопль боли и крики ужаса свидетелей этой сцены оказались громче звона монет. Отрубленная кисть еще шевелила пальцами, а незадачливый воришка, зажав обрубок здоровой рукой, с диким воем катался по грязному заплыванному полу таверны.

— Так будет с каждым, кто покусится на чужое! — Варвар убрал меч в ножны. — Давай, твоя очередь, — повернулся он к Лионелю.

Зеваки с нескрываемым восторгом смотрели на киммерийца, не переставая удивляться, как может эта гора мышц действовать столь стремительно.

— Ставлю на Конана! — Зрители вернулись к своему спору, причем большинство принимало сторону варвара.

— Тихо! — с перекошенным от ярости лицом рявкнул вдруг аквилонец. — Сосредоточиться мешаете, шакалы!

В таверне стало так тихо, что был слышен стук копыт коня где-то за воротами постоянного двора. Великан целился очень долго, и когда наконец бросил, по залу пронесся гул: его нож вонзился чуть выше того места, куда дважды попадал киммериец. Всем стало ясно, что если Конан и в третий раз окажется столь же метким, как и в предыдущие, то Лионелю ничего не светит. Третьего участника спора серьезным соперником уже не считали.

Кривоногий туранец скинул плащ на руки кого-то из приятелей, посмотрел на чашу, побледнел так, что его загорелое лицо стало серым, и метнул свой нож. Из нескольких десятков глоток вырвался вопль восторга: клинок воткнулся точно посередине блюда.

Туранец гордо оглядел зрителей и накинул плащ на плечи.

— Ну-ка, ты, мышонок! — подозвал он седого человечка. — Меряй!

Зрители дружно загоготали, а плюгавый бросился к мишени и корявым пальцем принялся измерять расстояние.

— Ровно,— наконец объявил он.

— Что там ровно? — насупился Джабир.

— У тебя одинаково с ним,— испуганно глядя на туранца, объяснил человек.— Вот, смотри.

— Ты не ошибся? — Джабир сурово посмотрел на плюгавого.

— Проверь сам.— Тот отступил на шаг в сторону.

— Да что там... Мы все видели... Давай, киммериец...— зашумели зрители.

Варвар снова усмехнулся и подошел к столу. Он выставил вперед одну ногу, чтобы лучше сохранять равновесие, и прицелился. Нож просвистел в воздухе и воткнулся точно в середину блюда. В том, кто оказался самым метким, больше никто не сомневался. Зрители радостно заорали, приветствуя успех киммерийца, и хозяин, отсчитав свою долю, протянул чашу победителю.

— Вот так-то, удалцы! — Конан аккуратно пересыпал золотые в свой кошель.— Хозяин,— крикнул он,— всем выпивку за мой счет!

Посетители таверны рассаживались по оставленным на время состязания скамьям, обмениваясь впечатлениями и рассчитываясь с соперниками по спорам на победителя.

— Как он... Прямо в центр... Силен варвар...— слышались возбужденные голоса.

— Неплохо бросаешь,— раздался спокойный и негромкий голос только что вошедшего посетителя, который перекрыл, однако, гомон таверны.

Варвар обернулся. Говоривший был невысокий, но ладно скроенный худощавый человек со смуглым лицом. Длинные черные волосы падали ему на плечи, делая удлиненное лицо еще более вытянутым. Одежда незнакомца, запыленная и потрепанная, показывала, что тот проделал длинный путь.

— Неплохо? — угрожающе нахмурился киммериец.— Если бы вместо блюда стоял человек, он давно был бы покойником,— добавил он.

— Да, конечно, но я видел и куда лучших метателей.

Варвар, который весьма гордился своей сноровкой, счел это замечание самым что ни на есть оскорбительным.

— Слушай, ты, стручок.— Он смерил собеседника оценивающим взглядом. Зрители загоготали: им понравилось прозвище, которым киммериец награждал худощавого человека.— Так вот,— рявкнул киммериец,— они,— варвар указал на своих недавних соперников, которые с унылым видом сидели за одним из столов,— лучшие метатели ножей в Аграпуре, а может быть,— Конан невесело усмехнулся, опять вспомнив Испарану,— и во всем Туране!

— Ты не хуже меня знаешь,— спокойно усаживаясь за стол, ответил смуглый,— что в мире есть и другие страны. Хозяин! — поднял он палец.— Принеси-ка вина!

— Нет, ты подожди! — Киммериец опустился на лавку напротив него.— Хочешь сказать, что я плохо метнул?

— Ты ошибаешься, я сказал: неплохо.— Углы губ смуглого дрогнули, словно он хотел улыбнуться, но тотчас снова вытянулись в ровную линию.— Но и не так уж чтобы очень хорошо.

— Где же ты видишь лучшего метальщика? — самоуверенно спросил варвар, окидывая взглядом зал.

Все замолчали, прислушиваясь к беседе киммерийца с новым посетителем. Тот, спокойно отхлебнув вина, ответил:

— Я не вижу, а вот ты можешь...

— И кто же это? — свистящим шепотом спросил Конан, приподнимаясь со своего места.— Уж не ты ли, часом?

— Точно,— спокойно кивнул собеседник.

— Может быть, желаешь попробовать? — Варвар чуть не задохнулся от возмущения.

— А у тебя есть что поставить на кон?

— Давай для начала по монете. Не хочу обирать тебя,— усмехнулся Конан.— Эй, Фериан, установи-ка мишень! Сейчас я тебе покажу, как смеяться надо мной, тощий стручок!

Посетители побросали недопитые кружки. Всем было интересно взглянуть, как киммериец прочит неизвестно откуда взявшегося нахала. Бросили жребий. Первому выпало метать варвару. Он прицелился и точным броском вонзил клинок на палец ниже центра блюда.

— Попробуй хотя бы так,— подбодрившись, взглянул он на соперника.

Тот, не обращая внимания на галдеж зрителей, ловко метнул свой нож, и он вонзился чуть выше

клинки киммерийца, почти касаясь его рукоятью. Кто-то в толпе зеваяк присвистнул:

— Ай да стручок! Ловок, ничего не скажешь!

— Вот так,— усмехнулся смуглый незнакомец, пряча пару золотых в мешочек, висевший на поясе.

— Давай еще раз, тебе просто повезло. По удвоенной ставке.— Раззадоренный варвар швырнул на стол две монеты.

— Согласен,— кивнул смуглый.

На сей раз киммериец оказался гораздо точнее соперника.

— Я же говорил! — довольно захохотал он.

— Еще разок? — невозмутимо предложил незнакомец.

Поединок проходил с переменным успехом. Однако Конан все-таки гораздо чаще выходил победителем, и кучка монет около него постепенно росла. Когда он выиграл три раза подряд, чаша на столе почти доверху заполнилась деньгами.

— На все? — небрежно кивнул смуглый, словно последние проигрыши его нисколько не смущали.

— Как хочешь,— стараясь выглядеть спокойным, пожал плечами варвар.

Зрители в недоумении глазели на совсем потерявшего разум гостя, который собирался проиграть столько золота.

— Покажи ему, варвар! — подбадривали они Конана, ничуть не сомневаясь, что синеглазый гигант победит в состязании с этим безумцем.

Однако хотя киммериец и метнул клинок почти в самый центр, по таверне разнесся тяжелый вздох. Нож смуглого воткнулся точно посередине блюда.

— Нергал мне в печень! — Варвар в ярости с такой силой шарахнул кулаком по столу, что едва не проломил столешницу. — Не повезло!..

— Хочешь отыгаться? — вытаскивая клинок из мишени, поинтересовался соперник.

— Нечем, — буркнул киммериец, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Можно и в долг, — предложил смуглый. — Ты, похоже, действительно искусный метальщик, и мне не хотелось бы выигрывать случайно у такого мастера.

— А если проиграю? — на всякий случай поинтересовался варвар.

— Разве настоящий воин думает о поражении перед схваткой? — подзадорил его соперник. — Давай так, — предложил он, — если выиграешь, то к этой куче, — он кивнул на чашу с золотом, — я добавлю столько же, а если проиграешь, то сделаешь для меня кое-какую работу и получишь свои монеты обратно.

Конану что-то не понравилось в его словах.

— Что за работа? — хрипло спросил он.

— Простая, — усмехнулся смуглый. — Надо будет сходить со мной в одно место и кое-что взять оттуда.

— Далеко? — больше из любопытства спросил киммериец.

— Нет, совсем рядом, — мотнул головой собеседник, — в «Маленькую плутовку».

Конан вздрогнул. В крошечной комнатке на втором этаже постоялого двора с таким названием он еще совсем недавно проводил немало вре-

мени в объятьях нежной туранки Алмы. Судьба была немилостива к его подружке: ее стройную шейку перетянула шелковая удавка, и варвар, как потом выяснилось, оказался невольным виновником ее смерти. Туранку из ревности и зависти убила одна из любовниц киммерийца, белокурая лютнистка Диния, и у Конана даже не поднялась рука снести голову этой грязной твари. «Я лучше голыми руками раздавлю вонючую ящерицу, чем дотронусь до тебя», — вспомнил он слова, которые произнес, выбегая из комнаты аквилонки. Правда, та все равно не вынесла тяжести своей вины и вонзила кинжал себе в сердце. Больше всего варвара мучило то, что нежная Алма погибла совершенно напрасно: он не собирался бежать из Аграпура ни с ней, ни с кем-либо еще. Это были лишь мечты бедняжки, и она зачем-то поделилась своими грезами с лютнисткой. Киммериец был молодым сильным мужчиной и делил ложе с Алмой, с Динией и многими другими женщинами, но он все равно не мог забыть великолепную замбулийку!..

— По рукам, — рявкнул Конан. — Ты первый, — кивнул он на мишень.

Тишина, которая наступила в таверне, когда нож смуглого вонзился точно в середину блюда, была такой звенящей, что у киммерийца аж заложило уши.

— Выдерни свой нож, — бросил он, — рукоятка мешает.

— Ты прав, — без улыбки ответил соперник, освобождая мишень.

У варвара стучало в висках от напряжения, но он стиснул зубы, пересилил дрожь и, прищурившись, метнул клинок. По таверне пронесся протяжный вздох: нож воткнулся почти в то же место, но даже с нескольких шагов было видно, что киммериец проиграл. Он растерянно посмотрел по сторонам. Столпившиеся зеваки смущенно отводили глаза, встречаясь с непонимающим взглядом Конана.

— Хозяин! — крикнул смуглый. — Твоя доля. — Он протянул ему горсть монет. — Ведь так у вас принято?

Монеты зазвенели в трясущихся руках Ферриана. Такого барыша от состязаний хозяин не имел никогда со времен открытия своего заведения.

— Ну так что? — Смуглый повернулся к киммерийцу. — Тебе придется пойти со мной. Мы договорились.

«Уж не колдун ли? — ожгла варвара запоздалая мысль. — Он нарочно подначил меня... Ну, нет, выродец Нергалий, я тебе не теленок, которого ты поведешь на бойню!»

Конан потянулся было к мечу, чтобы одним взмахом освободиться от колдуна, но руки ему не повиновались. Он с ужасом ощутил, что полностью находится во власти смуглого и послушно следует за ним. Они вышли из таверны, где зеваки с шумом и криками обсуждали происшедшее, и не спеша двинулись по притихшим вечерним улицам города к «Маленькой плутовке».

— Не беспокойся, — усмехнулся колдун, а в том, что этот человек не простой смертный, у

киммерийца уже не оставалось ни капли сомнения, — выступишь работу, и я отпущу тебя.

Они вошли на постоялый двор и по скрипучей лестнице поднялись на второй этаж.

— Входи. — Чародей отворил дверь в свою комнату.

Комната была тесной, единственное маленькое оконце выходило во внутренний двор, откуда доносились звон конской сбруи, фыркание лошадей и шуршание соломы под копытами животных.

— Садись, — пригласил Конана смуглый, указывая на деревянный табурет с выщербленными от времени краями сиденья.

Киммериец сел, почти не чувствуя своего тела. Умом он понимал, что надо бы избавиться от чар длинноволосого колдуна, но не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и, как тряпичная кукла, повиновался управлявшему им кукловоду.

— Твоя задача совсем проста, — устроившись напротив варвара, начал колдун. — Ты, главное, помни...

— Что? — Мысли варвара стали путаться, и все, что он видел, начало искажаться и покрываться пеленой, как будто явь представляла сквозь дым от костра. — Что помнить? — повторил он, с трудом удерживаясь на табурете, который качался под ним, словно палуба корабля во время шторма.

— Бусы из зеленого камня... — Слова колдуна возникли прямо в мозгу киммерийца. — Запомнил? Вендийское ожерелье из зеленых камней... Ты должен взять его... Тогда...

Что произойдет в этом случае, варвар уже не слышал. Длинное лицо человека, которого он называл стручком, подернулось дымкой, стены раздвинулись и все быстрее и быстрее понеслись куда-то вдаль. Невесть откуда налетевший ужасный вихрь закружил варвара в тугих объятиях, и он парил теперь над темной равниной, покрытой белыми клочьями пены, словно бурное море. Порывы ветра крутили и трепали киммерийца, и он кувыркался над седыми бурунами. Последним, что он увидел, было разраставшееся где-то далеко на горизонте зарево, не солнечный восход, нет! Мерцающее желто-красное сияние усиливалось, словно кто-то подносил к глазам Конана яркую масляную лампу. Где-то внутри него родилась чудовищная вспышка и как бы разорвала его надвое. Потом все померкло...

* * *

— Тхинуи! Тхинуи! — Заливистый девичий смех сопровождался плеском воды.

Варвар почувствовал спиной горячее обволакивающее тепло и с трудом открыл глаза. Он лежал ничком на чем-то влажном и мягком, положив голову на руки. Приподнявшись, Конан увидел бесконечное голубое пространство и не сразу сообразил, что это гладь моря, спокойная и безмятежная, которая сливалась с куполом неба, почти неотличимого от воды. Мягкое ложе под киммерийцем оказалось зеленой травой, которая покрывала нависающий над морем утес. До поверхности моря было не больше десяти-пятнадцати лок-

тей, и чистая прозрачная вода позволяла видеть песчаное дно, где среди разбросанных черных камней и длинных стеблей каких-то растений проскальзывали стайки мелких рыбешек. Варвар повернул голову чуть правее, откуда раздавался смех, но увидел только белую пену и тучи брызг, перебивавшихся в лучах солнца разноцветным радужным сиянием. Сначала ему показалось, что это играет стайка рыб, но, приглядевшись, Конан различил резвившихся в волнах людей. Длинные черные пряди тянулись за плывущими женщинами, придавая им сходство с морскими ведьмами, которые, как он слышал, заманивают моряков чарующим пением и воруют у них души.

Они не замечали варвара и медленно плыли к берегу, перекликаясь, заливисто хохоча и время от времени обдавая друг друга брызгами. Киммериец затаил дыхание, замер и, медленно поворачивая голову, следил за девушками. Они достигли наконец мелкого места и, продолжая резвиться, выбрались на берег.

Прелестницы были обнажены, и их ослепительную наготу прикрывали только длинные угольно-черные волосы, по которым быстро стекала вода. Девушки, громко и весело смеясь, выжимали мокрые роскошные локоны и передавали из рук в руки круглую раковину, где находилось, по-видимому, какое-то снадобье, которым они натирали гладкую смуглую кожу.

Киммериец, не в силах пошевелиться, безотрывно смотрел на них. Светло-коричневый оттенок кожи, нежные черты и невыразимая грация

движений, плавные линии тел и удивительная непринужденность поведения казались ему столь же странными, сколь и прекрасными.

«Где же я? — Конан наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что с ним произошло и как он очутился здесь, но голова была пустой до звона. — Кром! — Он, не спуская глаз со стайки девушек, медленно повернулся набок. — Жив я еще, или это уже другой мир?»

Киммериец уцепился за себя и, почувствовав боль, понял, что это не сон, а самая что ни на есть настоящая явь и он лежит на обломке скалы, которая выдается далеко в море, а прямо перед его глазами в двадцати шагах на желтом песчаном берегу десятков нагих грациозных девушек заканчивают туалет после морского купания. Повернувшись на спину, варвар посмотрел на берег, и перед его глазами встала черная гора, поросшая до половины лесом и возвышавшаяся над всем миром, как бурдюк с вином, брошенный на расстеленный плащ. Берег и справа, и слева уходил вдаль, закругляясь и исчезая за изумрудно-зеленой растительностью и выступами черных скал, которые лениво омывало спокойное море.

«Так, так... — Варвар попытался еще раз вспомнить события прошедшего дня. — Ведь все было только вчера! Я Конан, — уверил он себя. — Конан из Киммерии, верно? — задал он вопрос, на который сам же и ответил: — Да, ты Конан... И сейчас служишь в туранской армии».

Он приподнялся чуть выше, чтобы лучше рассмотреть берег. Девушки уже оборачивали вокруг

бедер небольшие, шириной в ладонь, юбочки, сплетенные из каких-то полосок. Из чего сделаны их одеяния, варвар определить не мог, потому что расстояние для этого было слишком велико даже для его зорких глаз.

На плечи девушки накинули что-то вроде коротких плащей, прикрывавших грудь и часть живота.

«Если я служу в туранской армии, то почему я здесь? — Конан ощупал себя и чуть не вскрикнул: — Где меч, где нож, вся моя одежда? И вообще: что произошло и где я нахожусь?»

Он еще раз попытался сосредоточиться:

«Мы соревновались в "Синем быке", кто лучше метнет нож. Правильно? Правильно, — ответил он. — Это я помню... С аквилонцем и этим кривоногим... Я выиграл много золота... Кстати, где оно? — Он огляделся вокруг, но тут же понял всю тщетность своих попыток. — Нергал с ним, с этим золотом, но где я сам? — Киммериец никак не мог ухватить спутанные обрывки мыслей. Он вспомнил чашу с монетами — свой выигрыш. — Я их пересыпал в кошель, это точно... Потом поставил всем выпивку... Неужели я напился до беспамятства и попал в рабство куда-нибудь в Стигию? — Конан огляделся вокруг и чуть не расхохотался. — Тогда почему я не в кандалах? И где надсмотрщики? Нет, — решил он, — тут что-то другое... Ожерелье, — вдруг вспыхнуло в его мозгу, — Какое еще ожерелье? — спросил он себя, поморщившись. — Что за шутки демонов?»

— Эй! — закричал он, привстав на одно колено.

Девушки разом смолкли и уставились на него, будто на привидение, потом на их лицах отразился испуг, они что-то закричали на своем языке:

— Ванааха! Хтинкии! Ихтиха!

Мгновение помедлив, они со всех ног бросились прочь от берега к лесу и скрылись за деревьями, даже ни разу не оглянувшись.

— Бежим! Смотри! Быстрее!

Внезапно киммериец с изумлением обнаружил, что понимает язык девушек. Смысл слов проступал не сразу, а как будто с небольшим опозданием.

— Что за бред? — удивился варвар, поднимаясь во весь рост и с наслаждением потягиваясь. — Нет, все-таки это больше похоже на сон. Ничего не понимаю!

Он спустился со скалы на песчаный берег и еще раз как следует осмотрелся. Уютную лагуну окружали высокие пальмы, их шершавые стволы уходили вглубь леса, совершенно закрывая обзор. Чуть дальше берег поднимался вверх и тянулся до черной горы, занимавшей полнеба, с другой стороны голубой свод смыкался с поверхностью моря — и больше ничего. Солнце поднялось еще не очень высоко, но уже припекало достаточно сильно, воздух был теплым и слегка влажным, ветерок, тянувшийся с берега, доносил запахи прелой листвы и причудливый аромат каких-то неизвестных киммерийцу цветов.

— Ничего не понимаю! — повторил Конан, снова и снова оглядываясь вокруг, будто надеясь найти хоть что-нибудь, что помогло бы ему определиться, но ничего знакомого не видел — только

морская гладь, черные скалы вдали, трепетавшая под ветерком зелень листвы, да еще синее небо и яркое солнце над этим безмятежным миром.

Он почувствовал голод и направился туда, куда убежали девушки.

— Они испугались меня — это понятно, — размышлял варвар, шагая по теплому мелкому песку, приятно обволакивавшему ступни. — Наверное, таких, как я, здесь еще не встречали. Но если я видел девушек, значит, где-то недалеко есть и другие люди. Может быть, они не такие пугливые и мне удастся узнать, куда меня занес Нергал и почему я ничего не помню. Заодно и поесть раздобуду».

Он подошел к краю пальмового леса и поискал глазами следы беглянок.

— Угу, вот они. — Киммериец двинулся дальше, заметив отпечатки ног на влажном песке, но вдруг резко остановился. — Совсем голову потерял, — хлопнул он себя по лбу. — Случись что, мне и отбиться нечем. Не набедренной же повязкой размахивать вместо пращи... — усмехнулся он. — Тем более что и ее у меня нет. Мало ли какие люди здесь живут... — Конан решил найти что-нибудь способное заменить оружие.

Побродив немного по лесу, он нашел обломок ствола, и хотя древесина не показалась ему достаточно крепкой, все-таки на первое время и эта дубина могла послужить сносной защитой.

* * *

Конан уже довольно далеко углубился в пальмовую рощу, но не обнаружил никаких признаков

жилья. Следы девушек, четкие на песке, потерялись в невысокой, но густой траве, которая ковром устилала землю между высокими пальмами с длинными, изрезанными по краям листьями. Иногда деревья расступались, и киммериец выходил на поляну, которая обычно была продолжением долины-ущелья, как будто прорезавшей склон черной горы. С каждой такой долины сбегал прозрачный ручей или небольшой водопад, пропадавший вскоре в зарослях. Варвар не хотел отходить далеко от берега и все время прислушивался к шуму прибоя.

— Где же это племя? — спросил он сам себя, когда пересек очередную поляну. — Неужели там, в холмах?

И хоть Конану не хотелось удаляться от моря, он все-таки не оставлял надежды найти людей и решил подняться по одной из долин. Однако это оказалось не так-то просто. Идти вдоль ручья мешала плотная стена речного тростника, поднимающаяся выше его роста и такая густая, что пробиться сквозь сплетение стеблей можно было только с помощью ножа или меча, а вот их-то у киммерийца как раз и не было. Он взял немного в сторону, правее журчащего потока, но пальмовый лес в этих местах сменяли заросли бамбука. Эти растения киммериец видел на море Вилайет, но здесь они были в три раза выше, и их стволы, толстые и мощные, росли так тесно, что иногда варвар не мог даже протиснуться между ними.

— Вот тоже местечко, демоны его возьми! — выругался киммериец и вернулся назад, к паль-

мовой роще. — Как же пробраться дальше? И жрать хочется... — Он прислушался к урчанию в животе. — Что ж, вернусь к морю, может быть, какую-нибудь рыбу поймаю или раковину найду.

Конечно, о рыбе нечего было и думать: не голыми же руками ее ловить, а вот нырнуть и поискать какого-нибудь моллюска не составляло особого труда. Как-то в бытность свою в Аргосе он собирал в море присосавшихся к камням мидий и с удовольствием поедал их нежное мясо. Солнце тем временем поднялось выше, и если бы не густая крона пальм, Конан почувствовал бы себя не лучше, чем в раскаленной пустыне.

— Куда же я попал? — в который раз спрашивал он себя, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. — Ничего не помню... Будто сегодня родился...

Однако киммериец не привык предаваться отчаянию, а уж решительности ему было не занимать. Если демоны — или судьба, или что-то еще — забросили его в эти края, надо, во-первых, постараться выжить, а во-вторых, неплохо бы что-нибудь приобрести. Не возвращаться же домой с пустыми руками! Хотя где, собственно, дом? В Киммерии? Там, где он родился? Северная холодная земля, где зимний ветер воет среди обледеневших скал и голодные волки рыщут в поисках добычи. Его что-то не особенно тянуло туда. Туран? Варвар даже рассмеялся. Вот уж эту страну он точно не хотел бы считать своим домом. Впрочем, если разобраться, сейчас его положение в туранской армии совсем неплохое: служба идет, он дослужился до звания десятника, и монеты в кошельке

водятся. По крайней мере, на жилье, выпивку и закуску хватает. Да еще и на женщин! Киммериец блаженно потянулся, вспомнив стайку нагих девушек на берегу. Какие красотки! Если все женщины здесь таковы, то эта земля просто обласкана богами.

Внезапно за стволами деревьев мелькнули несколько огромных человеческих фигур. Конан бросился на траву и осторожно подполз к стволу ближайшего дерева. Сердце его учащенно забилось, но не от испуга — киммерийца напугать было трудно, — а от знакомого предчувствия схватки, когда тело само собирается в комок, готовое распрямиться, как пружина, в молниеносном броске навстречу противнику. Варвар прислушался: стояла тишина, которую нарушали лишь птичий гомон и шелест крон деревьев, да еще далекий шум прибоя. Конан очень осторожно выглянул из-за ствола и громко рассмеялся:

— Ну и болван! Это же изваяния!

Издаലെка он принял стоявших на поляне трех истуканов за идущих ему навстречу вооруженных воинов. На всякий случай осмотревшись по сторонам, он вышел из леса на большую поляну. Посреди лужайки стояли три фигуры, довольно высокие — чуть больше роста варвара. Он обошел их, внимательно разглядывая грубо вытесанные из толстого ствола фигуры с прижатыми к туловищам руками. Лица истуканов были сделаны более искусно и раскрашены красками: вертикальная полоса белого цвета начиналась на лбу и шла вниз по носу, прерывалась над верхней губой, но затем

бежала по подбородку и дальше по горлу, заканчиваясь у основания шеи. Поперечные коричневые полосы придавали свирепое выражение плоским лицам с широко расставленными и чуть раскосыми, как у гирканцев, глазами. Перед истуканами находилось каменное сооружение, похожее на высокую скамью, поверхность которой была пересечена неглубокими бороздками.

— Дела... — Конан поскреб в затылке. — Явно для стока крови. — Он внимательно осмотрел жертвенник. — Хорошо, если это предназначено для барана или какой-нибудь курицы, а если для человека... Особенно для всяких чужаков. Надо быть осторожней, а не то вместо объятий местных красавиц из этого рая можно прямиком попасть на Серые Гавнины.

Он еще раз осмотрел истуканов, вытоптанную перед ними площадку (а значит, тут часто бывает множество людей) и вновь тоскливо прислушался к урчанию в животе. Что-то эта земля перестала казаться киммерийцу такой уж благословенной, какой представлялась вначале, а желание побыстрее найти людей уступило место вполне обоснованной осторожности. Он решил вернуться к морю, отыскать там какую-нибудь еду, а потом пройти дальше по берегу, не отходя далеко от моря.

Ша-аа-ах! Большая птица, шурша крыльями, чуть не задела по лицу варвара и медленно поплыла в воздухе, огибая стволы.

— Хм-м... — почесал щеку Конан, — я же видел этих тварей у ручья. Если подобраться потише и

хорошенько прицелиться, то можно пожалуй, подбить такого курчонка.

Правда, «курчонок» был раза в два крупнее курицы и скорее напоминал упитанную индюшку, но сказано — сделано. Варвар прислушался и, уловив шум падающей воды, поспешил на звук. Он осторожно приблизился к открытому месту и раздвинул стебли тростника. Так и есть! Речушка, падая вниз со скалы, разливалась на поляне небольшим озерцом с узкими песчаными берегами. В десяти шагах от варвара расхаживали несколько крупных птиц с ярким оперением. Они немного походили на самок павлинов, но варвара не интересовало, как они выглядят. Мясо — вот что сейчас было нужно ему до зарезу. Конану повезло: ветерок дул ему в лицо, и даже чуткий слух птиц не обнаружил его присутствия. Киммериец осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, привстал и без замаха метнул дубину прямо в середину стаи. С громкими криками стая взмыла в воздух, но одну птицу варвар все-таки задел, и его добыча, трепыхаясь, попробовала подняться на крыло, но не смогла. В три прыжка Конан оказался рядом и в отчаянном броске ухватил птичью шею. Варвар был настолько голоден, что разорвал тушку на куски и, пока он, урча, словно волк, обглаживал ногу, шея еще дергалась, орошая траву кровью.

— Вот теперь совсем другое дело! — Сытно рыгнув, киммериец растянулся около озерца, не забывая прислушиваться: ему вовсе не хотелось разделить участь съеденной им птицы, он не забыл жертвенник возле деревянных истуканов.

В десятке шагов, почти у самого озерца он заметил белые, похожие на огромные колокольчики цветы. Когда порыв ветра донес до него пряный запах, киммериец вспомнил их название.

«Боги! Да это же орилеи.— Такие цветы он видел во дворце одного шадизарского вельможи.— Но какое здесь все большое,— удивился Конан.— Эти цветы раза в три крупнее, чем в том саду. Можно было бы неплохо заработать, выкопав парутройку таких корешков. Эти новоявленные модники в Туране совсем без ума от них... Да о чем это я? — спохватился он.— Неизвестно, куда Нергал занес, неизвестно, сохраню ли голову на плечах, а я...»

Однако долго нежиться на солнце ему не пришлось: среди шорохов леса чуткое ухо киммерийца уловило какой-то посторонний звук. Варвар вскочил на ноги, но все-таки опоздал: из зарослей бамбука появились несколько человек. Они шли прямо на Конана, и каждый нес в правой руке короткое копье, угрожающе направленное на киммерийца. Конан мгновенно оценил обстановку и понял, что сопротивляться вряд ли имеет смысл: противников было человек пятнадцать, и все крупные и здоровые мужчины, не такие, конечно, как варвар, но и отнюдь не слабаки.

Круглые головы незнакомцев были выбриты наголо, кроме двух небольших участков по обе стороны макушки, где росли длинные волосы, закрученные в тугие крупные узлы, из-за чего казалось, будто головы украшены парой черных рогов. Бороды были выщипаны, но с верхней губы по уг-

лам подбородка свисали две косицы. Видимо, желая выглядеть привлекательно, а может быть, наоборот, устрашающе, воины украсили физиономии широкими белыми полосами, похожими на те, что варвар видел на истуканах, но только проведенными поперек лица. Эти полосы подобно проселочным дорогам, которым никакие неровности и преграды нипочем, проходили по носу, ныряли в глазницы и чуть не залезали в рот. Каждая пересекала лицо от уха до уха: одна проходила на уровне глаз, другая — через нос, третья — перекрывала губы.

Лица, перечеркнутые раскраской, отчего-то напомнили Конану тех несчастных, что с тоской глядят на мир сквозь частые прутья тюремной решетки. Темнокожие тела воинов прикрывали лишь набедренные повязки, сплетенные из каких-то толстых волокон и испещренные изображениями птиц и рыб.

Все это великолепие варвар разглядел, стоя неподвижно и подняв вверх руки, чтобы показать, что он не собирается делать лишних движений, которые могут быть неправильно истолкованы. Воины подошли к нему поближе и остановились на расстоянии примерно десятка шагов.

— Ту кхау? — произнес, чуть выйдя вперед из шеренги, один из воинов, видимо, старший.

«Кто ты?» — пронеслось в голове варвара, будто там сидел маленький человечек, который знал язык этого племени.

«Что же им сказать, демон меня раздери?» — лихорадочно соображал киммериец.

К своему немалому удивлению, он произнес несколько длинных фраз на непонятном ему языке:

— Я плыл по морю на большой лодке. Буря потопила наше судно, и меня выбросило на ваш берег.

Старший повернулся к воинам, и они некоторое время обменивались тихими фразами, но слов варвар разобрать не смог.

— А тебя прислал не Ванататра? — недоверчиво глядя на киммерийца, наконец спросил старший.

— Не знаю я никакого Ванататру, — честно ответил Конан, ибо слышал это имя впервые.

— Не врешь? — переспросил старший, и воины, подняв руки, затрясли в воздухе тонкими копьями, больше похожими на удилище, чем на настоящее оружие.

— Клянусь Кромом, — выпалил киммериец, приложив руки к груди.

— Кто такой Кром? — удивился воин.

— Кром — это мой бог, — объяснил ему варвар. — Меня зовут Конан, я родом из Киммерии.

— Киммерия? Что-то я не слышал про такой остров.

— Киммерия не остров, — попытался объяснить Конан. — Это большая земля на севере Хайбории.

— Ха-ха! — Воины затряслись от смеха, но все же не опустили копья. — Никто не слышал, что кроме океана и наших островов есть другие земли... Да он сумасшедший...

— Тихо! — прикрикнул на них старший. — Вспомните завет Ронго-Ронго... Может быть, этот белый — посланник того мира...

Воины прекратили смеяться, и в их глазах Конан заметил проблеск страха, смешанного с уважением, однако копья они на всякий случай направили ему в грудь.

— Мы пойдем в селение и покажем тебя Нгунте. Если ты посланник мира Ронго-Ронго, тебе будут оказаны почести, а если нет...

— Что будет со мной? — не выдержал Конан.

— Не знаю, — задумчиво ответил старший. — Это решат вожди.

* * *

«Нгунта... — повторял про себя киммериец, пробираясь среди окруживших его воинов по узкой тропинке, которая вилась в зарослях бамбука. — Интересно, кто это такой? Наверное, их вождь», — решил Конан, но задавать вопросов не стал, дабы не возбудить недовольство сопровождавших.

Вскоре они поднялись по пологому склону холма и вышли на большую поляну, окруженную со всех сторон высокими пальмами. У самых деревьев по краям поляны стояли дома, похожие на большие круглые корзины. Крыши этих сооружений были сделаны из пальмовых листьев, разложенных на длинных шестах. Благодаря такому устройству солнце никогда не светило на стены, и в жилищах было прохладно в любое время суток.

«Ничего себе! — удивился Конан, увидев, сколько человек высыпало встречать их. — Наверное, вторгшаяся армия противника не смогла бы их так всполошить... Неужели это из-за меня такой переполох?»

Вскоре киммерийца вместе с его провожатыми окружило плотное кольцо людей, которые, желая получше разглядеть варвара, загородили им проход. Не меньше народу обступило и воинов, которые чуть поотстали от остальных, и те торопливо объясняли, где и как встретились с белокожим гигантом. Надо отметить, что, хотя воинов и нельзя было назвать малорослыми, все-таки Конан возвышался над всеми почти на целую голову. Каждую новую подробность, которую удавалось выпытать у словоохотливых соплеменников, жители деревни встречали громкими возгласами и бросали на киммерийца недоуменные взгляды, стараясь понять, откуда этот человек появился на их земле.

За разговорами толпа приблизилась к большому красивому сооружению из бамбука, и старший сделал киммерийцу знак следовать за собой. Все расступились, и Конан вошел внутрь.

— Садись, — указал старший на циновки, уложенные вдоль задней стены.

Варвар прошел по полу, сложенному из плоских черных камней, и уселся там, где было указано.

Строение, куда он попал, цивилизованный человек вряд ли назвал бы домом. Скорее, это было нечто вроде крытого загона. Его каркас был сооружен из толстых стволов бамбука с распорками из более тонких стеблей, которые скреплялись полосками из какого-то растения, напомнимшего варвару ивовую кору. Задняя стенка, у которой он сидел, была сплошь переплетена пальмовыми листь-

ями, а три другие больше походили на решетку, образованную переплетением бамбуковых стволов. Крыша, как и у всех хижин, простиралась далеко за пределы стен, и, таким образом, открытый с трех сторон, дом прекрасно защищал от дождя. Пока Конан с любопытством осматривался вокруг, старший, оставив около него пятерых воинов, куда-то исчез.

Жители деревни, которым, по всей видимости, входить было запрещено, столпились вокруг, глядя на варвара сквозь прорехи в стенах.

Уже наступил вечер, и в сумерках киммериец смутно различал свирепые физиономии воинов, обступивших хижину, их горевшие любопытством глаза и обнаженные тела, размалеванные краской. В толпе можно было разглядеть тонкие фигурки девушек. Все эти люди оживленно переговаривались громкими голосами, обсуждая его, Конана. Варвару за свою жизнь приходилось сталкиваться с представителями разных народов, от угрюмых и немногословных киммерийцев и асиров до темпераментных и словоохотливых аргосцев и заморийцев, но он впервые видел такую яростную жестикуляцию, как у этих людей, увлеченных разговором. А они в тот вечер дали волю своим чувствам и так кричали и приплясывали от возбуждения, что киммериец не на шутку обеспокоился.

Сумерки сгустились, и кто-то из жителей деревни — кто именно, варвар не понял, распорядился зажечь факелы, и площадь перед сооружением, где находился киммериец со своими стражами, озарилась колеблющимся желтоватым светом. Вне-

запно наступила тишина, и варвар увидел, как люди перед входом расступились. В сопровождении нескольких человек, раскрашенных еще более ярко, чем воины, в хижину вошел могучий человек в головном уборе из разноцветных длинных перьев. По тому, как поспешно освобождали ему дорогу и с каким почтением склонились перед ним воины, киммериец решил, что вновь прибывший пользуется немалым уважением и властью в деревне.

«Ну прямо павлин,— на всякий случай вставая с циновки, подумал киммериец.— Пожалуй, какой-нибудь вождь. Наверное, это и есть Нгунта».

Вошедший в самом деле выглядел величаво и красочно. Из густой шапки коротких пестрых перьев поднимались длинные хвостовые перья птицы, видимо такой же, какую киммериец не без удовольствия съел утром. Перья были вставлены в расшитый мелкими блестящими камушками обруч, который стягивал лоб вождя. Шею обвивало тяжелое, в несколько нитей, ожерелье из каменных клыков, отполированных, словно слоновая кость, и нанизанных в таком порядке, чтобы самые большие и длинные лежали посередине.

«Хм,— подумал киммериец, увидев ожерелье,— значит, здесь водятся свиньи. Это неплохо».

Сквозь большие отверстия в ушах были продеты украшенные замысловатой резьбой два длинных стержня из темного дерева, из них торчали пучки свежих листьев. На бедрах вошедшего плотно сидела складчатая юбка, похожая на юбки девушек, но гораздо более широкая и тяжелая на

вид. На руках и ногах, довершая роскошный наряд вождя, красовались браслеты, сплетенные из цветных волокон. В правой руке он держал великолепное, богато украшенное резьбой копье, более толстое и длинное, чем у воинов. Оружие заканчивалось остро заточенным наконечником, другой конец расширялся наподобие весла.

«Лезвие из ракушки,— пренебрежительно сморщился варвар.— Против наших — просто игрушка!»

Но тут же он вспомнил, что у него и такого нет, а главное — неизвестно, чем вообще может закончиться его знакомство с местными жителями, и снова принялся разглядывать вождя. Посмотреть было на что! Всевозможные ломаные линии, завитки и замысловатые фигуры испещряли его кожу, сложным узором напоминая дорогие аквилонские кружева. Самый простой орнамент украшал лицо. Там линии шли двумя широкими полосами, которые расходились из-под обруча наискось, охватывая глаза, покрывая веки и оканчиваясь чуть ниже ушей, где сливались с прямой полосой, тянувшейся через рот, образуя рисунок, подобный треугольнику. Судя по великолепному сложению, этот человек, безусловно, принадлежал к высшему сословию туземцев, и, возможно, рисунок на лице и говорил именно об этом. Грозный гость уселся напротив Конана на циновку. Вошедшие вместе с ним расположились чуть сзади, образуя полукруг, и примолкли, нетерпеливо поглядывая то на него, то на варвара.

— Кто ты? — наконец прервал тишину голос вождя.

Киммериец не торопясь повторил то, что поведал пленившим его воинам. Он уже перестал удивляться, что может без усилий говорить на доселе неведомом ему наречии, и слова его лились свободно, словно горный поток.

— Так тебя прислал не Ванататра? — нахмурился вождь.

«Дался им этот Ванататра, Нергал ему в печень,— ругнулся про себя киммериец.— Интересно, кто это такой?» — Он посмотрел прямо в глаза вождю и спокойно ответил:

— Клянусь Кромом, я не знаю никакого Ванататры...

— Странно...— Вождь обернулся к сопровождавшим его людям.— Тогда он вряд ли посланец из мира Ронго-Ронго...

Он опять повернулся к Конану и внимательно посмотрел на него. Во взгляде слегка раскосых черных глаз было что-то напоминавшее вола, и варвар подумал, что, пожалуй, шевелить мозгами эта важная персона умеет не лучше бритунцев, тупость которых была известна всем в Хайбории.

«Не очень-то мне повезет,— вздохнул он про себя,— если моя участь будет зависеть от этого болвана».

Однако он слегка ошибся: вождь, пожевав губами, вынес в общем-то достаточно мудрое решение.

— Сейчас ночь,— веско произнес он,— подождем до завтра. Утром Нгунта назначит испытание...

«Значит, я ошибся,— подумал Конан.— Наверное, Нгунта — местный колдун, а этот разряженный павлин — вождь, который обычно спихивает

на него все важные решения. Ловко устроился,— хохотнул он про себя,— что бы со мной ни сделали, в ответе за это будет не он, а Нгунта. М-да, только колдуна мне еще не хватало»,— скрипнул он зубами, поскольку терпеть не мог всяческих магов и чародеев.

Вождь встал и на всякий случай поклонился киммерийцу. Конан отвесил ему ответный поклон, радуясь в душе, что приговор откладывается.

«Пока суд да дело,— решил он,— может, мне и самому удастся что-нибудь придумать».

Варвара отвели в одну из хижин и, поставив перед ним чашу с каким-то варевом, похожим на кашу, и плошку с водой, оставили одного. Он по своей давней привычке не оставлял на завтра то, что можно съесть сегодня, проглотил вязкую, но не очень противную, как казалось со стороны, пищу и растянулся на циновке. Киммериец даже не стал проверять, охраняют ли его: голоса людей за стенами хижины не оставляли в этом никаких сомнений.

* * *

Конан спал беспокойно. Ему все время снился один и тот же сон, в котором смуглый человек с длинными черными волосами, размахивая перед носом киммерийца тощими костлявыми руками, требовал отдать ему нефритовое ожерелье. Варвар просыпался, но, видя по обступившей его убежище темноте, что утро еще не наступило, засыпал снова, и вновь этот противный человечек появлялся и требовал свое...

Когда киммериец проснулся окончательно, сквозь щели хижины уже брезжил рассвет. Конан сладко потянулся, хрустнув мышцами, и сел, оглядываясь вокруг. Тут же во входном проеме появилась голова одного из стражей. Он со смесью почтения и страха посмотрел на киммерийца и исчез. Варвар встал и шагнул было к выходу, но словно именно этого и ждали, вошел другой воин, который принес блюдо с печеными овощами и большим куском мяса. Он, поклонившись, поставил свою ношу на пол и исчез.

— Хм! — Варвар склонился над едой.— Говорил же я, что здесь есть свинина,— похвалил он себя за наблюдательность и в мгновение ока умял все, что ему принесли.— Вина бы еще,— мечтательно вздохнул он, но, решив этот вопрос отложить на потом, вновь растянулся на циновке, ожидая, что будет дальше.

Довольно скоро в хижину заглянул еще один воин и позвал варвара:

— Пойдем!

Киммериец вышел наружу и огляделся, шурясь на солнце. Против его ожиданий поляна была пуста, но неподалеку стояли десять воинов с копьями наперевес, которые тут же окружили его.

— Пойдем! — повторил старший, и все направились по тропинке через пальмовый лес.

Они прошли совсем немного, когда Конан услышал стук барабанов и гул людских голосов. Чуть позже они вышли на большую поляну, заполненную людьми. Лужайка, довольно обширная, казалась тесной, поскольку здесь собрались, навер-

ное, все окрестные жители. Зрелище было весьма живописным. В тени бамбукового навеса в дальней стороне лужайки возлежали старшие воины и вожди, которых варвар определил по причудливым головным уборам из ярких перьев. С обеих сторон от них под сенью раскидистых ветвей расположились остальные туземцы: воины, женщины и дети.

Ребятня гонялась друг за другом с оглушительными воплями, которые заглушали даже шум голов взрослых.

Справа от того места, где устроились вожди, было воздвигнуто что-то вроде гигантского алтаря: ступени из черных камней достигали середины стволов окружавших площадку деревьев. На этих ступенях стояли плетеные корзины, наполненные фруктами и связками длинных листьев, на больших деревянных подносах лежали целые свиные туши, зажаренные на костре и украшенные зеленью.

На последней ступеньке алтаря возвышались три истукана, похожие на тех, что Конан видел на поляне внизу, только эти идола были вытесаны из камня и раскрашены немного по-другому. Посередине поляны были воткнуты в землю два длинных шеста, между которыми на двух веревках был растянута круг величиной с днище от винной бочки, на котором были нарисованы белые лучи, расходившиеся от центра.

В нижние ступени алтаря тоже были вставлены шесты, а к их концам привязаны корзины, также полные всевозможных плодов. Под этими ше-

стами стояли барабаны высотой в рост человека, обвитые пестрыми перевязями из цветных полосок и разукрашенные замысловатыми узорами. За ними виднелись возвышения, где замерли молодые люди, на телах которых не было раскраски.

«Похоже, намечается какое-то большое празднество,— решил варвар.— Уж не собираются ли меня принести в жертву местным богам?»

Он с беспокойством осмотрелся по сторонам, но не увидел ничего похожего на жертвенник.

«Не иначе Солнцеликий счел, что мне рановато отправляться на Серые Равнины»,— усмехнулся киммериец.

Он подумал, что сбежать отсюда все равно не сможет, и решил не торопить события, полагаясь на милость богов.

Увидев варвара, туземцы вскочили на ноги, и их пронзительные крики всполошили стаю птиц, до того мирно сидевших на ветвях. Тут же юноши, которые стояли возле барабанов, замолотили ладонями по натянутой коже, и над поляной разнесся грохот такой силы, что его отзвуки были, наверное, слышны даже на берегу моря. Под громкие вопли толпы киммерийца подвели к вождям и усадили на циновку, расстеленную чуть впереди,— таким образом Конан оказался на виду у всех. Барабаны зазвучали еще громче, и на поляну гуськом вышли десятка два лысых стариков, которые тянули надтреснутыми голосами однообразный напев, почти не слышимый из-за барабанного боя. В правой руке каждый из них держал изящный соломённый веер на тяжелой деревянной ручке. Без

устали помахивая ими, старцы прошли мимо Конана и уселись рядом с вождями.

Варвар с любопытством глядел по сторонам и, к великому своему изумлению, внезапно понял, что не только не боится, но и ничуть не волнуется. Вдруг, словно по волшебству, шум стих, и только отдаленные крики птиц нарушали наступившее безмолвие. Конан посмотрел назад и увидел, что пришедший вчера к нему вождь, которого он про себя назвал павлином, встал и поднял руку с копьем. Тут же из-за алтаря появился худой, прямо-таки истощенный человек с черными искрящимися глазами, которые сверкали, как темные алмазы, на бесформенном, казавшемся просто нечеловеческим, лице. Он шел степенно, глядя прямо перед собой. Одевание человека состояло из пышной юбки, украшенной множеством ярких перьев, и нескольких плетеных из цветных полосок перевязей, крест-накрест обвивавших его коричневое тело.

«Не иначе, Нгунта», — промелькнуло в голове варвара.

Он не ошибся. Человек вышел вперед и, подняв ладони, обвел ими по окружности всю поляну. Туземцы начали распевно выкрикивать:

— Нгун-та! Нгун-та! Нгун-та!

Киммериец покосился на вождей, среди которых был и вчерашний его посетитель. Тот прямо-таки впился глазами в Нгунту, ожидая, что будет делать колдун.

— Люди! — громко возвестил Нгунта, и вся поляна затихла, повинувшись его мощному голосу. — Боги могли дать нам своего посланца. — Не обра-

чиваясь, он отвел руку назад и ткнул ладонью в сторону варвара.

«Как это “могли дать”, — возмутился про себя киммериец, — если я здесь? Что за чушь несет этот череп?»

Он вовсе не хотел выдавать себя за посланца местных богов, просто его неприятно поразили слова колдуна, из которых следовало, что его, Конана, сидевшего здесь, на поляне, как бы и не существовало.

«Подожду, что будет дальше, — нахмурился он, искоса поглядывая на колдуна, — но пусть они особенно не надеются: если этот тощий урод решит отправить меня на жертвенник, просто так я им в руки не дамся».

Конан оглянулся: вожди по-прежнему не сводили глаз с Нгунты.

«Так... Если броситься к ним, — прикидывал варвар, — сбить с ног вон того, толстого, и вырвать у него копье?.. Хм-м, с такой хворостиной много не повоюешь, и притом я вряд ли успею добежать до конца этой лестницы. — Он внимательно посмотрел на алтарь. — Нет, здесь не получится... Гвануть в толпу, туда, где женщины? А потом? Бежать что есть сил к морю?..»

— Мы проверим его силу! — возопил Нгунта. — Пусть попадет в солнце!

Люди заорали еще громче, а грохот барабанов стал таким мощным, что от него даже закладывало уши.

«Какое еще солнце?» — Конан перевел взгляд на колдуна.

— Иди сюда,— донеслось до него сквозь шум и гул барабанов.

Киммериец поднялся на ноги, подошел к Нгунте, посмотрел прямо ему в глаза и увидел в них одновременно беспокойство и надежду.

— Ты должен попасть копьем в этот круг,— почти не разжимая губ, произнес колдун, и Конан внезапно понял, что тот очень рассчитывает на удачный бросок варвара.

— Откуда ты знаешь, что я не промахнусь? — почти весело спросил киммериец.— Может быть, я и копье-то вижу первый раз в жизни.

Шутка варвара возымела неожиданное действие: Нгунта побледнел, его ноги подогнулись, и он едва не упал.

— А что будет, если я попаду?

— Ты докажешь всем, что ты посланец Ронго-Ронго.

Конан смерил взглядом расстояние до деревянного круга, видимо, изображавшего солнце. Высота была очень большой, но попробовать было можно, тем более, а это киммериец прекрасно понял по глазам Нгунты, что в противном случае его ожидали серьезные неприятности.

По знаку колдуна варвару принесли тонкое копье, похожее на то, какими были вооружены воины. Варвар осмотрел его и покачал головой.

— Слишком легкое. Я хочу вот это.— Он указал на копье, которое держал в руках один из вождов.

На поляне воцарилась мертвая тишина, и киммериец подумал, что нарушил какое-то местное правило.

— Ты хочешь копье Мархейо? — запинаясь, пробормотал Нгунта.

— Если его зовут Мархейо, то да,— решительно кивнул Конан.

Тот, кого называли Мархейо, растерялся. По его глазам варвар видел, что вождю почему-то очень хотелось отдать ему свое оружие, но, с другой стороны, он явно чего-то боялся.

— Если ты пронзишь солнце его копьем, этот человек будет твоим первым сыном,— шепотом сообщил ему колдун.

— Всего-то? — Киммериец смерил оценивающим взглядом своего будущего отпрыска.— Ничего себе сынок,— хмыкнул он.— А если нет?

— Тогда его принесут в жертву богам,— возвестил Нгунта,— вместе с тобой, самозванец.

— Вот оно что...— усмехнулся Конан.— Ничего не скажешь, в тяжелое положение попал бедолага. А если он не согласится отдать свое копье?

— Он будет низложен, на его место изберут другого вождя.

— Что же ты сразу не сказал? — рассмеялся варвар, которому ничего не оставалось, как попытаться поразить цель.— В таком случае я не вижу среди всех этих почтенных людей более достойного стать моим сыном.

Конан уже начал понемногу понимать обычаи этого племени, и его изумила какая-то детская честность и простота этих людей.

«Надо только попасть в это днище,— размышлял он,— и все поверят, что я посланец богов. Надо же! Где-нибудь в Аграпуре дельце бы не вы-

горело. Да где он теперь, этот Аграпур?» — вздохнул про себя киммериец.

— Дай копье! — Он уверенно шагнул к вождю и требовательно протянул руку.

Тот, замороженный твердостью и властным голосом варвара, безропотно отдал оружие и застыл на месте. Казалось, даже перья на его головном уборе поникли и перестали гордо колыхаться. Конан внимательно осмотрел копье. Тяжелое длинное древко было сделано из какого-то твердого дерева.

Киммериец взвесил копье на руке, примериваясь к броску. Хорошее оружие!

Единственное, что беспокоило его, — наконецник. Вырезанный из большой ракушки, остро заточенный, он не казался прочным, и варвар опасался, что наконецник разлетится на кусочки при ударе о дерево.

В том, что он добросит копье до мишени, киммериец несколько не сомневался. Все время, пока он осматривал оружие, на площадке стояла groboвая тишина, даже дети прекратили свои забавы. Сотни пар глаз были устремлены на варвара и стоявшего чуть поодаль Нгунту.

Наконец Конан взял копье в правую руку и, отступив немного назад, принял боевую стойку. Его могучие мускулы напряглись и выпуклыми буграми натянули загорелую кожу.

Нацелив острие вверх, киммериец сделал несколько быстрых, резких шагов вперед и, сильно прогнувшись в спине, бросил копье, пробормотав при этом слова молитвы: никогда в жизни ему не

приходилось поражать цель, находившуюся так высоко.

Бросок вышел на славу. Разрисованное древко, стремительно вращаясь в воздухе, поблескивало на солнце, словно змеиная чешуя. На те несколько показавшихся невероятно длинными мгновений, что копье летело к цели, все затаили дыхание. Трах!

Оружие коснулось середины раскрашенного диска, толпа взревела, и деревянный круг разлетелся на несколько кусков, которые, кружась в воздухе, начали падать вниз.

— Посланец! Посланец! — слышались со всех сторон восторженные крики.

Барабаны начали выбивать дробь. Киммериец, подбоченившись, посмотрел на колдуна, в глазах которого увидел нескрываемое торжество, и повернулся к владельцу копья.

Тот, разинув рот и не в силах поверить в свалившееся на него счастье, так и застыл, не отводя взгляда от варвара. На его лице был написан такой восторг, что Конан на миг и в самом деле поверил, будто он посланец неведомого ему Ронго-Ронго.

Нгунта сделал какой-то знак, и четверо воинов внесли на площадку нечто среднее между креслом и тронem — плетеное сиденье на шести бамбуковых столбиках. Два столбика были выше остальных и переплетены вместе наподобие спинки. Кресло поставили за спиной киммерийца, и, когда по знаку Нгунты он втиснулся в него, все туземцы пали ниц пред посланником богов.

«Спасибо, Солнцеликий,— не забыл про себя поблагодарить Митру киммериец,— без тебя мне, пожалуй, пришлось бы туго».

Глава вторая ЛУСУНГА

гунта сделал еще один знак, и воины перенесли кресло с киммерийцем под навес. Вожди расступились, освобождая место для посланца Ронго-Ронго.

— Прикажешь начинать праздник? — спросил Мархейо, улыбаясь так, что, казалось, кончики его губ сходились на затылке.

Киммериец, еще не совсем освоившийся с ролью посланника богов или младшего божества, важно кивнул. Мархейо подозвал к себе несколько юношей и что-то приказал им. Те с радостью бросились выполнять распоряжение. Жители, столпившиеся по краям площадки, поняв, что сейчас начнется пир, засуетились, и на поляне появилось огромное количество самой разнообразной еды в корзинах, на огромных деревянных блюдах, в различных сосудах, изготовленных, как подумал варвар, из тыкв или каких-то похожих на них овощей. Перед Конаном установили что-то вроде невысокой деревянной скамьи, напомнившей ему жертвенник перед истуканами.

«Праздник так или иначе состоялся бы,— усмехнулся он.— Если бы копьё не попало в цель, пировали бы по случаю принесения в жертву самозванца».

Юноши расторопно поставили перед варваром несколько больших блюд с жареной свиной и связками плодов, а также сосуды с напитками. Конан протянул руку и, взяв один из них, осторожно понюхал содержимое. В нос ударил слегка кислотный хмельной запах. На всякий случай киммериец украдкой посмотрел на остальных: все с удовольствием хлебали из сосудов, заедая питье мясом и овощами.

«Хм,— подумал он,— пожалуй, стоит попробовать. Вряд ли этим детям природы придет в голову отравить посланника богов».

Расположившиеся рядом с ним вожди, отложив копья, не отставали от своих подданных, поглощая снесь с таким неистовством, будто голодали несколько дней. Нгунта, поглядывая на варвара блестящими глазами, тоже не забывал о яствах, приготовленных местными кулиарами. Конан последовал его примеру, оказалось, что напиток весьма напоминал вино, а мясо, приправленное пряным соусом, было просто великолепным. Пир продолжался долго. Обильная трапеза сопровождалась мерным барабанным боем. Время от времени то один, то другой музыкант прыгивал на площадку и смешивался с толпой, но его место сразу же занимал доброволец, принимавшийся изо всех сил лупить по барабанам. Благодаря этому на лужайке не умолкал грохот, сравнимый разве что с реву-

щим водопадом или со снежной лавиной. Варвар обратил внимание, что люди почти не разговаривали друг с другом, а только торопливо набивали рты едой.

«Интересно,— спросил сам себя киммериец, с хрустом вонзая зубы в сочный плод, напомнивший ему большое яблоко,— долго они так смогут продержаться?»

Вскоре к барабанщикам присоединились несколько человек с длинными тонкими трубками, сделанными из тростника или похожего на него растения, и к мерным ударам добавился мерзкий гнусавый звук, словно завывала заморийская зурна. Барабаны стали бить чаще, и кое-кто из жителей деревни, выйдя на середину площадки, пустился в пляс. Остальные, подбадривая танцующих криками, хлопали в ладоши в такт ударам барабана. Конан почувствовал, что напиток, которого он поглотил немало, подействовал на него как крепкое вино, и, взглянув на вождей и Нгунту, понял, что те и вовсе пьяны, как, впрочем, и большинство туземцев. Никто уже не обращал внимания ни на вождей, ни на колдуна, ни на варвара, ни на музыкантов, все лишь самозабвенно обжиралось, начав, правда, при этом болтать и громко смеяться. Киммериец, глядя на беззаботно веселившихся людей, подумал, что оркестр мог бы уже отдохнуть, но барабаны и трубы звучали до самого вечера, а толпа пировала аж до заката. Конана, слегка осоловевшего от громадного количества выпитого и съеденного, сопровождали в хижину, вдвое больше той, где он ночевал накану-

«Праздник так или иначе состоялся бы,— усмехнулся он.— Если бы копье не попало в цель, пировали бы по случаю принесения в жертву самозванца».

Юноши расторопно поставили перед варваром несколько больших блюд с жареной свининой и связками плодов, а также сосуды с напитками. Конан протянул руку и, взяв один из них, осторожно понюхал содержимое. В нос ударил слегка кислотный хмельной запах. На всякий случай киммериец украдкой посмотрел на остальных: все с удовольствием хлебали из сосудов, заедая питье мясом и овощами.

«Хм,— подумал он,— пожалуй, стоит попробовать. Вряд ли этим детям природы придет в голову отравить посланника богов».

Расположившиеся рядом с ним вожди, отложив копья, не отставали от своих подданных, поглощая снедь с таким неистовством, будто голодали несколько дней. Нгунта, поглядывая на варвара блестящими глазами, тоже не забывал о яствах, приготовленных местными кулинарами. Конан последовал его примеру, оказалось, что напиток весьма напоминал вино, а мясо, приправленное пряным соусом, было просто великолепным. Пир продолжался долго. Обильная трапеза сопровождалась мерным барабанным боем. Время от времени то один, то другой музыкант прыгивал на площадку и смешивался с толпой, но его место сразу же занимал доброволец, принимавшийся изо всех сил лупить по барабанам. Благодаря этому на лужайке не умолкал грохот, сравнимый разве что с реву-

щим водопадом или со снежной лавиной. Варвар обратил внимание, что люди почти не разговаривали друг с другом, а только торопливо набивали рты едой.

«Интересно,— спросил сам себя киммериец, с хрустом вонзая зубы в сочный плод, напомнивший ему большое яблоко,— долго они так смогут продержаться?»

Вскоре к барабанщикам присоединились несколько человек с длинными тонкими трубками, сделанными из тростника или похожего на него растения, и к мерным ударам добавился мерзкий гнусавый звук, словно завывала заморийская зурна. Барабаны стали бить чаще, и кое-кто из жителей деревни, выйдя на середину площадки, пустился в пляс. Остальные, подбадривая танцующих криками, хлопали в ладоши в такт ударам барабана. Конан почувствовал, что напиток, которого он поглотил немало, подействовал на него как крепкое вино, и, взглянув на вождей и Нгунту, понял, что те и вовсе пьяны, как, впрочем, и большинство туземцев. Никто уже не обращал внимания ни на вождей, ни на колдуна, ни на варвара, ни на музыкантов, все лишь самозабвенно обжиралось, начав, правда, при этом болтать и громко смеяться. Киммериец, глядя на беззаботно веселившихся людей, подумал, что оркестр мог бы уже отдохнуть, но барабаны и трубы звучали до самого вечера, а толпа пировала аж до заката. Конана, слегка ослотившего от громадного количества выпитого и съеденного, сопровождали в хижину, вдвое больше той, где он ночевал накану-

не, и вдобавок украшенную цветными лентами и перьями птиц. Конан рухнул на циновку.

«Хорошо быть посланцем богов,— подумал он, засыпая.— Только вот не мешало бы еще и женщину. Здесь так много красавиц...»

* * *

На следующее утро празднество продолжилось. Киммериец, который решил, прежде чем что-то предпринять, сначала хорошенько присмотреться и изучить местные обычаи, безропотно принял приглашение Мархейо и устроился под навесом. Как и вчера, перед ним выставили такое же огромное количество еды и напитков. Жители принялись жевать с тем же неистовством, но по обрывкам их разговоров варвар понял: сегодня праздник будет посвящен не только еде и питью. Нгунта, увидев, что киммериец внимательно прислушивается, подошел к нему. С трудом перекрывая грохот музыки, он прокричал:

— На празднике Бунга мы выберем тебе жен, посланец богов!

Варвару это очень понравилось, но он не стал ничего уточнять. Его несколько удивляло, что, несмотря на присвоенный ему громкий титул, во время вчерашнего праздника о нем как будто и не вспоминали, словно его и не было на поляне. Правда, приставленный, видимо, специально для этой цели, юноша внимательно следил, чтобы блюдо и чаша перед ним не оставались пустыми.

«Наверное, здесь так принято — не беспокоить божество,— подумал киммериец.— Ладно, время

теперь у меня есть, может, и придумаю, как быть дальше».

Пир только-только успел начаться, как Нгунта, взяв в руки бубен, сделанный из согнутого бамбукового прута, внутри которого на натянутых веревках были подвешены выдолбленные скорлупы больших орехов, вышел на середину лужайки.

Мгновенно барабаны и трубы умолкли, и в тишине, особенно пронзительной после чудовищного грохота, колдун начал приплясывать, сопровождая свои движения взмахами бубна, который издавал четкий сухой стук. Сидевшие вокруг поляны зрители, поначалу притихшие, принялись ударять в ладоши в такт бубну и мерно раскачиваться. Продолжая танец, Нгунта спиной двигался к тому месту, где сидели вожди и киммериец, а на середину лужайки начали выходить девушки в сопровождении нескольких старух, раскрашенных почти так же, как воины: белыми и кроваво-красными полосами.

Девушек было много, не менее пяти-шести десятков, и киммериец с вождельем поглядывал на полногрудых прелестниц с длинными стройными ногами и белоснежными зубами. По знаку старух девушки сбросили юбки и накидки и остались совершенно нагими, если не считать небольших связок мелких цветков, которые, словно бусы, обвивали их шеи, и больших белых орилей, воткнутых в волосы. Толпа радостно заревела, и Конан сам был готов завопить от восторга, но благоразумно промолчал.

Нгунта еще несколько раз потряс бубном, и в середину круга, образованного девушками, вошла

рослая женщина с небольшим длинным барабаном в руках. За ней выбежали несколько нагих раскрашенных девушек с погремушками. К удивлению варвара, под одобрительный гул толпы девушки встали на четвереньки и пошли по кругу, странно подпрыгивая, будто подражая волкам. Женщина с барабаном и девушки с погремушками, извиваясь и приплясывая на месте, подыгрывали им на своих инструментах.

Постепенно ритм ускорялся, и девушки бежали все быстрее и быстрее, время от времени сталкиваясь и потираясь друг о друга. Постепенно танец стал настолько быстрым, что трудно было различить отдельных девушек. Казалось, они слились в одну извивающуюся цепь. Нгунта тем временем тоже выскочил в середину круга. На этот раз голову колдуна прикрывала маска, сделанная из головы волка или собаки, а хвосты этих животных свисали с его тощей спины. Подняв голову вверх, Нгунта начал медленный танец, а потом завел песню, похожую на заклинание, которая завершилась пронзительным криком, напоминавшим визг шакала. В ответ из леса слышались завывания, звучавшие все громче и громче. Жители деревни, так же мерно раскачиваясь, тоже завывали. Все это продолжалось довольно долго, пока Нгунта не рухнул на землю как подкошенный, и тут же девушки, остановив свой бег, тоже упали навзничь, ногами к центру круга. Конан прищелкнул языком. Зрелище было восхитительным: несколько десятков нагих юных тел, словно лепестки огромного цветка, украсили поляну.

— Нгунта! Нгунта! — раздавались крики со всех сторон лужайки.

Колдун поднялся и, пошатываясь, направился к своему месту. Юноша поднес ему чашу с напитком, и Нгунта, жадно припав к ней, долго пил, словно его мучила сильная жажда. Отбросив от себя сосуд, он поднял руки и воскликнул:

— Назначение! Назначение!

Зрители восторженно завопили. Нгунта потряс бубном, и девушки, до того лежавшие неподвижно, резво вскочили на ноги и выстроились в ряд, повернувшись лицами к вождям и варвару.

«Кажется, теперь я начинаю чувствовать в себе нечто божественное,— ухмыльнулся киммериец, не зная, на какой из девушек остановить взгляд.— Вот эта подошла бы... Нет, лучше эта... Или, может быть, вон та, с краю?»

Девушки, нисколько не смущаясь, что стоят совершенно обнаженными перед всем племенем, лукаво поглядывали на варвара.

«Когда же, Нергал раздери этих дикарей,— Конан чуть не подпрыгивал от нетерпения,— я смогу выбрать кого-нибудь?»

Однако он ошибался: титул посланца богов не означал, что теперь ему принадлежит власть. Да, ему поклонялись, отдавали почести, но и только. Все произошло очень просто: вожди и колдун вполголоса о чем-то посовещались, поглядывая на девушек, потом Нгунта подошел к красавицам и, выбрав троих, знаком приказал им идти к варвару. Толпа, до того безмолвствовавшая, вновь разразилась криками, и опять загрохотала музыка.

«Троих? — удивился Конан. — Неплохо у этих дикарей придумано. Девчонки, клянусь стройными бедрами Иштар, прехорошенькие! Я бы не возражал, будь их и побольше!»

Девушки, подойдя к киммерийцу, низко поклонились ему и улеглись на траву рядом с его троном.

«Что же мне делать? — с разочарованием подумал варвар. — Неужели до самого вечера теперь придется сидеть здесь, пить, жрать от пуза и только смотреть на эти прекрасные создания?»

Но он ошибся и на этот раз. Обычаи туземцев не подразумевали столь изощренного издевательства. Остальных девушек раздали молодым воинам, которые, как понял варвар, еще не имели собственных женщин. В отличие от посланца богов каждому досталось только по одной. Трубы взвыли еще громче, и Нгунта, приблизившись к киммерийцу, лукаво поглядел на него и сказал:

— Теперь ты можешь заняться тем, к чему стремишься, а мы будем воздавать хвалу богам и молиться.

— Вот это дело! — Конан вскочил с кресла и в сопровождении девушек и охранявших его десяти воинов направился к деревне, в хижину, где провел сегодняшнюю ночь.

Толпа проводила их уход с поляны, как, впрочем, и шествие молодых воинов, впервые получивших женщин, приветственными возгласами, и тут же, как заметил варвар, обернувшись назад, все вновь принялись за еду и питье.

«Наверное, это у них и называется молиться богам — объедаться и упиваться, пока не свалишь-

ся с ног, — усмехнулся киммериец. — В общем, неплохое местечко, — подумал он, глядя на стройные спины и упругие ягодицы трех красавиц. — Ну ладно, потерпи, Конан, совсем уже немного осталось...»

Подходя к хижине, киммериец решал про себя трудный вопрос: с какой из прелестниц он начнет знакомиться первой, но оказалось, что он напрасно мучился. Стоило им переступить порог, как две девушки сели на циновку ближе к выходу, а третья, не говоря ни слова, подошла к киммерийцу и потянула его набедренную повязку, намереваясь снять ее. Конан, забыв о своем титуле, схватил девушку и бросил ее на приготовленное для них ложе...

Конан был крепким мужчиной: крики, повизгивания и стоны девушек разносились сквозь плетеные стены хижины далеко по округе, и когда все они настолько утомились, что не могли даже пошевелиться, варвар позволил себе выйти наружу, разминая плечи и поясницу. Впервые после появления здесь он чувствовал себя нормально: им никто не управлял, и он все делал сам.

С поляны все еще доносился грохот барабанов, но вдруг киммерийцу почудилось, что их ритм изменился. Так и есть, удары стали беспорядочными, трубы смолкли, и он услышал крики людей. Воины, которые охраняли его хижину, прислушались, и один из них произнес:

— Лусунга!

— Что это такое? — спросил у него варвар.

Воины вытаращили глаза, на их раскрашенных лицах отразилось крайнее удивление.

— Лусунга — это могучий вождь с севера, — объяснил один из воинов, сжимая копье.

— Ну и что? — не понял варвар.

— Он может рассердиться за то, что ему не показали тебя, и тогда...

— Что тогда? — спросил киммериец, но, не дожидаясь ответа, все понял сам. — Будет война?

— Да, — подтвердил воин и еще крепче сжал копье — так, что побелели костяшки пальцев.

— Много у него воинов? — спросил Конан.

— Много...

— Как много? — продолжал допытываться варвар, и вдруг понял, что не может на языке этих людей назвать сотню или тысячу.

На лице туземца появилось почтительно-испуганное выражение:

— Очень много...

Киммериец махнул рукой, решив, что не стоит и голову ломать.

«Наверное, после десяти у них все называется много, — подумал он. — Пойти, что ли, взглянуть на этого Лусунгу?»

Варвар заглянул в хижину, где в живописных позах раскинулись его спящие жены, и неторопливо направился в сторону поляны. Половина его охранников последовала за ним, остальные остались возле хижины.

«Кое-какой порядок у них все-таки есть, — мысленно похвалил он туземцев, — но вряд ли они хоть

что-то понимают в военном деле. Наверное, просто бегут толпой и тычут друг в друга копьями».

Выйдя на поляну, Конан увидел, что перед навесом вождей народу прибавилось. Группа людей, раскрашенных иначе, нежели воины этой деревни, окружала высокого тощего старца. Яркие перья и цветные полосы украшали до такой степени, что трудно было разглядеть его лицо. Старец, размахивая руками, говорил что-то высоким пронзительным голосом, а вожди, собравшись кучкой, время от времени отвечали ему. Колдун Нгунта стоял чуть поодаль, и было заметно, что он слегка растерян и испуган.

— В чем дело? — Киммериец подошел к нему сбоку, стараясь не привлекать к себе особенного внимания.

— Он говорит, что ты не посланник богов... — Увлеченный разговором вождей, Нгунта чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда варвар взял его за локоть.

— А кто же я тогда? — усмехнулся Конан, которому его положение пришлось весьма по душе, и в ближайшее время расставаться с этим почетным титулом, по крайней мере, добровольно, он не собирався.

— Он говорит, что на другом острове, где живет вождь Помонтохо, появился настоящий посланец.

— А что, недалеко есть другие острова? — любопытствовал варвар, прикидывая про себя, что это совсем неплохо: во всяком случае, если что, будет куда смыться.

— Один виден с того берега,— ответил, махнув рукой, колдун.— Мы туда плаваем на лодках.

— Там много людей?

— Много.

Конан поморщился, вспомнив, что у дикарей все равно толком не выведать, что такое много или что такое далеко...

— За день туда можно доплыть? — наконец сообразил он, как правильно задать вопрос.

— Меньше чем за полдня можно...

«Демон их разберет, как быстро ходят их лодки,— подумал киммериец.— Пожалуй, лиг пять-шесть до той земли. Могу и так доплыть».

Это несказанно обрадовало его, и Конан стал с интересом следить за беседой вождей, поглядывая на Нгунту, лицо которого то бледнело, то краснело. Вдруг один из вождей по внезапно наступившей тишине понял, что происходит нечто необычное. Он повернул голову и увидел варвара, стоявшего рядом с колдуном. Слова, которые он хотел произнести, застряли у него в глотке. Остальные, посмотрев на него, проследили за его взглядом, и на их лицах отразилось нечто похожее на ужас.

«Клянусь Белом,— подумал варвар,— не иначе как я нарушил какое-нибудь табу. Но что ж, попробую удивить их еще...»

Конан, не зная всех местных обычаев, все-таки почувствовал, что эти люди теряются, когда сталкиваются с чем-то необычным. Все должно иметь свой порядок, свою последовательность — к другому они просто не приучены... Киммериец резко повернулся и широкими шагами направился

прямо к вождям. Воины, которые стояли между ними, в страхе расступились, даже не попытавшись задержать его. Варвар подошел почти вплотную к Лусунге. Тот, широко раскрыв глаза, начал пятиться, а варвар ткнул пальцем в разрисованную грудь дикаря и грозно спросил:

— Ты кто такой?

Рот вождя открылся, глаза распахнулись еще шире и стали совсем круглыми. Конан даже забеспокоился, не случился ли с ним удар. Лусунга сделал еще два шага назад и непременно упал бы, не поддержи его один из воинов. С невероятной ловкостью кто-то из свиты подставил плетеное кресло, очень похожее на трон посланца богов, и Лусунга плюхнулся в него. То, что киммерийцу показалось креслом, на самом деле было неким подобием носилок. Четверо воинов схватили рукоятки и почти бегом удалились с поляны, над которой повисла мертвая тишина. Варвар, подбоченившись, победно оглядел столпившихся вождей, но на их лицах вместо одобрения он увидел смесь испуга и подострастия. Один Нгунта выглядел веселым.

«Неужели я все-таки сделал что-то совсем уж невероятное или непоправимое? — подумал Конан, но тут же отшел сомнения.— Нет! Все правильно. Иначе так и буду у них чем-то вроде живого истукана. До тех пор, пока по обычаям этих дикарей не наступит время принести меня в жертву».

* * *

Празднества окончились, и потекли обычные будни. Для Конана это была беспрерывная цепь

сладкого ничегонеделанья, которая состояла из сна, еды, питья и забав с женами. Утром, едва только рассвет золотил краешек неба, киммериец вместе с ними спускался к морю для утреннего купания, почти к тому самому месту, где очнулся на этом острове. Потом они возвращались к хижине, и расторопные юноши, обязанностью которых было выполнять прихоти посланца богов, подавали обильный завтрак. После этого варвар до самого обеда предавался плотским утехам, затем поглощал еще более сытную, чем утром, снедь и позволял себе сладкий послеобеденный сон. Проснувшись, он слушал рассказы своих жен о жизни и обычаях племени, не без удовольствия прихлебывая напиток, похожий на вино. Он многого не понимал в их обычаях и правилах, которых было бесконечное множество, да и старался не забивать голову этой ерундой, поскольку посланца богов все это во многом не касалось. Потом он опять ел, ласкал женщин, спал...

Прежде, когда случалось голодать и мерзнуть, мокнуть под дождем и изнывать под палящим солнцем в пустыне, варвар мечтал, что настанет такое время, кода он будет пребывать в тепле и сытости, в окружении красивых женщин, и никуда не надо будет бежать, не надо искать ночлег, а на добрую кружку вина всегда найдется монета...

«Клянусь Кромом,— мрачно подумал киммериец, когда давняя мечта воплощалась уже десять дней,— пожить так еще две-три луны, и я превращусь в откормленного хряка с заплывшими жиром мозгами... Прав был Нинус. Сластей надо есть

столько, чтобы еще хотелось, а стоит перебрать, так непременно затошнит...»

Он сидел около своей хижины в тени пальмы, прислонившись к стволу и потягивая хмельной напиток из большого сосуда, выделанного из сушеной тыквы и оплетенного цветными полосками. Заходящее солнце уже скрылось за верхушками деревьев, но небо было светлым и спокойным, и даже ветерок, приятно обвевавший тело, стих, словно тоже готовился отойти ко сну, уступив место ласковому ночному собрату.

«Славно мы тогда пощипали с Нинусом богатеев,— вспоминал своего шадизарского приятеля киммериец,— хоть и не всегда все было гладко. Но не может ведь всегда везти. Наверное, боги распределяют все так, чтобы не было скучно... Как ожерелье из разных камней: один цвет, потом другой... Ожерелье! — вдруг вспыхнуло в его мозгу.— Бусы из зеленого камня! — Он попытался вспомнить, зачем ему это ожерелье, но мысли путались, а ухватить нужную не удавалось.— Копыта Нергала! — выругался он.— Вот уже и с памятью плохо! — По телу побежали мурашки.— Может быть, Нгунта говорил о нем? Пойду спрошу, что ли... Все равно делать нечего».

Конан направился к хижине колдуна, стоявшей неподалеку. Пять воинов, что охраняли спокойствие посланца богов, последовали за киммерийцем.

«Демоны бы их забрали! Как пиявки присосались...» — с раздражением подумал варвар.

Все время десять воинов с копьями и в боевой раскраске не спускали глаз с Конана и его жили-

ща. Никто не запрещал ему передвигаться по деревне, ходить в лес или к морю, но всегда половина его охранников следовала за ним, куда бы киммериец ни направлялся. Но самое странное, что никто не приходил к нему, не разговаривал, ни о чем не просил и ничего не требовал, этим дикарям было не до него. Встречаясь с ним на поляне, в лесу или в любом другом месте, жители почтительно кланялись и продолжали заниматься своими делами.

«Да, в самом деле, я для них что-то вроде живого истукана,— размышлял варвар, неспешно шагая к жилищу Нгунты.— Хорошо, что живого, а то вполне могли бы и чучело из меня сделать»,— невесело усмехнулся он.

Единственным из обитателей деревни, кто хоть как-то проявлял к нему интерес, был колдун Нгунта. Киммериец чувствовал, что его появление здесь помогло местному магу серьезно укрепить влияние на соплеменников, как, впрочем, и вождю Мархейю, чьим копьем варвар доказал свою причастность к высшим силам. Конан с трудом разбирался в многочисленных и совершенно не понятных ему запретах, которыми была опутана жизнь туземцев. Например, ни одна женщина, кроме тех, что были предназначены варвару, не имела права приближаться к жилищам колдуна и Конана ближе чем на пятьдесят шагов, а ни один мужчина не мог присутствовать при утреннем купании девушек.

— Ну и что будет, если кто-нибудь нарушит этот запрет? — спросил варвар у Нгунты, когда тот

в один из первых дней его пребывания здесь рассказал о местных обычаях.

— Если это воин, его ждет смерть у алтаря,— буднично ответил Нгунта.

— Это там, в лесу? — Киммериец вспомнил трех деревянных идолов.

— Да,— кивнул колдун.— Провинившегося связывают и, сделав несколько надразов на его теле, оставляют там.

— Ясно...— Конан не стал уточнять подробности, прекрасно понимая, что несчастного живьем сожрут шакалы или стервятники.— А если это женщина?

— Если у нее есть муж, с ней поступают так же, как и с воином, а если мужа нет, мы ее съедаем,— спокойно ответил Нгунта.

— Как? — Варвара едва не стошнило.— Так что, на празднике ты меня тоже кормил человечиною, старый шакал?

— Нет,— покачал головой Нгунта,— это случается нечасто. Особенно приятны на вкус мозг и печень. Очень вкусно...— мечтательно повторил он, полузакрыв глаза.— Когда мы воюем с Лусунгой, вкусного мяса много, а так...— Он с сожалением развел руками.

...Нгунта был на месте. Он сидел на корточках около хижины, а перед ним были разложены принадлежности для колдовства: палочки странной формы, кусок змеиной шкурки, несколько листьев, пожелтевших и свернувшихся в трубочку, погремушка из маленькой тыквы, с десятков цветных камней и несколько ракушек.

— Да продлятся дни твои,— привстал он, увидев Конана.

— Слушай, Нгунта,— без предисловия начал варвар,— ты ничего не говорил мне о бусах из зеленого камня?

На лице колдуна отразился ужас.

— Нет, нет! — замахал он руками, словно даже упоминание об этом таило в себе какую-то угрозу.

— Но ты ведь знаешь о них? — почувствовав, что напал на верный след, продолжал настаивать киммериец.

— Значит, ты пришел за ними? — испуганно пролепетал Нгунта.

— Ни за чем я не пришел,— усмехнулся варвар,— но я должен знать, где оно находится.— Конан уже уяснил, что местным жителям неизвестно ложь, и даже колдун не сможет соврать, если понимает, о чем идет речь.— Тебе известно, где оно?

— У Ванататры. У кого же еще? — нехотя ответил Нгунта.

— У Ванататры? — переспросил киммериец.— А не у Помонтохо?

Чтобы получить точный ответ, надо было очень тщательно продумывать вопрос. Поинтересуйся Конан, кто такой Ванататра, он, скорее всего, и до самого заката ничего бы и не узнал толком. Теперь же Нгунта вынужден объяснить, почему ожерелья не может быть у Помонтохо, и не исключено, что из его рассказа удастся что-нибудь узнать и про Ванататру.

— Помонтохо простой вождь,— усмехнулся колдун.

«Вот оно в чем дело! — сообразил варвар.— Этот Ванататра, видимо, колдун какого-то племени или деревни на другом острове. Но почему они думали, что меня прислал к ним Ванататра?»

— Ваши воины сказали, что меня прислал Ванататра,— напомнил он Нгунте.

— Мархейо отдал свою дочь в жены одному из вождей Северной Земли. Ванататра был против и сказал, что если вождь заболит, то он принесет болезни на наш остров.

— Они что же, ни разу не видели этого Джокинамбу?

— Его никто не видел,— едва заметно улыбнулся Нгунта.

— Откуда ты знаешь, что ожерелье из зеленого камня у Ванататры?

— У кого же еще?

«Хороший ответ,— подумал киммериец.— Вот и думай, на самом деле у него есть такие бусы или это всего-навсего местная сказка...»

Он повернулся и пошел вниз по склону к своей хижине. Воины, почтительно стоявшие в стороне, пока он беседовал с колдуном, тут же зашагали вслед за ним.

От нечего делать киммериец решил смастерить себе лук. Он не был оружейным мастером и охотно обзавелся бы гирканским или аргосским луком, но где его взять в этом богами забытом месте? Варвар обшарил весь близлежащий лес, пока не

нашел подходящее, по его понятиям, деревце, гибкое и тонкое. Заостренной ракушкой, которую местные умельцы использовали в качестве ножей, он аккуратно заровнял концы выдернутого из земли ствола, а тетиву из пальмовых волокон киммериец заставил сплести своих жен.

— Даром, что ли, я с вами тут вожусь...— проворчал он, когда наконец после долгих объяснений его женщины сообразили, что от них требуется.

Теперь к обычным дневным делам прибавилось изготовление стрел. Перьев для охвостья было множество, но киммерийцу пришлось изрядно попотеть, прежде чем он нашел подходящий материал для наконечников. Около ручья, где росли белые орилеи, Конан разыскал несколько камней, которые ему удалось расколоть на тонкие длинные пластинки. Он примотал их волокнами к стрелам и сверху залил смолой, как это делали туземцы. Его охранники, присев на корточки и разинув рты от удивления, безмолвно наблюдали за работой посланца богов. Внешне лук вышел на славу — тугой, длинный, с таким было бы не стыдно появиться и в Аграпуре. Правда, оставалось еще проверить, можно ли из него стрелять.

Когда варвар вышел на середину лужайки, чтобы опробовать свое творение, чуть не вся деревня сбегалась посмотреть на диковинку. Они молча смотрели, как киммериец прилаживает стрелу и поднимает лук. Сначала Конан хотел просто выпустить стрелу в воздух, чтобы посмотреть, далеко ли бьет оружие, но потом заметил на противоположном краю поляны стайку крупных птиц,

рассевшихся на вершине дерева. Он прикинул расстояние.

«Удивлю-ка я этих детей природы». Усмехнувшись, варвар посмотрел на жителей деревни, которые никак не могли понять, что же делает посланец богов.

Стрела запела, стремительно уносясь к цели, и уже по этому звуку Конан определил, что лук хорош. Дикари, оторопев, следили за полетом ярко оперенной стрелы. Через несколько мгновений птица шлепнулась на землю, и одновременно туземцы попадали ниц, закрыв глаза ладонями.

— Копье богов, копье богов! — вопили они.

Они были почти правы: киммериец сделал большой лук для себя, со стрелами такой длины, что их и вправду можно было сравнить с копьем.

— Теперь попробуй ты! — Конан протянул лук Мархейо, но тот в страхе замахал руками, не в силах заставить себя прикоснуться к оружию посланца богов. — Я же пользовался твоим оружием, — уговаривал его варвар, но все было тщетно.

Киммериец попытался предложить еще кому-нибудь выстрелить из лука, но все воины с округлившимися от ужаса глазами решительно отказывались от подобной чести.

— Ну и пёс с вами! — беззлобно ругнулся Конан. — Не хотите, оставайтесь в дураках, вам же хуже. Пойду, пожалуй, к своим женщинам... Птицу зажарьте мне на ужин, — кивнул он прислуживавшим ему юношам.

«Вот дикари, хуже нас, варваров, — хмыкнул киммериец. — Дети малые!»

* * *

На следующий день, когда Конан вернулся после утреннего купания со своими женами и с удовольствием обгрызал свиной окорок, его трапезу прервали звуки трубы и крики на дальнем конце поляны.

— Лусунга, Лусунга... — заговорили между собой женщины.

«Некоторое разнообразие мне не повредит. Пойду погляжу, что там такое». Киммериец бросил недоеденную ногу и направился в ту сторону, куда сбегались туземцы.

Жители деревни кольцом окружили Лусунгу, который, отчаянно жестикулируя и время от времени срываясь на визг, кричал на Мархейо, указывая на что-то лежавшее на земле. Киммериец подошел поближе, и толпа расступилась, пропуская его. Конан увидел труп молодой женщины. Сначала он не сообразил, в чем дело, но мгновением позже разглядел, что у покойницы была аккуратно срезана половина черепа и вскрыт живот — там, где находится печень.

— Это сделали твои люди! — возбужденно кричал Лусунга.

Мархейо молча озирает собравшихся, не решаясь возражать разъяренному соседу.

«Особенно вкусны мозг и печень, — вспомнил Конан слова Нгунты. — Значит, кто-то поймал бедняжку в лесу или похитил из деревни и съел самые лакомые, по мнению туземцев, кусочки».

— Кто сделал это? — грозно обратился Мархейо к соплеменникам.

Все подавленно молчали.

— Мы это сейчас узнаем, — зловеще пообещал Лусунга.

Он взял за плечо одного из своих воинов и что-то тихо сказал ему на ухо. Тот, кивнув, побежал к лесу и скрылся в зарослях.

— Куда он побежал? — шепотом спросил варвар у подошедшего к нему Нгунты.

— Он пошел за Гуна-Райной, — ответил колдун, бледный и крайне встревоженный.

— Это еще кто? — спросил Конан, но в это время воин вышел из леса вместе с женщиной, и по поляне пронесся шелест голосов:

— Гуна-Райна... Главная колдунья...

Женщина была высокой, намного выше остальных туземок, с красивой, светло-коричневой кожей. Она была обнажена до пояса, а на бедрах свободно сидела короткая юбочка. Высокая и очень большая грудь женщины слегка колыбалась при ходьбе. Киммериец пораженно хмыкнул: несмотря на внушительные размеры, грудь колдуньи была крепкой и упругой. Такого варвару не приходилось видеть, хотя в его жизни побывало достаточно женщин. Конана также изумил ее живот, весь покрытый концентрическими кругами, но не раскрашенный, как это обычно делали туземцы, а татуированный. Волосы колдуньи были собраны в пучок, скреплены наверху и расходились над головой наподобие веера. За женщиной шел мальчик, который нес что-то вроде большого бубна, сделанного из изогнутых кусков дерева и пустых продолговатых тыкв.

Гуна-Райна склонилась над трупом и долго осматривала его. Потом она села на землю и положила перед собой несколько костей и тыкву с водой. Полив немного воды на руки, она побрызгала кости и посыпала их каким-то белым порошком. Жители деревни смотрели на эти приготовления, не проявляя особого беспокойства. Колдунья подбросила кости вверх и, посмотрев, как они упали, выпрямилась и, повернувшись к Мархейо, приказала:

— Приведите всех, кого зовут Ткумху!

Нескольких человек вытолкнули в середину круга. Женщина вновь обратилась к Мархейо:

— Ее убил один из этих людей.

— Кто? — свирепо ощерившись, спросил вождь.

— Сейчас узнаю, — ответила колдунья и кивнула мальчику.

Тот подошел к ней и протянул небольшое птичье яйцо. Его скорлупа была столь нежной, что казалась прозрачной. Киммериец бросил взгляд на Нгунту и увидел, что тот дрожит, а на верхней губе колдуна выступили мелкие капельки пота. Гуна-Райна тем временем протянула яйцо ближайшему из подозреваемых и приказала передать его следующему. Мальчик принялся трясти бубен. Сухие, надтреснутые звуки понеслись над лужайкой. Конану стало ясно, что при малейшем нажмении скорлупа лопнет, и это изобличит виновного, если, конечно, таковой находился здесь. Так и случилось. Когда яйцо попало в руки пятого мужчины, его лицо вдруг свела гримаса ужаса, пальцы дрогнули, и по ладони растекся желток. Несчас-

тный замер, вытянув руку, с которой на землю стекала скользкая масса, а его дрожащие губы тщетно пытались выговорить какие-то слова.

— Что ты хочешь сказать в свое оправдание? — спросила у него колдунья.

— Мне помогали он и его брат Мбуки. — Ткумху указал пальцем на колдуна.

Гуна-Райна повернулась к Нгунте, и киммериец увидел, как в глазах ее мелькнуло торжество. Он внезапно понял, что колдуны этих деревень не ладили, а сейчас Гуна-Райна сумела сделать так, что Нгунта оказался в опасном, а может быть, и в смертельном положении. Признавшийся преступник между тем, дрожа всем телом, рассказывал вождям, как все произошло, время от времени показывая рукой на Нгунту. Несколько воинов уже схватили колдуна и еще одного человека, который, как понял варвар, был его братом Мбуки.

Нгунта и Мбуки яростно отрицали свою причастность к преступлению, но киммериец уже понял, что старый колдун виновен, и подивился тому, что, оказывается, среди дикарей все-таки есть люди, которые умеют лгать. Торжествующая Гуна-Райна по знаку Лусунги приступила к подготовке нового обряда. Толпа расступилась перед ней, туземцы рассаживались на траве по краям поляны. Вождям быстро принесли навес, а посланцу богов — его трон, и Конан присел, понимая, что предстоящее зрелище будет долгим. Ему было слегка жаль Нгунту, с которым он за это время довольно много общался и к которому испытывал нечто похожее на симпатию.

Над разведенным огнем подвесили большой глиняный котел с водой. Когда вода закипела, Гуна-Райна бросила туда куски коры неизвестного киммерийцу дерева, а потом добавила красноватого порошка. Образовавшаяся густая жидкость кипела, покрываясь многочисленными пузырями, которые лопались с громким треском. Цепочка женщин по знаку колдуньи вошла в круг и стала медленно кружиться перед костром, что-то монотонно напевая. Мальчик постукивал в бубен в такт их движениям. Некоторые из зрителей стали возбужденно подпрыгивать на месте и что-то выкрикивать. Над поляной разнесся запах варева, напомнивший варвару вонь солдатской казармы.

«Экое дерьмо варит эта ведьма, — отметил про себя варвар, — явно отравя».

Колдунья подошла к котлу, зачерпнула ковшом густую жидкость и налила в большой сосуд, чтобы остудить. Потом, оглянувшись на Мархейю и Лусунгу, которые сидели рядом и дружно закивали ей в ответ, она предложила несчастному Ткумху отпить из сосуда. Тот послушно глотнул, и сосуд передали Нгунте, а потом — его брату. Все пили отраву, даже не пытаясь сопротивляться. Потом по знаку колдуньи жители деревни начали подходить к котлу и, зачерпывая оттуда жидкость, глотать. Вождь поднес ковш с напитком и киммерийцу, но Конан мрачным жестом отослал его прочь: что-то ему не хотелось даже пробовать это пойло, от которого несло застарелым потом. Вареву подействовало на всех возбуждающе, толпа заплясала, криками выражая радость, откуда-

то появились юноши, которые ладонями били в большие барабаны, еще более подстегивая танцующих. Только Гуна-Райна, варвар со своими охранниками и связанная тройка преступников оставались неподвижными среди этой сумасшедшей пляски. Колдун и два его соучастника сидели спокойно, безмятежно улыбаясь.

«Не нравится мне все это, — подумал Конан. — Похоже, пора убираться с этого островка, пока цел. Побыл немного посланником богов — и хватит...»

Несколько раз Конан ловил направленный на него взгляд колдуньи, но в нем не было того, что он обычно привык видеть в глазах женщин: призыва или неприкрытого желания. Блестящие глаза Гуна-Райны смотрели угрюмо и торжествующе, так что варвар даже поежился и на всякий случай отвернулся.

«Чего ей от меня надо? — мрачно спросил он себя. — Не хватало еще попасться в лапы этой сучке... А девчонка, между прочим, что надо. — Он украдкой метнул взгляд на ее вызывающе торчавшие груди. — Вот если бы только она не была колдуньей...»

Конан ни в коей мере не испытывал любви к чародейству и старался держаться подальше от любой магии. Справедливости ради стоит отметить, что у киммерийца это получалось крайне плохо: судьба его складывалась так, что он постоянно сталкивался с колдовством в самых мерзких его проявлениях.

Тем временем пляска стала понемногу затихать, и скоро все племя, включая и вождя, рух-

нуло на траву, в изнеможении раскинув руки. Варвар с радостью покинул бы свой трон, но его удерживало любопытство. Что же будет дальше? Постепенно все поднялись с травы и вновь уселись в кружок. Свое место, чуть в стороне от Конана, заняли и вожди.

Все смотрели на связанных преступников, застыв в напряженном ожидании. Вдруг Ткумху затрясся всем телом и согнулся пополам, его тело начало содрогаться в приступах рвоты, такой сильной, что он не мог даже вздохнуть. Вслед за ним такая же участь постигла и Нгунту.

Между тем Мбуки сидел совершенно спокойно, и по его лицу, как и прежде, блуждала блаженная идиотская улыбка.

Жители деревни спокойно и безучастно смотрели на мучения двух своих соплеменников. Колдунья встала и подошла к Мбуки.

— Ты будешь жить! — сказала она. — Ты не виноват. Развяжите его, — обратилась она к Мархейо.

Тот сделал знак воинам, несчастного брата Нгунты освободили от пут, и он присоединился к толпе, наблюдавшей за агонией преступников. А они доживали, по всей видимости, последние мгновения: несчастные стонали, катались по траве, корчились от боли и наконец затихли. Толпа радостно завопила:

— Ронго-Ронго взял! Ронго-Ронго взял!

Гуна-Райна выпрямилась и, гордо оглядев собравшихся, удалилась в лес, откуда пришла. Мальчишка с бубном вприпрыжку поспешил вслед за ней. Конан краем уха прислушался к разговору

вождей и понял, что почтенные предводители обсуждают, сколько свиней должна заплатить деревня Лусунге за смерть девушки. Лусунга и его свита выглядели довольными и гордыми, а вожди деревни во главе с Мархейо — подавленными и мрачными. Варвару показалось, что их печалило не только то, что придется отдать несколько животных. Причина была куда более значительной.

«Ну конечно! — вдруг сообразил он. — Они же остались без колдуна. Кто теперь будет лечить болезни, отводить злые силы, предсказывать погоду?»

Конан не знал всех обычаев племени и потому беспокоился. Он встал и пошел к своей хижине, размышляя по дороге о колдовских штучках.

«Как же это так? Вонючую отраву пила вся деревня, а умерли только эти двое. Неужели они и вправду убили девушку, или ловкая Гуна-Райна просто устранила соперника? А кстати, — спохватился варвар, — не отразится ли смерть Нгунты на мне? Демоны и те не разберут дикарские обычаи. Один Нергал знает, чем эта история может закончиться...»

* * *

На этот раз варвар несколько не ошибся в своих опасениях. В этот день все было как обычно: обильная пища, ласки женщин. Однако Конан испытывал смутное беспокойство, а мимолетные взгляды его стражей и жителей деревни и вовсе не радовали. Все, как и раньше, оказывали ему почести, кланялись и расступались при его прибли-

жении, но в их глазах киммериец видел то же выражение, с каким они следили за мучениями Нгунты и Ткумху.

Варвар заволновался.

«Нергал мне в печень,— проносилось в его голове,— похоже, и я уже приговорен. Но когда и к чему? У этих дикарей ведь ничего толком не узнаешь, а единственный, кто мог бы объяснить — мой приятель Нгунта,— уже прогуливается по Серым Равнинам. Попробую разузнать хоть что-нибудь у моих женщин».

Единственное, что слегка успокоило киммерийца — уже наступал вечер, а праздника и жертвоприношения, как он успел понять, всегда совершались днем, при свете солнца.

«По крайней мере, у меня есть в запасе ночь,— искося оглядывая своих охранников, думал Конан.— Но как убежать от десятка воинов?»

Будь у варвара его любимый меч и доспехи, другое дело, но что мог он, прикрытый только набедренной повязкой, противопоставить десяти вооруженным воинам? Они не знали другого оружия, кроме коротких тонких копий, но уж ими владели мастерски, и Конан, вздумай он бежать, вряд ли мог надеяться выжить.

«Проткнут, как муху...— тоскливо прикидывал киммериец.— Что же придумать?»

После вечерней трапезы Конан, как делал это каждую ночь, уединился со своими тремя женами в хижине. Женщины, скинув одежды, раскрыли ему свои объятия в ожидании бурных ласк, но варвар вдруг с немалым удивлением обнаружил, что

его совершенно не возбуждают любвеобильные красавицы.

— Ложитесь спать,— махнул он рукой.— Ваш господин устал.

На лицах женщин отразилось великое разочарование.

— Чего уставились? — посуровел он.— Неужели до завтра подождать не можете?

— Но ведь завтра...— начала одна из жен.

— Что завтра? — грубовато осведомился киммериец.

— После купания нас уведут от тебя, потому что ты уже не будешь посланцем богов...

— Как это не буду? — Конана даже холодом обдало от этих слов.

— Нгунта умер. Он оказался злым колдуном. Завтра его тело сожгут на костре, а тебя... Ты разве не знаешь?

— Откуда мне знать ваши дурацкие обычаи?

— Разве мы тебе не рассказывали? — потупилась другая жена.

— Может быть, и рассказывали,— отмахнулся варвар, лихорадочно соображая, что же делать,— но не могу же я помнить всю эту чушь!

— Злой колдун назвал тебя посланцем богов, и, раз он злой...

— Тогда я посланец злых богов, так, что ли?

Все три женщины дружно закивали.

— Ну и что будет дальше? — спросил киммериец, уже зная ответ.

— Гуна-Райна будет изгонять из тебя злых духов, и, если ты очистишься, нас вернут тебе, а если нет...

— Если нет, меня оставят на алтаре в лесу? — закончил за женщину Конан.

— Да... — хором протянули женщины и тесно прижались к варвару.

Киммериец слышал в этих вздохах не жалость к нему, а, скорее, сожаление о том, что их положение круто изменится.

— Рога Нергала вам в кишки! Дело касается моей жизни... — рявкнул он, но тут же понял, что эти наивные бесхитростные создания вряд ли способны понять то, что выходило за рамки их привычек и обычаев.

Сейчас у Конана не было ни малейшего желания заниматься с ними любовью: дело принимало более чем крутой оборот. Или он прямо сейчас придумает, как выпутаться, или...

— Так, говорите, завтра утром?

— Да, да, — дружно закивали женщины.

— Хорошо, — ухмыльнулся варвар, в голову которому внезапно пришла спасительная мысль. — Утром так утром. Налетай! — широко раскинул он руки, готовясь принять в объятия сразу всех трех прелестниц.

Дважды упрашивать их не пришлось, и до самого рассвета звуки, доносившиеся из хижины киммерийца, заставляли вздрагивать воинов, которые бдительно охраняли покой посланца богов.

* * *

— Постреляю в последний раз! — весело объявил варвар женам, вешая на плечо колчан со стрелами и беря в руки лук. — Вперед, мои птички!

Посланец богов намеревается последний раз искупаться с вами перед тем, как попасть в лапы вашей грудастой колдуньи.

Женщины весело засмеялись и вприпрыжку побежали за киммерийцем, который широкими шагами направился по тропе, ведущей к берегу. Пятеро охранников как привязанные следовали за ними.

Вся деревня, как предписывали обычаи, устремилась к морю для утреннего омовения. У самого побережья тропинки расходились: незамужние девушки направлялись в одну сторону, юноши — в другую, взрослые туземцы спускались по третьей тропе, а для посланца богов с его женами был отведен участок берега за большой скалой, дабы никто не потревожил его во время купания.

Обычно воины, охранявшие Конана, оставались за скалой, чуть повыше того места, где начиналась узкая крутая тропка, приводившая к морю. Лишь в это время стража варвара находилась от него дальше пятнадцати шагов.

Девушки, сбросив одежду, со смехом и криками бросились в прохладную воду. Киммериец посмотрел им вслед:

«Хороши, ничего не скажешь, но придется с ними расстаться. Надеюсь, на соседнем острове девицы не хуже этих», — с тоской подумал он, входя в воду.

Конану уже приходилось во время прогулок по острову огибать побережье, и он видел остров, которым правил Помонтохо и один из вождей которого взял в жены дочку Мархейо.

«Погляжу хоть на свою внучку,— ухмыльнулся варвар, вспомнив, что теперь Мархейо считается его сыном.— То-то удивится девчонка: вряд ли она предполагала повидаться с собственным дедом!»

— Ты куда? — закричала одна из жен, когда женщины увидели, что варвар стремительно удаляется в море.

— Давайте за мной! — крикнул киммериец.— Я вам кое-что покажу!

Наивные женщины, не подозревая никакого подвоха, поплыли за ним. Когда деревья на берегу стали размером с мизинец, Конан решил, что пора осуществлять задуманное. На миг у него мелькнула мысль, не избавиться ли от этих красавиц — так у него в запасе оказалось бы больше времени, но он сразу отверг ее. Девушки держались на воде прекрасно, как, впрочем, и все жители этого острова, хоть с варваром, конечно, сравниться не могли.

— Вот что, красавицы,— сообщил он, когда женщины приблизились к нему,— плывите-ка обратно и скажите вашим дурням-соплеменникам, что мне у них надоело и я хочу вернуться к своим богам. Надеюсь, вас не съедят за то, что вы спали со мной? Нет?

Его жены дружно замотали головами.

— Тогда плывите и кланяйтесь от меня грудастой Гуне. Надо признаться, эта красотка произвела на меня сильное впечатление! Можете посоветовать ей вместо меня испытать Мархейо. Худо-бедно он все-таки сын посланца богов.

Глаза женщин округлились от изумления и испуга, но варвар грозно рыкнул на них, и они, привыкшие повиноваться, дружно поплыли назад, к берегу.

«Пока доплывут,— прикидывал Конан,— пока сообщат страже, пока те расскажут вождям, пока спустят лодки... Да я успею десять раз доплыть до соседнего острова!»

Он быстро уходил в открытое море, временами оглядываясь назад, нет ли погони, но ровная гладь воды была пустынной и спокойной. Довольно скоро варвар уплыл так далеко, что оба острова стали казаться одинаковыми, и он подивился тому, как они малы. Теперь киммериец находился как раз посередине между двумя огромными серыми вершинами, выраставшими прямо из воды и чуть опущенными снизу зеленой каймой растительности. Немного правее острова, куда он плыл, Конан увидел серое пятно и, присмотревшись, понял, что это еще один остров, а может быть, и большая земля.

«Куда же это занесли меня козни Нергала? — думал он, лежа на спине, чтобы немного отдохнуть.— Здесь ни разу не появился ни один корабль. Это какой-то край земли, где кроме дикарей, наверное, никто и не живет».

Варвару до сих пор так и не удалось вспомнить, как же он сюда попал, и это его серьезно тревожило. Кроме того, Конан тосковал по привычной и знакомой ему жизни среди солдат и разбойников, воров и моряков, где на каждом шагу поджидала опасность, хлестали холодные дожди, ярос-

тно палило полуденное солнце, далеко не каждый день удавалось сытно поесть, а утром никогда не было известно, куда приведет дорога вечером.

«Ладно тебе,— одернул себя киммериец,— тоже придумал — опасностей ему захотелось... Только что ноги, можно сказать, унес... Не устраивало его, видите ли, когда в достатке еды и вина, да еще три женщины под боком... Экая неблагодарность!»

Плыл он уже довольно долго и начал уставать, но упрямо продолжал двигаться вперед, хотя уже гораздо медленнее. Солнце пробежало половину небосвода и, казалось, замерло на середине, немилосердно обжигая выступавшие из воды плечи варвара. Постепенно Конан приблизился к соседнему острову настолько, что не более пятидесяти локтей отделяло его от берега, круто поднимавшегося из воды черной стеной. Киммериец приметил небольшую бухточку среди скал и, из последних сил преодолев оставшийся отрезок пути, в изнеможении рухнул на песок и долго лежал без движения, раскинув руки и полужакрыв глаза.

Слегка отдышавшись, он сел и осмотрелся. Этот заливчик удивительно походил на те, которые были на первом острове, и с первого взгляда могло показаться, что варвар никуда и не уплывал, а просто прошелся по берегу. Однако вершина горы, выступавшая над морем, не оставляла сомнений, какое большое расстояние он одолел.

— Уф! — Конан потянулся всем телом. — Никогда столько не плавал... Но что это я разлегся? Ведь где-то здесь обитает племя Помонтохо, а я больше не хочу испытывать судьбу. Один Нергал

разберется в обычаях этих детей природы и знает, что им придет в голову, когда они увидят меня. Сначала надо найти, где они живут, а уж потом решать, как встретиться с ними.

Он поднялся и пошел вглубь леса, который подступал почти к самой воде, вдоль ручейка, заросшего тростником и бамбуком. Надо было добыть что-нибудь на обед, устроиться на ночлег да заодно посмотреть, нет ли поблизости туземцев. По крайней мере, в этот день киммериец совсем не жаждал встречаться с дикарями.

* * *

Заросли довольно скоро расступились, и киммериец увидел обширную долину, спускавшуюся к морю широкими покатыми террасами. Варвар внимательно осмотрел местность и, не заметив ничего подозрительного, осторожно двинулся дальше. С обеих сторон долину теснили крутые травянистые склоны. Сверху падало множество тоненьких водопадов, которые стекали в круглое неглубокое озерцо. Над всем этим великолепием царил чуткий, трепетный покой, охраняемый вздымавшейся вверх черно-серой стеной горы. Конан пристально разглядывал границу зелени и камня.

«А не остановиться ли мне там, над всей этой растительностью? — размышлял он. — Дикари ведь боятся лезть в горы, и никто меня там не достанет».

Киммерийцу еще на первом острове показалось странным, что жители деревни никогда не пытались заглянуть за край леса, туда, где начинались

голые скалы. Его жены рассказывали о страшных духах, которые обитают на склонах гор — под страхом смерти никто из туземцев не мог даже помыслить, чтобы отправиться туда. Конан тогда пожал плечами, удивляясь донельзя глупым обычаям детей природы, но сейчас подумал, что это ему даже на руку: у него будет убежище, где он сможет отдыхать, не опасаясь внезапного нападения.

«Если, конечно, на этом острове запреты такие же, как и на том», — уточнил он, карабкаясь по крутой скале, поросшей на горизонтальных площадках травой и кустарником.

Варвар преодолел последнюю кручу и оказался на полянке, покрытой густой травой и ограниченной с внешней стороны буйной порослью невысоких кустов, за которыми можно было прекрасно спрятаться.

«Отличное местечко, клянусь Кромом!» — одобрил свой выбор киммериец.

Шагов через сорок от края поляна заканчивалась крутым, как крепостная стена, каменным монолитом с небольшим углублением, похожим на маленькую пещерку.

«Ну и хорошо, — подбодрил себя Конан, — по крайней мере, если пойдет дождь, не вымокну. Да бывают ли тут, собственно, дожди? — Он с сомнением поглядел на чистое голубое небо. — За все время, пока я здесь, на небе не показалось ни одно облачко».

Варвар наломал веток и, устроив себе постель в гроте, рухнул на нее и тут же заснул крепким сном без тревог и сновидений.

Проснувшись на следующее утро, киммериец перво-наперво решил хорошенько рассмотреть окрестности. Все пространство, которое мог охватить взор, покрывал густой зеленый ковер: деревья, кустарники и травы сливались, и трудно было понять, где же эта растительная стена прерывается, чтобы дать дорогу ручью или каменистой поляне. В первую очередь Конан пытался найти следы пребывания человека, но, сколько ни всматривался, ему не удалось различить ни одной струйки дыма от костров или очагов местных жителей.

«Наверное, туземцы обитают на другой стороне острова, — решил он. — По крайней мере, до того места, где загибается берег, я никого не вижу. Ну что ж, значит, у меня есть время подготовиться».

А к чему, собственно, было готовиться? К нападению дикарей? Как он понял еще на том острове, что сейчас был хорошо виден с его площадки, обитатели деревни как-то не стремились к путешествиям. Их вполне удовлетворяла та часть берега, где они жили. Море, несколько небольших долин, покрытых лесом, и несколько полей, где устраивали празднества или возделывали небольшие огороды и пасли свиней, — больше они ни в чем не нуждались. Все остальное в немалом количестве росло само по себе, прыгало, летало и плавало совсем рядом, и надо было приложить совсем немного усилий, чтобы ощипанная птица, освеженный кролик или очищенная рыба оказались на деревянном подносе, обложенные зеленью и грудой свежих овощей.

«Так что, скорее всего, я смогу прожить в этой части острова всю жизнь, и никто не подумает меня потревожить,— решил киммериец.— Чем плохо? Жратвы навалом, тепло и тихо, зимы, похоже, здесь не бывает — сказочная земля!.. Что же мне делать? Попробовать построить плот? Но, кроме лука, у меня ничего нет. Выдолбить такую же лодку, как у дикарей?»

Гуляя по владениям племени, варвар видел их лодки, сделанные из цельного ствола пальмы, длинные и узкие, в которых можно было сидеть на корточках или на узкой деревянной перекладине.

Пару раз он наблюдал, как дикари спускали их на воду, поднимали небольшой парус, сплетенный из каких-то волокон, и лодка довольно-таки резво неслась по воде, поддерживаемая, чтобы не перевернулась, длинным шестом с привязанным к нему большим камнем. Наверняка в тихую погоду на ней можно было достичь соседнего острова, но вряд ли кому придет в голову совершить на этой утлой посудине длительное путешествие по бурным волнам.

«Да и куда плыть? — с тоской подумал варвар.— Где я? На западе от Стигии? Или в Восточном океане, а может, в море Му? Нергал один знает, да ведь не скажет, хвостатая тварь!»

За свою жизнь ему пришлось немало побродяжничать, и кое-что он видел сам, да и в разговорах с моряками и солдатами, с разбойниками и погонщиками караванов киммерийцу привелось услышать немало интересного о дальних странах,

неведомых морях и обитающих там народах, но где он находился сейчас, Конан совсем не представлял.

Он попытался вспомнить, не встречались ли в рассказах бывалых людей упоминания об островах в океане, но сколько ни напрягал память, в голову ничего не приходило.

«Если я где-то в Западном океане и поплыву на восток, то попаду к черным племенам в Куш или Стигию,— размышлял варвар.— Дальше все легко, надо продвигаться на север. Ну а если я, наоборот, в Восточном океане, и поплыву на восток, то напрямик попаду на край света, откуда рукой подать до Серых Равнин. Сделай одно неосторожное движение — и демоны тебя уже ждут. Нет... Лучше остаться здесь. Зачем самому лезть в пасть Нергалу? Время придет, найду я это ожерелье...»

Он никак не мог отделаться от навязчивой мысли о каком-то ожерелье. По несколько раз в день Конан почему-то вспоминал о нем, но никак не мог сообразить, зачем и по какому поводу.

«Хватит ломать голову! — прервал он свои размышления.— Настреляю дичи, разведу огонь, отдохну денек, сделаю хорошую дубину, а потом пойду искать Ванататру. Если покойник Нгунта сказал правду, то колдун обитает именно на этом острове».

Так киммериец и поступил. Наевшись до отвала птичьего мяса, он лежал на подстилке из мягких веток и глядел в небо, усыпанное яркими звездами.

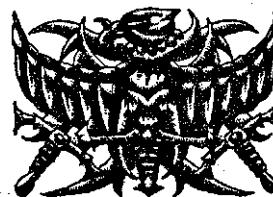
Чужое небо. Варвар никак не мог найти ни одного знакомого светила.

«За какие провинности меня забросило в этот край? — думал он, засыпая под шелест ласкового ночного ветерка. — Или наоборот, боги решили меня одарить своей милостью, поселив в такой благословенной земле?»

Глава третья ГУНА-РАЙНА

Конан сначала хотел пересечь остров через скалы, чтобы, спустившись на другой стороне, сразу попасть в деревню Помонтохо. Однако, посмотрев еще раз на отвесные кручи, решил не рисковать и идти берегом: кто его знает, может быть, и впрямь там обитают злые духи, да и уж слишком крутыми были склоны, так что путь мог оказаться чересчур длинным. Варвар шел по берегу, внимательно разглядывая прибрежный песок и лесные опушки, но пока следов пребывания человека не находил.

«Может быть, этот остров необитаем, а Ванататра и Помонтохо живут на каком-то другом? — спрашивал себя киммериец, когда даже на третий день путешествия местность оставалась безлюдной. — Этих дикарей один Нергал может понять...»

Однако к вечеру третьего дня он наконец учуял запах дыма. Конан принялся: да, так и есть. Теперь надо действовать крайне осторожно. Варвар вернулся обратно, неширокой ложиной под-

нялся повыше в горы и увидел, что среди зеленого моря растительности совсем недалеко поднимаются вверх струйки дыма.

«Вот и то, что я искал...»

Варвар забрался чуть повыше, надеясь разглядеть хижины островитян, но ему помешали кроны пальм. Теперь предстояло решить, что делать. Попросту явиться в селение? Вряд ли второй раз пройдет история с посланцем богов. К тому же Конан вспомнил, что Лусунга говорил, будто в этом племени уже есть такой человек. Разведать, что за селение, сколько там народу? Весьма опасно, но другого выхода не оставалось. Нарваться на засаду варвар не боялся, потому что островитяне не нападали внезапно и война соседней деревне объявлялась загодя. Опасность была в другом — обнаружить себя. Если дикарей много и они пойдут по следу, рано или поздно его найдут, так что, пожалуй, даже лучше действовать открыто.

Киммериец переночевал в лесу и встал рано утром, когда еще не взошло солнце. Зная привычку дикарей поспать подольше, он обогнул долину поверху и вышел почти к самой деревне. Все было тихо, ничто не нарушало мирный сон туземцев. На обширной поляне Конан разглядел и жилище колдуна, стоявшее несколько особняком, и хижины вождей, и алтарь, почти такой же, как на том острове, откуда он сбежал.

«Явиться прямо сейчас к этому Ванататре, пока он спит, и взять за глотку — вот и все дела», — подумал варвар, но свою удачную, как ему представлялось, мысль воплотить в жизнь не успел.

Селение просыпалось. Из дальних хижин выскочила стайка молоденьких девушек и с криками и смехом побежала по тропе к морю. Следом за ними потянулись на утреннее омовение и старшие обитатели деревни. Группа юношей, загорелых и крепких, идя по лесу, развлекалась тем, что кидала камни в орехи, растущие на самой вершине пальм, взрывами хохота и одобрительными криками приветствуя каждый меткий бросок. Конан терпеливо ждал, когда же выйдет из своей хижины колдун, тот самый Ванататра, у которого должно находиться ожерелье из зеленых камней. Он еще толком не придумал, как будет действовать, но очень хотел посмотреть на обладателя драгоценности.

То, что произошло в следующий миг, заставило киммерийца вытаращить глаза от изумления: из большой хижины, украшенной цветными лентами и перьями птиц, вышел не кто иной, как Лионель, аквилонец, с которым он не так давно соревновался в метании ножей в одной из таверен Аграпура. За ним выскочили пять молодых женщин, и все они направились к берегу моря вслед за остальными жителями деревни.

«А он как сюда попал? — только и мог спросить себя варвар, наблюдая эту идиллическую сцену. — Вот кто, значит, настоящий посланец богов! А почему не я? — Он даже слегка обиделся, тем более что аквилонца сопровождали не три, как было назначено ему, а целых пять жен. — Клянусь Кромом, все это неспроста!»

Конан стремительно поднялся на ноги и бросился сквозь кустарник и заросли тростника вок-

руг деревни, чтобы перехватить Лионеля по дороге к морю. Однако, продираясь сквозь стебли, киммериец несколько поостыл.

«Ну выскочу сейчас на тропу перед ним, и что дальше? — спохватился он. — Девицы завизжат, прибегут остальные, и тогда одним богам известно, что произойдет. И почему этого истинного посланца никто не охраняет? — замедляя шаги, задумался варвар. — Нет ли здесь подвоха?»

Киммериец остановился и решил спокойно все обдумать. Может, попробовать улучшить момент, когда аквилонец останется один, и разузнать у него, что происходит?

«Вот еще! — мрачно усмехнулся про себя варвар, — дождешься, пока он останется в одиночестве, как же! Сейчас ему принесут пожрать, потом он займется своими девицами, потом обед, потом сон, потом опять еда или, может быть, какое-нибудь празднество у местных дикарей. А девиц ему выделили что надо, — причмокнул он, — хотя, конечно, и мои были не хуже, но этих все же пятеро... Нужно попробовать дать знак, что я здесь. Вот удивится-то старый знакомый! Но как это сделать? — Конан надолго задумался, потому что задача была не из легких. — Нацарапать на чем-нибудь записку и положить в хижину, пока все купаются? — Но тут же он отбросил эту мысль. — Нет, не подойдет: читать-то он наверняка не умеет».

Конан уже не думал о том, каким образом аквилонец оказался в этих землях, а лихорадочно соображал, как бы связаться с ним. Тем временем совсем недалеко от него слышались голоса и

шуршание босых ног по листве — это островитяне возвращались наверх, в деревню. Киммериец осторожно выглянул из зарослей, но стволы деревьев мешали видеть, что происходит на тропе. Пришлось ползти, чтобы не выдать себя и подобраться поближе. Варвар спрятался за небольшим травянистым бугорком и, не шевелясь, ждал, когда покажется Лионель. Наконец он услышал женский смех и веселые крики. Киммерийцу повезло: весело щебеча, пробежали пять женщин, а за ними гордо вышагивал, размахивая набедренной повязкой, совершенно голый посланец богов.

«Наверное, с утра уже успел поразвлечься», — с завистью подумал Конан и, приподнявшись на локтях, выглянул из-за укрытия, чтобы посмотреть, не идет ли кто за Лионелем.

Сзади никого не было видно. Варвар посмотрел по сторонам и, увидев какой-то полусгнивший плод, запустил им в аквилонца. Бросок оказался удачным: темная жижа растеклась у того по плечу. Лионель повернул голову, киммериец высунулся на мгновение по пояс и, прижав палец к губам, нырнул обратно. Теперь пришел черед аквилонца протирать глаза от изумления. Он застыл на месте, пытаясь понять, померещилось ему это или он на самом деле видел своего приятеля-соперника. Конан приподнялся над бугорком еще раз.

— Ух! — непроизвольно вырвалось у аквилонца. — Ты...

— Тихо! — зашипел варвар, боясь, что их услышат женщины. — Я жду тебя здесь. — И он вновь скрылся в траве.

* * *

— Как ты попал сюда? — первое, о чем спросил Лионель, когда чуть позже вернулся на то место, где встретил Конана.

— Вероятно, так же, как и ты, — усмехнулся варвар. — Ты хоть помнишь что-нибудь?

— Помню только, что хорошо отметил свое поражение, — буркнул Лионель.

— Ну а я обмывал свой выигрыш. Прекрасно помню, что угостил всех, только не думаю, что с одной кружки ты мог напиться до потери памяти. А вот скажи-ка мне, зачем ты здесь? — осторожно начал Конан, потому что у него уже начало что-то проявляться в голове.

— Да понятия не имею, если честно, — недоуменно поскреб затылок аквилонец. — Проснулся утром на берегу, меня окружили эти, дикие... Плещут, кричат, что я чуть ли не бог или что-то в этом роде. Повели в деревню, дали жратвы, дом, девок пять штук, — хвастливо добавил он.

— Не много ли для тебя? — не удержался киммериец, опять уязвленный тем, что на его острове ему дали только трех жен.

— Много, — честно признался Лионель. — Знаешь, никогда не задумывался над этим, когда заведовал туранским вельможам с их гаремами.

— И что ты должен за это делать?

— Ничего, — засмеялся аквилонец. — В том-то и дело, что никакой работы за это от меня не требуют...

— Ты давно здесь? — продолжал допытываться варвар.

— Не считал, но думаю, дней десять. — Лионель блаженно потянулся и рыгнул. — Пища здесь, конечно, не совсем привычная, но зато от пуза...

— Столько же, сколько и я, — не слушая его дальнейших рассуждений, произнес киммериец. — Клянусь белоснежными грудями Иштар, нас забросила сюда одна и та же сила. Как увидел тебя, мне сразу чуть понятнее стало, зачем мы здесь оказались.

— Ну и зачем же на твой взгляд? — насторожился Лионель.

— Скажи, тебя посещают какие-нибудь мысли, кроме тех, что скоро принесут поесть, а потом можно сколько угодно наслаждаться со своими красотками?

— Да знаешь ли... — задумался аквилонец. — Почти каждую ночь во сне вижу бусы из зеленого камня. Я уже сказал об этом местному чародею, чтобы снял с меня порчу, так он...

— Что он? — Конан в нетерпении схватил Лионеля за руку.

— Он сначала побледнел, потом позеленел, но так ничего и не ответил. Я спросил его еще раз, но они такие дурные, эти дикари, от них почти невозможно добиться разумных слов. Знай себе твердят: табу, табу...

— Понятно, — хмыкнул варвар. — Табу — это запрет. А этого колдуна не Ванататра случаем зовут?

— А ты откуда знаешь? — удивился Лионель.

— Уши прочисти! — гаркнул киммериец. — Не слушаешь меня совсем. Я же сказал, что попал сюда одновременно с тобой.

— Да? — протянул аквилонец. Он и в самом деле что-то пропустил. — И где же ты был?

— На соседнем острове...

И Конан рассказал ему все, что произошло с ним, умолчав лишь о несущественных подробностях, в частности о том, сколько ему выделили женщин.

Лионелю явно не понравилось услышанное.

— Так и меня могут съесть? — почему-то свистящим шепотом спросил он.

— Откуда я знаю? — усмехнулся варвар. — Мне только кажется, что, пока мы с тобой не найдем это ожерелье, дороги обратно нам не видать. Тебе здесь не надоело?

— Да как сказать... — замаялся аквилонец. — С одной стороны, вроде бы все здесь хорошо, а с другой...

— Вот! — перебил его Конан. — Ни вина, ни костей, ни оружия настоящего, да и поговорить не с кем. Живешь как истукан какой-то... Верно?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Лионель. — Но что можно сделать?

— Почему тебя никто не охраняет? — переменял тему разговора варвар.

— Не от кого, — усмехнулся аквилонец. — На этом острове живет только одно племя. Три деревни, и больше никого нет. Мне рассказывали мои женщины, что они иногда воюют, но только с соседними островами.

— Понятно. В таком случае у меня есть одна задумка.

— Какая? — Лионель недоуменно уставился на киммерийца.

— Надо поймать здешнего колдуна и хорошенько расспросить его, где ожерелье.

— Ванататру?

— А кого же еще?

— А если он применит против нас какое-нибудь колдовство?

— Надо захватить его ночью, когда спит. Кляп в рот — и в лес. Уж там-то мы ему язык развяжем, — убежденно сказал киммериец.

Договорившись обо всем, они расстались, потому что аквилонец опасался, как бы его жены не начали поиски, беспокоясь, почему посланца богов так долго нет рядом.

В ту же ночь, тихую и лунную, Лионель и Конан без всякого шума выкрали Ванататру из его хижины. Колдун не успел даже толком проснуться, как его, спеленутого, будто ребенка, уже тащил на плече варвар, радуясь, что луна прекрасно освещает путь среди деревьев. Никто в деревне ничего не слышал, и сообщники, достигнув берега моря, поставили Ванататру на ноги, а дальше он уже бежал вместе с ними, направляемый крепкой рукой Конана. Кляп изо рта у него вытащили, но киммериец строго сказал колдуну:

— Это чтобы тебе было легче дышать, а вовсе не для того, чтобы ты звал на помощь. Один раз пикнешь, и все. — Он выразительно помахал увесистой дубинкой, которая произвела на Ванататру должное впечатление.

Колдун закивал, и все двинулись вдоль берега. Они миновали место, где на ветвях больших деревьев покачивались подвешенные лодки.

«Запомню на всякий случай,— отметил про себя варвар.— Хотя эти посудины годятся лишь на то, чтобы отойти от берега локтей на сто. Тьфу... Лодок человеческих и то делать не умеют!»

Киммериец решил отойти подальше от селения, чтобы дикари, обнаружив исчезновение главного колдуна, не смогли быстро выйти на след похитителей. Конан совсем не хотел, чтобы сто раскрашенных воинов с длинными копьями попробовали на прочность их шкуры, тем более что у Лионеля вообще не было никакого оружия. Ванататра был смертельно напуган и только бешено вращал глазами от страха, переводя затравленный взгляд то на посланца богов, то на гиганта с развевающимися черными волосами и холодно блестящими в ночном полумраке синими глазами.

— Слушай меня внимательно,— сказал варвар колдуну, когда они остановились.— Ты нам все должен рассказать, иначе на твое племя падет страшный мор.

— Кто ты? — стуча зубами, спросил Ванататра.

— Я его старший брат.— Киммериец кивком указал на Лионеля.— Боги прислали меня, чтобы я забрал у тебя зеленое ожерелье.

— Неужели я не понял волю богов? — внезапно возопил Ванататра.

Конан подозрительно посмотрел на него, стараясь определить, не собирается ли колдун наслать на них какие-нибудь чары.

— Заткнись! — рявкнул варвар.— Меня не интересуют твои душевные муки. Говори, где бусы из зеленых камней?

— Она, она...— Похоже было, что Ванататра и в самом деле сильно волновался и не мог вымолвить ни слова.

— Боги тебя прощают! — успокоил его Конан, догадавшись, что колдун что-то сделал с необходимой ему вещью.— Говори, отрывка шакала!

Поверив киммерийцу, что высшие силы не гnevаются на него, колдун сразу успокоился. Он мгновенно перестал заикаться и уже нормальным голосом рассказал оторопевшему от его слов варвару, что не далее как три дня назад расплатился этим ожерельем за дочь Мархейо, отдав его вместо двух десятков свиней, которые его племя было должно за новую жену одного из своих вождей.

— Эту замену предложила мне Гуна-Райна, и я с радостью согласился. Для моего народа это хорошо.

— Конечно, хорошо, старый пес! — обругал его варвар.— Какие-то камешки вместо двух десятков свиней!

— Нет, ты смеешься надо мной! — воскликнул Ванататра.— Ты знаешь, что Гуна-Райна — могущественная чародейка, и я не могу ей возражать.

— Да, конечно.— Конан важно кивнул.— Но я хотел испытать тебя, хорошо ли ты помнишь, как это произошло.

Лионель, пока они разговаривали, стоял как столб и только зачарованно переводил взгляд с одного собеседника на другого. «Ну, дает варвар,—

восхищался он про себя.— Как он этих диких хорошо понимает!»

Киммериец в это время лихорадочно соображал, нельзя ли вывести у наивного дикаря еще что-нибудь про эту Гуна-Райну, но при этом не выдать себя каким-либо неосторожным словом или неправильным вопросом.

— Ты все сделал правильно,— положил он тяжелую руку на плечо колдуна.— Теперь мы с братом вернемся к богам, а ты беги домой и сообщи эту радостную весть соплеменникам.

* * *

Когда Конан с Лионелем отвязывали лодку от дерева, киммериец обратил внимание, что ночь стала темнее. Появились облака, между прочим, впервые за все время его пребывания на островах, и луна теперь не светила, как яркий фонарь.

— Давай быстрее,— поторапливал варвар товарища.— Скоро рассветет, как бы твоим подданным не вздумалось искать нас.

Они столкнули утлое суденышко в воду, и Конан еще раз подивился тому, как это дикари ухитряются выходить на таких посудинах в море. В узком корпусе было невозможно даже усесться как следует, и если бы не противовес, то они и мгновения не продержались бы на плаву.

— Вперед! — Киммериец взмахнул коротким широким веслом.— Нам нужно попасть вон туда.— Он махнул рукой в ту сторону, где, когда луна выглядывала из-за туч, различалась вершина горы на острове, откуда он совсем недавно бежал.

Беглецы поплыли вперед, ритмично работая веслами. Парус и мачту Конан с собой не взял, потому что в темноте вряд ли смог бы сообразить, как приладить их на лодке. Помня, что он за полдня одолел расстояние между островами, киммериец ни мгновения не сомневался, что, пока ленивые островитяне продерут глаза, они с Лионелем уже причалят к берегу и успеют скрыться где-нибудь в горах.

Ветер тем временем все усиливался, тучи заволакивали небо, и скоро они уже гребли почти в кромешной тьме. Волны все чаще и чаще захлестывали нос суденышка. Конану стоило больших усилий держать направление. Он уже не видел ни вершины горы, ни вообще ничего вокруг.

— Мы не сбились? — перекрывая шум ветра, крикнул, обернувшись к нему, аквилонец.

Варвар открыл было рот, чтобы ответить, но в это мгновение у него за спиной мелькнула молния, и сразу раздался жуткий удар грома, заглушивший его слова. Вслед за этим хлынул ливень, да такой, какого киммерийцу не приходилось видеть никогда в жизни: вода стеной встала со всех сторон, и в мгновение ока все: и море, и воздух — поглотил обрушившийся на них водопад. Даже белые буруны волн совершенно исчезли во тьме и сплошных потоках воды. Струи дождя непрерывно били по лицу, мешая дышать. Лодка неслась уже сама, подгоняемая порывами ветра, и Конан не имел ни малейшего представления, куда несет их стихия. Сколько времени это продолжалось, определить было трудно. Иногда, когда вспыхивала молния, он

видел перед собой согнувшуюся фигуру аквилонца, который бросил весло в лодку и обеими руками держался за борта, чтобы не выпасть. Шквал вертел их утлое суденышко, словно щепку, и варвар только молил богов, чтобы не сломался противовес — тогда посудина мгновенно перевернется, и они неминуемо погибнут.

Однако его мольбы не были услышаны. За грохотом ливня Конан даже не услышал треска дерева — он просто оказался в воде.

—...о-о-нан! — услышал он крик Лионеля, заглушаемый ревом волн и воем ветра, но товарища своего уже не видел.

«Наверняка утонет! Жалко парня!» — успел подумать киммериец.

Тут же он получил тяжелый удар по голове и едва не захлебнулся — это лодка, перед тем как окончательно уйти под воду, в последний раз напомнила о себе. Конан вынырнул и, захлестываемый волнами, пытался держаться на поверхности, что давалось ему с огромным трудом: потоки воды заливались в рот, не давая как следует вздохнуть.

«Нергал мне в печень, — выплевывая воду, подумал варвар, — значит, дожди все-таки здесь бывают. Но этот приключился уж очень не вовремя...»

В этот миг во вспышках молний Конан увидел надвигавшуюся на него темную глыбу. Он успел только выставить вперед руки, но это, хоть и немного смягчило удар, все-таки не спасло его, и он с огромной силой шмякнулся о камень. На мгновение киммериец потерял сознание, и поток вновь отнес его в море, чтобы с новой силой выбросить

на скалу, но он на этот раз подготовился чуть лучше и, почти тут же придя в себя, попытался скользнуть в сторону, надеясь, что сможет попасть на мелкое место. Волна перевернула Конана и понесла вперед, лук и колчан, привязанные к спине, зацепились за камни, варвара крутануло еще раз, и он ударился головой обо что-то твердое...

* * *

Конан почувствовал, что в лицо ему брызнули чем-то пахучим и едким. Он застонал и очнулся. В глаза бил яркий свет, и сначала киммериец ничего не мог понять: ни где он, ни что с ним происходит. Под спиной ощущалась мягкая и чуть влажная трава. Он попробовал пошевелить руками и ногами, но ничего не получилось, и варвар сразу же понял, что он привязан, а точнее, распят словно шкура для выделки. Голова тоже не поворачивалась: похоже, и волосы были привязаны. Скосив глаза сначала в одну, потом в другую сторону, Конан кроме яркого голубого неба увидел только уходившие вверх пальмовые стволы.

— Как ты себя чувствуешь, посланец богов? — донесся до него женский голос, и прямо перед глазами возникли огромные груди с удлиненными коричневыми сосками. Груды, похожие на продолговатые тыквы, качнулись, и Конан увидел над ними лицо женщины с чуть раскосыми блестящими глазами и черными волосами, расходившимися в стороны, словно веер.

— Гуна-Рай... — начал было киммериец, но в лицо ему вновь брызнула жидкость, и он закрыл

рот, почувствовав жжение на губах. От резкого запаха зелья он очнулся окончательно.

— Вам повезло, посланцы.— В голосе женщины не было почтительности, скорее, в нем звучали ехидство и нотки торжества.— Боги решили не губить вас в волнах, хотя я считаю, что вам туда и дорога.

— Почему ты нас связала? — еще с трудом ворочая языком, спросил киммериец.— Тебя боги накажут за э...

Он вскрикнул, обожженный ударом плети по бедрам.

— Эти сказки расскажи на том берегу своим дикарям,— засмеялась Гуна-Райна.— Это старый болван Нгунта мог втолковывать всем, что ты посланец, а меня ты не обманешь.

— Но разве ты не из них? — простодушно удивился Конан.

— Я похожа на них. Внешне,— добавила Гуна-Райна, и в голосе ее появились зловещие нотки.

— Так кто же ты?

— Не твое дело! — Удар плети вновь обрушился на обнаженное тело варвара.

— Тварь! — не удержался он.

Колдунья усмехнулась:

— Тебе стоило бы поблагодарить богов: именно поэтому ты еще жив! Хотя и бесполезен для меня... Ну, почти бесполезен... Так что пока можешь отдохнуть...— невнятно донеслись сквозь шорох удалявшихся шагов слова колдуньи.

— Лионель,— тихо позвал киммериец, но ответа не услышал.

«Наверное, он все же утонул,— решил Конан.— Но ведь эта ведьма сказала, что боги нас не погубили...»

— Лионель! — повысил он голос.

Никто не ответил. Он попытался напрячь мускулы сначала одной руки, потом другой, но веревки только сильнее впились в запястья.

«Крепко привязала, гадюка!» — выругался варвар и изогнулся всем телом, стараясь высвободить ногу из пут.

Веревка на правой лодыжке немного ослабла. Тогда Конан начал вытягиваться всем телом, пытаясь достать до кола, к которому, как он думал, была привязана его нога. Дотянуться он не смог, но веревка ослабла еще больше, и после нескольких попыток он уже смог двигать ногой взад-вперед. Сжав от напряжения зубы, киммериец упрямо продолжал дергаться, пока не почувствовал, что привязь едва держится. Он рванул посильнее, и колышек вылетел из земли.

«Вот так-то лучше,— удовлетворенно подумал Конан.— Только бы эта гадина не вернулась раньше времени...»

Он подsunул свободную ногу под привязанную и резким рывком выдернул второй кол.

«Женщина!..— хмыкнул варвар.— Не умеешь вязать узлы, так и не берись!»

Теперь предстояло освободить руки, но сколько ни напрягал киммериец мускулы, попытки его оказывались тщетными. Похоже, он зря обругал колдунью... Наконец, выгнувшись дугой и подsunув ногу под локоть, он собрал все силы... Казалось,

тело разорвется от чудовищного напряжения, пот заливал глаза, но Конан, стиснув зубы, тянул и тянул руку, помогая коленом. Правая рука освободилась, и он чуть не завопил от радости, но забыл о голове... Об этом напомнила резкая боль, словно с него сдирали кожу на черепе. Варвар пошарил рукой возле головы и, нащупав множество мелких колышков, выдернул их. Теперь он смог поднять голову и первым делом быстро огляделся.

Он лежал на небольшой круглой поляне, окруженной высокими пальмами. Между двумя стволами висел подвешенный вниз головой Лионель. Его рот был заткнут кляпом, а тело исполосовано ударами плети.

Освободив вторую руку, Конан бросился к нему.

— Мерзавка! — Он быстро посмотрел по сторонам, отыскивая, чем бы обрезать веревки, которыми был привязан аквилонец.

Не увидев ничего подходящего, киммериец перегрыз путы, освободил Лионеля и поставил его на ноги. Тот пошатывался из стороны в сторону, тупо глядя на Конана.

— Очнись! — Киммериец похлопал его по щекам. — Надо сматываться!

В глазах Лионеля появилось осмысленное выражение. Он скрипнул зубами: видимо, давала о себе знать боль от шрамов и ссадин.

— Давай быстрее! Можешь идти? — поторопил его варвар. — Эта тварь вот-вот вернется.

Подхватив товарища под руку, Конан устремился к зарослям тростника, которые виднелись меж стволов деревьев. Покидая поляну, киммери-

ец заметил лежавший на земле неподалеку от того места, где он был привязан, лук и колчан со стрелами.

— Гляди-ка, цел, — удивился он и, схватив оружие, потянул аквилонца за собой. — Шевелись, приятель, иначе нам крышка.

Лионель, шипя от боли, побежал за ним. Они достигли тростника и, ломая стебли, стали продираться к руслу ручья.

— Бежим по воде, так быстрее! — Варвар, разбрызгивая воду, помчался вверх по ручью к спасительным скалам, видневшимся за небольшим водопадом.

Они позволили себе отдохнуть, только когда взобрались на террасу, нависавшую над лесом.

— Похоже, убежали. — Аквилонец упал на траву, тяжело дыша, словно загнанная лошадь. — Если бы не ты, не жить мне.

— Долго ты так висел?

— С самого утра. Ты был без сознания, и она испытывала у меня, зачем мы вернулись.

— Ты сказал?

— Сказал, — хрипло отозвался Лионель. — Эта бешеная гадина умеет управляться с плетью... Но она еще спрашивала, кто нас послал сюда, а этого я и сам не знаю.

— Не расстраивайся, — ухмыльнулся киммериец. — Тоже мне, тайна... Сдается, что она и так бы узнала, зачем мы плыли сюда... — Он осмотрелся. — Надо подняться повыше в горы, там где-нибудь на время схоронимся, а потом эту гадюку все равно выследим. Никуда она от нас не денется.

— Ты думаешь? — недоверчиво покосился на него Лионель. — Как бы она нас не выследила. Мерзкая ведьма!

— Не бойся, — уверенно возразил Конан, — одна она нас не возьмет, а эти дикари в горы не поднимаются. Табу у них такое, сам понимаешь.

— Не очень-то верится, — поежился аквилонец. — Колдуны на многое способны.

— Это, конечно, так, — задумался варвар. — Но мне кажется, местные колдуны не обладают такой силой, как у нас, в Хайбории.

— Кто знает? — пожал плечами его товарищ. — Ванататра, похоже, может только местных дикарей обманывать, а вот эта ведьма куда опаснее.

— Думаешь? — помрачнел киммериец.

— Да, — мрачно кивнул Лионель.

— Не унывай! — Варвар похлопал его по плечу. — У нас все равно выхода нет, надо добыть ожерелье, а иначе...

Лионель снова кивнул, однако Конан видел, что аквилонец вовсе не убежден, что им так уж нужны эти бусы.

— Понимаешь, — начал объяснять варвар, — ты все равно не смог бы избавиться от этого наваждения. Рано или поздно пришлось бы взяться за поиски. Готов заложить что угодно — нас кто-то заколдовал, — вздохнул он. — Ну ладно, пошли отсюда, надо найти местечко понадежнее.

Они шли узкой, осыпавшейся под ногами тропой вдоль стены серо-черного камня. Киммериец

хотел отойти подальше от селения, чтобы не видеть дыма от костров. Только тогда, считал он, можно чувствовать себя более-менее спокойно. Солнце светило ярко и радостно, и было трудно представить, что меньше полусуток назад их трепали волны высотой с дом и бешеный ветер закладывал уши. Время от времени Конан делал знак остановиться и прислушивался, не слышно ли погони.

«Нет, — каждый раз успокаивался он. — Кому в голову придет сюда забираться...»

— Ты говоришь, они не ходят сюда? — спросил вдруг Лионель.

— Угу, — подтвердил варвар.

— Кто же тогда протоптал эту тропу?

— Ну, горные козы или еще какое-нибудь зверье, — ответил киммериец и тут же почувствовал, как по его спине пробежали мурашки: на островах он до сих пор не заметил ни козлов, ни баранов. — Стой! Надо бы поосторожнее. Что это там? — Он указал рукой на темное пятно впереди.

За широкой площадкой, усыпанной осколками монолита, виднелось нечто вроде углубления или входа в пещеру, издали было не разобрать. Конан снял с плеча лук и, приладив стрелу, медленно двинулся вперед, обходя огромные, не меньше его роста, камни. Он уже почти вошел под свод, как истошный вопль аквилонца пригвоздил его к месту.

— Конан! Смотри!

Он обернулся назад: Лионель с искаженным от ужаса лицом указывал рукой куда-то влево от себя. Варвар перевел взгляд и похолодел: шагах в

пятидесяти от них из-за поворота тропы высовывалась жуткая звериная морда. Тварь походила на крысу, но размерами не уступала быку. Длинная, вытянутая вперед, почти голая голова переходила в покрытое шерстью короткое туловище на четырех лапах с острыми когтями, которые громко цокали при каждом шаге чудовища. Монстр, ловко огибая камни, неспешно двигался им навстречу, словно ощупывая людей блестящими черными глазами величиной с хорошее блюдо. Потом, остановившись, он открыл пасть и обнажил ряд длинных, загнутых внутрь зубов. Киммериец вскинул лук и прицелился.

— Спрячься за камнями! — крикнул он аквилонцу и спустил тетиву.

Стрела, свистнув, вонзилась в щеку твари, но не причинила ей особого вреда. Варвар и Лионель кинулись в разные стороны, и это на мгновение заставило монстра замешкаться, но потом, встав на задние лапы, он сделал вдруг большой прыжок и очутился в нескольких шагах от киммерийца. Конан скользнул между двумя большими камнями, надеясь выскочить с другой стороны, но ошибся: щель оказалась слишком узкой, и пройти насквозь он не смог. Он прижался спиной к камню, а раскрытая пасть с ужасными зубами метнулась прямо к нему.

Однако монстру убежище варвара было недоступно: морда никак не пролезала настолько, чтобы дотянуться до добычи. Тварь повернула голову, стараясь протиснуться боком, но это тоже не получилось. Тогда чудовище сунуло в щель лапу

с тремя когтистыми пальцами и попыталось раздвинуть камни, как створку раковины, чтобы расширить проход. Жуткий коготь размером с хороший ятаган, царапал камень в двух локтях от лица варвара, и вскоре Конан с ужасом ощутил, что один из камней начинает поддаваться. Он взглянул под ноги и, увидев небольшой валун, схватил его. Подняв камень над головой, киммериец с силой бросил его прямо в покрытый бледной желтоватой кожей палец монстра. Раздался жуткий рев, и лапа дернулась назад, но морда через несколько мгновений снова показалась совсем рядом. Конан, почти не целясь, метнул стрелу, как копье, и она вонзилась в глаз монстра, выбив фонтан белесой жидкости.

Тварь опять взревела от боли, но попыток достать варвара не оставила. Лапы вновь заскребли по камню, однако, видимо, наконечник задел мозг: движения чудовища стали конвульсивными и беспорядочными. Ему удалось чуть сдвинуть камень, щель расширилась, и киммериец выскочил из ловушки, в которую сам себя загнал. В два прыжка Конан оказался справа от монстра, который, увидев, что добыча ускользает, выдернул лапу из камней и повернулся к варвару. В тот же миг вторая стрела вонзилась в здоровый глаз твари. Издав последний хрип, чудовище рухнуло, чуть не придавив собой варвара, который едва успел отпрыгнуть назад.

— Эту дрянь явно наслал какой-то колдун, — тяжело дыша, словно это он сейчас сражался с монстром, сказал Лионель. — Не бывает таких зверей. Я тебе говорил!

— Говорил, говорил...— Конан огляделся.— Хорошо, что у этой мерзости нет подружки.

— Что будем делать?

— Мы хотели осмотреть этот грот,— напомнил ему варвар.— Вот и осмотрим.

Аквилонец, приблизившись к своду, опасливо оглянулся на труп монстра.

— Не бойся,— подбодрил его варвар,— больше он не встанет!

— Я не об этом,— ответил Лионель,— вот думаю, не его ли это нора.

— Нет, он сюда и не влезет.

— Пожалуй, ты прав,— согласился аквилонец, делая шаг вперед.

Раздался вскрик, и Лионель исчез в проеме скалы.

— Ты куда? — не понял варвар, подходя к тому месту, где только что стоял его товарищ.

Там никого не было, только внутрь монолита уходил узкий темный лаз.

— Эй! — крикнул киммериец.— Лионель! Где ты там? Что за шутки?

Тишина. Конан пригляделся внимательнее, но не нашел никакого отверстия, куда мог бы провалиться аквилонец: ровный пол уходил в темноту, и варвару даже показалось, что где-то вдалеке блеснул свет.

— Куда же он делся?

Киммериец отошел на несколько шагов от входа в пещеру и осмотрел монолит по обе стороны. Никаких щелей или разломов в гладком, отполированном дождями и ветрами камне он не углядел.

— Чудеса!

Конан прошел по тропе дальше, огибая скалу в том месте, где они увидели чудовище. Никого. Как будто кто-то слизнул аквилонца невидимым языком, словно и не было его. Киммериец вернулся, прошел вдоль скалы до того места, где она круто обрывалась вниз, в долину, покрытую зеленым лесом. Опять никого... Варвар еще раз заглянул в пещеру, но без света искать что-либо было бесполезно. Он прислушался. Ни звука, ни стога.

— Копыта Нергала! — выругался киммериец.— Пойду обратно, там были сухие стволы. Сделаю факел и поищу этого недотепу.

Он с трудом разыскал более или менее подходящую сухую корягу, с помощью камня расщепил ее конец и, пошарив на дне колчана, нашел кресало. Оно уже высохло после ночного купания в море, и, собрав кучку мха, киммериец без труда запалил огонь. Подняв факел над головой, он вошел в грот и сделал не более пяти шагов по узкому проходу, как волосы на его голове сами собой зашевелились от предчувствия беды: лаз заканчивался ровным и гладким каменным монолитом, и больше в гроте ни ходов, ни щелей не было. Варвар вышел на свет. Похоже, аквилонец был прав в своих подозрениях. Здесь, без всякого сомнения, пахло колдовством, и сам Лионель стал его первой жертвой. Поразмыслив, Конан решил убраться подальше отсюда и двинулся по тропе в гору.

* * *

— Что ты здесь делаешь? — прошепелестел в тишине негромкий голос.

Конан от неожиданности едва не подпрыгнул и резко обернулся. В десяти шагах от него на плоском камне, положив ногу на ногу, в вальяжной позе восседал сухонький старичок, похожий на вендийца. Крючковатый нос и седые волосы, неопрятными космами падавшие на плечи, придавали ему сходство с серым нахохлившимся попугаем. Киммериец мог поклясться хоть самым Митрой, что мгновение назад, когда он проходил мимо этого обломка скалы, там никого не было.

«Это что еще такое?» — раздраженно подумал варвар, но ответил на вопрос, правда, нельзя сказать, чтобы особенно дружелюбно:

— Гуляю! Тебе-то какое дело? Сидишь себе и сиди!

Он отвернулся и зашагал дальше.

— Хе-хе! — слышалось за его спиной, и в тот же миг киммериец растянулся во весь рост на ровном месте.

«Нергал мне в печень! Опять колдун! Что же это за жизнь такая, что этих слуг демона тянет ко мне, как мух на объедки? Придется остановиться».

Конан собрал разлетевшиеся от падения стрелы и обернулся.

— Торопимся? Эх, молодость, молодость! — Старичок удовлетворенно потер сухие ладони. — Поговорил бы со мной, стариком, глядишь, и ума бы набрался.

— Своего пока хватало. — Варвар нехотя пошел к колдуну, прикидывая, как бы удобнее двинуть его кулаком, чтобы сбить с этого старого пня хоть немного спеси.

— Вот здесь и постой, — дружелюбно посоветовал старик, ехидно усмехнувшись.

Конан словно наткнулся на невидимую стену, выросшую в двух шагах от старикашки.

«Действительно маг, — подумал он. — Хорошо, пожалуй, что я еще не успел его двинуть... Но если он ко всему прочему еще и читает мысли... Везет же тебе, киммериец, ничего не скажешь!»

— Садись, — предложил колдун. — Разговор будет долгим. Давненько я ни с кем не беседовал.

— Что ты хочешь от меня? — спросил варвар, досадуя на внезапное препятствие.

— Ты не похож на местных, — продолжал старикашка, цепким взглядом бесцветных глаз окидывая киммерийца. — Наверное, прибыл издалека?

— Я из Киммерии, — нехотя ответил Конан, уже поняв, что так просто от чародея ему не отделаться.

— Из Киммерии? — переспросил маг. — А что ты здесь делаешь?

— Сам не знаю, — честно ответил варвар. — Даже не помню, как сюда попал.

— Это бывает, — усмехнулся старичок. — Я вот тоже не помню, каким образом меня сюда занесло, а вот за что — знаю, — вздохнул он.

— И давно ты здесь? — спросил в свою очередь варвар, чтобы поддержать беседу.

— Уж пятый год пошел...

— Так давно! — присвистнул киммериец.

— Не беспокойся, у нас, чародеев, век долгий. А попал я сюда за гордыню. Очень высоко себя ценил... Совсем как ты.

— И что ты здесь делаешь?

— Сиж, как видишь,— усмехнулся колдун,— беседую с прохожими. Редко, правда.

— Спустись вниз,— посоветовал варвар,— там людей тьма. Говори с ними сколько хочешь.

— Нельзя мне,— горестно вздохнул собеседник.— Я не должен опускаться ниже вот этой линии.— Он повел рукой, указывая на что-то невидимое киммерийцу.

— Да кто тебя проверит? — спросил Конан, в душе даже слегка пожалев незадачливого колдуна.

— Заклятие на мне. Пересеку линию, превращусь в кучку дерьма — и все дела.

— За что же тебя так?

— Когда-то я был весьма уважаемым вендийским чародеем, но захотел подняться выше своих собратьев. Они меня и наказали, забросив сюда, на эту проклятую гору.

— Так вот и сидишь тут все это время? — недоверчиво спросил варвар.— А чем питаешься?

— Дичью,— уныло сказал колдун.— Смотри...

Конан поднял голову. Над ними кружила пара орлов, высматривавшая добычу. Старичок шелкнул пальцами, и одна из птиц, сложив крылья, камнем упала рядом с ними.

— Надоело до смерти,— скривился маг.— Вкус у них мерзейший, только ничего не поделаешь. Другие птицы сюда залетают редко...

— Да уж,— согласился варвар, покосившись на жилистую голенастую птицу.— Это не фазан.

— Вот и лопаю этих стервятников, да кое-какие ягоды и корни здесь нахожу. Рыбки бы! —

мечтательно вздохнул вендиец.— Как-то, давно это уже было, один местный сюда случайно забрался. Я его попросил принести мне настоящей еды...

— Принес? — с интересом спросил киммериец.

— Принес, как же! — покачал головой колдун.— Вернулся с десятком таких же голых дикарей с копьями. Хотели со мной расправиться...— Он рассмеялся, да так, что на глазах у него выступили слезы.

— Так вот почему они теперь не поднимаются в горы,— задумчиво проговорил варвар.

— Угу,— трясаясь от смеха, пробормотал старичок.— Я им оторвал головы, насадил на их же копы да и сбросил все это вниз.

Конан похолодел, вспомнив, как невежливо обошелся с чародеем при встрече.

— Не бойся,— словно прочитав его мысли, ответил старикашка.— Ты, я вижу, человек совсем не дикий и с тобой можно договориться. Кстати, я не представился. Зовут меня Аджилал Вир.

— А меня Конан. Если я дам тебе слово, то обязательно сдержу его,— гордо ответил киммериец.— Но я не представляю, чем могу быть тебе полезен.

«Оставит здесь до конца моих дней, чтобы было с кем разговаривать»,— мелькнуло у него в голове.

— Расскажи-ка о том, как ты очутился здесь.— Аджилал Вир поудобнее устроился на камне.

— Да, понимаешь, и говорить-то особенно не о чем,— замялся варвар, но постарался как можно подробнее рассказать обо всем, что с ним произошло в Аграпуре и на островах.

— Нефритовое ожерелье?! — Вендиец даже подпрыгнул, когда Конан упомянул зеленые бусы. — Значит, они напали на его след...

Киммериец умолк, с недоумением уставившись на собеседника.

— Продолжай! — возбужденно проговорил колдун. — Это очень интересно.

— А нечего и продолжать, — развел руками варвар. — Ожерелье должно быть у Гуна-Райны, и мы с Лионелем хотели забрать его.

Он поведал о событиях последнего дня, а потом спросил:

— А крыса эта гигантская, не твое ли, случаем, создание?

— Нет, — мотнул головой Аджилал Вир. — Я такими глупостями не балуюсь. Да и исчезновение твоего приятеля — тоже ее рук дело.

— Кого?

— Я думаю, здесь появилась Метанейра. Она тоже знает об ожерелье. Вот в чем дело! — Он возбужденно потер сухонькие ручки.

— Ты говоришь загадками, я ничего не понимаю, — буркнул Конан.

— И не поймешь, пока всего не узнаешь! — Глаза старичка лихорадочно заблестели, он замолк, что-то бормоча под нос, словно забыл о собеседнике...

Киммериец, растянувшись на нагретом солнцем камне, терпеливо ждал, когда колдун вспомнит о нем.

— Оно у меня под самым носом, а я ничего и не знал. — Аджилал Вир укоризненно покачал го-

ловой, и непонятно было, на кого он досаждает: на себя, на какую-то незнакомую киммерийцу ведьму или же на самого варвара.

— Вот что, — посмотрел он наконец на Конана. — Ты мне можешь быть очень полезен. А я — тебе, — тут же добавил он. — Но это потом, когда вернешься.

— Откуда? — насторожившись, поинтересовался варвар.

— Сначала сбегай к морю, — сказал вендиец. — Наловишь мне рыбы. Пять лет не видел нормальной еды, войди в мое положение. — Он кивнул на сверкавшую под лучами солнца гладь воды.

— Я с радостью угостил бы тебя рыбой, но у меня ничего нет: ни сетей, ни остроги. Не руками же ловить! — покачал головой варвар. — А потом, ты не боишься, что я не вернусь?

— Вернешься, куда ты денешься, — засмеялся Аджилал Вир. — Я же сказал, что могу тебе кое-чем помочь, и это тебя будет держать лучше любой привязи. Кроме того, мне показалось, будто кто-то недавно утверждал, что всегда держит слово? Или я ослышался?

— Ты прав, — хмуро согласился Конан.

— Ну вот и хорошо, можно считать, договорились, — довольно пропел старичок. — А снасть я сейчас тебе добуду, тоже мне задача!

Он пошарил за спиной и вытащил небольшой трезубец, сделанный из блестящего металла.

— Вот, держи. — Чародей протянул его киммерийцу. — Прикрутишь к какой-нибудь палке, а дальше, надеюсь, тебя учить не надо?

— Не надо.— Варвар взял изящную вещицу, рассматривая ее.

Узор на черенке был ему смутно знаком. Где же он такой видел? Восьмиконечная звезда в обрамлении двух колосьев. Он напрягся, пытаясь вспомнить. На мгновение вспыхнула картина: деревянное блюдо и воткнутый в него нож, на рукояти тот же рисунок.

«Нож Джабира... Или Лионеля? Нет, у всех нас были обычные туранские метательные ножи... Но я точно видел его где-то, клянусь хитроумным Белом!»

— Нравится? — спросил Аджилал Вир.

— Кажется, этот рисунок мне знаком.— Конан указал на черенок трезубца.

— Ты не ошибся,— усмехнулся колдун,— но сейчас речь не об этом. Поторопись, ты должен успеть вернуться, пока не стемнело...

* * *

Киммериец давно не видел, чтобы человек с такой жадностью набрасывался на еду. Он принес две огромные рыбины, которые ему удалось загарпунить в море, и первую старичок просто разорвал в клочья и слопал, словно оголодавший волк, причмокивая и урча от удовольствия. Через мгновение от рыбы остались только разбросанные по поляне кости, чешуя и внутренности. Лицо колдуна, измазанное кровью и жиром, прямо-таки светилось от счастья.

— Порадовал, нет слов...— Он благожелательно посмотрел на варвара.— Теперь и я смогу тебе кое в чем помочь, но сначала займись-ка второй

рыбиной. Представляю, как хороша она будет, если зажарить ее на костре.— Он зажмурился, сладко улыбаясь.

Конан не стал перечить, развел костер и, насадив рыбу на длинную палку, поднес к огню. Аджилал Вир, ревниво наблюдавший за действиями варвара, успокоился, увидев, что тот делает все как надо, и разлегся на траве.

— Теперь я тебе кое-что расскажу. Пока ты ходил на рыбалку, я подумал немного. Ты и в самом деле ничего не помнишь?

— Нет,— покачал головой киммериец,— клянусь богами!

— А не встречал ли ты человека, похожего на меня, только помладше, не седого, но такого же смуглого? Совсем недавно.

— Не помню такого.— Конан наморщил лоб, пытаясь оживить память.— Нет, пожалуй, нет...

— Тогда сделаем так.— Аджилал Вир пробормотал что-то себе под нос и провел ладонями, сложенными крестом, около лба киммерийца.

Он напряженно смотрел на варвара, который с задумчивым видом крутил палку с рыбой, чтобы она равномерно прожарилась.

Внезапно Конан отдернул руку, словно его ужалила пчела.

— Вспомнил, вспомнил! — заорал он.— После того как я выиграл у этих неумех, я еще соревновался с каким-то незнакомцем. Да! Смуглый, с длинными черными волосами, похожий на вендийца... Нож... Нож у него с таким же узором на рукоятке, как у твоего трезубца!

— Ну и как, выиграл?

— Если бы... Проиграл, конечно, а потом... Потом он сказал, что отдаст мне деньги обратно, если я пойду с ним и принесу одну вещь из...— Варвар на мгновение задумался.— Точно! Из «Маленькой плутовки»! Он остановился там...

— И что было потом? — усмехнулся старик, и варвар понял, что колдун знает все.

— Ты же...— начал он, но Аджилал Вир перебил киммерийца.

— Знаю, знаю,— добродушно усмехнулся он.— Это один из наших, Шастри, переправил тебя сюда, а на всякий случай и твоего приятеля. Сам понимаешь, две руки лучше одной: вдруг какая-нибудь и зацепит нужную вещь.

— Если он такой могущественный,— удивился Конан,— чего же сам не слетает на эти проклятые острова?

— Не все доступно даже самым великим магам,— объяснил колдун,— а может быть, он испугался, узнав, что здесь появилась Метанейра.

— Испугался? Чародей? А кто такая эта Метанейра?

— Старая ведьма. Она тоже охотится за ожерельем, но не знает, где голова...— Он вдруг умолк, поняв, что, пожалуй, сказал лишнее.

— Какая еще голова? — из простого любопытства спросил киммериец, занятый стряпней и не видевший лица Аджилала Вира.

— Ладно уж,— махнул рукой колдун.— Все равно забудешь, даже если вернешься... Так и быть, расскажу тебе все.

От костра приятно запахло жареной рыбой. Колдун потянул носом:

— Уже готово, как ты думаешь?

Варвар, дуя на пальцы, снял рыбу с вертела и разломил ее пополам:

— Вот твоя доля.

Аджилал Вир бросил рыбу на траву и принялся отщипывать маленькие кусочки.

«Как он не лопнет? — принимаясь за еду, подумал Конан.— Такой худенький, а жрет, как слон».

— Хорошо,— ласково погладив живот, промурлыкал колдун.— Теперь можно и поговорить.

Он уселся поудобнее и, не переставая набивать рот, продолжила рассказ. Иногда его слова звучали совсем невнятно, и киммерийцу приходилось переспрашивать.

— Нас было трое друзей,— начал Аджилал Вир.— Вообще-то, между колдунами настоящей дружбы не бывает, но общие интересы всегда могут найтись. Мы служили звездочетами и предсказателями у трех вендийских правителей и договорились, что будем сообщать друг другу обо всех новостях и помогать в тех случаях, если нашему положению при дворах станет угрожать опасность. Иногда мы собирались вместе и обсуждали свои дела. Однажды Шастри вычитал в старинной книге о Голове Божественного Откровения и рассказал мне и Зендре Шену. Это наш третий друг,— объяснил старик.

Колдун умолк на мгновение и поморщился, словно воспоминания были ему в тягость.

— Это такая головка, сделанная из бронзы. Если на ее шею надеть нефритовое ожерелье, она

должна заговорить и поведать многое из того, что неизвестно ни простым смертным, ни даже нам. Так говорилось в книге.

— Ну и что? — нетерпеливо перебил его варвар. — Ты нашел эту фигурку?

— Не торопись. — Старичок явно наслаждался возможностью поговорить. — Дело в том, что у нас не было ничего: ни Головы, ни ожерелья. Но Зендра Шен вспомнил, что в другом свитке он вычитал, как узнать, где оно находится. Мы договорились, что будем всюду искать сведения об этих двух предметах. Представляешь, что бы было, заполучи мы их? — Аджилал Вир воздел ладони к небу. — Мы стали бы самыми могущественными чародеями во всей Вендии!

— Ну и что дальше? — Киммерийца очень заинтересовал рассказ колдуна.

— Случайно в одной из лавок старьевщика, где продавалась всякая дребедень, я увидел Голову и сначала не поверил своим глазам. Я купил ее за пару медяков, потому что хозяин даже не представлял, что это такое. Однако ни Зендре Шену, ни Шастри я об этом не сказал.

— Почему?

— Почему, почему! — буркнул Аджилал Вир. — Хотел удивить их — вот почему...

— Ну и как, удивил?

— Куда сильнее, чем ты думаешь, — вздохнул старичок. — Я поехал в Пашавар, это большой город в Вендии, — объяснил он. — Там тоже пораспрашивал кое-кого, искал сведения о бусах из зеленого камня. Один чародей и направил меня к

Метанейре. Мерзавка! — в сердцах выругался Аджилал Вир. — Она долго ломалась, но в конце концов сказала мне, где ожерелье, однако, наверное, что-то заподозрила. Когда я приехал к названному ею купцу, он без слов, но, правда, очень дорого, продал мне бусы. Тут меня и подвела моя самонадеянность.

— Что ты говоришь? — удивился Конан. — Я думал, колдуна нельзя провести.

— Еще как можно! — всплеснул руками старик. — Особенно если начинаешь считать себя самым мудрым. Это я потом понял, что мерзавка успела до моего приезда попасть к этому купцу и они вступили в сговор.

— Зачем? Торгашу-то что за корысть?

— Метанейра, наверное, что-то пообещала ему или заплатила — в общем, она заколдовала ожерелье. Мне бы, дураку, когда я, радостный донельзя, возвратился к себе, позвать товарищей и проверить все, но я хотел стать самым могущественным без них, один... — Аджилал Вир горестно вздохнул. — Я недолго думая надел ожерелье на шею бронзовой головы и сотворил заклятие.

— Ну?! — Киммериец даже подался вперед.

— Голова вспыхнула розовым пламенем, а меня отбросило к противоположной стене, и я потерял сознание. На мою беду Зендра Шен как раз был в нашем городе, и мой дурак-слуга побежал к нему. Тот пришел и, конечно, все понял. Вот к чему приводит излишняя торопливость, — назидательно сказал старик.

— А что было потом?

— Зендра Шен промолчал, когда я пришел в себя, но зато обо всем рассказал Шастри. Они решили наказать меня за предательство, и у них это получилось, как видишь,— печально завершил свой рассказ старый колдун.

— Не понимаю...— протянул Конан.— А как ожерелье оказалось здесь, если оно было у тебя?

— Совсем старый стал,— удрученно махнул рукой Аджилал Вир.— О самом главном-то не сказал. Ожерелье исчезло, как будто его никогда и не было. Теперь я понимаю, что старая ведьма заколдовала его так, чтобы выведать, зачем оно мне. Но, на наше счастье, Метанейра тоже в чем-то ошиблась, и бусы очутились здесь. Теперь она ждет, кто придет за ними, чтобы вынюхать что-нибудь еще.

— Да...— покачал головой киммериец.— Столько всего порассказал, что у меня в голове даже загудело. А островитяне, как ты думаешь, знают о магических способностях бус?

— Они? — пренебрежительно поморщился колдун.— Дикари! Для них это ожерелье не больше чем амулет, предохраняющий от болезней или дающий плодовитость скоту. Я могу поверить, что они поклоняются ему, тем более что ожерелье появилось здесь, скорее всего, со вспышкой света или еще как-нибудь необычно. Только и всего!

— Не знаю...— усомнился Конан.— Во всяком случае, одна местная колдунья только что выменяла твое ожерелье у своего собрата с другого острова.

— Местная колдунья? — всполошился Аджилал Вир.— Это неспроста! Либо это сама Метанейра, либо та чародейка действует по ее наущению.

— Что же делать? — похолодел киммериец.— Мне придется остаться на этом проклятом острове до конца своих дней?

— Надо торопиться! — взглянув на небо, засуетился колдун.— Где, говоришь, исчез твой друг?

— Недалеко отсюда, чуть пониже,— ответил варвар.— Как сквозь землю провалился...

— Значит, там есть вход в ее убежище. Это Метанейра утащила его, больше некому,— убежденно сказал Аджилал Вир.— Ты обязательно должен добыть ожерелье, иначе не только сам останешься здесь навеки, но и мне отсюда не выбраться.

— Но как я это сделаю?

— Я тебе дам одну вещь.— Старик опять пошарил где-то у себя за спиной и вытащил золотой перстень.— Гляди!

Конан увидел на печатке выгравированный знак, как на трезубце.

— С его помощью ты можешь открывать проходы сквозь камень. Вот так.— Колдун покрутил перстнем.— Понял?

— Угу,— кивнул киммериец, пытаясь надеть перстень хотя бы на мизинец.

Вообще-то, недавно, когда он помогал вернуть трон Замбулы Джунгир-хану, с ним произошло нечто надолго отучившее варвара надевать чужие кольца. Он влип в серьезную историю с перстнем Золотого Павлина Сабатеи, который никакими силами не удавалось снять с пальца. Если бы не помощь чародея Аршада, гулять бы ему по Серым Равнинам. Однако сейчас Конан нутром чувствовал, что этому щуплому вендийцу можно дове-

рять. И не потому, что Аджилал Вир показался киммерийцу ласковым или добрым, а потому, что варвар поверил: без его помощи старику на самом деле не вырваться из заточения.

Он облегченно вздохнул, когда наконец удалось надеть кольцо.

— И что дальше?

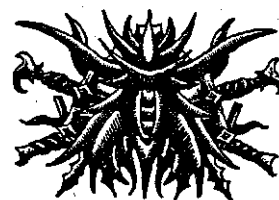
— Возвращайся в тот грот, где исчез твой друг, и постарайся проникнуть внутрь. Боюсь, эта мерзавка уже успела сцапать ожерелье.

— Думаешь, она так вот возьмет и отдаст его мне? У меня ведь даже оружия никакого нет,— с сомнением покачал головой киммериец.

— Я постараюсь помочь тебе, если смогу, конечно,— подбодрил его Аджилал Вир.— Сам понимаешь, возможности мои ограничены. И самое главное,— спохватился он,— когда вернешься в Туран, не забудь отдать перстень Шастри. Он поймет, кто его тебе дал, и, может быть, они простят меня.— Старичок с надеждой посмотрел на варвара.— А главное твое оружие,— добавил он,— голова. Головой работай. Ты же хоть и варвар, но не дикарь какой-нибудь!

Глава четвертая МЕТАНЕЙРА

Вастительность там, где обитал Аджилал Вир, была чахлой, и киммериец потратил немало времени, пока нашел подходящий обрубок дерева, из которого сделал дубину. Лук — это лук, но без крепкого оружия в руках он чувствовал себя не вполне уверенно. Конан быстро зашагал по тропе вниз, время от времени глядя по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху. Немного попетляв по каменным осыпям, он увидел впереди тучи птиц, которые с гомоном кружили, взлетали и садились на какое-то место, скрытое от его глаз скалой.

«Понятно,— догадался варвар.— Стервятники объедают чудовище, которому не удалось пообедать мной и Лионелем».

Он удвоил внимание и, заглядывая за каждый выступ и в каждую щель в скалах, медленно подошел к тому месту, где пропал аквилонец. Стая птиц с шумом взмыла вверх, когда Конан появился на площадке, заваленной валунами.

«Ого! — хмыкнул варвар, увидев, что от гигантского монстра остались только начисто обглоданные кости. — Славно поработали пернатые!»

Вот и узкий лаз в скале. Киммериец высек огонь, еще раз огляделся по сторонам и, выставив вперед факел, смело шагнул в грот.

Он постоял немного, прижавшись спиной к монолиту и пытаясь определить, где открывать проход. Наконец варвар решительно подошел к серой гладкой каменной стене и покрутил мизинцем с надетым на него кольцом таким образом, как учил его колдун. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем с легким свистом монолит вдруг стал смещаться вправо, открывая перед изумленным взором киммерийца длинную, уходящую вдаль галерею.

Неровный свет факела выхватывал из темноты черные гладкие стены и грубо обработанный потолок: у строителей тоннеля, видимо, не хватило времени на его отделку. Иногда свод нависал так низко, что Конану приходилось нагибаться, чтобы не задеть головой острые выступы. Затхлый и влажный воздух подземелья щекотал ноздри, и варвар, не удержавшись, громко чихнул. Эхо дробным топотом пронеслось по галерее и стихло где-то вдали. Изредка на полу попадались мелкие камни. Отскочив от ноги киммерийца, они с громким щелчком ударялись о стену, и снова в тоннеле воцарялась мертвая тишина.

Вскоре варвар ощутил, что пол тоннеля приобретает небольшой наклон, потом крутизна спуска возросла, и Конану пришлось держаться рукой за

стену, чтобы не соскользнуть вниз. Вдруг впереди мелькнул свет. Киммериец остановился и затушил факел. Как обычно, в ожидании неизведанного сердца забилося сильнее. Конан подождал, пока глаза привыкнут к полумраку, и медленно и осторожно двинулся вперед, стараясь ступать очень мягко и бесшумно. Острое зрение позволило ему разглядеть, что тоннель круто поворачивает вправо.

Варвар дошел до угла, заглянул за поворот и отпрянул: перед ним простирался обширный зал, освещенный скудным желтоватым, непонятно откуда проникавшим сюда светом. Свод пещеры терялся в высоте, и Конан, мельком взглянув вверх, увидел только серый полумрак, переходивший в сплошную тьму. Стены зала были неровными, с многочисленными выступами и впадинами, и в каждом таком затененном углублении мог скрываться проход дальше — или же таиться смертельная опасность. Киммериец прижался спиной к стене и начал медленно продвигаться боком, каждое мгновение бросая быстрые взгляды вокруг и чутко прислушиваясь к каждому звуку. Зал был пуст, и кроме шороха осыпающихся песчинок под его ногами, варвар не слышал ничего.

Конан прошел еще немного, разглядывая каждую впадину, но пока ничего похожего на выход из зала не обнаружил. Вдруг он скорее почувствовал, чем увидел, какое-то движение в нескольких десятках шагов от себя. Он посмотрел туда и не поверил своим глазам: из впадины в стене показался не кто иной, как его пропавший приятель из Аквилонии!

— Лионель! — воскликнул киммериец, и звук его голоса, гулко отдавшись в огромном зале, умчался куда-то вверх и затих.

Аквилонец, казалось, его не слышал. Он стоял со сложенными за спиной руками, широко расставив ноги и ждал, когда варвар приблизится. Конану поза Лионеля показалась странно неестественной, и он тоже замер, пристально всматриваясь в могучую фигуру своего товарища.

— Лионель! — громко позвал варвар.

Тот не шелохнулся. Киммериец, пригнувшись, словно для прыжка, осторожно шагнул вперед. Аквилонец плавно вытащил правую руку из-за спины, и Конан увидел, как в неярком свете подземелья что-то блеснуло. Меч! Откуда у него меч?

— Что с тобой? — Варвар уже не сомневался, что с Лионелем творится что-то неладное.

«Как будто его опоили каким-то зельем, — подумал он. — Но где он взял оружие?»

Однако времени на раздумья у него не оставалось. Аквилонец, раскрыв рот, словно собирался выкрикнуть боевой клич, взмахнул мечом и бросился на киммерийца. Только Конан не услышал ни крика, ни даже звука шагов. Громадная фигура летела на него совершенно беззвучно, словно призрак.

«Призрак», — мелькнула у киммерийца быстрая мысль, и он, ловко увернувшись от клинка, отпрыгнул в сторону.

Меч чиркнул по выступу скалы, раздался звон металла, на пол посыпались искры.

«А меч настоящий!» — непроизвольно отметил Конан, готовясь отразить следующий выпад.

Положение его было незавидным: могучий, стремительный в движениях Лионель почти не уступал ему ростом, а как аквилонец работает мечом, варвару приходилось видеть не раз. Сражаться деревянной дубиной против длинного обоюдоострого клинка было делом почти безнадежным: вряд ли дерево долго выдержит натиск металла. Оружие киммерийца в скором времени разлетится в щепки, попробуй он отражать им удары меча. Решение, как всегда, созрело мгновенно, и варвар, круто развернувшись, со всей быстротой, на какую был способен, помчался к дальнему концу зала, несколько раз оглянувшись на ходу. Лионель довольно долго разворачивался за ним, и киммерийцу показалось, что меч тяжеловат для руки невесомого призрака. Наконец тот повернулся и, оскалившись, бросился за Конаном. Мало кому удавалось победить варвара в беге, поэтому, оторвавшись на приличное расстояние от призрака, он успел вытащить стрелу из колчана и спустить тетиву лука, когда аквилонец был еще шагах в двадцати от него. Стрела, свистнув, пронзила шею призрака и, пройдя насквозь, чиркнула о стену тоннеля.

«Боги! — Сердце варвара ушаченно забилося. — Что же делать?»

Острые клинка сверкнуло в волосе от его груди, и варвар чудом избежал серьезной раны, но все же ощутил прикосновение металла к коже и, отскочив в сторону, увидел, как порез мгновенно набухает кровью. Его предположения оказались правильными: меч проталил аквилонца вперед и ударился о стену, выбив сноп искр.

«Меч неплохой», — отметил про себя варвар.

Призрак, развернувшись, бросился на него снова, но Конан уже сообразил, что может ему противопоставить. Отклонившись назад, он подставил дубину под правый кулак аквилонца. Движение меча вниз и удар дубины вверх были слишком сильны для того, чтобы рука призрака удержала меч — клинок, вращаясь, полетел вверх. Киммериец поймал его раньше, чем проскочивший вперед призрак успел повернуться. Теперь этот сгусток воздуха ему был не страшен. Призрак, увидев в руках варвара меч, на мгновение застыл на месте, потом его фигура раздвоилась, и обе половинки, крутясь, как осенние листья, гонимые вихрем, поднялись вверх и исчезли в сумраке свода.

Конан вытер выступивший на лбу пот и, отдышавшись после скоротечной, но бурной схватки, осмотрел оружие. Меч в самом деле был прекрасен: довольно длинный — не такой, конечно, какой он сам выбрал бы для себя, но вполне приличный, — с узким лезвием, расширявшимся к концу. Голубоватая сталь клинка напомнила варвару знаменитое иранистанское оружие. Он покрутил мечом, прикидывая, как будет работать им, и остался вполне доволен. Правда, он пока не совсем понимал, зачем ему меч в драке с бестелесными призраками, если они появятся еще, но, по крайней мере, этим клинком он может встретить удар меча, не опасаясь, что его оружие разлетится в щепки.

«Если она, — подумал киммериец, имея в виду колдунью, которую старик называл Метанейрой, —

напустила на меня призрак Лионеля, то, скорее всего, он уже мертв. Конечно, трудно разобраться в помыслах этих ведьм, так что все может быть...»

Конан прошел вдоль стены, разыскивая, откуда появился призрак аквилонца: там он надеялся найти проход. Осмотрев два-три выступа, варвар нашел гладкий монолит, который показался ему подозрительным. Конан покрутил перед ним перстнем Аджилала Вира, и камень плавно ушел в сторону.

«Надо идти, раз взялся, — подбодрил себя варвар. — Обратного пути не будет».

* * *

Эта галерея оказалась шире предыдущей и была освещена таким же неярким чуть желтоватым светом.

Конан прошел не более сотни шагов, когда впереди послышались звуки, напомнившие ему звон колокольчиков, которые пастухи привязывают к шеям животных. Варвар крепче сжал рукоять меча и замедлил шаги: здесь можно было ожидать любого подвоха. Однако все было спокойно, даже воздух в этом тоннеле, не в пример предыдущему, был свежим, и в нем ощущался чувственный аромат орилей.

Вскоре впереди блеснул яркий свет, и киммериец подошел к концу галереи. Дальше простиралась зеленая поляна с островками белых цветов, откуда-то сверху свешивались ветви деревьев с широкими зелеными листьями, всюду светило солнце, слышался звон струй водопада.

«Куда это Нергал меня занес?» Конан остановился, не решаясь выйти из пещеры.

Он прислушался к звукам леса, но не обнаружил ничего необычного. Что ж, не стоять же тут всю оставшуюся жизнь! Киммериец шагнул вперед. Пригнувшись и каждый миг ожидая нападения, словно крадущаяся пантера, он медленно продвигался по поляне. Тишину по-прежнему нарушали только шепот листвы и шум падавшей воды. Поляна была небольшой, со всех сторон ее окружали высокие черные скалы, и Конану вдруг показалось, будто он находится на дне огромного кувшина с гладкими стенками. Деревья росли по краям, а середина лужайки была ровной и плоской, с сочной невысокой травой и островками цветов. Водопад, разбивавшийся на множество хрустальных брызг, образовывал узкий ручеек, который, перебежав поляну, исчезал где-то в зарослях и там вновь падал с высоты, насколько было можно судить по доносившемуся оттуда шуму.

Конан вышел на самую середину поляны и огляделся. Никого. Может быть, в зарослях кто-нибудь затаился? Варвар обошел все вокруг, проверяя кустарник и оглядывая кроны деревьев, но первое впечатление его не обмануло: он в самом деле был здесь один.

«Бред какой-то! — Киммериец плюхнулся на траву около ручья и только тут обратил внимание, что не видит больше конца тоннеля, из которого совсем недавно вышел. — Вот и ответ... — Он напрягся, ощущая каждый мускул. — Теперь, раз-

рази меня гром, непременно появятся гости. Или, скорее, хозяева...»

Конан напился из ручья и, глядя на скалы, прикидывал, как подняться наверх, чтобы выбраться отсюда. Камень был гладким и казался отполированным, но тем не менее варвар цепким взглядом отмечал то трещину, то небольшой выступ и уже наметил для себя путь. Киммериец с раннего детства привык лазать по неприступным скалам, и занятие это было для него не таким уж трудным.

«Прекрасно, — успокоил он себя. — В конце концов, отсюда можно выбраться, но ведь искал-то я не это...»

— Что потерял здесь посланец богов? — словно отвечая на его мысли, послышался женский голос.

Варвар резко обернулся. В десяти шагах от него, уперев руки в бока, стояла Гуна-Райна. Конан вскочил на ноги и смерил ее взглядом. Женщина была совершенно обнажена, ее светло-коричневая гладкая кожа блестела на солнце, и колдунья казалась статуей, высеченной из камня талантливым ваятелем. Киммериец на мгновение потерял дар речи и замер, впившись в красавицу глазами. Ее нисколько не смутил его жадный взгляд, и она даже не шелохнулась и не сменила позу.

— Что ты сделала с Лионелем? — хрипло спросил варвар. Это было первое, что пришло ему в голову.

— Да ведь ты не это хотел у меня узнать! — засмеялась Гуна-Райна. — Тебе интересно, нельзя ли заняться со мной любовью! Или я ошиблась?

— Ты права.— Варвар сделал шаг вперед, настороженно следя за каждым движением женщины.— Это так,— повторил он.— Я не слепой и вижу, как ты великолепно.

— Тогда в чем же дело? — Она призывно закинула руки за голову.— Неужели такой храбрец может чего-то бояться? Смотри: я беззащитна! — Она привстала на цыпочки и медленно провела ладонями по телу от подмышек до колен и обратно. Приподняв руками тяжелые груди, она замерла, пристально глядя на Конана блестящими черными глазами, в которых горело желание.— Ты не можешь расстаться со своим мечом? — Гуна-Райна повела бедрами, и круги, вытатуированные на ее чуть выпуклом животе, зашевелились, словно клубок змей.

Киммериец, глядя на нее, почти потерял голову от вожделения, тем более что он уже несколько дней не был с женщиной. Однако он последним усилием воли сдерживался, зная, что имеет дело с колдуньей, от которой в любое мгновение можно ожидать какой-нибудь пакости.

— Клянусь Кромом, я разрублю тебя на куски, если ты не скажешь, что с моим товарищем! — Варвар выставил вперед меч, давая понять, что непременно выполнит угрозу.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Гуна-Райна.— Он нам сейчас совсем не нужен, твой Лионель.— Она капризно надула губы.— Этот мужчина оказался совсем не таким любовником, как я ожидала. Фи! — Женщина состроила брезгливую гримасу.— Я не получила удовольствия. Некоторые местные дикари и то лучше!

— Ты мне зубы не заговаривай! — процедил варвар.— Отвечай, а не то...

— Ты меня разрубишь на мелкие кусочки,— пропела колдунья и вновь грозно подбоченилась.— Я это уже слышала. Ты ведь не хочешь показаться болваном? — неожиданно изменив игривый тон, жестко спросила Гуна-Райна.

— Ты это в каком смысле? — оторопел сбитый с толку варвар.

— Да в самом простом,— усмехнулась Гуна-Райна и вновь приняла на редкость соблазнительную позу.

Конан облизал пересохшие губы.

— Не понял. Что ты все-таки хочешь сказать? — почти шепотом спросил он.

— Ты ведь пришел сюда не дубину-аквилонца нянчить, или, может быть, я что-то не так поняла? — спросила колдунья, и ее черные глаза вновь впились в киммерийца.

— Тебе все известно.— Конан с трудом сохранял ясность мысли, в нем боролись настороженность и страстное желание обладать этой ведьмой.— Зачем же ты спрашиваешь?

— Так вот,— усмехнулась Гуна-Райна,— если ты убьешь меня, то вряд ли получишь свое ожерелье. Ты ведь не знаешь, где оно спрятано?

— А вот ты мне это и расскажешь,— усмехнулась варвар, делая шаг вперед.

Он уже знал по своему опыту, что никакой колдун не может ничего сделать, если у него связаны руки и заткнут рот, и поэтому решил неожиданно напасть на колдунью и скрутить ее в ба-

раний рог, прежде чем она успеет сотворить какое-нибудь заклинание.

— Уж не думаешь ли ты, что я совсем глупа? — Гуна-Райна сделала два легких шага назад. — Нам лучше договориться по-хорошему.

«Пожалуй, с ней справиться будет нелегко, если вообще возможно, — пронеслось в голове Конана. — Надо соглашаться с ее предложением, тем более что я и сам хочу этого, а когда она выбьется из сил, попробую связать ее, чтобы не попасться на ее колдовские штучки».

Киммериец понимал, что колдунья не хочет его убивать. Она наверняка рассчитывает вывести у него, кто послал их сюда за ожерельем. По крайней мере, сейчас его жизнь вне опасности. Но это пока, а что будет потом, одним богам известно.

— Что ты имеешь в виду? — хмуро спросил он.

— Мне показалось, что ты хочешь вернуться домой...

— Еще бы, — вырвалось у варвара, прежде чем он успел как следует подумать.

— Если ты понравишься мне и, кроме того, кое-что расскажешь, я верну тебя в Агранур, — пообещала колдунья, вновь принявшись соблазнять Конана.

— Что ты хочешь узнать? — спросил киммериец, чтобы выиграть время.

— Ха-ха! — засмеялась Гуна-Райна, не обратив внимания на его слова. — Ты совсем не можешь скрыть, как хочешь меня! — Она весело хлопала в ладоши. — Давай лучше займемся любовью, а уж потом поговорим о делах.

* * *

— Я не ошиблась в тебе, киммериец. — Гуна-Райна ласково погладила плечо Конана. — У меня еще никогда не было такого мужчины. Теперь можно поговорить о том, что нас интересует.

Варвар в изнеможении растянулся на траве. Сколько у него было женщин, но столь изощренных в любовных утехх и ненасытных еще встречать не приходилось. Все мускулы ныли, словно он несколько суток провел на гладиаторской арене, без отдыха сражаясь с целой армией.

— Ты убедился, что мы прекрасно подходим друг другу, — продолжала колдунья, прижимаясь к нему всем телом, — так зачем нам расставаться? Расскажи мне, кто послал тебя сюда, и мы вместе покинем эти острова и вернемся в Вендию... — Конан слегка поморщился: ему почему-то не особенно понравилась эта мысль. — Ну хорошо, хорошо, — улыбнулась Гуна-Райна. — Мы можем жить в той стране, где ты захочешь. Представь себе: такой могучий и храбрый воин, как ты, и я, умелая и хитрая колдунья, да еще познавшая божественное откровение. Мы завоюем мир!

«Так я тебе и поверил, — усмехнулся про себя киммериец. — Переспать со мной ты, конечно, можешь, но это совсем не значит, что потом, когда все выведаешь, не отправишь меня прямиком на Серые Равнины...»

— Согласен. — Он приподнялся на локте, сбросив со своего тела ее руку. — Я тебе расскажу все, что знаю, но потом, когда мы очутимся... Ну, скажем, где-нибудь в Туране... Идет?

— Ты мне совсем не доверяешь,— надула губы Гуна-Райна.— Разве я не доказала, как люблю тебя?

— Доказала! — фыркнул варвар.— То, чем мы сейчас с тобой занимались — еще не повод для особого доверия. Кром! Сколько раз я видел, как сегодня женщина клялась в любви, а завтра готова была спровадить в цепях на невольничий рынок! Нет! На это я не куплюсь.

Он вскочил на ноги. Небо начинало темнеть, и в каменной чаше, где они находились, сумрак уже окутывал растущие по краям поляны деревья.

— Я тебя спрашивал, что ты сделала с моим товарищем,— продолжал Конан, поглаживая рукоять меча,— а ты даже этого не хочешь сказать. Как я могу доверять тебе?

— Всего-то... — усмехнулась колдунья.— Да вот и он, живехонек, как видишь.

Киммериец проследил глазами за пальцем Гуна-Райны. Действительно, к ним направлялся Лионель, который, ухмыляясь, смотрел на обнаженную колдунью и стоявшего над ней сердитого варвара.

— Привет, Конан! — протягивая руку, как будто они только что расстались, сказал аквилонец.— Вижу, тебе тоже повезло покувыркаться с этой шаюхой.— Он посмотрел на женщину, и в его взгляде полыхнул жадный огонь желания.

Киммериец пожал руку Лионеля, она была теплой и упругой, как у всякого нормального человека, но все-таки его насторожила какая-то странность в поведении аквилонца. Глаза! Точно! Его веки не моргали, а были широко распахнуты, и

неподвижный взгляд, устремленный на Конана, напомнил ему глаза змеи перед броском.

— Тебе привет от Джабира,— бросил варвар, твердо сжимая рукоять меча.

— Джабира? — переспросил аквилонец, и у Конана больше не осталось никаких сомнений.

Он молниеносно вскинул клинок, и, прежде чем аквилонец успел поднять руку для защиты, лезвие уже проходило снизу наискось через его тело от паха до подмышки. Крови на разрезе не выступило, как это было бы с любым смертным, и туловище не рухнуло на землю, а продолжало стоять перед варваром. С губ призрака даже не сошла ухмылка.

— Ха-ха-ха,— от души расхохотался киммериец, хотя любого другого эта сцена повергла бы в смертельный ужас.— Как я могу доверять тебе, если ты подсовываешь мне одного за другим каких-то призраков... — Он обернулся к колдунье, но слова застряли у варвара в глотке: Гуна-Райна исчезла, на примятых стеблях травы остался лишь след ее тела.

Варвар вновь обернулся к призраку, но и его уже не было на прежнем месте.

— Дела... — Конан опустил меч.— Эй! — выкрикнул он.— Ведьма! Дай мне пожрать, или я уйду отсюда, и тогда ищи ветра в поле!

Киммериец не испытывал страха перед колдуньей. Он был ей нужен, и чем быстрее Гуна-Райна выведает у него то, что ему известно, тем для нее лучше. Варвар прекрасно понимал это и решил навязать ей игру, в которой победить может

только один из них. Ему тоже была нужна Гуна-Райна, но день-другой для него ничего не значил, а вот она почему-то торопилась, и в этом было его преимущество. Однако важно не заиграться и вовремя почувствовать, когда у колдуньи кончится терпение. Тогда его жизнь не будет стоять в ее глазах и медной монеты, и он может погибнуть. А пока чего торопиться? Хорошо бы, правда, точно знать, сколько времени ему оставлено до той роковой черты. Он не справится с магическими чарами — это Конан понимал хорошо, но вот перехитрить ведьму попытаться можно.

«Головой работай!» — вспомнил он напутствие Аджилала Вира.

— Эй! — вновь заорал варвар, но ему вторило лишь гулкое эхо, многократно отражавшееся в каменном колодце.

Киммериец не без удовольствия послушал, как отвечают ему скалы, и вдруг почему-то развеселился, однако скоро ему стало не до смеха: он и в самом деле чувствовал волчий голод.

— Гуна-Райна! — крикнул Конан. — Если не покормишь, мы с тобой не сможем вновь отдаться друг другу!

— Хватит орать, вот твоя еда.

Киммериец медленно повернулся на раздавшийся сзади незнакомый голос. Две девушки, ничуть не похожие на островитянок, держали в руках несколько деревянных блюд, на которых возвышались горы снеди.

— Поставьте сюда, — кивнув на траву, буркнул варвар.

Девушки, грациозно склонившись, опустили блюда на землю и, не говоря больше ни слова, медленными плавными шагами направились к зарослям, уже почти полностью погруженным в сумерки. Раздвинув ветви, они исчезли, и Конан снова остался на поляне один.

«То-то, — удовлетворенно хмыкнул он. — Я не ошибся, эта ведьма игру приняла. Голодом, по крайней мере, морить не стали, а это уже добрый знак».

Киммериец зажег факел, воткнул его в землю и принялся за еду, стараясь жевать не спеша, чтобы продлить удовольствие. Торопиться ему в самом деле было некуда.

* * *

Очистив все три блюда, Конан подложил под голову руки и растянулся на траве. Кусочек неба, видневшийся высоко вверх, был темным, и только несколько слабеньких звездочек мерцали в неровном кругу, очерченном скалами.

«Сколько же у меня в запасе времени? — подумал варвар. — Как узнать?»

Задача была не из легких. Вряд ли Гуна-Райна предупредит его, стало быть, надеяться он мог только на себя.

«Это как-то связано со звездами! — вдруг вспыхнула мысль. — Старик посмотрел на небо и сказал, что надо торопиться. Понять бы, почему... Этот старый забывчивый стручок мог бы и поделиться своими знаниями. — Варвар поразмышлял еще немного. — Нет! Не для моего ума...»

Киммериец повернулся набок с твердым намерением заснуть, потому что довольно сильно устал за этот день. Деревья, стоявшие в нескольких десятках шагов от него, были почти не различимы, сливаясь в темноте с гладким камнем.

«А вот когда мы бежали с Лионелем с того острова, от луны падали тени,— подумал киммериец.— Луна! — Он резко сел.— Луна! Может быть, в ней все дело... Какая она была тогда? — лихорадочно вспоминал Конан.— Так... Угу, вспомнил... Точно, почти полный круг! Значит, скоро полнолуние. Не это ли имел в виду старый таракан? Может так статься, что эта ведьма способна перенестись отсюда только в полнолуние, и тогда у меня в запасе всего два дня? Или даже один? — Варвар не знал точно, и поэтому его охватило беспокойство.— Вдруг ни одного, и завтра же Гуна-Райна, ничего не добившись ни лаской, ни пытками,— а то, что она не преминет воспользоваться этим способом, у киммерийца сомнений не было,— просто-напросто убьет меня, как Лионеля?»

Конан почувствовал, как по спине пробежал противный холодок.

«Какого же демона я тут прохлаждаюсь? Надо бежать, пока цел! Вернуться к старику? — Мысли скакали, натакиваясь одна на другую и мешая сосредоточиться.— Сначала надо исчезнуть отсюда, а уж потом все как следует обдумать»,— решил наконец варвар.

Он оглядел стены впадины, разыскивая те приметные выступы и трещины, на которые обратил внимание еще днем, но в темноте и думать было

ничего даже с его кошачьим зрением подниматься по этим почти отвесным скалам. «Ручей! — вспомнил Конан.— Он куда-то стекает, и значит, там есть расселина или тоннель. Только бы он был достаточно широким, чтобы я смог в него пролезть».

Найти место, где ручей вытекал из впадины, было нетрудно: киммериец пошел вдоль потока и скоро уже заглядывал в небольшое углубление в монолите. Он слышал журчание воды, а дальше ухо улавливало шум струй, бившихся о камень. Водопад! Судя по звуку, он был совсем рядом. Варвар с трудом протиснулся в расселину и, пригнувшись, пошел по воде. Через несколько шагов свод опустился, и ему пришлось встать на четвереньки.

«Лишь бы был проход»,— твердил про себя Конан, следуя в крошечной тьме за потоком воды.

Шум водопада раздавался уже почти рядом, и вдруг уклон стал настолько крутым, что киммериец не устоял на ногах и стал скользить вниз все быстрее и быстрее. Он пытался удержаться за стены тоннеля, пару раз ему казалось, что он уцепился за какой-то выступ, но поверхность камня была настолько гладкой, что пальцы соскальзывали и варвар продолжал лететь вниз. Впереди блеснул свет, и через несколько мгновений киммериец вылетел вместе с потоком на волю. Он падал прямо на плоское каменное ложе, о которое разбивались, разлетаясь на тысячи мельчайших брызг, струи воды, и неминуемо погиб бы, не успей он уцепиться за ветки высокого дерева, которое, к счастью для Конана, выросло у самого водопада.

Некоторое время он висел на одной руке, а по голове его бил поток воды такой силы, что варвару казалось, продлись это еще немного, и он сойдет с ума. Конан напрягся и попробовал ногами обхватить ветку. Со второй попытки ему это удалось, и киммериец мысленно поблагодарил богов за удачу. Дальше все было просто, и скоро варвар уже сидел недалеко от водопада, глядя на небо. Было полнолуние.

«Хорошо, что я об этом подумал,— с облегчением засмеялся киммериец.— Луна будет полной еще одну ночь, а потом начнет убывать, так что в запасе у меня всего одни сутки. Но самое главное — я жив, да еще и убежал от этой мерзавки!»

Это было, конечно, хорошо, но одна мысль омрачала радость Конана: если он не разыщет это треклятое ожерелье, неясно, вернется ли когда-нибудь в Аграпур. А кроме того, сумеет ли окончательно избавиться от колдуньи...

«Сейчас она должна быть в своей хижине в деревне! — Варвар едва не подпрыгнул от радости.— Пока все спят, я тихо-тихо подкрадусь... Сонную придушу немного или по голове стукну чем-нибудь тяжелым. Другого выхода нет. А там и ожерелье отыщу, если оно в хижине. Как только заполучу его — Аджилал Вир ведь сказал так,— сразу перенесусь обратно в Туран. Так, где здесь деревня?»

Конан никогда раньше не был на этой стороне острова, если не считать того дня, когда море сжалилось над ним и Лионелем, выбросив их на берег. Он побежал вперед, останавливаясь в каж-

дой лагуне, чтобы разыскать следы пребывания человека. Киммерийцу пришлось проделать немалый путь, прежде чем он увидел привязанные к ветвям деревьев лодки дикарей.

«Где-то здесь,— сказал он себе.— Теперь ищи тропу в деревню».

Это оказалось гораздо проще, и в скором времени варвар уже продвигался вверх по тропе, прислушиваясь к шорохам леса и втягивая раздувавшимися ноздрями воздух. Скоро он почуял смесь запахов кострищ, благовоний, сухих листьев — деревня была совсем рядом. К его несчастью, ночь заканчивалась, и край неба уже светлел.

«Они долго спят,— подбадривал себя Конан,— должен успеть».

Деревня походила на те, которые он видел прежде: такие же круглые плетеные хижины, покрытые пальмовыми листьями, так же стояли по краям большой лесной поляны. Киммериец стал медленно обходить селение, используя как прикрытие густой кустарник. Он различил жилища вождей, которые были больше и выше остальных, но не сразу заметил хижину колдуньи.

«Где же ее дом? — Варвар в который раз обшаривал взглядом ряд плетеных жилищ, похожих на корзины.— Не это и не это... Может быть, вон то?»

Он искал хижину колдуньи в стороне от остальных, не зная, что у дикарей было так принято только для чародеев-мужчин, а Гуна-Райна жила вместе с девушками.

«Чем отличается место, где живет колдун? — попытался припомнить Конан. Он наморщил лоб,

вызывая в памяти хижину Нгунты.— Ха! Там должен быть воткнут шест с лентами, сплетенными из цветных волокон. Точно!»

Киммериец еще раз обошел деревню, высматривая нужный дом. Теперь было совсем светло, и ему приходилось чуть ли не ползти, опасаясь, что какая-нибудь ранняя пташка выскочит прямо перед его носом и разбудит воплями всю деревню. Наконец он увидел шест с цветными лентами прямо посередине круга, образованного десятком хижин.

«Хвост Нергала!» — выругался про себя варвар, но, поскольку выхода у него все равно не было, короткими перебежками, прячась за стволы пальм, подобрался к хижине Гуна-Райны.

Дома стояли так плотно, что киммериец с трудом протиснулся между ними, чтобы приблизиться к тому, что высился в середине. Он припал к плетеной стене и, убедившись, что вокруг все тихо, подполз ко входу. Отодвинув циновку, закрывавшую проем, Конан юркнул внутрь и застыл у стены, ожидая, пока его глаза привыкнут к полумраку. Свет проникал сквозь плетенье, но его было совсем мало, и варвар не сразу увидел женщину, спавшую в подвесном гамаке.

«Мне она, собственно, совсем и не нужна,— подумал варвар.— Поищу ожерелье».

Он начал осторожно обшаривать все мешочки, чаши, корзинки, которыми был плотно уставлен пол. Иногда он бросал взгляд на спящую и, убедившись, что она не проснулась, продолжал поиски.

«Где она может держать самую ценную вещь? — Конан уже перетряхнул содержимое всей утвари, которая была у колдуньи.— Может быть, оно у нее на шее»,— вдруг осенило его, и киммериец повернулся к гамаку.

Он осторожно приблизился к спящей и взглянул на нее. Она, совершенно нагая, лежала на спине, вытянув руки вдоль тела, и ее пышная грудь мерно поднималась и опускалась в такт дыханию. На шее у Гуна-Райны ничего не было. Варвар несколько мгновений полюбовался прекрасным телом и отвернулся, чтобы еще раз окинуть взглядом хижину. Когда он вновь повернулся к колдунье, то успел заметить лишь резкий взмах ее руки и тут же почувствовал, как в лицо ему летит облачко пыли. Конан схватился руками за глаза, потому что их начало немилосердно жечь, и в тот же миг услышал, что женщина бросилась к выходу. Ее пронзительный визг разнесся на всю деревню, и вслед за ним загудели встревоженные голоса:

— Что случилось? Где? Гуна-Райна!

— Восставший из мертвых! — надрылся чей-то истошный голос.

— Джокинамба! Джокинамба! Он напал на нашу колдунью!

По топоту босых ног Конан понял, что сюда бегут десятки дикарей, и он с безнадежной готской осознал, что не может сопротивляться, так как ничего не видит. Киммериец продолжал чувствовать сильную боль, но хлынувшие слезы принесли некоторое облегчение, и он наконец смог открыть глаза.

* * *

Барвар метнулся к стене и, чуть раздвинув прутья, заглянул в образовавшуюся щель: толпа молоденьких девушек громко переговаривалась, встревоженно жестикулируя. Киммериец подошел ко входу и, отодвинув циновку, выглянул наружу. Увидев Конана, девушки отчаянно завизжали и бросились врассыпную.

— Дух мертвых! Джокинамба! Дух мертвых! — кричали они, убегая.

«Они приняли меня за духа умерших, — сообразил Конан. — Что это значит? И смогу ли я вырваться отсюда?..»

Он выскочил наружу и побежал за девушками, которые одна за другой исчезали в проходах между плетеными жилищами. Киммериец ринулся было туда же, но мгновенно отшатнулся: если бы не его природное чутье и ловкость, копье, пущенное сильной рукой, проткнуло бы его насквозь. Барвар спрятался за хижинкой и осторожно выглянул.

— Проклятый Джокинамба! Вот он! — раздались громкие вопли, и несколько копий воткнулись в плетеную стену, едва не задев киммерийца.

«Печень Нергала! — ругнулся Конан. — Вот влип так влип!»

Он побежал по кругу, образованному хижинами, но только высунул голову, как град копий полетел в него и оттуда. Барвар понял, что окружен возбужденной толпой дикарей и против стольких вооруженных воинов ему не устоять, но крепче сжал меч и приготовился к бою.

«Ну подходите, раз уж вы такие смелые», — скрипнул он зубами, однако почему-то никто не осмеливался войти в круг.

Барвар еще пару раз попытался высунуться наружу, крича при этом, что он вовсе не дух, а посланец богов, но его никто не слушал.

«Им запрещено входить в жилище молодых девушек! — сообразил наконец киммериец. — Вот почему никто не пытается захватить меня здесь. По крайней мере, хоть передышка мне обеспечена».

Конан твердо знал, что, если на что-либо наложено табу, островитянин скорее даст изрубить себя на куски, чем нарушит запрет. Барвар погладил лезвие меча и уселся на землю около входа в хижину колдуньи.

«Долго они так будут стеречь меня? — размышлял он, слушая крики за стеной хижин. — С них станется... Хоть целую луну, пока я не сдохну здесь от голода. Им ведь все равно нечего делать... Как же это я промахнулся? Гуна-Райна перехитрила меня. Наверное, она просто притворялась спящей, а я попался на ее удочку. Копыта Нергала! — выругался варвар. — Может, когда стемнеет, смогу прорваться? Ночью не очень-то побросаешь копья... Ночью... — вдруг вспомнил он. — Но ведьма обязательно должна прийти ко мне до наступления ночи. Ей ведь надо выведать, кто послал нас на остров. Ладно, подожду».

Киммериец вошел в хижину колдуньи и сел на циновку, прислонившись спиной к стене. Главное сейчас — сохранять спокойствие и не торопить события.

«Все равно придешь,— погрозил он кулаком в сторону, где, по его мнению, должна была находиться Гуна-Райна,— никуда не денешься. Я для тебя ничуть не меньше важен, чем это ожерелье, ведь оно совершенно бесполезно, если не знаешь, как его использовать».

Шорох заставил варвара вскочить на ноги и выглянуть наружу. Шлеп!

Внутри круга упало что-то похожее на вязанку хвороста. Шлеп, шлеп! Словно лягушки, через крыши перелетали сухие ветки.

«Это еще зачем? — забеспокоился Конан.— Демон поймет этих дика... Боги! Да ведь они сейчас их подожгут! — По спине поползла струйка холодного пота.— Изжарят, как свинью!»

Киммериец не ошибся: один, второй третий... Из-за хижин полетели факелы, и сухой хворост мгновенно охватило пламя. Снаружи, словно рев морского прибоя, донесся дружный вопль восторга. Варвар расшвырял один костер, подбежал к жилищу колдуньи, сорвал циновку и принялся сбивать пламя со второго, но тут же, обернувшись, понял всю тщетность своих усилий: несколько связок уже вовсю полыхали. Дым поднялся вверх и начал заволакивать все вокруг, а факелы и вязанки сухих веток продолжали лететь через крыши, добавляя пищи прожорливому огню.

«Уж лучше погибнуть в открытом бою, чем сгореть, как щепка...» Конан, закрывая глаза от едкого дыма, бросился к проходу между хижинами — туда, где огонь еще не разгорелся достаточно сильно.

Он рубанул клинком по занявшейся пламенем стене одной из хижин и влетел внутрь. Там огня еще не было, но дым не давал глубоко вздохнуть. Киммериец, не чуя под собой ног, бросился к противоположной стене, почти вслепую ударил мечом по веткам, образующим каркас, прорубил проход и, зажмурясь, прыгнул вперед, ожидая, что копыя дикарей вот-вот вонзятся ему в грудь. Однако варвар ощутил перед собой что-то упругое и, казалось, вязкое, как паутина, и тут же услышал радостный вопль:

— Попаля! Мы поймали Джокинамбу!

Конан почувствовал, как его опутывает сеть, попытался разрубить ее мечом, но, открыв глаза, увидел, что с десятков островитян с перекошенными лицами тянут за концы веревок, которые связывают его все туже и туже. С торжествующими криками они поволокли киммерийца сквозь беснующуюся толпу, размахивавшую копьями.

— Проклятый дух попался в сеть! Джокинамба! Джокинамба! — неслись со всех сторон ликующие возгласы, в то время как киммериец, спеленутый, словно кокон, непрерывно стучался то лицом, то затылком о корни деревьев.

Перед глазами мелькали трава, стволы деревьев, иногда клочок неба или руки и лица дикарей. Наконец эта круговерть закончилась, и варвар остался лежать лицом вверх. Он попробовал повернуть голову, чтобы сообразить, куда попал, и увидел, что лежит перед сидевшими под навесом вождями, среди которых выделялся своим нарядом Лусунга. Чуть в стороне от них стояла Гуна-Райна в плетеной юбке, а рядом с ней — уже знако-

мый Конану мальчишка с бубном. Скосив глаза в сторону, киммериец увидел языки пламени, поднимавшиеся к небу. С другой стороны от вождей, куда варвару не удавалось взглянуть, слышались несмолкаемые ликующие вопли толпы.

— Я посланец богов! — хрипло выкрикнул Конан, но на лицах вождей не дрогнул ни один мускул, словно они его и не слышали. — Гуна-Райна! — выгнувшись всем телом, чтобы лучше разглядеть колдунью, завопил варвар. — Скажи, чтобы меня развязали! Я же послан богами!

Колдунья тоже не шелохнулась, и Конану стало понятно, что ничего не выйдет: он сейчас был духом мертвых, проклятым Джокинамбой, и дикари наверняка уже готовятся к какому-то обряду, скорее всего, они принесут духа в жертву.

«Неужели эта мерзавка мне ничем не поможет? — Киммериец проверил на прочность свои путы, но связан он был достаточно крепко. — Что это она вытворяет, ведь я нужен ей живым, клянусь Кромом!»

По знаку Лусунги несколько воинов направились к варвару и, распутав сеть, поставили его на ноги. Безоружный Конан легко сумел бы справиться с тремя-четырьмя дикарями, но сейчас за каждую руку его держали по три воина. Они подвели киммерийца к столбу, вкопанному рядом с навесом, и привязали к нему. Невдалеке, прямо перед собой, варвар увидел догоравшие хижины и отметил про себя, что сделал все правильно, иначе его косточки дотлевали бы сейчас вместе с остатками плетеных жилищ.

«Неизвестно, что будет дальше, — хмуро размышлял он, наблюдая, как жители деревни несут блюда с пищей и кувшины. — Пока я все-таки жив, и это главное».

Загудели барабаны, завывли тростниковые дудки, и островитяне жадно накинулись на еду и напитки, празднуя поимку духа мертвых, проклятого Джокинамбы. Они остервенело набивали утробы и даже не обращали внимания на привязанного к столбу пленника, как будто его уже не было среди них. Колдунья тоже с удовольствием жевала, нисколько не интересуясь Конаном.

«Что у нее, провал в памяти, что ли? — возмущался про себя киммериец. — Или решила, что, поскольку от меня толку мало, пусть эти дикари расправятся со мной?»

— Эй! Гуна-Райна! — позвал он.

Колдунья, услышав свое имя, подняла голову и поискала глазами того, кто позвал ее.

— Это я! — сказал варвар чуть громче, но так, чтобы его слова не долетели до слуха пирующих неподалеку вождей.

Гуна-Райна посмотрела на него отсутствующим взглядом и, ничего не ответив, вновь принялась за еду. А затем сделала знак одному из юношей, обслуживавших уважаемых людей племени, тот подошел к варвару и заткнул ему рот какой-то тряпкой. Киммериец замер с выпученными от изумления глазами.

«Ну гадина! Освобожусь, точно убью, будь ты хоть трижды колдунья! — проклинал он ведьму. — На кусочки разрежу, клянусь Кромом!»

Праздник тем временем был в разгаре: барабаны стучали, трубы выли, островитяне набивали животы, как-то умудряясь при этом разговаривать и издавать радостные вопли. По знаку Лусунги на поляне появились молодые девушки, все убранство которых состояло из гирлянд цветов на бедрах и воткнутых в распущенные волосы орилей. Под ритм барабанов и хлопки в ладоши наблюдавших за ними зрителей они начали танец. Он состоял из множества живых и даже озорных движений всем телом. Руки, ноги, плечи, пальцы и даже глаза — все танцевало. Они так упоенно раскачивались, приседали и вытягивались вверх, так запрокидывали головы, кружились и выгибались, что киммериец, не в силах наблюдать за мельканием нагих юных тел, просто закрыл глаза.

«Вот, получай напоследок, перед прогулкой на Серые Равнины,— мрачно подумал он, слушая стук барабанов и веселый гомон островитян.— Раньше надо было думать!»

Внезапно барабаны смолкли, и Конан очнулся от невеселых размышлений. К нему направлялись воины, а жители деревни наконец-то прекратили есть, и варвар понял, что все собираются куда-то идти. Его отвязали от столба, но вновь скрутили руки за спиной и, подталкивая в спину копьями, повели вслед за колдуньей и мальчишкой, который, приплясывая, бил в бубен.

«Куда? — спросил себя киммериец и тут же вспомнил: — Конечно же, на жертвенную поляну...»

Он дернулся всем телом, но воины держали его крепко.

«Вот и все,— уныло думал варвар, плетясь вслед за колдуньей.— Может быть, как-то сумею ускользнуть, когда придем на место?»

За свою жизнь ему не раз приходилось попадать в опасные переделки, но никогда он не чувствовал себя таким беспомощным.

«Куда они дели мой меч? — Конан посмотрел назад, но не увидел, чтобы кто-то из дикарей нес его оружие.— Конечно, им он ни к чему. Будет у колдуньи валяться в хижине как амулет. Даже не сообразят, что им можно хотя бы мясо резать...»

Вся деревня потянулась за варваром, и, когда его подвели к жертвенному камню, он еще долго стоял, ожидая вместе с колдуньей и вождями, пока все до единого жители не расположатся на поляне. Взгляд киммерийца метался по сторонам, выискивая путь к свободе, но островитяне окружили поляну и жертвенник плотным кольцом. Все же варвар не хотел умирать, как баран на бойне. Когда ему развязали руки, он рванулся, пытаясь сбросить с себя стражей, и на какое-то мгновение ему удалось даже высвободить правую руку, но тут же еще десять дикарей кинулись на него, и Конана накрыло множество тел. Он рычал, кусался, рвал дикарей цепкими пальцами, но силы были слишком неравны.

Несмотря на яростное сопротивление, киммерийца положили на жертвенник и привязали к камню. Варвар, однако, сохранил остатки хладнокровия и, когда дикари затягивали веревки, изо всех сил напряг мускулы. Барабаны и проклятый бубен, сверлившие киммерийцу уши, умолкли, и

на поляне воцарилась мертвая тишина. Гуна-Райна взяла в руки острую раковину и подошла к распростертому на камне телу.

«Мы надрезаем тело и оставляем провинившегося на алтаре», — вспомнил киммериец слова Нгунты и невольно вздрогнул, поймав взгляд колдуньи, которая победно взирала на него.

Рот ему снова заткнули, и Конан мог только мычать, пытаясь выразить презрение к этой женщине. Гуна-Райна тем временем склонилась над ним, и варвар почувствовал, как острый край раковины пропорол кожу, потом еще раз и еще...

«Да она действительно режет меня! Вот гадина!» Он дернулся всем телом, но колдунья продолжала аккуратно делать надрез за надрезом.

Кожу жгло и саднило, а проклятая ведьма спокойно продолжала свою кровавую работу при полном безмолвии толпы, благоговейно наблюдавшей за церемонией. Когда Гуна-Райна сделала последний надрез, тело киммерийца походило на раскрашенные тела воинов племени, только вот краска была слишком дорогой: он был весь испещрен алыми полосами своей собственной крови. Колдунья подняла раковину высоко вверх, единый вопль сотряс поляну, и островитяне, приплясывая, закуружились возле истекавшего кровью киммерийца. Гуна-Райна бросила свой инструмент на землю и, подняв руки, начала обходить деревянных истуканов, стоявших у жертвенника, плавно изгибаясь всем телом.

Конан прикрыл глаза, чтобы не видеть бесновавшихся дикарей. Боль от надрезов была терпи-

мой, не сильнее, если бы его исхлестали бичом. Только бы не потерять слишком много крови...

«Раны, похоже, неглубокие, — подумал варвар. — До утра уж точно дотяну. А может, Гуна-Райна вернется ночью. Просто при всем племени она не может заговорить со мной. Но почему эта тварь хотя бы знаком не дала понять, что спасет меня? Правда, — поправил он себя, — от того, что она придет, мне вряд ли есть какая-то польза: она явится узнать то, что ей нужно, а не спасать меня от смерти».

Жители деревни, приплясывая, сделали несколько кругов вокруг алтаря и удалились с поляны, оставив окровавленного киммерийца наедине с темнеющим небом.

«Вот и все, — подумал Конан, глядя на заволакивавшие небо тучи. — Опять дождь. Ну что ж, хотя бы помоюсь перед смертью».

Он не пытался вырваться из пут, опасаясь, что еще не все дикари покинули поляну. Между тем все вокруг заволокла крошечная тьма, варвар даже не мог разглядеть стоявших совсем рядом истуканов.

«Что это со мной? — испугался он. — Слепну?»

Киммериец не успел ответить на свой вопрос: сверкнула молния и раздался жуткий удар грома. Он потряс даже жертвенник, и Конан ощутил его дрожь всем телом. Через несколько мгновений начался ливень. Он хлестал с такой силой, что варвар чуть не задохнулся от потоков воды, которые били его по лицу. Струи были холодными, он непроизвольно ослабил мускулы, которые держал

в напряжении все время, пока дикари веселились и плясали вокруг, и тут же почувствовал, что веревки ослабли.

«Светлоликий! — радовался он, отворачиваясь от дождя и попеременно напрягая и расслабляя мускулы. — Спасибо тебе! Неужели все-таки выкарабкаюсь?»

Конан уже понял, что смерть минует его и на этот раз. От дождя веревки набухли, и теперь их можно было растянуть. Бедные дикари обычно приносили в жертву соплеменников или поверженных врагов, а никто из них не был наделен такой силой, как киммериец, и потому никому не пришло в голову еще раз проверить пути или выставить охрану возле жертвенника.

«Выберусь! Выберусь! — бешено стучало сердце, и Конан с удвоенной силой напрягал мышцы. — Вот вам, шакалы!»

Он выдернул левую руку и, притянув к себе веревку, перевивавшую грудь, вонзил в нее зубы, словно тигр, рвущий добычу. Веревка лопнула, и киммериец смог приподняться на камне. Опустив на землю руку, он попытался найти раковину, которую Гуна-Райна бросила где-то около алтаря, и вскоре нашарил ее, не забыв при этом поблагодарить богов за то, что они снова оказались милостивы к нему. Двумя быстрыми движениями он освободил ноги и не смог удержаться от торжествующего вопля, тут же перекрытого очередным ударом грома.

— Вот тебе, проклятая ведьма! Конана так просто не возьмешь! — Киммериец плясал на жертвен-

нике не хуже дикаря, и если бы кто увидел его сейчас во вспышках молний, кричавшего и беспорядочно размахивавшего руками, он наверняка решил бы, что этот гигант с прилипшими к щекам мокрыми прядями черных волос просто-напросто спятил.

* * *

Отдышавшись после бешеной пляски, Конан выскочил из-под дерева, под которым спрятался, чтобы немного передохнуть от хлеставших не хуже бича струй дождя, и помчался вдоль берега, увязая в мокром песке.

«Быстрее, быстрее, — подгонял он себя. — Колдунья сейчас явится на поляну и, не увидев меня, бросится искать. И ведь найдет, гадина!»

Барвар решил как можно быстрее покинуть это зловещее место и забраться повыше в горы, пока не начало светать. Дождь почти закончился и только время от времени ненадолго возвращался, но уже легкий и слабый, как будто силы небес истощились.

«Наверх, наверх... — Киммериец высматривал место, где было бы сподручнее подняться на скалы. — К старику. Он обещал помочь, если что-нибудь стряется. И вообще, на какого демона мне сдались эти треклятые бусы? Хватит! Поживу пока здесь, а там посмотрим».

Конан не был трусом и в жизни повидал много, сталкиваясь порой со смертельными опасностями, но сейчас ему хотелось только одного — немного покоя. Томительное ожидание смерти на алтаре

дикарей больше, чем он думал поначалу, потрепало его нервы. Варвар с надеждой оглядывал освещенное луной побережье, выискивая наиболее быстрый путь вверх. Одно место показалось ему вполне подходящим. Маленькая узкая долина уходила в горы, и скалы, обрамлявшие ее, были невысокими. Киммериец помчался вдоль ручья и скоро уже карабкался по мокрым от прошедшего дождя каменным стенам, каждый миг рискуя свалиться вниз и сломать шею.

Киммерийцу все время чудилось, что он слышит за спиной дыхание настигавшей его ведьмы. Несколько раз это чувство становилось настолько сильным, что Конан прятался где-нибудь за поворотом и напряженно вглядывался в причудливо освещенные луной выступы скал, однако каждый раз убеждался, что все в порядке, и вновь спешил дальше.

Наступила полночь, и луна светила в полную силу, позволяя видеть далеко вперед. Внезапно варвар заметил несколько теней, которые двигались наперерез ему, но не придавал этому особого значения, решив, что это тень от изредка пробегающих по небу туч. Когда же он понял, что жестоко ошибся, было уже слишком поздно. Ему бы спрятаться в расщелину или спуститься опять вниз, но киммериец продолжал упорно шагать вперед. Когда Конан обогнул скалу, он просто остолбенел от неожиданности: в десяти шагах перед ним стояли три фигуры, одну из которых он не спутал бы ни с кем, будь сейчас даже вдвое темнее. Это была Гуна-Райна. Двух других женщин, сопровождавших ее, он видел вроде бы впервые.

Варвар остановился в нерешительности, не зная, куда бежать и стоит ли это делать вообще. У него не было никакого оружия, даже простой дубины, чтобы защищаться. Впрочем, он хорошо знал, что против магии даже лучший меч окажется не более полезным, чем шелковый веер.

— Куда ты так спешишь, Конан? — ласково спросила колдунья, делая несколько шагов навстречу киммерийцу.

— Гадина! — Варвар в ярости сжал кулаки. — Ты мне много чего напела, а что получилось на деле?

— О чем ты говоришь? — спросила Гуна-Райна и почти вплотную подошла к киммерийцу.

— То есть как — о чем?! — задохнулся от возмущения Конан. — Ты посмотри на меня как следует. Видишь? Я изрезан, словно окорок, приготовленный для шпигования. И все по твоей милости! — Он развел руки, показывая бесчисленные шрамы на теле. — Ты что, забыла, как только что...

Варвар взглянул на колдунью, и слова застряли у него в глотке: на шее женщины, переливаясь в лунном свете, вспыхивали зеленые камни, отзываясь на кольхание груди при каждом вздохе.

— Ты, наверное, путаешь меня с кем-то, — посвоему истолковала его замешательство Гуна-Райна. — Думаешь, перед тобой эта татуированная дикарка? Ошибаешься! Смотри...

Черты ее лица дрогнули, словно тронутое рукой отражение в воде, и перед взором потерявшего дар речи киммерийца сквозь облик темнокожей

колдуньи начало проступать другое лицо. Фигура тоже изменялась, как будто тело женщины виднелось через поднимавшийся от костра горячий дым, оно струилось и подергивалось туманом, растворялось и вновь возникало. Конан в замешательстве шагнул назад, но в это мгновение Гуна-Райна — нет, это уже была не она, а кто-то совсем другой! — вспыхнула тусклым фиолетовым светом, и перед киммерийцем возникла высокая женщина с белой кожей и светлыми длинными, почти до пояса, волосами. Женщина была полностью обнажена, и варвар мельком отметил про себя, что в прежнем облике она вызывала в нем гораздо большее желание.

— Дайте плащ! — обернулась она к двум женщинам, до сих пор неподвижно стоявшим позади нее.

— Метанейра! — невольно воскликнул киммериец.

— Ты, оказывается, знаешь меня? — спросила женщина, и в ее голосе Конан уловил скрытую угрозу. — Ну, об этом потом, — махнула она рукой, — сначала расскажи, почему ты убежал? Мы тебя разыскиваем с самого утра.

— Не притворяйся! — Варвар решил потянуть время, хотя уже почти все понял. — Думаешь, я поверю, что такая могущественная чародейка, как ты, не могла разузнать, что я был в деревне островитян?

— Мне это и в голову не пришло, — пожалала плечами Метанейра. — Зачем тебя туда понесло? И потом мне казалось, что мы с тобой обо всем договорились...

«Что делать? — Киммериец чувствовал, что если совершит хоть малейшую ошибку, то его уже вряд ли что-нибудь спасет. — Вся надежда на Аджилала Вира. Я поднялся до его границы или еще нет? Спит, наверное, стручок сморщенный, а еще говорил, что поможет!»

— Я что-то не пойму, — Конан попытался изобразить непроходимого болвана, — кто был со мной прошлым вечером, ты или Гуна-Райна?

— А ведь тебе понравилось! — с оттенком самодовольства произнесла Метанейра. — Должна сказать, что и ты оказался совсем неплох.

— Ты не ответила на мой вопрос, — медленно процедил варвар. «Ключула! Пусть поговорит побольше, — подумал он, — надо отвлечь ее». И вслух продолжил: — Я же тебя спрашиваю про то, с кем я был. Вот, например, — он протянул руку и, раздвинув полы ее плаща, коснулся груди женщины. — В моих ладонях были не эти груди, клянусь Кромом!

— Ты хочешь сказать, что моя грудь тебе не нравится? — отпрянув от него, вспыхнула женщина. Даже при неверном свете луны киммерийцу были видны злые огоньки в ее глазах.

«Ага! — усмехнулся про себя Конан. — Задело за живое, еще как задело!»

— Я этого не утверждал, — со смешком ответил он. — Да и что я могу сказать, если толком не то что не был с тобой, но даже и тела твоего не рассмотрел хорошенько. Гуна-Райна показалась мне чудесной любовницей, и я, признаюсь, очень удивился, когда она сделала вид, что не узнает меня.

Вот я и спросил, — продолжая разыгрывать дурака, сказал варвар, — с кем же я был?

— Неужели ты еще не понял, — презрительно фыркнула колдунья, — что я могу принимать любой облик?

— Что ты говоришь? — Киммериец сделал удивленное лицо. — Уж не хочешь ли ты уверить меня, что призрак моего друга Лионеля — тоже ты? Значит, ты хотела меня убить?

— Нет! — резко бросила Метанейра. — Я сделала небольшую ошибку, и он перестал мне повиноваться.

— А-а, — протяжно зевнул варвар, — теперь понятно. Но давай вернемся к моему вопросу. Как же мне окончательно разобраться... — Он недоуменно пожал плечами. — Вот я обнимал женщину, гладил ее тело, но не знаю, чье: твое или Гуна-Райны?

— Это была я, — усмехнулась Метанейра.

— Но тело же ее!

«Где же ты, старый пень? — забыв о почтительности, призывал тем временем Конан старого чародея. — Уже скоро ночь закончится, не могу же я трепать так языком до рассвета!»

— Ну какой же ты непонятливый! — рассердилась колдунья. — Я же говорю тебе, что приняла облик этой чернокожей ведьмы. И не в первый раз. — Она раздраженно повела плечами. — Неужели не ясно, что и у Ванататры забрала ожерелье тоже я?

— Да разве под силу варвару в этом разобраться... — развел руками киммериец. — Ну взяла и взяла, только меня интересует совсем не это.

— Ты спал со мной, и прекрати эту дурацкие расспросы! — отрезала женщина, с гневом глядя на киммерийца.

— А почему бы тебе не дать мне проверить, какова ты в своем истинном обличье? — осторожно начал Конан. — Или ты думала, что твое тело хуже, чем у этой дикарки? Нет! — закричал варвар, увидев, как грозно сдвинулись брови Метанейры. — Я так вовсе не считаю! По мне так ты гораздо красивее Гуна-Райны. Правда, я видел твое тело всего один миг... Вот я и спросил, почему ты приняла ее облик. — Он с простодушным видом уставился на колдунью.

— Не твое дело! — почти выкрикнула Метанейра, окончательно выведенная из себя. — Теперь давай о главном...

— Я согласен, — сказал варвар с тоской в голосе.

«Надо что-то сделать, больше тянуть невозможно!» — пронеслась в его голове отчаянная мысль.

— Я согласен, но только все равно не пойму, кто меня любит: ты или Гуна-Райна?

— Болван! — завизжала Метанейра и, подняв сжатые кулачки, заколотила ими по плечам варвара.

Конан, посмеиваясь в душе, уклонился от ее яростного натиска и, улучив момент, просунул руки под плащ и прижал колдунью к себе. Она обмякла на мгновение в его объятиях, но тут же вырвалась с неожиданной для женщины силой.

— Не время! — сверкнув глазами, прошипела колдунья. — Так ты будешь говорить или нет? Советую тебе рассказать все, что знаешь, и тогда избежишь боли.

«Сколько я могу протянуть под пыткой? — прикидывал варвар. — Да и стоит ли, если этот Аджилал Вир вообще не явится? Все рассказать или все-таки поторговаться?»

— А ты обещаешь оставить меня в живых?

— Обещаю!

— Поклянись! — потребовал Конан.

— Какая клятва тебе нужна? — прошипела Метанейра.

* * *

— Никогда не верь клятвам чародеев!

Конан и колдунья подпрыгнули от неожиданности, услышав откуда-то сверху негромкий скрипучий голос. Свесив ноги со скалы, на них поглядывал ехидно улыбавшийся Аджилал Вир.

— Старый болван! — завизжала колдунья, пытаясь сотворить какой-то магический знак. — Я тебя в порошок сотру!

Однако ничего не произошло, и донельзя довольный этим обстоятельством старичок прямо-таки зашелся от смеха.

— Несчастная! — едва выговаривал он, давясь взрывами хохота. — Ты что, не понимаешь? Граница! Я защищен заклятиями Шастри и Зендры Шена, а ты своими неумелыми ручонками пытаешься их разрушить?

— Я тебя достану! — Метанейра взмахнула руками на своих служанок, и девушки превратились в две статуи, светящиеся слабым розовым светом.

Конан попятился, подальше от колдуньи, которая продолжала выписывать в воздухе замыслова-

тые фигуры. Вместо розовых статуй внезапно возникли две огромные птицы с длинными, как у лебедя, шеями и кожистыми лапами с огромными когтями. Расправив широкие крылья, твари с шумом снялись с места и взлетели. Они сделали круг над беспечно сидевшим на скале Аджилалом Виром и одновременно бросились на него, словно коршуны.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся колдун. — Да ты совсем неумеха! Ну разве так надо?

Он сложил ладони вместе и резко раскрыл их. Из ладоней вылетела огненная стрела и, раздвоившись в полете, ударила по тварям. Раздалось яростное шипение, в воздухе запахло паленым. Птицы, пронзительно закричав, вновь расправили крылья и разлетелись в разные стороны. По их оперению бежали огоньки.

— Я сейчас опалю твоих курят! — пообещал сверху Аджилал Вир. — А потом позавтракаю ими. Погляди, криворукая шлюха, возомнившая себя колдуньей, скоро рассвет. Ты проиграла!

Метанейра с ненавистью взглянула на старичка.

— Ожерелье у меня! — с торжеством выкрикнула она и перевела взгляд на киммерийца: — Тебе осталось жить чуть-чуть, если не скажешь мне все!

— Не бойся, Конан! — подбодрил напряженно приготовившегося к прыжку варвара старый колдун. — Я могу защитить тебя. Смотри!

Маг сделал несколько быстрых движений, и визг колдуньи эхом отразился от скал. В первое мгновение киммерийцу показалось, что в воздухе возникла зеленая лента. Изгибаясь, словно змейка, она поднялась вверх, и Конан сообразил, что

это нефритовое ожерелье, совсем недавно украшавшее шею Метанейры.

— Мерзкий шакал! — кричала женщина, хватаясь за шею и пытаясь подпрыгнуть, чтобы схватить бусы.

— А ты обратись в птицу, — ехидно посоветовал ей Аджилал Вир, — может быть, поймаешь. Конан! Покажи ей, как надо прыгать!

Варвар сжался в комок и буквально взлетел, используя все силы и мощь крепких ног. Он ощутил в руках холод скользких камней, в глазах у него потемнело и, проваливаясь куда-то, киммериец услышал надрывный вопль Метанейры:

— Не-е-ет!..

* * *

— А что я тебе говорил? — В глазах Конана прояснилось: на фоне обшарпанных стен комнаты возникла фигура смуглого вендийца. Он довольно улыбался. — Давай сюда ожерелье.

Киммериец, чувствуя страшную слабость, покорно протянул руку с зажатым в ней украшением.

— Ого! А перстень-то знакомый, — захихикал смуглый. — И его тоже давай.

Он легко стащил кольцо с мизинца варвара и, сунув его куда-то под рубаху, протянул Конану мешочек:

— Вот твои деньги! Трать с умом, не пей много, не играй...

Голова Конана бессильно склонилась набок, и, не дослушав последние слова смуглого, он повалился на постель...

* * *

— Конан! Киммериец! — Варвара разбудили громкие голоса в коридоре и стук в дверь.

Он потряс головой, чтобы прийти в себя, и, поднявшись с постели, буркнул:

— Иду! Кого там демоны носят в такую рань?

Откинув щеколду, варвар увидел двоих своих приятелей по туранскому отряду.

— Ну ты даешь! — Кривоногий Джабир вошел в комнату, потрясая кувшином. — На вот, очнись!

Конан поднес горлышко к губам и жадно глотал вино, пока сосуд не опустел.

— Никак не могли тебя разбудить, спал как убитый! — со смешком сообщил ему второй солдат. — Этот вендиец вернулся и сказал, что ты пьян. Мы не поверили, но он отвел нас к тебе.

— Ну и что дальше?

— Он договорился с Лионелем, и они ушли. А мы вернулись в таверну.

— Что-то я плохо помню, как все было. — Варвар, слегка очухавшись, оглядел комнату. — А это что? — Он развязал мешочек, и внутри него тускло блеснули золотые монеты. — Смотри-ка, не обманул! А где Лионель?

— Утром нашли его на пустыре за «Маленькой плутовкой». Разрубленного пополам — от плеча до бедра, — сообщил Джабир. — А этого смуглого и след простыл. А чего это ты весь поцарапанный? Где тебя так угораздило?

Конан оглядел себя и увидел, что все тело от шеи до колен покрыто маленькими шрамами, будто кто-то специально надрезал ему кожу.

Они вышли с постоялого двора и не спеша зашагали по просыпавшемуся городу. Грохот колес и стук копыт возвещали, что начинается новый день. Круторогие быки, погоняемые возницами, волокли тяжелые повозки со всяческой снедью, которая вскоре попадет на прилавки городских базаров. Слышался скрип и стук ставней открывавшихся лавок сапожников и оружейников, золотых и серебряных дел мастеров, медников и портных, их хозяева выходили из дверей, потягиваясь и зевая. Они глядели на небо, приложив руки ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца, и радовались ясной погоде, надеясь на хороший барыш.

Какой-то смуглый старичок с длинными седыми космами семеня им навстречу, и Конан, всмотревшись в его лицо, замедлил шаг и подумал, что вроде видел этого вендийца когда-то раньше, но не мог вспомнить ни где, ни когда. Старик усмехнулся и, посторонившись, освободил дорогу киммерийцу и его друзьям.

«А,— махнул рукой варвар,— мало ли здесь вендийцев и иранистанцев... Кого только не притягивает к себе этот город. Всех не упомнишь!»

Киммериец догнал приятелей, и они зашагали по улице, рассуждая о превратностях судьбы и о том, что каждому назначен свой жребий и только богам известно, как ты встретишь новый день.

СОДЕРЖАНИЕ

Алекс Макдуф

КОРОНА МИРА

Глава первая	7
Глава вторая	27
Глава третья	69
Глава четвертая	93
Глава пятая	101
Глава шестая	123
Глава седьмая	149
Глава восьмая	161
Глава девятая	195
Глава десятая	205
Глава одиннадцатая	213
Глава двенадцатая	247
Глава тринадцатая	261
Глава четырнадцатая	285
Глава пятнадцатая	301
Эпилог	313

Крис Уэйнрайт

ВЕНДИЙСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Глава первая. Самый меткий бросок	317
Глава вторая. Лусунга	363
Глава третья. Гуна-Райна	405
Глава четвертая. Метанейра	445

Литературно-художественное издание

КОНАН И КОРОНА МИРА

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Кирилл Рожков,*
Владислав Асадуллин
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Анны Новиковой*
Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.05.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 11 000 экз. Заказ 3112.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

«САГА О КОНАНЕ»

по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

«Северо-Запад»®

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

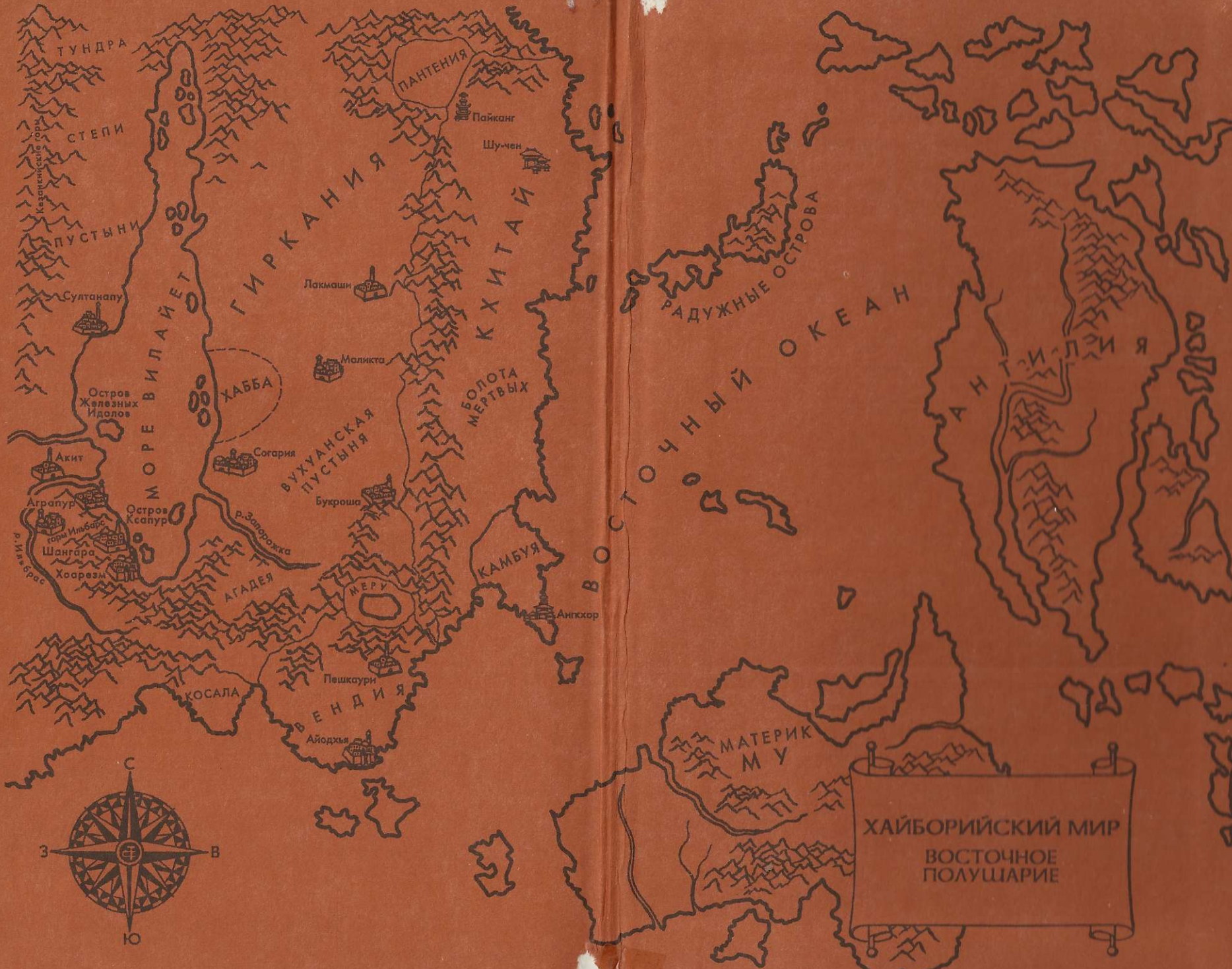
1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого
24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб

•Северо-Знаг®

27. Конан и пленники бездны
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговли грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь
50. Конан и мятеж четырех
51. Конан и клеймо Змея
52. Конан и Хозяин Океана
53. Конан и корона мира
54. Конан и Посланник Света

•Северо-Знаг®

ХАЙБОРИЙСКИЙ МИР
ВОСТОЧНОЕ ПОЛУШАРИЕ

ISBN 5-87365-067-5

9 785873 650675